

# СМЕНА

2002

апрель



- Елена Логунова **Спятить подано!**
- Лоренс Блок **Как далеко все может зайти**

# ИДЕАЛЬНАЯ ФОРМУЛА

Моторное масло ЛУКОЙЛ

ТОМАС СЕРТИФИКАЦИЯ

Предельные температуры.  
Экстремальные режимы.  
Исключительная выносливость.

ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ  
ФАСОВАННЫХ МАСЕЛ «ЛУКОЙЛ»  
ОБРАЩАТЬСЯ ПО МНОГОКАНАЛЬНОМУ  
ТЕЛЕФОНУ: (095) 973-7063

 **ЛУКОЙЛ**  
[www.lukoil-masla.ru](http://www.lukoil-masla.ru)

Литературно-  
Художественный  
Иллюстрированный  
Журнал

Основан  
в январе  
1924 года.

**Главный редактор**

*Михаил Кизилов*

**Редколлегия:**

**зам. главного редактора**

*Борис Данюшевский*

*Николай Левинев*

**зам. главного редактора**

*Сергей Попов*

**главный художник**

*Виталий Федоров*

**редактор отдела  
литературы и искусства**

*Тамара Чинна*

**4** **2002**  
*апрель (1650)*

Сдано в набор 22.02.2002.  
Подписано к печати 18.03.2002.  
Печать офсетная.  
Заказ № 771  
Тираж 50 000 экз.  
Цена свободная

**Адрес редакции:**

Бумажный проезд, 14,  
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

**212-15-07** — для справок.

**257-31-37** — отдел реализации.

**Факс (095) 250-59-28.**

**E-mail: smena@garnet.ru**

**www.smena-id.ru**

Проект разработан и поддерживается  
студией веб-дизайна "Крон"  
www.cron.ru (http://studio.cron.ru)  
Журнал зарегистрирован  
в Комитете Российской  
Федерации по печати.  
Per.№ 014832

**Учредитель —**

**ООО "Издательский дом  
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки  
не возвращаются.  
Набор, верстка и цветоделение  
ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии  
ООО ОИД "Медиа-Пресса"  
по адресу: ул. Правды, 24,  
Москва, А-40, ГСП-3, 129993.

**Журнал выходит  
12 раз в год.**

© "Смена", 2002.

38 *Алексей Михеев*  
**ЭТО ЖЕНСКОЕ  
 ЕСТЕСТВО...**  
 Рассказ

90 *Лоренс Блок*  
**КАК ДАЛЕКО ВСЕ  
 МОЖЕТ ЗАЙТИ**  
 Зарубежный рассказ

126 *Елена Логунова*  
**СПЯТИТЬ ПОДАНО!**  
 Иронический детектив

4 *Ольга Пестрова*  
**ПРИЯТНОГО  
 АППЕТИТА!**

22 *Валерий Шаров*  
**"ВСЕ БУДЕТ  
 НЕ ТАК!"**

56 *Анатолий  
 Цибульский*  
**ПЛАНИДА  
 КАЛОШИНА**

63 *Светлана  
 Бесстужева-Лада*  
**ЗНАКОМСТВО  
 В ИНТЕРНЕТЕ**

258 *Николай Зув*  
**"МАТ" —  
 ЕЕ ЛЮБИМОЕ СЛОВО**

апрель 2002

В НОМЕРЕ: **4**



стр. 258

стр. 100



32 Людмила Савельева:  
"НИКОГДА НЕ  
ИГРАЛА ЗЛОДЕЕК..."

74 Любовь Русева  
ШУТЫ  
И ИХ ХОЗЯЕВА

100 Ирина Опимах  
ВЕРМЕР

118 Александр Минаев  
ОТ БРОДЯГИ  
ДО МЭТРА

247 Иван Зюзюкин  
ПРОЦЕСС 1633 ГОДА

266 Алла Люден  
МИГ МЕЖДУ  
ПРОШЛЫМ  
И БУДУЩИМ

87 Светлана Зайцева

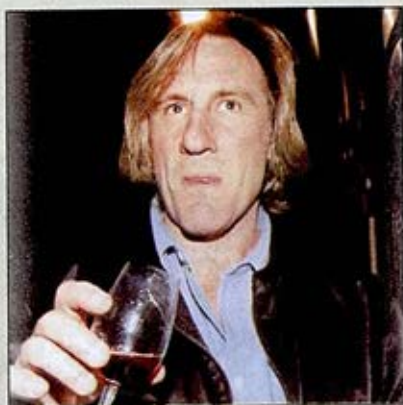
Рут Ренделл  
ЗАКЛАННИЕ  
ВОЛКОВ

Английская писательница Рут Ренделл — мастер детективного жанра и по известности сравнима с Агатой Кристи. Ловко закрученный сюжет, запоминающиеся герои привлекают не одно поколение любителей жанра. Так и в публикуемом романе: завязка — у молодого художника исчезла любимая сестра — тянет за собой нить такого преступления, о котором читатель и не догадывается. А распутать его удастся полицейскому инспектору Майклу Брэдену.

Николай  
Александров  
ТАЙНЫЕ  
ОБИТАТЕЛИ  
ЗЕМЛИ

Несси и снежный человек — реальные ли они обитатели нашего мира или это мифы, тонко и точно запущенные в нашу жизнь либо учеными, склонными к безответственной выдумке, либо коммерсантами, ловко привлекающими из неразрешимой загадки немалые прибыли... — об этом вы узнаете из очерка нашего научного обозревателя.

стр. 118



Май '2002

АНОНС:



В конце 2001 года общественность без особого шума отметила своего рода юбилей: 50 лет

со дня выхода в свет знаменитой "Книги о внусной и здоровой п и щ е" ,

# Приятного аппетита!

**Ольга ПЕСТРОВА**

своеобразного символа перехода от почти тридцатилетнего(!) полуголодного существования страны к сытной жизни. Напомню, что





фото Владимира Чейшвили

продовольственные карточки отменили в 1947 году и на прилавках магазинов тогда как-то вдруг появилось совершенно немыслимое изобилие продуктов, о которых большинство населения и думать-то позабыло, если вообще помнило.

«Варвара... стала выбивать чеки в коммерческом гастрономическом магазине, к которому жители города относились более как к музею, нежели как к торговой точке, и приходили сюда не столько

за покупками, сколько на экскурссии, разглядывая цены и почтительно крякая.

— Икра... двести... триста грамм, — говорила Варвара, на которую из-за ее размаха смотрели тоже как на экспонат. — Выбили? Колбасы копченой тамбовской кило. Ветчины...

Ничего картинка не напоминает? Правильно, вот и у меня четкие ассоциации с нынешними "суперами" и ценами в них, тем более, что соответствие этих самых цен и



доходов среднестатистических граждан абсолютно несопоставимы. Но ведь икра, ветчина, даже апельсины и мандарины тогда были сугубо праздничными продуктами, никому в голову не могло прийти их покупать "просто так". И вот для обычных дней и обычных граждан и составили (говорят, что под редакцией самого И.В. Сталина) вышеупомянутую "Книгу", в которой действительно было огромное количество простых рецептов блюд из обычных дешевых продуктов, качество которых к тому же гарантировалось государством. Так что отравиться купленной в магазине колбасой или рыбной было тогда довольно проблематично, во всяком случае, такое событие немедленно попадало в разряд "ЧП".

Что же ели еще совсем недавно в той самой России, которую мы потеряли? Картошку, естественно. Макароны, хлеб, всевозможные наши. Молочные продукты активно потребляли, только сливочное масло было не всегда, кто его маргарином заменял, кто постным маслицем — все дешевле выходило. Ну, а мясо в виде антрекотов, ростбифа или куском? Да вы что! Максимум — бефстроганов, это считалось почти роскошью, а чаще — всевозможные котлеты, знаменитые когда-то "макароны по-флотски" (смесь макарон с отварным мясным фаршем) или еще проще — вареная колбаса. Та самая, за которой лет двадцать тому назад приезжали в большие города "колбасные электрички", та самая, о которой многие до сих пор тоскуют (точнее, о ее цене), та самая, с которой практически ассоциируется советская власть.

Почему вареная колбаса стала излюбленным национальным русским блюдом, теперь остается только гадать. Ладно еще праздничные салаты оливье и винегреты, праздничные же холодцы, их, естественно, каждый день никто не ел. Пусть даже селедка — она всегда была излюбленной закуской не слишком богатых людей. Но колбаса?! Уму непостижимо. Между прочим, даже сейчас, когда эта же колбаска ничуть не дешевле мяса, предпочитают покупать ее, так что, судя по всему, этот феномен еще ждет своего исследователя.

Что осталось упомянуть? Рыбу, конечно, раз уж вспомнили о селедке. Как ни странно, особой популярностью обитатели озер, рек и морей тогда не пользовались. Судак по-польски — праздничное блюдо, про осетров и белугу можно не говорить, это вообще была роскошь запредельная, треску, конечно, ели, но в город из глубинки за ней не мотались. Правда, возник еще один парадокс: рыба тоже потихоньку начала исчезать и с прилавков и из рациона, потому что потреблять внутрь себя нечто с загадочным названием "ледяная", "угольная" или, прости, Господи, "пристипома", было неинтересно. Разве что минтай сохранил какие-то позиции, да и то во многом благодаря стойкой любви к нему кошен.

Так что гастрономических изысков особых не было, ели, что давали, точнее, что удавалось достать. Тем не менее, покупая сейчас ветчину или сыр со "староречимым" названием ("окорок тамбовский" или "сыр советский"), как правило, остаемся разочарованными: не тот вкус. Да вкусно-



практически не изменился, технология изготовления отечественных продуктов везде прежняя. Это мы изменились. Вспомните: многие люди, пережившие голодные годы, считали и считают самым изысканным лакомством оладьи из картофельной шелухи или ломоть черного хлеба, посыпанный сахарным песком. Любим-то не самую еду, а те ощущения, которые испытываем.

Импортные продукты появились на нашем столе сравнительно недавно. Венгерские куры, финский сервелат, финский же плавленый сыр "Виола", индийский чай "со слонем". Все это обычно входило в праздничный "продовольственный заказ", получение которого было частью ритуала. Напризничать и выбирать не приходилось, да это и в голову бы никому не пришло. С 80-х годов повелось брать все еще и "про запас": килограммами, упаковками, чуть ли не каждая городская квартира была одновременно и "мелкооптовым складом". Так что нынешнее изобилие раздражает, в основном, ценами. Но...

Но большинство колбасных изделий, тем более — деликатесов никогда дешевыми не были. Импортные фрукты дешевыми не могут быть по определению. Странно, правда, что обычная рыба по цене сравнялась с мясом, а яблоки бывают дороже бананов, но это уже другой вопрос.


Так что же мы едим сейчас? Что выбираем из предлагаемого нам изобилия? На что ориентируемся, отправляясь в супермаркет или на ближайшую "оптовку"? И что думают специалисты о нашем рационе? Вот обо всем этом и читайте ниже.

Про пользу здорового образа жизни мы слышим много хороших и разных слов. Вообще, само это словосочетание сразу вызывает смутные видения стройной подтянутой фигуры, ежедневных занятий в спортзале и исключительно полезного питания. Например, "половинка очищенного авокадо на завтрак" или "легкий фруктовый мусс с кусочком зеленого яблока". Впрочем, что вам объяснять, вы и сами не раз читали подобные вдохновенные описания в различных изданиях.

Но мусс и авокадо как-то не стали завсегдатаями на наших столах. В данном случае, по-видимому, придется перефразировать известную поговорку и сказать: "Что немцу (французу, англичанину) здорово, то русскому смерть". До летального исхода, правда, никто не доходит, наверное, потому, что просто ЭТО не едят.

Зато с удовольствием едят всевозможные блюда не просто быстрого, а очень быстрого приготовления, хотя вкусовые качества этих "лакомств", прямо скажем, специфичны. С другой стороны, разноцветные пакетики и коробочки, содержимое которых просто нужно залить кипятком, очень упрощают и украшают жизнь тем, у кого нет времени поесть что-то более... м-м-м... полезное. Только увлекаться не стоит, если слушать специалистов в области питания. Но к их мнению мы еще вернемся более подробно.

В самом деле, где, как и чем питаются горожане? Опрос ВЦИОМа проходил в самых разных возрастных и социальных категориях, а при точном подсчете ответивших




получилась довольно солидная выборка: около 800 человек в возрасте от 15 до 55 лет. Вот основные результаты этого опроса.

**1. Какой прием пищи у вас обычно бывает самым плотным?**

завтрак **23%** обед **6%** ужин **62%**  
в перерывах между работой — **9%**

Ладно, не будем придираться и напоминать, кому на самом деле нужно отдавать ужин, ситуации, а главное, образ жизни бывают разными. Есть много людей, которые просто физически не способны с утра ввести в организм что-то, кроме чашки кофе или чая, а плотно пообедать тоже редко кому удается. К тому же примерно четверть российского населения все-таки плотно завтракает. С другой стороны, европейская континентальная модель



питания именно по такому расписанию и выстроена: легкий завтрак с утра, собственно завтрак в так называемый "обеденный перерыв", обед — вечером после работы, а ужин — это уже для богатых бездельников, которые спать ложатся после полуночи. Так что ничего страшного, в принципе, не происходит, плотно есть с утра нужно людям, занимающимся физическим трудом.

**2.** Если взять вашу обычную неделю, то в большинстве случаев где и как вы едите?

готовлю дома из полуфабрикатов — **80%**

быстро, макдональдсы, другие точки "быстрого питания" — **14%**

готовлю дома блюда по рецептам — **4%**

ресторан, кафе или столовая — **2%**

На этот вопрос многие затруднились дать однозначный ответ. Чаще всего преобладал альянс "полуфабрикатов" и "точек быстрого питания". Хотя, после некоторых размышлений, многие девушки и женщины отдавали предпочтение "полуфабрикатам", считая, что "быстрое питание" затрагивает, в основном, выходные дни. В остальное же время — да здравствуют пельмени и душистые супы из панетина! Не можем со всей искренностью заявить, что это, дескать, очень нехорошо. Потому что и сами так частенько едим. Ну, и еще потому, что приоритеты современной женщины, как показывает практика, — это уже отнюдь не "кухня, дети, церковь", а, скорее, "работа, карьера, семья". И для кухни в таком раскладе — все меньше и меньше места...

3. Что у вас сегодня на ужин?  
не знаю еще, найду что-нибудь  
в холодильнике — **43%**  
не знаю, куплю что-нибудь  
"быстрое" — **30%**  
сосиски или пельмени — **27%**

Справедливости ради заметим, что почти половина опрошенных соглашалась с тезисом о том, что на ужин надо бы съесть "что-нибудь легкое". Но, с другой стороны, никто не счел "быстросуп" или "ментальную нашу" "тяжелым блюдом". То есть то, что мгновенно готовится, полноценной едой как бы не считается. Хотя, между прочим, калорий там вполне достаточно, там с другим напряженна. Но картофель и макарены — это "тяжело", а "раз — и готово" — как бы наоборот. В этом, кстати, основная наша ошибка, потому что растолстеть можно именно на "раз-два-три". Да и суррогат — он суррогат и есть, какими бы завлекательными эпитетами его ни награждали рекламодатели-производители. Опять же "быстро хорошо не бывает", это знают все так же, как и то, что скорая помощь не может заменить полноценное медицинское обслуживание.

Кстати, по аналогии со скорой помощью: у продуктов моментального приготовления есть один несомненный плюс. Ими практически невозможно отравиться, настолько они стерильны. Такая вот положительная информация к размышлению, а решать, конечно, каждый должен сам для себя. Не забывая, кстати, и о том, к каким блюдам его организм предрасположен, так сказать, генетически. Итальянца, к примеру, нельзя надолго разлучать со спагетти, немца — со свиной ножкой,

индуса — с рисом. А вот русские почему-то национальной кухней пренебрегают, точнее, охотнее других пробуют всякие заморские яства. При этом сплошь и рядом даже не догадываясь, от чего отказываются.

## *Зри в корень!*

*"Не порицая ни немецкой, ни французской кухни, думаю, что для нас во всех отношениях здоровее и полезнее наше, русское, родное, то, к чему мы привыкли, с чем свыклись, что извлечено опытом столетий, передано от отцов к детям и оправдывается климатом, образом жизни..."*

(**"Ручная книга русской опытной хозяйки", 1843 г.**)

Действительно, русская кухня широко известна во всем мире, но порядком позабыта собственно в России. Если что и запомнилось, то пословица "Щи да наша — пища наша", но в повседневной жизни подтверждение ей найти, мягко говоря, затруднительно. Лишь в самое последнее время делаются какие-то попытки возродить былую уникальность, но все это происходит в дорогих или очень дорогих ресторанах и ограничивается блюдами, которые никогда обычным людям не были доступны.

А между тем ассортимент блюд русской кухни столь разнообразен, а ее популярность в Европе настолько велика, что еще в начале прошлого века о ней говорили с таким же уважением, как о знаменитой французской кухне. Русская национальная кухня самобытна, оригинальна и своеобразна. Ни в одной стране мира нет такого широкого ассортимента овощных, мясных, рыбных и других холодных

закусон, первых, вторых, сладких блюд, кулинарных изделий.

С незапамятных времен на Руси выращивали рожь, пшеницу, ячмень, овес, просо, овладевали техникой приготовления муки, раньше многих народов Европы и Азии открыли секрет изготовления дрожжевого теста. Именно поэтому для русской кулинарии свойственно обилие выпечных изделий: всевозможных пирогов и пирожков, кулебяк, пышек, калачей и булок, караваев, расстегаев, блинов, оладий. Последние два блюда, кстати, вообще вне конкуренции: пышнее и вкуснее русской масленицы еще никто ничего не придумал.

А пироги! Это ведь тоже, практически, "наше все". Наких только пирогов не знает русская кухня: ржаные и пшеничные, постные и сдобные, расстегаи с разными начинками — грибами, нашей, творогом, горохом, рыбой, мясом, ягодами, вареньем... Многие из этих изделий готовились только на основе кислого теста. Более скромное место занимают изделия из пресного теста. Из него, в основном, готовят пельмени, вареники, блинчики, лапшу, блинчатые пироги и т.д. и т.п.

Для традиционной русской кухни характерны блюда из различных круп: наши, запеканки, крупеники, овсяные кисели, блюда из гороха, чечевицы, сочетания круп с другими продуктами — творогом, молоком, яйцами, овощами, рыбой, грибами. Да и кисель из раздела "десерты" как-то незаметно перешел в раздел "детское и диетическое питание", что несправедливо и неправильно.

Второе место в русской кухне занимают овощи — свидетельст-

вом этому является обилие в русской кухне холодных овощных закусок, первых, вторых блюд, в которых есть овощи.

Опять же ни в одной другой национальной кухне не представлено такое разнообразие супов. Тут с нами можно сравнить только французов, да и то с большой натяжкой: ну, луковый суп, ну, буай-бес, вот, пожалуй, и все. Остальное — либо бульон, либо суп-пюре, то есть с точки зрения русского едока и не суп вовсе, а сплошное недоразумение. С глубокой древности и до наших дней сохранился богатый ассортимент первых блюд и, в частности, заправочных супов (щей, борщей, рассольников), солянок. Одних только щей в русской кухне насчитывается более 60 видов. Столь любимые нами сейчас борщи — это уже заимствование, "культурный вклад" Малороссии. А пельмени — привет из Сибири, трофеи Ермака. Шашлык, без которого сейчас обходится редкий пикник, тоже результат "имперских амбиций".

Вообще нужно отметить, что мясо в традиционной русской кухне было праздничным блюдом и лакомством, потому в ежедневное меню большинства людей не входило. Впрочем, подобное вегетарианство было скорее вынужденным: скромное стоило куда дороже грибов, овощей и даже рыбы, но существование в православной церкви многочисленных постов (больше половины календарных дней) частично спасало положение. К сожалению или к счастью, сейчас мало кто соблюдает посты, поэтому огромное количество рецептов невероятно вкусных (и полезных) блюд оказалось безвозвратно утраченными, а сами

посты сделались чрезвычайно сложными. В нашем климате довольно трудно сохранять необходимую энергию, питаясь только овощами.

### Информация к размышлению:

*Вегетарианская диета, которая традиционно считается богатой витаминами, на самом деле не может удовлетворить потребности человека в этих важнейших компонентах рационального питания. По заключению ученых, многим вегетарианцам не хватает витамина А и железа.*

*Людым, полностью исключившим из диеты мясные и молочные продукты, следует есть больше овощей и фруктов темного цвета, богатых каротиноидами, из которых синтезируется витамин А. У жителей развитых стран авитаминоз А не появляется потому, что его много в молочных продуктах, рыбе и печени.*

*Дефицит витамина А приводит к развитию врожденных аномалий у детей и нарушению зрения. Специалисты считают, что мужчины должны получать не менее 900 микрограмм витамина А в сутки, а женщины — не менее 700 микрограмм. Вегетарианцам рекомендуют также увеличить потребление железа, так как железо из растительной пищи усваивается значительно хуже.*

## *Дырки в сыре*

Специалисты посчитали, сколько денег из семейного бюджета уходит на питание в разных странах. Результаты оказались, мягко говоря, ошеломительными: англичане тратят на свой стол около 20 процентов, американцы — чуть больше 20 процентов, гурмань-французы — 25 процентов. А россияне... россияне тратят **ровно** половину.

Такую цену приходится платить за то, что из еды в прямом и переносном смысле слова сделали культ. Проще всего, конечно, считать, что все это из-за несопоставимости заработной платы и цен на основные продукты питания. Но грустный парадокс заключается в том, что состояние фигуры напрямую зависит от состояния кошелька. Чем толще женщина, тем хуже ее кошелек и меньше счет в банке, считают американские исследователи из университета штата Мичиган. Они провели опрос среди 7000 женщин "разных весовых категорий" в возрасте от 50 до 60 лет.

У мужчин все с точностью до наоборот. Американцы с знным количеством избыточного веса имеют в среднем на счете на полмиллиона долларов больше, чем их "худосочные собратья". Но все это, разумеется, в России пока не имеет прямого отношения: поесть у нас любят все, а за стройной фигурой гоняются только эстрадные звезды. Хотя и последние в подавляющем своем большинстве истязают себя только в рекламных целях: если бы нормальным людям платили хотя бы половину за потребление тех или иных чудодейственных продуктов, у нас вся страна уже была бы коллективным победителем на конкурсе красоты. Или... нас бы уже просто не было.

Волшебные средства для "выведения шлаков" и прочих загадочных манипуляций далеко не так безобидны, как представляется. Минимальный вред, который наносится организму таким "питанием", это полная стерилизация всего организма. То есть набор желудочно-кишечных заболеваний гарантирован, хотя определенная

стройность фигуры как бы достигается.

С пищевыми добавками, кстати, получается еще интереснее. Повредить они, в принципе, не могут, разве что в случае большой передозировки. Но и панацей от всех болезней их считать не стоит. Во всяком случае, для оздоровления российского организма достаточно съедать каждый день ложку меда и дольку чеснока, ну и таблетку аскорбинки добавить для полной гарантии. Все это проверено столетней практикой, относительная новость — только аскорбин. Но витамина С в квашеной капусте содержится не меньше, чем в лимоне. Выводы делайте сами. И уж в любом случае наивно принимать пищевые добавки для излечения ревматизма или панкреатита. Это примерно то же самое, как пить "заряженную" воду: калорий, конечно, ноль, а польза...

В общем, не стоит платить только за дырки в сыре, пренебрегая остальными качествами этого продукта. Хотя некоторые дорогие сыры именно этим качеством и выделяются из остальных.

Есть, правда, один продукт, который вроде бы сочетает в себе несочетаемое: не только не вреден, но и полезен, да и стоит недорого. Речь идет, как легко догадаться, о **сое**. До недавнего времени мы знали, пожалуй, только один продукт из нее — соевые батончики, довольно удачная замена шоколадных конфет для неприхотливых. Но теперь на рынке столько соевых продуктов, что немудрено и запутаться. Так что же это за "зверь" такой, соя?

Соя как культивируемая человеком сельскохозяйственная куль-

тура имеет очень древнюю историю. Первые документальные свидетельства об использовании этого растения человеком относятся ко II веку до нашей эры. Со временем соя стала краеугольным камнем в питании азиатских стран. Но настоящий взлет популярности сои начался только в прошлом веке, когда развитые страны озаботились вопросами здорового питания.

**Соевые продукты питания это:** высокое содержание белка, по составу практически идентичного животным белкам. Отсутствие холестерина, богатство витаминами и микроэлементами, и так далее и тому подобное. Недостаток у сои, пожалуй, только один: специфический вкус. Проще говоря, продукт на любителя.

## *Не дай себе засохнуть!*

Без еды человек, в принципе, может обходиться неопределенно долго, а вот без питья — определенно очень недолго. И если раньше ассортимент напитков был у нас, мягко говоря, не богат, то теперь просто глаза разбегаются от обилия на прилавках всевозможных соков, нентаров и прочих соблазнительных жидкостей. Но от некоторых соблазнов лучше воздержаться, поэтому специалисты Института питания рекомендуют запомнить некоторые простые истины.

Если к соку не добавлен сахар, теоретически он полезнее, но... менее вкусен и хуже сохраняется. Идеал, конечно, свежевыжатый сок, но далеко не у всех есть такая возможность. Апельсиновый сок постоянно рекламируется в на-

честве средства, помогающего предупредить сердечно-сосудистые заболевания, но примерно то же действие оказывает сок... клюквы. А уж его без сахара точно пить невозможно.

Если сок обогащен кальцием, можно ли считать его достаточным источником этого минерала? Надо ли давать детям соки вместо воды? Можно ли считать фруктовые соки частью здоровой диеты?

Как правило, в соках сохраняются те витамины, что есть во фруктах, но содержащуюся во фруктах полезную клетчатку они теряют. Апельсиновый сок очень вкусен, богат витаминами С и А, калием, а сейчас к нему стали еще добавлять кальций. В свежесжатых соках лучше сохраняется витамин С, немного хуже этот показатель для консервированного сока, за ним следует замороженный. Большинство соков хорошо сохраняется в холодильнике, но в картонных коробках меньше витамина С, ибо в такой упаковке легче происходит контакт с разрушающим его кислородом. Поэтому сок следует хранить в холодильнике, в плотно закрытых стеклянных емкостях. А еще лучше — быстро выпивать и покупать свежий.

Не надо забывать и о том, что фруктовые соки на 80 — 90 процентов состоят из воды и помогают поддерживать водный баланс нашего организма. В то же время они высококалорийны: независимо от того, содержится ли сахар во фруктах или добавлен в сок, один стакан содержит 30 граммов (семь чайных ложек!) сахара и около 120 калорий. То есть рассказы о том, что можно моментально похудеть, потребляя только сок, не более чем красивая легенда. Бо-

лее того, соки в какой-то степени повинны и во все растущем количестве детей, страдающих ожирением. Другое дело, что общее состояние организма может улучшиться.

Примерно вдвое меньше сахара в овощных соках, но в них больше соли. Поэтому для поддержания достаточного водного баланса самое разумное любой сок разводить кипяченой водой, особенно если он предназначен детям.

И в заключение следует еще раз подчеркнуть, что при всех несомненных достоинствах соки не могут заменить свежие фрукты и овощи в вашей диете.

**А теперь несколько слов о молоке.** Не о парном, естественно, и не о том даже, которое можно купить у соседки. А о тех пакетах, которыми опять-таки в изобилии уставлены прилавки магазинов. Все молоко — пастеризовано, то есть прошло специальную обработку, поэтому о целебном действии такого молока лучше даже и не думать.

Вкусовые качества молока зависят прежде всего от жирности: чем жирнее молоко, тем оно гуще, насыщеннее, вкуснее.

Из всех видов молока ценится выше молоко, жирность которого составляет 3,2 и 3,5%. Такую жирность имеет парное летнее молоко молодой коровы, пасущейся на лугах средней полосы России и принадлежащей к так называемому "элитному стаду". Это молоко, называемое молоком средней жирности, полезно для всех здоровых людей, детей и взрослых.

Молоко с жирностью свыше 3,5% называется продуктом повышенной жирности. Его получают, добавляя в молоко сливки. Неза-



менимо жирное молоко для вегетарианцев и людей, чья работа предполагает повышенные физические нагрузки. Ведь именно молочные жиры являются ценным источником энергии. Они помогают уменьшить общее количество потребляемой пищи, необходимой для ежедневных энергозатрат человека.

Молоко с пониженной нормой жиров называют обезжиренным. В нем содержится в несколько раз меньше жира: от 1,0 до 2,5%. Зато оно имеет значительное преимущество — в любом обезжиренном молоке гораздо больше белка. Молоко пониженной жирности рекомендовано людям, ведущим малоподвижный образ жизни, имеющим избыточный вес, склонность к полноте или страдающим ожирением, сердечно-сосудистыми и желудочно-кишечными заболеваниями. Оно исключительно полезно для пожилых.

Молоко с жирностью от 0,05 до 1,0% диетологи называют белковым. Это продукт диетический, предназначенный в основном для больных с белковой недостаточностью.

Людям, страдающим непереносимостью свежего молока, рекомендуется заменить его кисло-молочными продуктами и белковым молоком.

## *Лучшая рыба — это колбаса*

А теперь, как и было обещано, подробнее о главном русском национальном блюде — колбасе. С точки зрения специалистов, в этом продукте имеется только одно положительное качество: большое количество белка. Но по-

скольку достоинств без недостатков не бывает, то свыше 70 процентов этого самого белка дают жиры. Плюс — консерванты, красители, вкусовые добавки и наполнители, а из чего все это богатство может состоять — одному Богу известно. Во всяком случае, еще в те времена, когда колбасы производились под строжайшим государственным наблюдением, сотрудники мясокомбинатов колбасные изделия не жаловали.

Не жалуют их и специалисты в области питания, но уже по другим причинам. Практически во все колбасы входят так называемые нитраты и нитриты. Нитриты (как и нитраты, легко превращающиеся в нитриты) могут вступать в реакцию с химическими веществами, содержащимися и в мясе, и в желудке, образуя нитрозамины.

Потребление таких добавок в очень больших количествах связывают с возникновением раковых опухолей у лабораторных животных, хотя исследования показывают, что количества, в которых эти химикаты используются при изготовлении продуктов, представляют минимальный риск развития рака у человека. Их содержание тщательно контролируется и допускается лишь в установленных безопасных рамках.

Некоторые производители гордятся тем, что выпускают высококачественные "традиционные" колбасные изделия, да и потребители считают их продукцией более здоровой пищей, нежели стандартные колбасы. Такие компании придерживаются очень жестких правил. Никаких жиров или обрезков; мясо должно быть выращено естественным путем, т.е. мясной скот не должен получать гормональные

препараты, стимулирующие рост, а минимальный уровень содержания мяса в колбасных изделиях должен составлять 80%. И при этом никаких искусственных красителей, консервантов или вкусовых добавок.

Истати, о вкусе. Знаменитая итальянская салями — чрезвычайно "нездоровая" колбаса, поскольку содержит невероятно большое количество натрия и жиров по сравнению с другими колбасами. И хотя салями едят обычно не в таких больших количествах, как другие сорта колбас, следует помнить, что всего 50 г ее содержат почти половину нормы ежедневного потребления соли, рекомендованной ВОЗ.

Салями, сосиски и прочие копченые колбасные изделия обычно содержат тирамин, вызывающий аллергические реакции у склонных к ним людей. Всем тем, кто по состоянию здоровья вынужден придерживаться бессолевой, обезжиренной диеты, следовало бы совершенно исключить из рациона салями, а большинство других колбасных изделий употреблять лишь изредка. И при этом понимать, что именно вводят в организм.

Правилами предусмотрено, что, если колбаса квалифицируется как свиная, минимально допустимое содержание мяса в ней должно составлять 65%; если колбаса говяжья, минимальное содержание мяса должно составлять 50%, а если колбаса ливерная или языковая, то она должна содержать не менее 30% ливера или языка. Колбасы из консервированного мяса и прочие, с указанием в наименовании сортов мяса, из которого они изготовлены, должны содержать не менее 80% указан-

ного мяса. Если в наименовании колбасы сорт мяса не упоминается, то потребитель должен быть уверен, что как минимум 50% мяса в ней все-таки есть, но мясная смесь при этом может быть неоднородной.

А вот свиное сало, и свенесоленое, и в виде шкварок всегда пользовалось на Руси большой популярностью. Однако в последнее время на свиное сало началось форменное гонение, якобы оно способствует повышению содержания холестерина в крови и развитию атеросклероза.

Последние исследования ученых показали, что свиное сало очень полезный продукт. Содержащиеся в нем кислоты участвуют в строительстве клеток организма, являются составляющей фермента сердечной мышцы, а также содействуют образованию многих гормонов и способствует холестеринному обмену. Кроме того, в свином сале есть и другие ценные жирные кислоты. Причем по их содержанию — до 10% — сало опережает сливочное масло. Поэтому его биологическая активность примерно в пять раз выше биологической активности сливочного масла и говяжьего жира (а это очень важно для поддержания общего тонуса).

Что же касается опасений относительно чрезмерного количества насыщенных жиров в сале, которые не усваиваются организмом, откладываясь на стенках сосудов, то и здесь дело обстоит не так. На Руси всегда жарили различные продукты на насыщенных жирах — свином сале и топленом масле, и на атеросклероз не жаловались. Делать сало основным продуктом, конечно, не стоит, но

кусочек-другой съесть куда полезнее, чем поглощать дорогостоящие копченые деликатесы.

И вот тут самое время сказать несколько слов о холестерине, которым еще недавно активно пугали нас медики. На самом деле холестерин — очень нужное нашему организму вещество. Оно входит в состав клеточных оболочек и активно участвует в синтезе гормонов. И в то же время гиперхолестеринемия, которая до поры до времени никак себя не проявляет — верный путь к атеросклерозу. Ее можно сравнить с радиацией, действие которой на организм практически неощутимо, но приводит к катастрофическим последствиям.

Одно время было модно интересоваться — а в норме ли холестерин крови? При этом имели в виду только общее содержание холестерина, хотя дело не в нем самом, а в механизме его транспортировки в стенки кровеносных сосудов. Таким образом, точный прогноз можно дать, только исследовав качественный состав общего холестерина. Скажем, меньшее количество инфарктов и инсультов у женщин до климакса, по сравнению с мужчинами того же возраста, обусловлено тем, что женщинам легче, чем мужчинам, поддерживать хорошее состояние сердечно-сосудистой системы, несмотря на факторы риска. Но наступление климакса, а также дополнительное поступление в организм гормонов (например, с противозачаточными таблетками) может нарушить равновесие. Вредные привычки усугубляют ситуацию. Поэтому женщины после 50 догоняют мужчин, обретая равные с ними шансы развития атеросклероза.

Есть еще одно обстоятельство, которое нельзя сбрасывать со счетов, говоря об атеросклерозе. Многочисленные исследования подтвердили: чем больше масса тела — тем выше уровень общего холестерина и его наиболее опасных фракций с низкой плотностью.

Чрезмерно калорийная пища ускоряет процесс жировой пропитки кровеносных сосудов. Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что при снижении калорийности рациона, достаточном для начала процесса худения, начинается и процесс понижения уровня общего холестерина и его атеросклерогенных фракций. Чаще всего после уменьшения массы тела в соответствии с ростом, возрастом и полом уровень холестерина также нормализуется.

В качестве средства, нормализующего уровень холестерина, можно назвать пищевые или растительные волокна. Наибольший положительный эффект дает так называемая "гуаровая камедь", содержащаяся в бобовых и овсянке, и пектин из яблок и мякоти цитрусовых. Народная мудрость "съедай яблоко в день — проживешь без болезней до старости" и привычка к овсянке по утрам — неплохая, а главное — научно подкрепленная гарантия от атеросклероза. Небольшое число инфарктов и инсультов среди жителей Азии — следствие их любви к известному бобовому растению — сое. Отметим, что растительные волокна (их еще называют балластными веществами) участвуют в связывании и выведении некоторых токсических веществ (в том числе ионов тяжелых металлов) и стимулируют работу кишечника.

## О здоровой, но вкусной пище

Как строить пищевой рацион, чтобы избежать вышеперечисленных неприятностей? Отнюдь не стараться отказать от всего, что повышает уровень "вредного" холестерина и становится убежденным вегетарианцем. Лучше всего придерживаться смешанной диеты, сочетая животные и растительные жиры. Вопреки общепринятому мнению, кофе и чай не оказывают влияния на концентрацию жиров в крови. Красное вино в небольших дозах благоприятно сказывается на сосудах. Физическая активность несомненно помогает организму держать норму холестерина в крови. Результаты физических нагрузок становятся очевидными уже через полгода. **Специалисты рекомендуют достаточно обширный список "невредных" продуктов.**

- ✓ Подсолнечное, кукурузное, соевое, оливковое, хлопковое масло. Применение всех остальных жиров следует ограничить.
- ✓ Масло или мягкие сорта маргарина.
- ✓ Сливочное масло, мясной жир, свиное сало, растительное масло, маргарин.
- ✓ Курица, индейка, телятина, кролик.
- ✓ Постная говядина, бекон, ветчина, свинина, баранина, фарш, котлеты, печень, 1-3 яйца в неделю.
- ✓ Снятое молоко, нежирные сыры, творог, сметана, нежирная простокваша. Полуснятое молоко, сыры средней жирности.
- ✓ Вся белая рыба: треска, тикша, камбала; жирная рыба:

сельдь, макрель, сардина, тунец, лосось.

- ✓ Рыба, поджаренная в растительном масле, моллюски.
- ✓ Икра рыб.
- ✓ Все свежие и замороженные овощи. Горошек, фасоль, кукуруза, все виды бобовых. Картофель, сваренный без кожуры или в мундире, поджаренный на растительном жире. По возможности все есть с кожурой: свежие фрукты, консервированные фрукты без сахара, сухофрукты. Грецкие орехи, каштаны, миндальные орехи.
- ✓ Мука грубого помола, хлеб из этой муки, блюда из овса, кукурузы, риса.
- ✓ Белая мука, белый хлеб, сладкие каши, несладкое печенье, кексы.
- ✓ Хлеб высшего качества, булki, пирожки, кондитерские изделия.

## Напитки

- ✓ Чай, некрепкий кофе, минеральная вода, напитки без сахара, неосветленный фруктовый сок, пиво с пониженным содержанием алкоголя.
- ✓ Сладкие напитки, нежирный шоколад, иногда супы в пакетах, мясные супы, спиртное.
- ✓ Травы, специи, нежирные приправы, майонез для салатов, готовый соевый соус.

**Внимание нервных людей!** Диетологи утверждают, что психическое здоровье можно существенно улучшить за счет изменения диеты. К числу продуктов, наиболее сильно влияющих на психическое состояние и настроение, относят

ся: искусственные ароматизаторы и консерванты, шоколад, кофе, яйца, молочные продукты, апельсины, сахар, мучные изделия. Для поддержания психики в хорошем состоянии рекомендованы: большое количество овощей и фруктов, а также жирная рыба — сардины, тунец, красная рыба.

**А теперь, дорогой читатель, как говорится, на десерт, о том, как уберечься от переедания за праздничным столом** рассказывает диетолог-гастроэнтеролог, доктор медицинских наук, руководитель отделения гастроэнтерологии клиники лечебного питания московского Института питания РАМН **Тамара Ивановна Лоранская.**

Конечно же, без застолья не обходится ни один праздник. Все так красиво и аппетитно, что непременно надо все блюда попробовать. Но праздники идут один за другим, а лишние килограммы очень быстро дают о себе знать. Как же в эти "опасные" дни сохранить фигуру и не мучиться от тяжести в желудке от переедания уже в начале вечера?

В первую очередь, отдавайте предпочтение овощным блюдам, фруктам и мясу, лучше всего тушеному, а также рыбе. Избегайте салатов, заправленных маслом и майонезом, так как эти продукты содержат много калорий. Сладкие и жирные блюда также очень калорийны.

Если у вас нет сил отказаться от какой-либо пищи, то не мучайтесь, а положите себе немного понравившегося блюда. Ешьте его медленно, ведь за столом у вас есть прекрасная возможность отвлекаться от еды разговором с друзьями. Запивать пищу лучше

всего минеральной или питьевой водой без газа, либо соком, не содержащим сахар.

**Если вы не уверены в своей стойкости перед праздничными блюдами, то к застолью можно подготовиться заранее. Попробуйте воспользоваться такими советами:**

- ✓ *1 столовая ложка отрубей заваривается кипятком. Отвар пьется теплым за час до еды. В желудке отруби распухают, и наступает чувство насыщения. так же можно заварить и выпить семя льна, можно принять не вредный препарат "метилцеллюлозу".*
- ✓ *Кроме этого, заранее в аптеке вы можете приобрести специальные, отбивающие чувство голода, травяные сборы. Они завариваются и пьются за некоторое время до еды.*
- ✓ *Если у вас нет возможности приготовить такие настои и отвары, а в аптеку бежать поздно, съешьте какой-нибудь фрукт, например яблоко. Ваше чувство голода уже не будет таким явным. И еще не рекомендую принимать химические лекарственные препараты, особенно если этого можно избежать.*

В случае переедания не стоит искусственно вызывать рвоту, если нет такой необходимости. Опять же не следует принимать химические лекарственные препараты.

Запомните, что диета — это не временный отказ от калорийной пищи, а стиль жизни. И выбравшие этот путь не должны давать себе временные поблажки, ведь всем известно, что нет ничего более постоянного, чем временное.

Удивительно, но то, что и как мы едим, зависит в основном от нас. Даже если вы покупаете дорогие продукты в надежде, что они качественнее, это еще не значит, что ваше питание сбалансировано по составу питательных элементов. Каковы же основные недостатки нашего питания?

**Первый и основной недостаток** — избыточное высококалорийное питание, то есть переедание.

Ожирение на почве переедания стало проблемой во всех высоко-развитых странах, таких, как Англия, Америка. И особенно это касается потребления сахара и жиров.

Многие полные люди уверяют, что они мало едят и их полнота "наследственная". Но они ошибаются, так как в большинстве случаев "наследственного ожирения" речь идет скорее об общей привычке к перееданию, перехо-



дядей от родителей к детям. Чаще всего — будем говорить прямо — ожорство является свидетельством слабой воли, иногда низкой культуры человека, и оно неотвратимо укорачивает жизнь человека.

**Второй основной недостаток** — это однообразная пища современного питания. Типичная еда городского жителя состоит из хлеба, сладких и сдобных мучных

изделий, вареного или жареного мяса, животных жиров и сахара, в меньшей степени — овощей и совсем мало сырых овощей, фруктов, орехов, сухофруктов. При этом постоянно не хватает минеральных солей, витаминов, микроэлементов.

В общем, современный закон о правильном питании можно сформулировать так: нужно есть понемногу, часто и разнообразно.

***Приятного аппетита!***

*Фото из знаменитой "Книги о вкусной и здоровой пище" издания 1952 года.*



«Полет проходит нормально». За десятилетия пилотируемой космонавтики мы на Земле привыкли к этой убаюкивающей фразе. Но то, что за этим «нормально» скрывались порой ситуации драматические, узнаем только сегодня, спустя годы после тех полетов...



Валерий ШАРОВ

## «Все будет»



Эта фраза космонавта Владимира Ляхова, брошенная им нан-то невзначай перед полетом одного из своих товарищей и ставшая крылатой среди космонавтов, отражает суть пребывания человека в чуждой ему космической среде. Мире, где царят жара и холод, невесомость и безвоздушность, пугающая чернота космоса и... непредсказуемость следующей секунды.

«Все будет не так!» Он, Владимир Ляхов, убедился в верности

этой фразы на собственном опыте, за время трех своих полетов, нарядный из которых ставил перед ним совершенно непрогнозируемые и, казалось бы, неразрешимые проблемы. А последний полет мог стать для него последним в буквальном смысле. Но в итоге все они закончились благополучно и остались в памяти просто моментами профессиональной работы, о которых потом, после возвращения, можно вспоминать. Вспоминать с улыбкой или содроганием...

Летом 1983 года вместе с бортинженером Сашей Александровым он находился в долгой экспедиции на орбитальной станции «Салют-7», где им предстояло выполнить ряд сложных работ, в том числе и вне станции. Та станция, в отличие от следующего огромного «Мира» и строящейся ныне между

\* Глава из готовящейся к изданию книги, посвященной поведению человека в необычных ситуациях. Ее автор, биолог и журналист, в 1992 году закончил полный курс общекосмической подготовки, получив квалификацию «космонавт-исследователь», и был в составе группы из шести журналистов, готовившихся к полету на станцию «Мир».





## Не так!»

народной, была сравнительно небольшим сооружением. Жизнь ее в значительной мере зависела от энергетики, которая обеспечивалась солнечными батареями. Вот их-то и не хватало, потому важной задачей космонавтов было выйти в открытый космос и навесить на корпус станции дополнительные солнечные батареи, доставленные с земли.

Как и положено перед выходом, стали проверять два хранившихся на станции для этих целей снафандра. Один — в порядке. А когда надули второй, вдруг обнаружили, что он не держит воздух — на правой штанине снафандра зиял разрыв гермооболочки! Вот так фокус — ведь одного снафандра для таких работ недостаточно, потому что выход в открытый космос выполняют обязательно два космонавта.

Оназалось, при консервации — полгода назад, после последнего выхода в нем в открытый космос — его неудачно уложили на хранение, а при наддуве спелавшаяся оболочка разошлась. И никакие клеи не удержат в космическом пространстве разорванные части.

Доложили на землю, и там, обсудив ситуацию, предложили, было, отменить выход. Но такая отмена тянет за собой острую нехватку элентроэнергии, а, значит, и невыполнение части запланированной программы. Думаю, америнанцы в такой ситуации так и поступили бы — ни под каким предлогом не стали бы рисковать здоровьем и жизнью человека, пусть даже рушатся какие-то планы. Но наши сделаны из другого теста. Они привыкли и на земле в, казалось бы, безвыходных ситуациях находить выходы. Что с поломанной деталью авто-

1983 г.  
Фото ИТАР-ТАСС

Владимир Ляхов (слева) и Александр Александров

мобили, которая в конце концов меняется на самоделку какого-нибудь "мастера Гриши" и с успехом работает долгое время. Что с домашней сантехникой, ну, и так далее.

Короче, пораскинули космонавты мозгами и приняли решение... починить поврежденный скафандр с помощью подручных средств. ЦУП (Центр управления полетами) дал добро, но с условием полного дублирования и проверки на земле всех работ, которые будут производиться с поврежденным скафандром на станции.

И занялась необычная работа — операция по ампутации с последующим приживлением конечности скафандра. Космонавты полностью отрезали ногу скафандра ниже колена, последовательно отделив теплоизоляционную, силовую и две резиновых оболочки (оболочка скафандра для выхода в открытый космос представляет собой очень сложную конструкцию, на манер слоеного пирога), оставив нетронутой только последнюю, шелковую. Затем отрезали часть трубы штатного воздуховода в переходном отсеке своего космического жилища — он более всего подходил по размеру — и примерили его к отрезанной ноге. Потом сверлили дырки, подтачивали для точности края, клепали стыки — не хуже чем в иных российских гаражах владельцы десятки лет служащих стареньких "Жигулей" восстанавливают своих измученных временем и дорогами четырехколесных коней. Заклепки брали (кто бы догадался!) из... медицинской книжечки, где страницы скреплены с помощью алюминиевых штырей с накруткой.

Пригодился даже резиновый пакет для сбора мочи из сантехнического комплекта транспортного космического корабля. Когда работа была закончена, наддули скафандр для проверки герметичности. Злополучную его ногу, сшитую и склепанную в далеких от операционных условиях, вертели и так и сяк, но воздух она не пропускала.

По полетному заданию в открытый космос должен был выходить именно в этом скафандре космонавт Александров. Но командир Ляхов, который мог все решить с помощью приказа (и больше никаких разговоров не вести), в той ситуации, как он вспоминает сегодня, по-человечески предложил своему напарнику:

— Саша, давай в нем пойду я.

— А разве это не одинаково? — спросил удивленный таким предложением командира бортинженер...

И тогда Ляхов понял, что второй член экспедиции, несмотря на подразумевающуюся довольно жесткую субординацию, отдает себе отчет, что оба они все же находятся в одних — чисто моральных — условиях. И готов работать в любом скафандре, целом или залатанном. А когда командир предложил Александрову такое, то последний тоже понял, что Ляхов точно так же готов к любому варианту. Два человека, находившиеся в трехстах пятидесяти километрах от поверхности Земли, после двух этих коротких фраз поняли, что верят друг другу. Более разговоров на эту тему не было. А была нормальная космическая работа, во время которой они два раза по три часа выходили в открытый космос, успешно навесили дополнительные солнечные батареи и вместо запланированных 70 суток провели



на орбите по предложению руководителя 150 суток. В отремонтированном скафандре успешно работал Александров.

Впоследствии, когда на станцию доставили новый скафандр, знаменитую эту "ногу" отрезали и спустили на землю. Там ведь тоже — параллельно с экипажем — делали такую же, чтобы специалисты контролировали весь сложный процесс ремонта и конечное качество важного для жизни человека аппарата. Так вот: сделанная в космосе не только не уступала "земной" в герметичности, но была признана более эстетичной. Она до сих пор хранится в музее НПП "Звезда" (там делается многое из космического инвентаря, в том числе и скафандры), и желающие могут на нее полюбоваться.

Нуда более драматично развивались события в следующем полете, в августе 1988 года, когда Ляхов стартовал уже к станции "Мир" вместе с врачом Валерием Поляновым (штатно он назывался бортинженером) и представителем дружественного Советскому Союзу Афганистана Абдулом Ахадом Момандом (космонавт-исследователь).

С самого начала на командира экипажа легла повышенная ответственность за полет и соответствующая моральная нагрузка. Дело в том, что Ляхов в свое время был подготовлен как командир корабля-спасателя, который действует в одиночку, а оба его напарника готовились к полету всего по полгода и лишь до уровня космонавтов-исследователей (один, врач, летел, чтобы провести на станции эксперимент на себе по рекордному пребыванию человека в невесомости и ответить на вопрос о целесообраз-

ности пребывания врача в космическом экипаже, а второй — для выполнения научной программы полета своей страны). А такой срок подготовки был явно недостаточен для настоящего овладения космической техникой. И даже в бортовой документации было записано: "бортинженеру и космонавту-исследователю выполнять команды по команде командира". То есть командир Владимир Ляхов обязан был строго контролировать любое действие своих подопечных. А выглядело это примерно так:

— Полянов, — говорит командир, — выполни команду Г-9! (нажать соответствующую кнопку на пульте управления кораблем — В.Ш.)

Тот сначала кладет палец на указанную кнопку, после чего командир внимательно смотрит, куда он положил палец, и только тогда следует:

— Нажимай!

Впрочем, стартовали, состыковались с "Миром" и отработали они на станции нормально, без наих бы то ни было ЧП (это было даже удивительно). Врача Валерия Полянова оставили вместе с работающим там экипажем на длительный срок, а сами через 8 суток стали собираться назад. В спускаемый аппарат, на кресло космонавта-исследователя, поместили целую кучу груза, афганца посадили на этот раз в кресло бортинженера (вроде как повысили его в космическом звании) и, столь же благополучно отстыковавшись от станции и "сделав ручной" оставшимся там коллегам, приготовились к тормозному импульсу, чтобы начать спуск с орбиты. Правда, была одна особенность в их обратном полете (как позже выяснилось, существенней-

шая!); прибыли они на станцию на корабле "Союз ТМ-6", а возвращались на "Союзе ТМ-5", который доставил в космос предыдущий экипаж и все это время был пристыкован к "Миру". Такие замены транспорта — вполне нормальная и уже практиковавшаяся до сей поры вещь. Но кто мог предвидеть происшедшее дальше?!

Неприятности начались сразу после расстыковки корабля и станции. Как восстанавливают те далекие события в ЦУПе, Ляхов специальной уязкой ошибочно нажал клавишу "Дискретный контур" вместо нужной "Аналоговый контур", в результате ручное поддержание ориентации корабля на станцию для контроля отхода стало невозможным (корабль не слушался ручки управления), экипаж потерял станцию из поля зрения оптического визира и теленамеры. Возникла серьезная проблема: в каком направлении делать увод корабля от станции для обеспечения безопасности?

С этой ситуацией разобрались в темпе, глянув телеметрию и сигнализацию на пульте, снова включили "Аналоговый контур" по указанию Земли и провели безопасный увод корабля из окрестностей станции.

Но, известно, "пришла беда — отворяй ворота". За 30 секунд до включения двигателя на торможение в автоматическом режиме почему-то вдруг пропала готовность системы ориентации корабля. А это одно из условий включения двигателя, и он в заданное время вообще не включился. Ляхов вышел на связь с Мусой Манаровым — бортинженером основной экспедиции на "Мире", — рассказал о ситуации и подытожил:

— Надо выдать ОДР! (отбой всех приготовленных к выполнению

динамических режимов, в том числе, программу разделения отсеков корабля, как это и записано для подобных случаев в бортовой документации — В.Ш.)

— Не надо, — отвечает Муса. — По входу в зону связи доложишь ЦУПу — они примут решение (до зоны был около 6 минут).

По выходу из тени восстановилась ориентация. И включился двигатель. Ляхов глянул на глобус (в космическом корабле имеется маленький глобус, по которому в любой момент можно определить, куда сядет спускаемый аппарат, если спуск начнется в текущий момент) и... извините, замаячила посадка в Тихом океане! Двигатель, из-за отката ориентации, не в заданном месте включился на торможение, а на несколько минут позже. И Ляхов его выключил. Как и положено, по входу в зону связи, доложил на Землю о происшедшем.

Две нештатные ситуации подряд на спуске — это уж слишком. И экипаж, и Земля вошли в стрессовую ситуацию. Доклад командира был взволнованным и несколько сумбурным, из него Земля поняла, что двигатель вообще не включался. Подобная ситуация предусмотрена в документации и выход из нее определен. У Земли для этого случая был подготовлен резервный спуск на 3-м витке. Снизу говорят:

— Володя, не волнуйся, через виток сядем куда надо.

У опытного Ляхова вопросов нет. Через виток — так через виток. Двигатель в порядке. Выполним ориентацию в нужное время, включим его, затормозимся, а потом и сядем в нужное место — о чем тут волноваться?

Заканчивается очередной виток, опять происходит ориентация

корабля на торможение, включает двигатель... И тут происходит такое, от чего у много что повидавшего и в небе (бывший летчик-испытатель) и в космосе (два космических полета за плечами) космонавта Владимира Ляхова начинают шевелиться волосы. Потому что двигатель вместо положенной долгой работы в течение 200 секунд для полноценного тормозного импульса, который и обеспечивает спуск на землю, отработывает всего 6 секунд. А космонавт хорошо знает, что после этого автоматическим одновременно с выключением двигателя по ГН\* штатно начинает действовать гибкий цикл для включения программы разделения спускаемого аппарата с приборно-агрегатным отсеком. И затем, по прошествии 24 минут также автоматически запускается программа разделения, которая через 2 мин. 14 сек. произведет отброс от спускаемой капсулы с космонавтами той части корабля, где находится двигатель с запасом топлива. Потому что после нужного торможения ни топливо, ни двигатели уже не нужны — капсула летит к земле под действием силы тяжести и собственных аэродинамических свойств. А поскольку двигатель черт знает сколько не доработал до нужного замедления корабля, то капсула с людьми так и останется на орбите. Однако двигателя для торможения у них уже не будет! Это же долгая, мучительная смерть в космосе!

Ляхов мгновенно оценил эту страшную ситуацию, просчитал свое и своего напарника недалекое — афганец-то пока ничего не

понимал и потому был довольно спокоен — будущее и, несмотря на

страшные перспективы, способные того угодно повергнуть в шок и бездействие, тут же, не дожидаясь начала и окончания роковых 24 минут, когда безвозвратно исчезнет двигатель, снова включил его — вдруг сработает как надо.

Здесь Ляхов, находясь в состоянии сильного возбуждения, допустил, по оценке ЦУПа, еще одну неточность: двигатель включать повторно с пульта ни в коем случае нельзя — это могло привести к непоправимым последствиям. Согласно логике бортовой автоматики на этом участке стабилизация корабля была отключена и, таким образом, каждый раз двигатель включался не в направлении торможения, а в произвольном направлении — корабль остался бы на орбите, израсходовав все топливо. Бортовая инструкция дает тут следующий вариант действия: если экипаж не полностью понимает причины нештатного поведения автоматики, выдай команду ОДР и положи на землю в очередном сеансе связи. При короткой работе двигателя (6 сек.) корабль остался практически на штатной орбите с большим временем существования, а команда ОДР останавливает цикл спуска и программу разделения отсеков, чего не делала команда включения двигателя, выдававшаяся Ляховым дважды.

Но это взгляд с Земли, из ЦУПа, где выход из ситуации ищут десятки специалистов... А тут, в космосе, двигатель отработывает всего 6 секунд. Не зная, что тут и ду-



\* ГН — главная команда — соответствует залоченной в компьютер величине скорости торможения.

мать — надеясь лишь на какое-то чудо, заложенное то ли в судьбу, то ли в машину, неимоверно рискуя, командир выжидает еще 2 минуты. А программа-то разделения отсеков, как он полагает, продолжает идти! А двигатель-то молчит, то есть корабль не тормозится. И тогда он снова врубает двигатель. А тот опять отрабатывает злосчастные 6 секунд...

За эти два краткосрочных включения двигателя корабль все же немного затормозился и потерял высоту орбиты, но очень мало. В очередную двухминутную паузу после 6-секундной отработки двигателя Ляхов подробно доложил в ЦУП о ЧП.

И уже теперь, по согласованию с Землей, Ляхов дает ту самую "пожарную" команду, о которой подумал в самом начале — ОДР (отбой динамических режимов — впоследствии в отряде космонавтов ее так и будут называть "команда Ляхова", в память о том полете), — прекращая все заложенные процедуры, и остается на орбите. С тяжелыми мыслями в голове и нарастающей тревогой в душе; с афганцем, который только теперь начинает понимать, что идет попытка спуска, однако что-то у них не клеится. Но, главное, остается с приборно-агрегатным отсеком, где есть двигатель и топливо для возвращения назад!

Он мог бы, конечно, после первых серьезных проблем, выдать эту самую ОДР, но счел необходимым доложить обо всем на Землю, чтобы в этой экстремальной ситуации вместе с руководством полета понять, что же происходит, выработать оптимальное решение и только после этого действовать.

Еще, как думал Ляхов, можно было бы длинной серией включе-

ний двигателя по 6 секунд набрать эти необходимые для торможения 200 секунд. Но при каждом включении, как уже упоминалось, происходит потеря стабилизации и все импульсы выдаются не на торможение, а в произвольном направлении. Как только после краткосрочных включений двигателя отклонение превысило допустимое значение — на корабле дино завывла сирена, зажегся аварийный транспарант "Нарушение режима стабилизации". Это уже было слишком для дальнейшего промедления — тогда после согласования с Землей Ляхов и дал команду ОДР.

К этому моменту корабль немного подпортил свою орбиту — сделал ее эллипсоидной. И во время одного из пролетов над Памиром, где она оказалась максимально близкий к Земле, афганец настороженно спросил:

— Командир, не низко летим?

— Ахад, нам до этого "низко" знаешь, сколько еще тормозить! — с тоской отреагировал Ляхов.

А причина возникшей экстремальной ситуации была вот в чем. Во-первых, когда предыдущий экипаж, на чьем корабле они возвращались на землю, шел на стыковку со станцией, "установка" на последнее включение двигателя была 6 секунд. Стыковка прошла нормально. Но когда Ляхов с Момандом оказались на этом корабле и пошли на спуск, никто не вспомнил, что в определенный раздел памяти его бортовой ЭВМ были заложены эти самые 6 секунд работы двигателя.

Во-вторых, из-за отказа системы ориентации не сложилась ее автоматическая готовность перед торможением, в результате чего

двигатель и не включился в нужное время. После 6-минутного сбоя система восстановилась и двигатель готов был отработать в правильном режиме. Но Ляхов обнаружил, что с включением его в этот момент посадка будет в Тихом океане. И, дабы избежать этой неприятной ситуации, быстро отключил двигатель, запущенный на долгий тормозной импульс в 200 секунд. А действительно умная и не раз выручавшая космонавтов бортовая вычислительная машина устроена так, что при подобном отбое происходит замена программы ее работы на следующую заложенную в нее человеком последовательность действий. И после подачи Ляховым так называемой "главной команды" по отмене готовой к включению автоматической программы на торможение, основной для работы двигателя стала не нужная экипажу 200-секундная программа, а та — введенная предыдущим экипажем для набора высоты — в 6 секунд. Последующая же операция на разделение спускаемого аппарата с приборно-агрегатным отсеком в ней оставалась без изменения. Так всякий раз при запуске двигателя на торможение он и включался на эти самые злосчастные 6 секунд, после которых, как опасался космонавт, следует программа разделения отсеков. Вот какие удивительные шутки может сыграть с человеком техника. Умная-то она умная, но всю непредсказуемость возникающих в космосе ситуаций и забывчивость человеческую пока еще покрывать не может.

Впрочем, все это и еще многие другие подробности полета выяснились много позже — уже после возвращения экипажа Ляхова и кру-

пулезного разбора случившейся чрезвычайной ситуации.

Кстати, в Центре управления полетами, где ведется подробнейшее документирование каждой нашей космической миссии (переговоров, действий экипажа и специалистов, обеспечивающих полет с Земли, поведения техники и т.д.), первопричиной, породившей все остальные проблемы назвали особенности внешней оптической обстановки на орбите в момент подготовки корабля к торможению. Так все расположилось тогда, что свет солнца под каким-то особым углом попал на датчик системы ориентации — в итоге была отменена ее готовность на торможение. А дальше уже пошла цепочка событий, где с каждой задействованной в событиях стороны обнаруживались некоторые некорректные действия. Например, по бортовой документации экипаж в случившейся ситуации первого невключения двигателя на торможение должен был сразу выдать команду ОДР, чтобы вместе с ЦУПом прежде всего разобраться в случившемся и принять правильное решение. Сам ЦУП не проконтролировал ситуацию с перезаписью программы работы двигательной установки после первого ее отказа.

Однако, какой смысл сейчас разбираться, кто там больше или меньше виноват, что-то сделал не так или не совсем так. Главное-то, что ситуация все-таки благополучно разрешилась, люди остались живы, техника цела. Значит, и экипаж, и ЦУП, и техника наша в той экстремальной ситуации сработали надежно. А все необходимые выводы и поправки на будущее, будьте уверены, сделали в самом



полном объеме. Но все это было потом. А тогда...

Тогда — последний раз возвращаемся к первым минутам экстремальной ситуации в космосе —

у командира экипажа Владимира Ляхова было состояние, способное ногом угодно просто парализовать: двигатель недоработал уйму времени, и вот-вот произойдет разделение отсеков, после чего мучительная смерть.

Что могло случиться с двигателем? Что будет с ними? Вопросы бешено прыгали в голове у командира, учащая дыхание и сердцебиение. Но главной мыслью оставалась одна: "Не допустить разделения, пока не отработан нужный тормозной импульс! Тогда — смерть!" И, инстинктивно включая двигатель на 6 секунд, по крохам набирая таким образом нужное тормозное ускорение, Ляхов не только сам помнил о недопустимости разделения, но и заставлял Моманду всякий раз подключать термодатчики. Дополнительно подстраховывался, чтобы за 14 секунд до разделения включилась еще и сирена, возвещающая об этом необратимом событии.

Страшное напряжение немного спало только когда Ляхов наконец понял, что угроза несанкционированного разделения отсеков миновала. Понял, что они садут, и это лишь вопрос времени. Любопытно, что в те мгновения командир совершенно не подумал еще об одной проблеме — кислорода в корабле оставалось лишь на двое суток полета. Об этом он вспомнил только на Земле, примерно через сутки после приземления.

Когда через какое-то время после доклада командира экипажа с Земли лаконично и многозначительно спросили: "Что ты сделал?", он столь же лаконично и, насколько это было возможно в подобной ситуации, ехидно и зло ответил: "Сохранил жизнь себе и Ахаду!"

Когда он все же сумел донести до руководства сложившуюся ситуацию, оттуда, просчитав наконец всю дальнейшую перспективу "Протонов" (носмические имена этого экипажа), предложили:

— Давай искать запасной полигон для приземления, поскольку на свой мы в приемлемые сроки уже не попадаем.

"А куда получается?" — заинтересовался Ляхов. И когда отчетливо понял, что на ближайших витках это будет Франция или Канада, то решительно сообщил в ЦУП:

— Э, нет, ребята, домой! И только домой!

— Ну, тогда... еще сутки на орбите...

— Согласен!

И Ляхов с Момандом еще на одни внеплановые сутки остались летать в маленьком спускаемом аппарате. Без воды, без еды, без туалета — облаченные в снафандры, поскольку тесное пространство аппарата не позволяло их снять и потом одеть.

Наиболее запомнившейся в эти долгие часы проблемой для экипажа было... оправиться по малой нужде прямо под себя (на этот случай предусмотрены своего рода "носмические памперсы"). А что делать: бытовой отсек корабля, где есть необходимая для этих целей автономная санитарная установка, в те времена отстреливался от спускаемого аппарата сразу же после отстыковки от станции.



Истатьи, после этого случая в программу полетов были внесены изменения, и бытовой отсек стал отстреливаться от спускаемого вместе с приборно-агрегатным... Так вот, Ляхов, прекрасно понимавший, что если пойти на спуск (где и в штатном-то варианте обязательны 4-кратные перегрузки) с полным мочевым пузырем, он может просто разорваться, настаивал на этой физиологической процедуре. А Моманд, стеснительный и религиозный человек, — ни в какую:

— Мне, — говорит, — Аллах этого не позволяет. На небе потом не простят!

— Миленький, родненький, — умолял его командир, — да ты мне на Земле нужен живым! Слышишь, как булькает у нас внутри. Давай, не стесняйся. Перед Аллахом я, командир, отвечу, если что будет не так. Да никто и не узнает об этом "грехе" — клянусь, на Земле нас в молоке искупают, как только сядем!

Все же уговорил. И потом, на Земле, целый и невредимый афга-

нец после принятия душа лишь с улыбкой спросил:

— Где же обещанное молоко?..

А вслед очень серьезно добавил:

— Командир, четвертый раз не летай — Аллах не простит!

Но это было лишним напоминанием. Вернувшись из этого экстремального полета живым, только-только приземлившись и сделав первые шаги, его командир открыл остекление скафандра, снял шлемофон, выдернул разъемы связи, а шлемофон — шварк об землю и воскликнул в сердцах:

— Все! Космический дед Владимир Афанасьевич Ляхов свою космическую одиссею закончил...

И действительно, пришедший в отряд космонавтов в 1967 году, ставший в нем летчиком-испытателем и окончивший заочно Военно-воздушную академию, бывший двенадцать раз (как никто другой!) дублером космонавтов и сам трижды побывавший в космосе, Владимир Ляхов больше туда не летал, уйдя в 1994 году на заслуженный отдых. ■



Космонавты Владимир Ляхов и Абдул Ахад Моманд — в первые минуты после приземления. 1988 г.

# Люд



**Р**едний случай — антрисе почти не пришлось перевоплощаться на съемочной площадке. Все ее героини похожи на нее — такие же утонченные, одухотворенные, интеллигентные.

Людмила Савельева ворвалась в кинематограф стремительно и красиво — как балерина на пуантах. Она и была тогда солисткой Ленинградского театра оперы и балета имени Нирова. Некоторые из критиков даже утверждали, что Савельева не сыграла, а станцевала Наташу Ростову...

*— Людмила Михайловна, а как было на самом деле? Как нашел вас Сергей Федорович Бондарчук? Почему именно на вас пал его выбор? Ведь сыграть Наташу мечтали сотни профессиональных антрис.*

— Сергей Федорович Бондарчук балет не любил, никогда не ходил его смотреть. И был, как и многие режиссеры, уверен, что балерина не сможет играть в драматическом театре роль. Но случилось так, что меня утвердили на роль балерины в одной нар-

# Миша Савельева:

## «НИКОГДА НЕ ИГРАЛА ЗЛОДЕЕК...»

тине, снимавшейся на "Ленфильме". Мои пробы попались на глаза Сергею Федоровичу и что-то его "зацепило". Что странно, ведь ничего общего у меня с Наташей не было: маленькая, белобрысенькая, худенькая, глаза не черные, как в романе, а синие, и вообще наной-то гадный утенок. Но Бондарчук предложил порепетировать. Я заявила, что вообще не репетирую, разволновалась, стала заикаться. Потом, приехав в гостиницу, разозлилась на себя, — неужели я такая бездар-

ная, стала перечитывать текст, сама репетировать. И вот потом, когда на меня надели парин, панталончики, я вдруг почувствовала себя совершенно Наташей. И все получилось.

С тех пор Сергей Федорович на меня не давил, не нажимал. Он создал такую атмосферу, что мне казалось: я действительно все сама делаю. Ему было важно, чтобы я не растеряла свою непосредственность.

Последняя проба оназалась для меня самой сложной. Мы иг-

рали с Иннокентием Смоктуновским драматическую сцену объяснения с князем Андреем, когда тот предлагал расстаться на год. Наташа должна заплакать, и я не представляла, как это у меня получится. В горле все пересохло и я поняла, что никогда не смогу заплакать. Когда я произнесла слова — "Год, неужели целый год?" — то вдруг увидела, как по лицу Смоктуновского катятся слезы. И я тоже заплакала. Так я впервые поняла, что такое актерское братство. Смоктуновский в то время уже был утвержден на Гамлета и не мог играть Андрея Болконского, на которого пробо­вался, но он очень интересовался, как у нас идут дела, и здорово помогал мне. Я вообще поняла тогда, что чем человек талантливее, тем скромнее и щедрее. Все мхатовцы, снимавшиеся в "Войне и мире", опекали меня. Я терпеть не могу сладкое, но когда мне приносили какой-то пористый шоколад, я, конечно, не могла его не есть. Почему-то Сергей Федорович решил, что я обожаю вишневый компот, и поил меня им. Просто всем хотелось сделать мне что-то приятное. Такая царила атмосфера — мы все дружили и нежно любили друг друга.

*— Успех фильма был ошеломляющим. Портрет трепетной одухотворенной девочки, прива­вшей к груди статуэтку "Оскара", мель­нал на страницах газет и журналов. Как вы пережили испытание медными трубами?*

— Очень тепло принимали нас в Америке. Фильм шел на обычных экранах, получил пять звездочек. И многие американцы просто болели за наш фильм, говорили,

ну уж если вы не получите "Оскара", значит, наше жюри про­дажное. Меня всюду узнавали и назы­вали Наташей.

По приезде из Америки нас на летном поле встречала вся команда министерства культуры. Тут же статуэтку "Оскара" отобрали и увезли. И дали негласный приказ, чтобы не очень-то восхваляли какого-то "Оскара". Так что в славе я не купалась...

Балет помог дисциплинировать себя, я уже привыкла к жесткому стилю жизни: главное — работа, каждый день к станку, очень самокритично всегда к себе относилась. У нас в то время звезд не было. Ну, узнавали на улице ...

*— Не жалеете, что бросили балет? Ведь вас взяли в знаменитую труппу, вас ждала блестящая карьера. А в кино, как часто случается после шумного успеха, наступил перерыв...*

— Поначалу, может быть, и жалела. Когда начались съемки, я еще и в театре параллельно репетировала. Жила в основном в "Красной стреле". Но в конце концов наступил период какого-то физического истощения, стала падать в обмороки и на уроках классики, и на съемочной площадке. В кино мне все-таки удалось немало сделать, сыграть великолепные роли, что-то важное сказать людям. В балете возможности не те, слишком много места занимает техника, фуэте и пируэты, и жизнь балетная намного короче, так что сегодня о своем выборе не жалею.

*— Почему следующую роль вы сыграли лишь через семь лет? Ведь предложений, наверное, поступало немало.*

— Предложениями засыпали. Но для меня много значила лите-

На съемках фильма С. Соловьева "Ненужный возраст".



ратурная основа. Поэтому когда предлагали какие-то поделки, роли розовых барышень, было неинтересно. Хотелось сыграть следующую роль совершенно не похожую на Наташу. И повезло — меня пригласили Алов и Наумов на роль Серафимы Корзухиной в фильме "Бег". Это была первая экранизация Булгакова. Снимали в турецком квартале в Пловдиве и в Севастополе. Нас консультировала Елена Сергеевна Булгакова, мы подружились с ней и часто ходили к ней просто пить чай. Она показывала рисунки Нади Рушевой, различные издания книг Булгакова. Когда посмотрела отснятый материал, то заплакала и сказала, что Михаил Афанасьевич остался бы доволен.

Примерно в это время сыграла и Нину Заречную у Юлия Карасина в "Чайке". В Чикаго получила за эту роль серьезную премию. Должна сказать, что каждая моя роль была долгожданная. Я никогда не бросалась на то, что мне предлагали.

*— В фильме "С вечера до полудня" по пьесе Винтора Розова вы сыграли, наконец, нашу современницу, поразив зрителей снова женской тонкостью, одухотворенностью, острым драматизмом бытия...*

— Очень ждала эту роль. Я знаю много прекрасных молодых женщин, обделенных личным счастьем, этаких однолюбок, они страдают, мучаются, но они такие светлые. Мне всегда было интересно показать трагедию незащищенных людей, вынужденных жить среди хамства.

*— Редкое явление — вам практически не пришлось играть зло-*

*деек и стерв. Такое ощущение, что вы совпадаете по жизненной философии, характеру со своими героинями...*

— Когда Фаину Раневскую спросили, почему она так мало играет в кино и в театре, она ответила, что вообще не играет. "Я живу на сцене, я ставлю себя в такие обстоятельства, в которые попадает моя героиня". Как мне это понятно! Но все дается непросто, потому что очень сильно трагично себя. И для того, чтобы роль получилась, нужно иметь так называемое "то, что можно потратить". Душу.

Каждая роль — кусочек моей жизни, философии. Так уж получилось, что довелось играть женщин, близких мне по духу. Я их люблю, болеваю ими. Действительно, никогда не играла стерв. Да и по жизни не выплескиваю своих эмоций как попало, довольно сдержанна. Я придерживаюсь правила — не делай людям зла. Мы любим кошек, собак, но очень редко умеем любить человека...

*— Вы тоже однолюбка, как и ваши героини?*

— Да. Мне нравится конетничать, когда за мной ухаживают, но все это на уровне флирта. Русским женщинам, на мой взгляд, свойственно хранить верность своим любимым.

*— Вас легко представить с книгой в руке и трудно — с пылесосом. Наная вы в обыденной жизни? Большинству наших современниц, перешагнувших за сорок, приходится собственным весом. Диеты, тренажеры, — не жизнь, а мука. А вы все такая же хрупкая, как Наташа Ростова...*

— Наша жизнь — нервная, не легкая, не понимаю, как людям удается толстеть. Может быть, сдается то, что родилась во время блоады. Да и сладное не люблю. Даже кофе пью без сахара. К быту не приспособлена с детства. Меня даже дома звали баронессой. Люблю, правда, чтобы все выглядело красиво, чисто, и порядок не ленюсь наводить. Но ужасно, когда приходится готовить. Слава Богу, мои родные в этом плане непритязательны. У меня не хватает фантазии, чтобы приготовить что-нибудь этаное, необычное. Вот я современные женские журналы иногда просматриваю — все так красиво, какие-то изумительные пирожки, тортичи. Но это только на картинках. У меня они не получаются. Муж, Александр Збруев, любит жареную картошку с тушеной. Будь моя воля, ела бы одни бутерброды. А вот без книг жить не могу. Часто перечитываю Динкенса...

— Что сейчас вас волнует больше всего как профессионала и человека?

— В моей творческой жизни пока все нормально. Недавно снялась у Владимира Наумова и у Сергея Соловьева. Но иногда бывает страшно — что дальше, неизвестно, вдруг уже больше ничего не удастся сыграть. Сейчас так много не востребоваанных талантливых людей. Меня волнует, что те процессы, которые идут в нашем кино, могут его окончательно разрушить. А ведь когда-то у нас был один из самых сильных, ярких кинематографов мира. Среднее поколение, которое добивалось свободы, вообще потерялось, оно не снимается и не снимает. Бесконечные убогие сериалы, мордобои, — не наш менталитет. Ведь все страны оберегают свой кинематограф как национальное достояние. Мы же просто вытираем ноги о свой кинематограф как иваны, родства не помнящие... Такое обкрадывание себя очень сложно понять.

Беседовала

**Татьяна ХАРЛАМОВА.**

Фото Игоря Глевова

# ЭТО ЖЕНСКОЕ естество...

**Алексей МИХЕЕВ**

У моей любимой девушки нет одного переднего зуба. Она выбила его себе железным обручем на тренировке по гимнастике еще в школе в девятом классе. С тех пор прошло вот уже три года, но искусственный себе она все-таки не вставила и так и продолжает ходить щербатая, и все потому, что, во-первых, ей лень, во-вторых, она боится, что сверлить будут, а, в-третьих, считает, что, кому надо, она понравится и такой.

— А весной выйду замуж за Дворникова, — говорит она мне всякий раз, когда я посылаю ее к стоматологу. — Вот захочу и выйду, захочу и выйду, он в Москву учиться едет, вот захочу и уеду с ним.

Между тем недостаток этот свой она вполне хорошо осознает и переживает очень глубоко. При разговоре всегда, как бы невзначай, прикрывает рот рукой, улыбается натянуто, косо, стараясь не размыкать губ, от чего складывается впечатление, что рот у нее вообще сдвинут куда-то на сторону. Она скрытна, застенчива, раздражительна, часто в плохом настроении и при сильном волнении краснеет пятнами, которые распространяются у нее со щек по шее и груди.

Правда, с тех пор, как у нее появился я, то есть стал для нее не просто знакомым из числа многих, а кем-то большим, пятна эти стали у нее появляться значительно реже, вести она себя стала намного раскованнее и проще и в общении с людьми сделалась более спокойна и ровна. Даже иногда стала забывать





прикрывать рот рукой, из-за чего я узнал, что все остальные зубы у нее чрезвычайно ровные и красивые, и не будь этого злополучного обруча, улыбка у нее сейчас была бы просто очаровательная, и выглядела бы она просто красавицей. Если бы все, как и я, могли бы привыкнуть к этому ее недостатку и, глядя на ее рот, не ужасались бы, они тоже бы имели возможность оценить всю ее привлекательность в целом. Но в том-то и дело, что все другие обращали внимание на этот ее недостаток прежде всего.

Друзьям своим, старым школьным товарищам, девушку свою я еще не показывал. Но, зная, что рано или поздно все равно буду вынужден ее показать, я, видимо, в качестве предупредительной меры поспешил сообщить им, что у моей любимой девушки нет одного переднего зуба, что она слишком худа, мала ростом, не бог весть как красива и так далее, в общем, представил им ее такой, какую не пожелаешь и врагу. В подготовке этой своей я настолько преуспел, что насмерть заинтриговал всех своих друзей и знакомых, и они, окончательно уже запутавшись в массе ее недостатков и в том, чего же у нее в действительности не хватает, на самом ли деле только зуба, наперебой и с нетерпением стали уговаривать меня поскорее ее к ним привести. И когда теперь порой, будучи с ними в компании, я, не докурив даже сигареты, не допив своего вина, прервав начатый разговор, вдруг срываюсь с места и, глядя на часы, начинаю быстро прощаться, они провожают меня недобрыми взглядами, недобро острят и с недобрыми чувствами, в которых я распознаю не то зависть, не то любопытство, говорят:

— К своей убогой потащился...

— К ущербной...

— К своей любимой девушке, — добавляю я, на этот раз восстанавливая истину, формулируя за них причину их зависти и определяя наконец все на свои места.

Но и это в свою очередь всего лишь игра, упражнение в казуистике, уловка, и полного успокоения она мне не несет. Все равно каждый из наших с ней общих новых знакомых уже на третий-четвертый день старается подойти ко мне для "помощи" и, как бы извиняясь, робко и ненавязчиво сказать:

— У нее же нет зуба... (Как будто я сам этого не вижу!)

Сказать доверительно, с участием в голосе и с искренним желанием мне добра. Незнакомые на улице больше одного раза к ней не обращаются, не заговаривают, второй раз на дискотеке к ней уже никто не подойдет, продавщицы в магазинах относятся к ней невнимательно, кондукторы в автобусах едва останавливают на ней свой взгляд. И даже Димка Голышев, самый близкий мой друг, соратник по всем школьным увлечениям и умствованиям, единственный, кстати, из всех старых друзей, кто мою любимую девушку видел, выбор мой уже оценил, заявив:

---

— Тебя, старик, вечно тянуло ко всему необычному. Все ординарное, постижимое простыми смертными тебе всегда было чуждо...

Впрочем, тут он не прав. Притягивало меня к Наташке нечто совсем иное...

С Наташкой первый раз мы встретились в институте на первом курсе. Я обратил на нее внимание уже на второй или третий день. “Эта девушка могла бы мне понравиться”, — отметил тогда еще про себя. Отметил так, между делом, и тотчас забыл. Но на следующий день мы встретились с ней глазами. Она шла по проходу аудитории, поворачивая голову из стороны в сторону, высматривая незанятые столы и скамьи, я смотрел на нее, и вдруг она подняла на меня глаза.

И все стало ясно как мир...

Никто никогда не может с уверенностью сказать, что и где он отыщет и что ему надо. Мы все только смутно чувствуем в себе это что-то и всё окружающее невольно сверяем с ним. Но тогда, в тот миг, мне так радостно стало от простоты и очевидности открывшейся истины, что ведь это уже все, и больше мне уже ничего не надо. Что все то, чего я ждал столь долгое время, искал всегда и везде, о чем думал с юности, томился в армии, мечтал лаборантом несколько сезонов в сейсмологических экспедициях, задумывался дома над книгой, грустил, к тому берегу, к которому я стремился всю жизнь, я так неожиданно, до невероятности элементарно, вдруг приплыл...

Не помню, что мы тогда сказали друг другу глазами, или это уже глаза постарались за нас самих. Глаза — это вообще какая-то тайна, они иногда могут сообщаться и без участия нас. Но, видимо, сказано что-то все-таки было, потому что после этой встречи мы, зная уже о существовании друг друга, оба с уверенностью так же знали, что, как бы там ни было, как бы ни сложилось, нам все равно суждено сойтись.

И какая же меня охватила досада, смятение, ужас, раскаяние, паника даже, когда неделю спустя я случайно увидел у нее этот зуб, вернее, его отсутствие, пугающую пустоту впереди рта.

Первым моим движением было, конечно, убежать, исчезнуть, сделать вид, что ничего не происходило, будто я ее не встречал. Так болезненны были уже одни мысли о ней, что я пытался как-то отделаться от них, забыться, перехитрить себя. И одно время мне это удавалось. Я опять вернулся к своим всегдашним занятиям, ходил в кино. И Наташку не видел, не замечал. Но даже тогда, избегая мыслей о ней, отворачиваясь от нее, отвлекая себя на другое, я уже понимал, что просто тяну время, оттягиваю неизбежное. А на самом деле мы с Наташкой обречены.

С Наташкой у нас было так: я говорил, и она соглашалась. Мы сидели с ней на занятиях за одним столом и понимали друг

---

друга без слов. Нам практически не надо было говорить, настолько одинаково воспринимали мы окружающее.

— Получил плюстик? — спросила она меня в самый первый раз, когда я случайно, опоздав на какой-то семинар, за неимением больше в аудитории мест сел с ней рядом. Когда на какой-то поставленный преподавателем трудный, неимоверно запутанный и каверзный вопрос поднял руку, встал и единственный ответил правильно и полно.

— Получил плюстик? — спросила она меня, и я поразился тому, как она точно определила, что должно делаться у меня внутри.

Ведь это было как раз то, что я всегда в глубине души чувствовал, еще со времен школы держал в себе: постоянное ощущение неловкости от любого рода показухи, выпячивания себя, картинности, рисовки, постоянное осознание постыдности всякого проскальзывания, проскакивания своего самолюбия, себялюбия, своей правоты. Это было то, что в последнее время в слишком заразных спорах на семинарах, в азарте учебы и поиска доказательств правильного решения поставленных на занятиях вопросов и проблем, я в себе преступил, убедив себя в том, что все равно в любом деле и поступке, пусть даже самом красивом и благородном, даже жертвенном, содержится доля тщеславия, бахвальства, "красования", наслаждения своими достоинствами, упоения своим благородством, щедростью, честностью, своим умом, своей способностью на благородный поступок, своей "красивостью", потому что такова жизнь, и эти вещи неразделимы — и оправдав себя так, преступив в себе, о постыдности всего этого забыл. А Наташка напомнила, и я сразу понял, как это хорошо, что мы с ней сродни...

Потом, много лет спустя, когда у меня уже было время все взвесить и оценить, когда уже прошел тот горячий период молодости, в котором все вещи видятся решительно в одном свете, под одним углом, образно представляемым выражением "Шерше ля фам!" и выше этого главного закона природы не мыслится ничего; да и после того, как и сама идея обетованного берега, к которому приплывают, претерпела определенную трансформацию из-за ее излишней экзальтированности, а лучше сказать, вообще потерпела полный крах, я все же часто размышлял о том, что же все-таки это было и из чего родилась вся наша с Наташкой такая тесная последующая близость?.. Из того ли только, что мы просто несколько лет сидели с ней за одним столом, готовились к одним занятиям, читали одни книги, сдавали одни экзамены — из одного на двоих совместно прожитого отрезка жизни — что и порождает в большинстве случаев общности между мужчиной и женщиной, а значит, все тогда у нас было определено случайностью нашей встречи, некой возникшей меж нами, как двумя телами, обычной природной чувственной искрой, и на месте Наташки могла быть любая другая — или мы все-та-

ки были с ней как-то изначально “приготовлены” друг для друга, так сказать, заранее были друг другу предопределены?..

Сейчас трудно уже с уверенностью что-либо сказать, все смешалось, переплелось, и нельзя уже одно отделить от другого, отделить, разграничить, выделить в чистоте, и, принимая одно за другое, легко можно обмануться. Тем более, что часто, желая верить во всевозможные предначертания и предопределения, мы даже сами готовы себя обмануть... Но остается все же память. И все то, что было с нами в самое первое время, что потянуло нас друг к другу в самом-самом начале, я помню, и помню отчетливо и твердо. И сам для себя, когда думаю об этом, являюсь и главным доказательством, и очевидцем.

Нам никогда ничего не надо было доказывать друг другу. Если кто-нибудь из нас замечал за другим “несоответствия” в его поведении, что он, к примеру, слегка кокетничает своей эрудицией, или не до конца искренен, или готов при случае, когда не очень бросается в глаза, а люди оценили какие-то его достоинства, покупаться в людском признании, потешить себя им, то нам не надо было ни уличать, ни захватывать с поличным, достаточно было со стороны отдаленно и с юмором лишь намекнуть, чтобы тот из нас, к кому это относится, сразу подобрался и опустив глаза — что само по себе говорило, что он все понимает и знает, покраснел и перевел разговор на другую тему.

Нам никогда не нужны были зрители. Что бы мы ни делали, ни говорили, как ни “экспериментировали” подобным образом с собой, мы это делали только для себя, а не для других. Мы тут никогда не нуждались в одобрении аудитории, в чьих-то восхищенных оценках, поощрительных взглядах, нам было достаточно самих себя.

Мы с ней одинаково резко относились ко всякого рода красивым жестам, ко всякому блеску, к “широким замахам”, честолюбивым планам, “масштабностям”, “глобальностям”, к понятиям “крупно”, “видно”, “с большой ноги”. Ко всему этому самоутверждению, жизнеутверждению, к этим “урвать”, “хапать”, выбиться, заполучить, ко всему этому себялюбии, отвоевыванию места под солнцем, к “упрочению” себя, — мы даже рассуждали порой, как противно жить, когда знаешь, что в основе всех твоих действий и душевных движений лежит всегда эгоизм, — к стремлению к карьере, к престижному месту, выгоде, к стремлению “заиметь” завидного супруга, о котором мечтаем все мы. Наташка даже поэтому не пользовалась косметикой, почему-то казалось, что нужно обходиться тем, что дано. Обоим было неловко использовать свои преимущества, ситуацию, даже свои способности, власть для себя, своих родственников, близких людей. Неловко было от того, что хочется славы, денег, что хочется быть отличником, что радовались, когда получали пятерки, что нам хотелось их получать. Это было, конечно, уже глумление над собой. Но нам нравилось из жизни возвращать себя на то, что есть

не жизнь. Мы проделывали это вместе и получали огромное удовольствие.

Вот мы встречались где-нибудь на перерыве, и кто-нибудь из нас говорил:

— Невозможно бескорыстно служить людям. Все наши слова о бескорыстном служении — одна чушь! Один самообман, и нет ни одной области, вида человеческой деятельности, из которой человек не извлекал бы и своего собственного удовлетворения...

И тому, другому, для которого это говорилось, не надо было разжевывать и объяснять дополнительно. Напротив, сразу усвоив ход мысли, он еще и находил подтверждающий эту мысль аргумент:

— Да. Вот бывает, сделаешь для кого-нибудь, что называется, доброе дело. Неважно что, просто сделаешь кому-нибудь хорошо. И бескорыстно. А тот возьми и не заметь, что это ты сделал... И какая же досада в тебе сразу возникнет, и жгучее желание сразу появится о себе ему напомнить. А ведь считал, что только для него старался, что бескорыстно...

Мы стали звонить друг другу по телефону. Каждый день я стал звонить ей по вечерам:

— Понимаешь, я опять забыл расписание...

— Расписание?

— Ну да, расписание...

— Ах, расписание!

И мы опять болтали часа два.

Потом у нас даже выработалась такая шутка. Это было для нас как пароль: нарочитое подчеркивание своего привычного, так уж заведенного и принятого в человеческом обществе стремления к неискренности в поведении:

— Ты не хотела?

— Конечно же, нет, я и думать не думала, мне даже в голову такое не приходило. Это просто автобус опоздал...

Часто, начав говорить еще на лекции, мы задерживались и после занятий и продолжали говорить, стоя где-нибудь в коридоре у окна:

— В 1882 году Кох открыл бациллу туберкулеза. Он доказал, что изогнутая палочка, размножающаяся в пробирках на поверхности изобретенных им желеподобных сывороток, которую он в свое время рассмотрел под микроскопом и выделил из болезненных бугорков во внутренностях умершего больного, и есть возбудитель чахотки. И только с этого момента, можно сказать, и началось наступление на ту болезнь, от которой в девятнадцатом веке умирал в Европе каждый седьмой человек от умерших вообще...

Или:

— В свое время у медиков существовала практика проводить опыты на себе. Возможно ли, например, жить на воде и хлебе?..

И годами держали себя на подобной "диете". А были врачи, которые сознательно заражали себя неизлечимыми болезнями. Скарлатиной, дифтерией, тифом, и доводили течение болезней до летального исхода, чтобы целиком описать весь процесс...

Я стал приносить ей книги, в ответ она мне тоже давала кое-что. Но я все же был старше, читал больше, и у меня был больший выбор, что ей посоветовать, что дать. Я приносил книги, которые прочел в ее возрасте, и какие мне тогда нравились, и уже предвкушал, давая ту радость, какую испытает, читая их, теперь она.

Мы стали гулять по вечерам, начали ходить в кино. И даже фильмы нам нравились одинаково. Пусть не все совпадало, она же была девчонкой, но главное мы схватывали — где правда, а где жеманничанье, трепачество.

Стали проводить вместе воскресенья. Ходили в кафе. Неподалеку от нашего лабораторного корпуса было маленькое неприметное, но уютное кафе, в котором редко бывало много народа. Мы ходили туда днем, когда почти вообще не было никого, и сидели одни в глубине зала, за пальмой в кадке, у расписанных снаружи морозным инеем окон, спросив для себя апельсинового сока, и под тихие голоса официанток, лениво переговаривающихся у стойки в дальнем углу.

В кафе мы говорили о любви. Вернее, говорила Наташка. Продолжая нашу давнишнюю уже и неизвестно как начатую тему о первопричине возникновения любви, она пыталась доказать мне, что любить можно и некрасивых. Краснела она при этом ужасно. Но все равно продолжала быть выше этого двусмысленного для нее положения и мысли, какая неизбежно должна была в этой ситуации о ней возникнуть, и говорила:

— Когда я училась в школе, в восьмом классе один мальчишка объяснился мне в любви таким образом... Они с другом решили влюбиться в девчонок, один влюбился в нашу классную красавицу Зотову, а другой в меня. И объяснился так: "Ты, конечно, хуже Зотовой. Но Зотову любит Борька (его друг), поэтому я люблю тебя". Я к этому однокласснику и так-то равнодушно относилась. А после такого признания, понятно, стала вообще ненавидеть. Но вот что интересно, ведь он долго оставался при своем мнении. Много лет прошло, продолжал в гости ходить, звонил иногда по телефону, ухаживал. Значит, выходит, можно, что-то тут есть...

Была, быть может, в этом маленькая хитрость, показать, что и у нее могут быть поклонники, не без этого, в общем-то, вполне естественная слабость для девчонки ее лет. Но в остальном... Сказать человеку, с которым ты близко знакома, в симпатии которого ты заинтересована и на которого как-то, видимо, еще и рассчитываешь, что ты не первая красавица, что ты на красоту вообще не претендуешь! Сказать такое мужчине, краснеть, смущаться, но говорить... Каждой ли такая способность дана!

Или говорила еще:

— Я всегда читать не могу фразы, какими Он, признаваясь Ей в любви, намекает на какую-то особенную любовь: “Я тебя любил бы, будь ты даже некрасива”. Это такое вранье! “Но раз уж ты красива, как хорошо, что ты такая!” Жуткая ложь!

И я поддерживал ее:

— Знаешь, я в свое время сопоставил... Все эти люди, воспевавшие красоту духовную... Все они, вместе с их княжнами Марьями, Журавушками, Прасковьями, сами женаты были отнюдь не на уродках. Сами-то любили вполне прозаически и материально и лишь распространялись о какой-то духовной самоотверженной любви...

Мы говорили долго, перебирая все, что помнили на эту тему, и только под вечер расходились по домам.

А утро начиналось с разговора о просмотренной обоими поздним вечером передаче по телевидению.

— Я вчера смотрела по телевизору поэта, как он стихи Гамзатова читал...

“Скажи, чудак, мечтаешь ты о чем? — Красавицу хочу обнять я тонкую...”

— Да, я тоже как раз на это стихотворение обратил внимание...

“Бери красавицу, а что потом? — Потом я хочу свадьбу сыграть звонкую. — Ну ладно, свадьба сыграна, построен дом, а что потом?” Потом завести хозяйство, детишек, как там еще... “Невест — сыновьям, дочкам — женихов...”

— Но вот все исполнилось: жизнь удалась, семья была прекрасная, жена красавица “и внуков полон дом, а что потом?”

— Да-да! “Но если вечно думать, что потом, у нас не будет ни детей, ни внуков!..” И ведь это гениально! Я еще подумал, что, как ни крутись, как ни мудрствуй, а истина одна, природа за нас уже все решила...

— Я к тому и начала. Я тоже так подумала.

И мы молчим некоторое время, поняв друг друга опять с двух слов и почувствовав лишний раз, что у обоих одинаково.

— У тебя так?

— Именно так.

Улыбнулись, пошли рядом.

— Но с другой стороны...

— Да, да! Совершенно верно! Я тоже подумал: ведь обязательно еще “с другой стороны!” Ведь если не думать о том, “что потом”, то не будет ничего, ни мыслей, ни стихов, не будет и самого Гамзатова. Ты молодец.

— И ты тоже.

К концу третьего семестра мы были с Наташкой уже всюду неразлучны. В читальном зале, на занятиях, на перерывах, в столовой, по дороге из института домой, на выставках, в кино.



Меня тянуло к ней непрестанно. Вместе мы ходили на студенческие вечера, вместе ездили за город, вместе читали одни книги, и даже экзамены сдавали вместе, заходя в аудиторию один за другим, и оценки в зачетку получали чуть ли не одни и те же.

И, наконец, мы первый раз с ней по-настоящему поцеловались.

Опять у нас был этот разговор, эта наша игра:

— Ты, конечно, этого не хотела...

— Конечно. Мне и в голову такое не приходило, у меня даже нет такой потребности, не испытываю никакой нужды...

И я обнял ее и поцеловал. Она ответила. И у меня буквально поплыло все в глазах. Я только чувствовал губами ее теплые губы и продолжал держать ее голову в своих руках...

После этого мы с ней вообще уже просто сошли с ума...

Надо сказать, что не у всех наши с Наташкой отношения вызывали удивление. В группе нашей, в которой нас знали обоих и знали хорошо, они не казались странными ни для кого. Однокашники с самого первого дня учебы отвели нам с Наташкой одно одинаковое на двоих положение и воспринимали нас уже только в совокупности, вместе, вдвоем. Мы еще даже не поговорили друг с другом, не сели рядом, а отношение к нам уже было одно.

Если, к примеру, надо было идти в деканат просить о назначении себе стипендии, привлекая для этого всяческие справки и разнообразные доказательства своей нуждаемости, то в группе знали, что мы с Наташкой просить не пойдем, мы справки приносить не станем. Если надо было идти уговаривать кого-то о перенесении срока экзамена, то от нас двоих ждали — мы не будем, на нас в этом полагаться бесполезно, и к нам не обращались, а посылали кого-то другого. Мы никогда не будем оправдываться, если кто-нибудь начнет заблуждаться на наш счет — и слова не пророним, только торжественно промолчим. Не примем материальной помощи, откажемся от предоставляемых поблажек, не воспользуемся привилегиями. Оба мы с ней были воспитаны в довольно благополучных семьях, оба были достаточно избалованы и оба были беспредельно, непомерно, просто болезненно горды. Нас было проще распыть — и в этом и сказывалась вся наша гордость — выгнать из института, оговорить, лишит стипендии, даже испортить биографию на всю жизнь, чем заставить идти просить об одолжении, о снисхождении, об отсрочке. Оба мы возмущались публичным разбором на собраниях личностей своих сокурсников, введенным правилом оценивать значимость людей, руководствуясь оценками и баллами за совершенные дела. Оба понимали, что нельзя давать призы на конкурсах за дружелюбие, что нельзя награждать за спасение утопающего, категорически были против торжеств, которые устраивались в честь таковых и на которых награждались грамотами (за само-

отверженный поступок награждать — стыд и позор!..). Оба в поездках с курсом за город или на уборку в колхоз, где мы ели со всеми за одним столом, мы всегда оставались голодными, особенно если как раз сильно хотели есть, потому что, стесняясь этого своего желания, мы всегда брали меньший кусок. И оба в глубине души чувствовали и свято верили, что работать — это еще не значит зарабатывать деньги, что писать книги — еще не значит стремиться к славе, что получать ученую степень — не значит зарабатывать авторитет, что за всем этим должно быть что-то еще...

И поэтому ни для кого в группе не было удивительным, что в конце пятого курса мы с Наташкой поженились...

Не верю и никогда не верил людям, с пренебрежением отзывающимся о красоте телесной, умалющим и унижающим ее ради ими же сконструированной, так называемой красоты внутренней, которой они, кстати, чаще всего прикрывают свою физическую ущербность. Телесная красота — это вещь божеская, несравненная. Есть в человеке какая-то неизбывная тоска по совершенству, по безукоризненному, по идеалу, по тому, что ценится абсолютно всеми без исключения людьми. Извечная жажда обладания эталоном толкает тебя к этому прекрасному, пусть созданному даже порой лишь модой, и даже чаще всего именно модой, заставляя тебя напрягаться в стремлении достигнуть этого предмета всеобщего поклонения изо всех сил. Пусть всего лишь мода, пусть массовое стихийное сознание, неразумное стремление, но так сладостно обладать этим всеми желанным, держать его в руках, ощущать какие-то права на него и, тем более, владеть в нем тем сокровенным, тайным, о чем для других невозможно даже думать. Господи, как упоительно, зная все это и ощущая свои права, просто смотреть на нее...

В тот день, когда я познакомился с Ларисой, шел дождь. Мы с ней стояли на автобусной остановке, и я предложил ей свой зонт. Надо признаться, это было для меня довольно отчаянным решением, поскольку, несмотря на всю мою тогдашнюю бурно складывающуюся жизнь, благосклонные взгляды девушек, успех в околоуниверситетской среде в связи с удачами в моей начавшейся уже тогда, в студенческие годы, и ставшей потом основным занятием моей жизни работе, я застенчивым и нерешительным оставался таким же, каким и был в юности.

Потом я мог часами смотреть, как она одевается перед зеркалом. Это было просто изумительнейшее действо. У нее была бездна вкуса. И неважно, что говорила она в этот момент что-то в высшей степени несущественное или даже глупости и выше разговора о погоде не считала нужным подниматься, но никогда на ней не было пояса или браслета не в тон прическе или юбке, никогда бы она не смогла надеть лишнего украшения или каких-

нибудь “следочков”, и все в ней, начиная от нижнего белья и кончая заколкой в прическе, было прекрасно, представляло одно целое, и когда она вставала из-за зеркала и выходила из дома, можно было с уверенностью сказать, что это было “произведение искусства”.

А как она танцевала!.. Как умела танцевать... В танце ей не требовалось партнера. Любой партнер рядом с ней был не в счет. Ей нужен был лишь выход. И она сразу покоряла всех.

С ней было радостно бывать у знакомых, на людях, в гостях. Она только садилась в кресло, занимала в нем какое-то свое положение, и на нее уже невозможно было не смотреть. Она опять привлекала внимание всех.

Бывали случаи, когда я смотрел на нее со стороны, у меня даже слезы выступали от восхищения. И лишиться, потерять такое, добровольно выпустить из своих рук, одна мысль об этом до такой степени казалась абсурдной, что, казалось, она и в голову не может прийти. Сколько мучений, сколько боли было у меня потом, когда я все же вынужден был выбирать между нею и Наташкой. Сколько событий, драматических ситуаций, безвыходных положений, переживаний, отчаянных сцен и много чего еще было, когда я, собрав все силы, решился все-таки от кого-то из них отказаться, вернее даже сказать так: решил отказаться от Ларисы, потому что в глубине-то души я всегда знал, еще даже когда знакомился с ней, кого я, не имея счастливой возможности совмещать, предпочесть должен. Сколько мук, страданий принесло это мне, да и всем, сколько удобных мыслей понапридумывал я, чтобы выговорить себе хоть какую-то отсрочку, чтобы хоть на время сохранить все как было, например, мысль о том, что я не могу без них обеих. Что Наташка — это для меня все, что есть во мне, как моя душа, а Лариса — все, что есть во мне остального.

Наташка — это мир обыденности и спокойствия, искренности и доверия, душевности, отсутствия суеты, где прежде всего ценятся порядочность и честность, отзывчивость, доверительность, доброта, это мир нециничный, мир без претензий и снобизма, естественный, немудреный, простой, мир, из которого мы с Наташкой оба. И мир непростой, мир творчества, гения, свершений и ума, мир красоты, славы и везения, где суетой считаются уже совсем другие вещи, а именно: те же отзывчивость и душевность, доверительность, — где не верят слезам, а верят только в успех и победу, в право сильного, где прекрасно осознают, ни на минуту не обманывая и не вводя себя в заблуждение, что во всем один эгоизм, где ценят только способности, интеллект, где главное мерило — телесная красота, главная добродетель — дело, “созидание”, “творение”, делание, а все остальное — пустое; доброта, альтруизм — красивые слова, это для заурядных людей, из области условностей, человек же творчества и ума, презрев красивые слова, знает, что люди одиноки всегда, и что главное в жизни —

это его работа, он знает, что в философском смысле человек одинок абсолютно, что его не сможет понять никакой другой человек, ни друг, ни женщина, человек на одиночество обречен. Это мир мудреный, сложный, неординарный, который я очень плохо знаю, но к которому своей творческой сутью я тоже принадлежу и в котором втайне хотел бы себя проявить, так как чувствую в себе, что могу, но потом все равно уйти от победы в свой естественный маленький мир, потому что этот настроенный на внешность и глобальность мир я все же презираю (пусть я готов согласиться с тем, что это презрение плебея, заурядного, к тому, что ему не дано, но я так был воспитан и не считал нужным менять свои убеждения). Я еще не знал, не был в этом уверен вполне, но догадывался, что там скучно, что там величайшая тоска, когда никуда нельзя спрятаться от вечной игры, вечного напряжения, вечного обдумывания своего поведения, неискренности, умничанья, борьбы за победу, что остаться там навсегда, без Наташки, без возможности к ней из него уйти, это еще хуже, чем вообще этот мир не видеть...

Мы жили тогда с Наташкой в чужом городе, после распределения, в служебной двухкомнатной квартире, одни, без друзей и родителей.

Мы встречались вечером на площади у парка, Наташка приходила в белой вязаной шапочке, в синем пальто с покрытым ином меховым воротником, и как она идет ко мне навстречу по тротуару среди прохожих, я замечал еще издали.

Она подходила, порозовевшая от мороза, с румянцем на щеках, и снежинки таяли у нее на ресницах. Мы целовались, прикивая друг к другу всем телом, и на то, что кругом были люди, и на то, как они на нас смотрели, нам было совершенно наплевать.

Губы ее были холодные, щеки тоже, и пахло от нее яблоками и свежестью. Я обнимал ее за плечи, прижимал к себе, и мы шли с ней гулять, начиная свой маршрут, как всегда, с кино и магазинов. Мы так любили ходить, лишь соприкасаясь ладонями, как делали когда-то, и ощущая присутствие друг друга рядом с собой. Проходили многие километры по городу, согреваясь на выставках и в музеях. А вечером были у себя дома вдвоем...

У нас навозникали свои общие заботы, дела. Утром надо было купить молока и хлеба, вечером сходить в прачечную, принести газ, заплатить за квартиру, забрать из починки часы. И это был наш дом.

А ночью все области наших рук, ног, тел принадлежали только нам. И это была главная наша на двоих собственность. Это была семья...

Тот первый поцелуй был памятен нам обоим. После него наступил новый период в наших отношениях. Начать с того, что мы долгое время не решались поцеловаться еще раз, страшно

было, страшнее, чем в первый. Так страшно, как бывает, когда только об этом одном и думаешь, ходишь вокруг да около, и уже оба знаете, что это должно быть, но все никак не наберетесь смелости начать, и ты много раз уже наклонялся к ней и каждый раз все равно проносил лицо мимо, маскируя это свое неловкое движение под какой-то глупый предлог, и она в это время без конца что-то говорит, говорит...

Мы сполна отдали дань робким отношениям влюбленных, бесконечным расставаниям у подъезда ее дома, когда тысячу раз уже желали друг другу спокойной ночи и все продолжали стоять. Рассветам, долгим сидениям на скамейке, тому, как, провожая ее в зал кинотеатра или из театрального гардероба в фойе, забываешь на некоторое время на ее талии руку или на секунду оставляешь ладонь на плече, поправляя воротничок, и потом, когда вы идете сколько-то после, оба сосредоточенные мыслями и ощущениями на прикосновении, оба молчаливые, напряженные, хотя и занятые наружно чем-то другим, внутренне же чуть ли не кричащие изо всех сил. Картины после этого, конечно, вы не видите, спектакля не помните, и возвращаетесь из театра как на иголках. И на другой или третий день где-нибудь в подъезде при расставании бросаетесь друг другу на шею и сталкиваете губы в поцелуе...

А сладость первого прикосновения к телу... И встречное желание, вздрагивающие пальцы, плечи, грудь... Или когда руки, до этого много дней безжизненно лежавшие у тебя на плечах, вдруг плотнее прижмутся к ним ладонями, и ты услышишь шумное дыхание у своего уха...

А праздник освобождения себя, праздник дозволения, свободы...

Нерешительным людям жизнь дает одно неоспоримое преимущество. Разогревая себя своею же робостью и застенчивостью, они доводят свое желание до такой степени остроты, до такой силы, что, когда, наконец, зажмурившись и преодолевая страх, будто бросаясь в бездну, совершают задуманное, прикосновение, поцелуй ли, то на дне этой бездны, когда вопреки ожиданиям тебя подхватывает теплая, ласковая встречная волна, от своего умиления и благодарности, с захлебнувшимся восторгом сердцем, они просто лишаются сил. И трудно себе уже представить более сильное ощущение, потому что иначе человеку пришлось бы уже умереть.

А радость обладания своими телами, радость от того, что оно у нас есть, предоставлено нам в пользование. Например, соски ее. Ей, чтобы я мог, зацеловав их, доставить ей миг предвосхищения счастья и истины, а мне, чтобы я мог изнемогнуть от томления, целуя их...

И то, наконец, к чему мы готовились так долго... И что полагалось моментом дополнительным в наших "духовных" отношениях, при которых это должно происходить примерно так.

Вот, вас тянет друг к другу “духовно”. Но остается тело. И нет, вроде, причин этого избегать. И вы решили.

И вот вы дома, наедине. Вы раздеваетесь друг для друга. Открываете крепкие тугие груди. “Я рада, что у меня есть, чем тебе понравиться...” Крепкие крутые бедра... “Я рада, что тебе приятно касаться их руками”. “Ты умен и ловок”. “Я рад, что могу доставить тебе удовольствие...”

Вы решили получить радость от того, что не является предметом вашей близости, а от другого. Не от того, что тянет вас друг к другу и от чего вы получаете радость постоянно и что является, на ваш взгляд, человечнее, выше, духовнее, оно ничем не заменимо, потому что то, телесное, появилось и кончилось, а это, незаменимое, останется и потом, когда вы будете просто лежать рядом. Но вот вы, тем не менее, все же решили вместе, вместе еще и здесь, обрадоваться тому, что представляет вам ваша природа, вместе удовлетворить и ваши телесные желания, которые, собственно, могут быть удовлетворены с кем угодно, с любым приятным мужчиной, с любой симпатичной женщиной. Но как в дополнение к вашей общности, которая как раз не может быть с любым, а только с очень редким, и запрещая это себе с другими, при позволении это делать только между вами двумя — это приобретает для вас, когда оно только для вас двоих, гораздо более высокую, исключительную ценность. И такое положение вещей, наверное, и есть идеальная основа любви. Любви, в свою очередь, тоже идеальной...

Но с Наташкой все получилось не так. Слишком она была для этого молода, и у нее не хватало одного переднего зуба.

И поэтому, когда у нас все уже было решено, и оставалось только последнее, она сказала: “Нет”.

— Ну, Наташка, мы же договорились... — сказал я.

— Нет, нет, нет.

— Ты как ребенок.

— Нет. Я боюсь.

— Я тоже не из храбрых...

И после этого мы улетели в никуда...

Человеку нужна одна женщина, чтобы прожить с ней всю жизнь.

Наташка дала мне все, что может дать мужчине женщина. Начиная с омута счастья, в котором оказались мы оба, и кончая всеми оттенками поздней отцветающей любви. Я открыл с ней, что главное качество для мужчины в женщине — это ее слабость. Слабость умиляет, переполняет нежностью, заставляет любить. Наташка даже иногда не знала, где у нее правая, где левая рука, чтобы ответить, начинала представлять, думать, а то могла и ошибиться. Или вот у нее еще была маленькая ладошка, ладошка-дощечка, с совершенно немзыкальными пальцами, крохотная ладошка, и когда она мне делала ею

---

на прощание из автобуса, сердце разрывалось от жалости и любви.

Но главной отличительной ее чертой была, разумеется, гордость. Наташка всюду старалась проявить свою независимость, вплоть до того, что, не желая пользоваться моим опытом, бралась сама забивать в стенку гвоздь, пусть даже и попадая себе при этом по пальцу. Никогда не опускалась до просьб, до проявления чувств, до обращения. Не первый год мы с ней уже были знакомы, а я даже не знал, как она меня зовет, ни разу не слышал, чтобы она называла меня по имени, всегда, если что-то было нужно, она подходила и без обращения сразу начинала говорить. Лишь однажды во время сильной ссоры, виновницей которой была она, когда я уже отвернулся и пошел от нее прочь, чтобы уж совсем, полный обиды и злости, она, оставшись на середине тротуара, засыпанного осенними листьями, окликнула меня: "Сережа!" И от этого одного слова я обомлел. Она сразу застеснялась сама себя, а я, переполненный нежностью и благодарностью, помню, конечно же, все простил...

Хорошо запомнилось лето в нашем родном городе на родительской даче, где мы жили одни, семьей. Тогда у нас был уже ребенок...

Я сижу наверху в мансарде, пытаюсь заниматься своей работой (в то время я уже заканчивал диссертацию), Наташка — внизу с сыном, готовит обед. Лишь иногда подбросит мне Пашку, чтобы сходить в сад. Я воюю с ним, Пашка озорничает, рвет листья. Опускаю его вниз. Занимаюсь. До обеда иногда хожу купаться, приношу воды, беру с собой на берег Павла, иногда езжу в город за продуктами. Обедаем. Наташка кормит меня и сына, я намазываю ей на хлеб масло, делаю "вкусный" бутерброд, подаю чашку, нож. После обеда Павел спит. Наташка тоже спит, я читаю книгу или занимаюсь своими делами наверху. Ужинаем. Я воспитываю сына, он не слушается. Убираю посуду, наливаю всем чай. Читаем, я занимаюсь, гуляю с Павлом, и кончается день.

И так месяц. Ровно, буднично, а вечером, когда ложимся с Наташкой в постель, маленький праздник. Мы об этом с ней не говорим, готовясь ко сну, ничем себя не выдаем, не спешим. Но Наташка на веранде особенно тщательно моет ноги. И мы помним об этом оба. И вот уже легла. Я еще умываюсь, или, может быть, зачитался, чищу зубы. Но вот пришел, ложусь. Повыше закатываю на ней вверх рубашку...

Женское тело, мягкое, нежное, круглое, теплое, это все-таки нечто божественное. Когда оно лежит в твоей постели рядом с тобой, всегда под рукой, данное тебе в обладание, всегда готовое для тебя — это величайший праздник жизни, подарок. И ты осознаешь его как главное одолжение природы, каким только смогла отметить тебя жизнь...

Конечно, все проходит. Прошло и это. Многое изменилось, я изменился, целиком отдался своей работе, своим делам, да и Наташка подурнела после вторых родов. Да и дал знать, конечно же, момент ее изначально несовершенной внешности, не без этого. Уходы, расставания, разочарования, мелочность быта, тоска, разрыв... Да разве все перечислишь... Но все равно того момента какой-то полнейшей, сумасшедшей, абсолютной близости, какая была у нас с ней, не было ни с кем и никогда...

Вот вечером грустно. Чаще это бывало после крупных ссор, ссор на грани ухода. Когда уже появлялась мысль о том, что можно существовать и отдельно, с другими, уже думали об этом! — но неизменно возвращались к одному: друг к другу. Сидим вечером, посмотрим каждый на другого, и как из дальних странствий в родные края. Все наносное. Убеждаем себя, что можем прожить одни, с другими, что все будет так же, в мире есть только половое влечение, и все на нем и выстраивается, одинаково у всех как две капли воды. Убеждаем себя — так и живем, заглущая то хрупкое, что у нас есть, лишь бы только не думать об этом, так это больно и страшно, а вдруг придется потерять?.. И занимаем себя суетой, мыслями, теориями всякими, подобными этой, открытиями, достижениями. Но в глубине все равно что-то говорит: не то, все наши мысли — не то, это уходы в сторону, прятанье головы в песок. Но живем, стараясь не открывать глаз, не поднимать головы. А вот тут вечером присматриваемся друг к другу, приглядываемся опять — и вдруг понимаем, что ведь мы даны друг другу — в утешение... Вот морщинка около глаза — открыл сейчас, раньше не замечал — и такая ласка к ней и нежность. Но почему-то еще не подходишь с искренностью, сдерживаешь себя, где-то еще натянуто, и продолжаешь смотреть издалека. Тихо так сидим, только спицы ее стучат, вяжет, хотя понимаю, что главное для нее сейчас меня слушать, соскучилась по этому, как и я. И спросит еще она, тихо шевеля спицами:

— Почему так грустно бывает иногда? Три дня назад, когда в гости к родителям ездили, например, без всякой причины чуть не расплакалась, выходя из булочной.

— О, это мне хорошо знакомо, — отвечу я. — Это, видимо, случайное, внезапное соприкосновение со сферой вечности, с вечностью одиночества, есть такое определение. Массив одиночества. Это чаще всего и приходит случайно. Так ходим, не замечаем, и вдруг через прореху с космическим соприкоснемся, с этой огромной, неумолимой, жестокой истиной, коснется она тебя. Это значит, стареем, слабые стали. В молодости не замечали, все же покрепче, повыносливее были. Я сейчас, например, иногда плачу над ерундой, над детским “лягушка съела кузнеца” — а ведь смешно!.. Или над банальным рассказом, пошлой сентиментальщиной: они встречаются через много лет, преодолев бесчисленное количество препятствий, после



долгого перерыва — и все, я уже рыдаю в три ручья. Аж за себя стыдно...

И вот мы наконец подходим друг к другу. Я еще обниму ее и прижмусь к ней головою. Поговорим мы еще о постороннем. Потом я поцелую ее нежно в лицо. У нее на щеках красные пятна румянца. И неважно, какие там “крепкие” ли, “тугие” ли груди, “крутые” ли бедра, совершенно неважно, одна кожа и вот это невообразимое счастье: касаться губами кожи любимого существа. И к черту все мои рассуждения здесь об отдельности влечения и существования только чувственности, на которой строится все одинаково у всех, к черту все эти умствования и слова. Такого, когда мы потом, позже, медленно шли навстречу друг другу — у меня не было ни с кем и не будет уже, видимо, никогда... Ну а что касается ее зуба, этой ее несовершенной внешности, то с ней я разобрался еще в самом начале нашей супружеской жизни.

Вот я иду с работы домой, выхожу из автобуса. Наташка стоит в очереди у хлебного киоска, и я замечаю ее внезапно. Стоит среди хорошо одетых красивых молодых женщин, уже не девчонка, беззубая, с покрасневшим на холоде носом, плохо причесанная, без особого вкуса одетая, сама себя стесняется, глаз поднять не смеет. И я вижу ее со стороны. Так сказать, эффект постороннего взгляда. И это моя жена! И подойти-то стыдно. Как же это я? На мгновение даже убежать хочется. Но куда убежишь? Ты с ней связан, теперь тебе с ней жить... С такой вот... И я подхожу...

Она радостно здоровается. И так рада, что скрывает из гордости, но все равно по ней видно, что ужасно рада, на всех уже глядит прямо, не боится, и потом с надеждой глядит на меня.

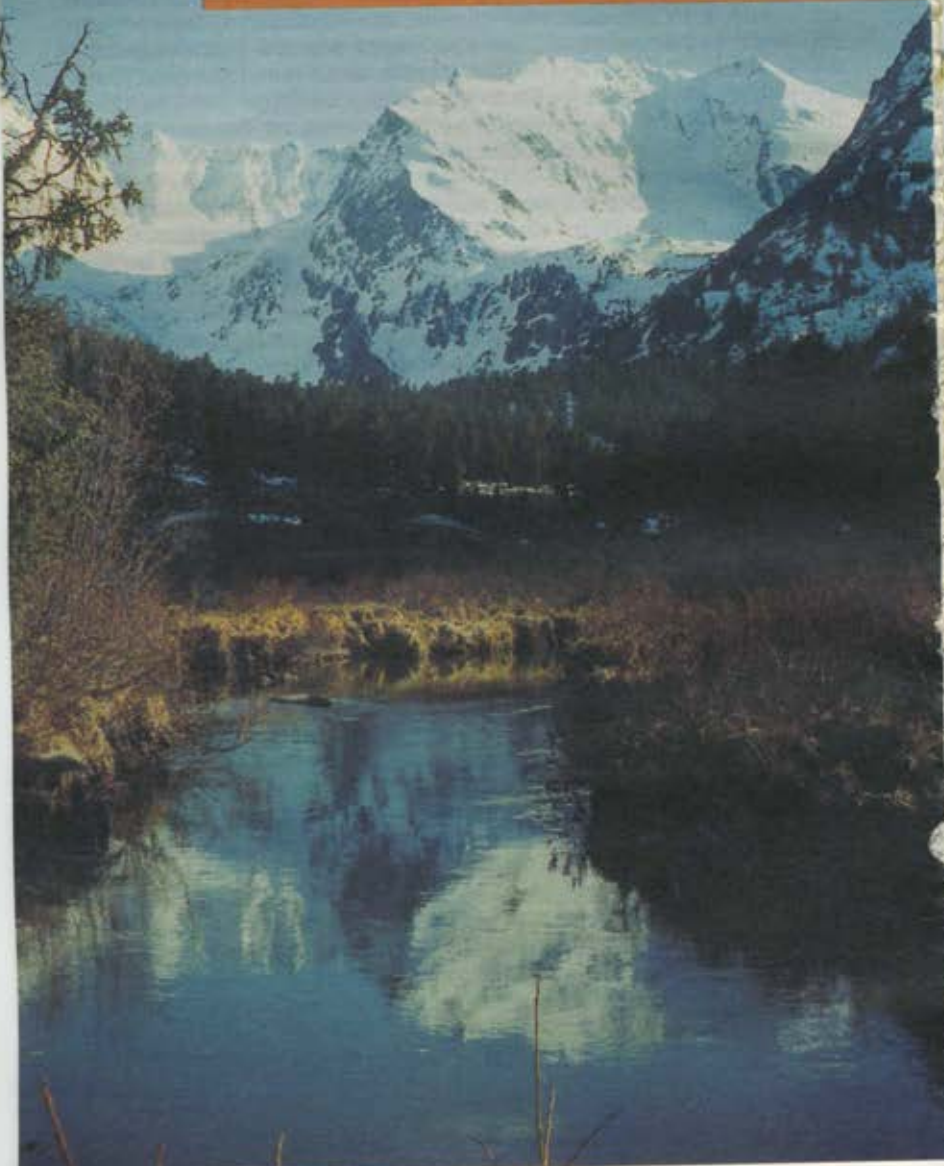
Но чуткая, сразу понимает, с чем я к ней подошел, видит мгновенно, что не нравится, гадка, что я ей сегодня не помощник. И сразу опять опускает глаза. Но вида не подает, продолжает крепиться, улыбается иногда, поддерживает разговор. А как жалка... И вспоминаешь вдруг, что ведь она так всю жизнь!.. В театре, например, даже постесняется спросить, где продают программки. Всегда мучается, страдает от чужих взглядов, зависит от любого слова и ждет только, чтобы кто-нибудь оценил. Но никто... И лишь ты один, Господи, один ты можешь сделать ее счастливой. И так мало ей для счастья надо. И так мало тебе сделать для этого надо. И я делаю. Целую ее. Боже мой! Как расцветает сразу она, как блестят ее глаза от благодарности. И я увожу ее от толпы, и все видят, что мы уходим вдвоем. Она не смотрит ни на кого, но горят ее щеки румянцем, и как бы для полного торжества она еще и нерешительно (а то как же, страшно ведь), робко берет меня под руку. Такая уж она. И ты готов за эту робость расцеловать ее еще раз, тут же, при всех, назвать ее своей любимой, поднять на руки, и пронести так через всю жизнь...

Боже мой, как верится тогда во все это...

Анатолий ЦИРУЛЬНИКОВ

# Планида Калошина

---



**С**обирать книги он начал еще летчиком в Аэрофлоте — летал всюду, денег было много, покупал. Друзья пользовались. И вечно на обрывках оставляли расписки. Вдруг пришла в голову мысль, непонятно откуда: надо оформить, чтобы была библиотека. Раз пришла мысль, два... А если, говорит он мне, мысль приходит к вам не однажды, к ней надо прислушаться... В периховских местах, в Уймонской долине. Да, он тогда еще летал. Был туман — Новосибирск закрыли. Сели в Барнауле. И он решил: пошел в отдел кадров и спросил: вам не нужен в какой-нибудь маленький аэропорт в горах сторож? На него посмотрели с недоумением — штурман, двадцать лет стажа, красивый мужчина — и говорят: сторожей хватает, а вот нужен диспетчер в Усть-Нонсу.

Он уволился из Аэрофлота, ушел на пенсию, и три года, пока аэропорт в Нонсе не закрыли, работал диспетчером. Построил дом для книг, зарегистрировал: "Народная библиотека Уймонской долины им. Е.И.Перих".

После этого, говорит, ему сразу стало легче. Как после реинкарнации.

### **Тысячный читатель**

*"Мы переходим из одного мира в другой, почти такой же, и тут же забываем, откуда мы пришли; нам все равно, куда нас ведут, нам важно только то, что происходит сию минуту. Ты представляешь, сколько жизнью мы*

*должны прожить, прежде чем у нас появится смутная догадка, что жизнь не исчерпывается едой, борьбой и властью в стае..."*

*Ричард Бах. "Чайна по имени Джонатан Ливингстон"*

Дом с застекленной террасой — на окраине села, рядом лес и горы. Я был в сентябре, в золотую пору, прихватил немного дождя, а что тут зимой — можно лишь представить, как по заледенелому подвесному мосту идут читатели. Интерьер не деревенский: картины, скульптуры. Во всех комнатах книги. Сам библиотенарь обитает в закутке два на четыре.

Став юридическим лицом, Леонид Налашин поехал в Москву, добрался до директора "Ленинки" и представился: я такой-то, из алтайских лесов, не поможете? Его завели в катакомбы с бесконечными стеллажами, сказали: бери, сколько унесешь. И он сидел днями и ночами, руны все черные, и выбирал — дореволюционные фолианты, "Война и мир" издательства Сытина, Бронгауз и Ефрон...

Второй была столичная сельскохозяйственная библиотека, куда Налашин набегал даже дважды, теперь местный агроном набирает у него целую коробку книг: животноводство, семеноводство, почвоведение...

Собрал 25 тысяч томов.

В народной библиотеке Уймонской долины, когда я туда пришел, дети за столом играли у горшка с цветами. "Этот тюльпан, — говорил им Налашин, — можете взять и посадить". — "А как за ним ухаживать?" — "Я то-

же не знаю, — признался Калошин, — вот весной посажу и посмотрю”.

Заявлялись из ближайших деревень и из дальних, везде у Калошина обнаруживались читатели. Однажды пришел тысячный, им оказалась учительница, и Калошин подарил ей антологию гуманной педагогики Амонашвили...

В основном в библиотеку записываются дети, но берут книги и для родителей. А некоторые сами приходят — с такими испытанными физиономиями. Калошин сначала давал книги с опаской, но они аккуратно возвращают. Приезжают на конях, телегах, берут книг помногу. И учителя тоже много заказывают, коробками уносят, и вот таким образом, замечает Калошин, педагогический процесс улучшается.

Число читателей сильно выросло, когда он завез учебники. Из московского Северо-Западного округа привез в Консу два пятитонных контейнера — одиннадцать с половиной тысяч учебников. Из библиотеки Ушинского — тысячи списанных книг. Учителя говорят, что у Калошина теперь лучшая педагогическая библиотека в Горном Алтае.

То, что больше пяти экземпляров, Калошин другим библиотекам раздает. Будь у него автобус, мог бы все деревни объезжать и выдавать книги. А пока к нему приезжают библиотекари и набирают по две кипы: одну для взрослых, а другую для детей.

“Ты из Башталы?” — “Ага. У вас есть физика для седьмого класса?” — “Только что последнюю отдал. Где ты была раньше?” — “А биология?” — “Биоло-

гия есть. Тебе серую?” — “Нет, желтую.” — “Желтую разобрали. Поздно ты, подружка, прибежала”.

В первых числах сентября тут у него не продохнуть. Родители бедные, многие не получают зарплаты, не могут ребенку купить учебник. И вот Калошин ездит и достает на весь район. А сам... зима на носу, а у него дров нет.

## **Куплю все**

*“Смысл жизни в том, чтобы достигнуть совершенства и рассказать об этом другим... Мы выбираем следующий мир в согласии с тем, чему мы научились в этом. Если мы не научились ничему, следующий мир онажется таким же, как этот, и нам придется снова преодолевать те же преграды с теми же свинцовыми гирями на лапах”.*

*Ричард Бах. “Чайна по имени Джонатан Ливингстон”*

Отношения между Калошиным и детьми похожи на те, которые описал другой летчик, сделавший вынужденную посадку в пустыне Сахара. Он, как вы знаете, встретил там мальчика, угадавшего, что на рисунке не шляпа, а проглоченный удавом слон.

Дверь библиотеки открывается, мальчик спрашивает: “Рисунки принимаете?”

Когда у Калошина идет конкурс рисунков, здесь все картинами облеплено. Рисуют на обоях, на склеенных листах заявок на гранты, на обороте стенного календаря. “Задумчивый житель саванны”. “Ноты-аристократы”. Или вот произведение, называется: “Чтобы мир был полон людей. Никто ни на кого не обижался”.



фото автора

Подписано: Н.Н., то есть Назанцева Надя из шестого класса. "Она, — говорит Налашин, — уже как маститый художник подписывается — Н.Н. А еще есть М.О."

Раз две девчущи копировали профиль, и у одной Пушкин очень хорошо получился, а у другой не похоже. Налашин хотел сказать, смотрит, а она подписывает: "Брат Пушкина". Единст-

венный, наверное, в мире такой рисунок.

Без призов никто не остается. Дети — замечательные художники. И вообще замечательные, если с ними заниматься. Один его знакомый ездит за семь километров на велосипеде в другую деревню, там с детьми рисованием занимается, и эти дети все первые премии у Налашина получают.

В очередной свой набег в Москву зашел народный библиотекарь в Академию художеств, попросить книг. Вдруг видит, а навстречу идет сам Церетели со свитой. Калошин к нему, как ко всем: не поможете? Церетели говорит: ну, иди к кабинету. Бросил царственный взгляд на детские рисунки, взял координаты, сказал, вот будет фонд... Но так и не помог. Ну, может, забыл, много нас таких, сказал Калошин и усмехнулся. Отвлекусь, говорит, от темы.

В подземном переходе, знаете, стоят люди, держат в руках объявления: "куплю медали, ордена", "куплю золото". А один хлыст у Киевского вокзала стоит с объявлением: "КУПЛЮ ВСЕ". Я, говорит Калошин, шел и очень долго смеялся...

Как-то он приехал к Амонашвили на семинар, но опоздал, смотрел в зал через занавески. Полный зал молодых людей, и настолько, говорит, было приятно на них смотреть. Обычно — масна на лице учителя, а тут полный зал молодых светлых лиц. Радостно видеть, что все не заглохло, несмотря ни на что... Я, говорит Калошин, был летчиком, теперь библиотекарь, в педагогике не спец — и то у меня столько задумок. Будь я министром, все бы усовершенствования провел через детей, начиная с садика. Что творится в стране — тысячи беспризорных. А умницы? Их тормозит общий уровень, а к умнику информация идет из космоса. Ученым бы все это обдумать, говорит Калошин свои наивные вещи. С чего начинается страна? С учителя, библиотекаря — эти условия надо поднимать.

Читатели подрастают, и среди них встречаются такие смышленные. Один говорит: я одну библиотеку всю перечитал и вашу перечитаю. Дядя Леня, у вас лучшая библиотека... Такой парнишна никогда не свихнется. Книгу когда выбирает, у него взгляд серьезный. Я, говорит Калошин, таким в детстве не был. А этот мальчик будет необычный. Их пятеро ребят ходит и бабушка. И нание все дети хорошие. Бывают такие семьи. Как подарок.

Самый драгоценный подарок достался Калошину вот какой: ходила к нему читательница-четвероклассница, красивая — сказка. Однажды пришла, топчется у стеллажей то тут, то там, не может выбрать. Ну, он подобрал ей хорошую книгу. Девчужка ушла, задумавшись. А я, говорит Калошин, провожал ее взглядом, вот отсюда, где вы сидите, смотрю, она вышла из налитки, раскрыла книгу и поцеловала. Представляете? И пошла по заснеженной тропинке, читая. Вы, может быть, говорит Калошин, понимаете мое состояние... А ее отец против того, чтобы она сюда ходила. Библиотека Уймонской долины, Рериха, а к рериховцам отношение разное. Слухи распространяют, залегухи, чем нелепее, тем, думают, больше поверят.

Раз приехала проверять одна из администрации, в черном кожаном плаще, пенсне — вылитый Берия. Ходила-ходила, изучала. Ну и что тут особенного, говорит, библиотека как библиотека. И тут же сама записалась и взяла книгу — "Предсказания Нострадамуса". В другой раз к Калошину нагрянули пожарные и закрыли из-за того, что нет схемы мар-

шрута эвакуации. А какой маршрут, если у него одна дверь?

Ну, ничего, потом снова открыли, и в библиотеку еще четверста человек записались. Так вот, насчет благодарности, ту девчущку, что книжку поцеловала, отец бьет за то, что здесь бывает, и она ходит теперь редко, украдкой. Эта девчущка, говорит Калошин, такая для меня награда. А у нее подружки: одна печенье ему принесет, другая — соленый огурец: "Дядя Леня, покушайте..."

### **Вид Сатурна из Уимонской долины**

*"Он говорил об очень простых вещах: о том, что чайна имеет право летать, что она свободна по самой своей природе и ничто не должно стеснять ее свободу — никакие обычаи, предрассудки и запреты. Существует только один истинный закон — тот, который помогает стать свободным, — сказал Джонатан. — Другого нет".*

*Ричард Бах. "Чайна по имени Джонатан Ливингстон"*

Пропасть, в общем, ему не дадут. Автономная электростанция на два киловатта — от Джорджа Сороса. Грузовик — подарил один филантроп из Новосибирска. Эти вот стол, полки, лавки — тоже все люди сделали. Картошку помогли выкопать и в подвал опустить. Калошин же, как все здесь, на натуральном хозяйстве.

Так что библиотека во всех смыслах народная. Кто чем мог, тем и помог. И вы, может быть, поможете, говорит мне Кало-

шин, и ваши знакомые. Все, что залежалось: книги, учебники. Что в городе не нужно, там другие программы. А тут все пойдет. Все равно это какими-то учителями было придумано, лучше, чем ничего. Попробуйте использовать свои знакомства с издательствами, а я, говорит Калошин, раз в год езжу в Москву, возвращаюсь с контейнером. Детишки уже ждут, вы ведь слышали?

Он здесь один, а на нем и библиотека, и огород, и дом надо достраивать. Самому читать книги некогда. Ложится в час ночи, встает в полседьмого. А помощников нет. Временные попутчики. Приезжают перебиться, перезимовать, говорит он, а чтобы всего себя отдать библиотеке — такого нет. Но он ждет, может быть, Бог пошлет.

Я спросил: вы живете тут восемь лет, как думаете, что происходит с деревней? Как везде, сказал Калошин, с одной стороны, наверное, вымирает. Даже удивительно, что где-то что-то посеяли, жнут. "А с другой стороны?" — "А с другой стороны, — говорит он и смотрит на меня большими, спокойными, ясными глазами, — очень много детей".

Как это, не понимаю я, много детей. Откуда? Все же говорят, что детей как раз мало. "Нет, — повторяет Калошин, — много детей в Усть-Консе, одна ребятня".

Пока мы стонали, охали, они народились?

Каждый человек появляется на свет под своей планетой. На нее можно посмотреть в телескоп — Калошин купил его, когда еще летал, за триста рублей, и теперь ребяташки смотрят.

Бывает страшная толкотня, приходят сюда смотреть спутники Юпитера и Сатурна целыми улицами. Даже маленькие дети, иного на руках держать приходится, чтобы в окуляр взглянул. Впечатления на всю жизнь: вид Сатурна, или Луна во весь экран, со всеми кратерами.

Я спросил Калошина: а вы когда летчином были, предполагали, что будет эта библиотека? Он засмеялся: "Даже в кошмарном сне не могло присниться". "А не хотите опять летать?" Он сказал: "Есть выражение такое смешное, я взял его от последней жены: так хочется, аж морда болит... Страшно охота летать".

Судьба, планида Леонида Калошина чем-то напомнила мне судьбу Ричарда Баха — летчика-писателя, тосковавшего по этажерке времен Первой мировой, с открытой кабиной, где шумит ветер... Я давно хотел прочесть "Чайку по имени Джонатан Ливингстон", в библиотеке Калошина нашлась. "Почитайте. Все определяется сердцем".

Глаза у него немного ироничные, но больше в них грусти и света. Елену Ивановну Рерих, чьим именем названа библиотека, считает величайшей женщи-

ной, в одном ряду с Богородицей. В рериховское учение, в душу к Калошину, я лезть не стал.

Это может произойти и в одной-единственной жизни — перевоплощение. Не только внешнее: место жительства, семейное положение, профессия. А внутреннее: был таким, а прошел через муку, страдание, покаяние — и стал другим. Вдруг понял, зачем люди появляются на свет. Ради чего все это мироздание. В чем смысл всего.

"Пойдемте на улицу, — сказал, Калошин, — покажу, как луна всходит".

Луна была необыкновенная, красная — в селе жгли ботву. Возвращаться на ночлег мне надо было на турбазу через речку, по подвесному мосту, а там в темноте по лесу. Калошин предложил подбросить меня на своем грузовике в объезд. Только, сказал, там переправа, шлагбаум, надо заплатить десять рублей, у меня денег нет.

Мы остановились у переезда, я сунул в окошко десятку, прыгнул в машину и спросил Калошина: "Надо же еще на обратный путь?" "Платят только в одну сторону", — сказал он.

Когда доехали до моего ночлега, луна стояла уже белая. ■



Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

# Знакомство в интернете,

или  
Реальная виртуальность



**О**печатки в подзаголовке нет. Словосочетание "виртуальная реальность" мы уже давно употребляем (и месту или не очень), имея в виду нечто не совсем реальное, в материальной жизни не существующее, но все-таки приносящее определенные эмоции. Мне бы хотелось поговорить практически о том же самом, но — с несколько иной точки зрения. Посмотреть, насколько эта самая виртуальность может быть реальна.

Сразу оговорюсь: Интернет можно использовать по-разному в зависимости от собственных запросов, уровня дохода и технической подготовки, причем именно в такой последовательности. Не знаю, как за границей, но в Рос-

сии барахтанье во всемирной паутине стоит довольно дорого (от тридцати до пятидесяти рублей в час в зависимости от времени суток). Поэтому повальный уход в виртуальность нам пока просто не грозит, хотя не пугает обывателей этим самым уходом разве что ленивый. Пока все эти страшилки примерно на уровне "аллергии на ананасы": бывает, конечно, но подавляющее большинство населения эти экзотические фрукты видит только на прилавках, а питается чем-то другим. Но я отвлеклась.



Помимо людей, которым Интернет нужен сугубо для работы, и за которых, в основном, платят фирмы, существует определенное число граждан, использующих его в качестве пока еще престижной игрушки. Среди молодежи считается "крутым" и "прикольным" небрежно сообщить, что "вчера нехило початался". Сразу перевожу: весело провел время в режиме реального общения в Интернете. Заметьте: **реального общения**. О котором многие сейчас мечтают и грезят, а если и находят, то с огромным трудом. Разумеется, касается это в основном "тех, кому за...". В основном, потому что у молодежи свои проблемы с поиском круга общения, но это уже отдельная тема. Хотя бы потому, что современных российских тинейджеров не всегда понимают даже те, кому "стукнуло" всего лишь 27-28 лет. Буквально не понимают — другой язык, другие шутки, другой менталитет, если угодно.

А вот в следующей возрастной группе проблемы примерно одни и те же. Состоявшиеся практически во всем люди на каком-то этапе начинают искать возможности расширить круг общения. Или хотя бы чуть-чуть разнообразить его. Примерно половина мечтает о романтическом знакомстве и даже теоретически готова к завершению его браком. Эти люди используют Интернет как вариант "знакомства по объявлению", благо далеко ходить не надо: включил компьютер — и вперед. Но вторая половина, если честно, сама не знает, чего хочет, и именно они сплошь и рядом просто бесцельно блуждают по мировой паутине. Но и те, и другие рано или поздно попадают на так называемые "сайты

знакомств". И рано или поздно... становятся их завсегдатаями.

Почему? А потому, что срабатывает психологическая ловушка под названием "парадокс неограниченного выбора". Понимаю, что любое сравнение хромает, но все же рискну сравнить ситуацию выбора партнера в Интернете с той, которая сложилась в России в сфере "товаров народного потребления". При практически неограниченной возможности выбора сделать его труднее, чем было раньше — в условиях тотального дефицита. И начинаются поиски идеала, которого, как известно, не бывает. Или бывает — но почему-то крайне редко и исключительно в рассказах других поисковиков.

С этим явлением я лично столкнулась чуть ли не с первых шагов в Интернете. Заглянувший "на огонек" приятель вдруг безумно заинтересовался сайтами знакомств и пожелал взглянуть на них "хоть одним глазком". Замечу, что приятель мой — человек вполне обеспеченный, сравнительно молодой и уже опять неженатый, женщин любит по определению, причем знакомится с ними простенько: тормозит свою иномарку возле приглянувшейся пары стройных ножек и предлагает подвезти. Я свидетельница: осечек почти не бывает. Но тут ему приспичило попробовать еще и электронный способ.

Желание гостя... Я послушно вышла в систему и спросила:

- Тебе какого возраста?
- От двадцати пяти до тридцати, — отозвался мой приятель.
- А остальное?
- А там разберемся, — последовал легкомысленный ответ.

Я только пожала плечами, поскольку примерно представляла себе, что сейчас последует. И точно: через пару минут на экране появилась дюжина фотографий прелестных барышень, причем указывалось, что это — только начало, то бишь первая страница "альбома", а всего на данный момент очаровательниц... восемь страниц.

Выражение лица приятеля меня умилило. А вот последующие поступки озадачили: компьютера он не купил, с барышнями продолжает знакомиться старым, добрым способом, а в ответ на мои недоуменные вопросы раз и навсегда было сказано:

— С этим твоим Интернетом нужно все бросить и только знакомиться...

Все бросать я, конечно, не собиралась. Меня просто заело профессиональное любопытство, да и хотелось закончить начатое когда-то дело. О знакомствах по газетным объявлениям я писала, о поисках счастья посредством брачного агентства — тоже, следовательно, триптих нуждался в последней своей части. И я нырнула в завлекательную, хотя и жутковатую бездну. Нашла первый попавшийся сайт и заполнила коротенькую анкету (анонимную). Возраст, параметры, увлечения, пожелания. Обратный — электронный — адрес. И понеслось...

Только должна сразу предупредить: я не собираюсь давать бесплатную рекламу службам виртуальных знакомств. Поэтому чисто технические подробности опускаю, поделюсь только результатами. Некоторые, забегая вперед, можно считать и положительными, и отрицательными.

Смотря с какой стороны их оценивать.

Уже на следующий день после помещения первого объявления я была вознаграждена примерно полудюжиной писем. Тут я с удовольствием потеряла руки, произнесла радостно-грозное "Ага!" и стала отделять злаки от плевел. То есть выбирать подходящие кандидатуры. И тут меня постигло разочарование, первое на этом пути, но не последнее.

*"Здравствуйте. Меня зовут Юрий; Мне 46 лет. Любимое занятие — секс. Люблю, когда человеку со мной хорошо. Мой адрес... Может встретимся? Целую губки — все!"*

*"Игорь. 176169. Женат. Инженер".*

*"Привет! Мне 24 года, высокий, симпатичный, нравлюсь девушкам. Жду ответа".*

Вот скажите честно: хочется отвечать на такие письма? Правильно, я и не ответила. Первое послание в комментариях не нуждается, озабоченные — они и в Интернете озабоченные, второе сообщает только о том, что женатому инженеру захотелось разнообразия в жизни, но лишних слов нет, не было и, главное, не будет, третье можно обозначить как "детский крик на лунайне". А вообще-то культура эпистолярного общения у нас оставляет желать лучшего, телефон ее добил. Хотя, может быть, я просто напризнаю, а у виртуального общения — свои, недоступные мне законы и прелести.

В общем, из первой полудюжины "писем" выделилось одно, в котором некто Михаил подробно объяснял мне... пагубность курения. Оттуда взялась такая тема?

Да из моей анкеты, господи! Я там честно поставила плюсики в графе "отношение к курению", вот и получила. Кстати, впоследствии подобные нотации приходилось получать неоднократно, и каждый раз я вставала в тупик: ну, раздражает тебя табачный дым, ну, не терпишь ты курящих женщин, так зачем вообще пишешь? Пиши хорошей, без вредных привычек. Или такой и писать не о чем?

Я уже совсем было махнула рукой на свою затею, как получила последовательно три достаточно нормальных письма. Два корреспондента, правда, были женаты, но очень убедительно рассказывали про человеческое и душевное одиночество. Третий был свободен и жаждал непосредственной встречи. Вот это уже было понятно и знакомо, это я как раз уже проходила и когда знакомилась по объявлению, и когда обращалась к услугам брачного агентства.

Встреча прошла в теплой, дружественной обстановке. Более того, у нас обнаружилась масса общих знакомых. Мир все-таки тесен, хоть реальный, хоть виртуальный. Впрочем, чего бы я ждала, если мой новый знакомый оказался... журналистом. Наверное, именно поэтому первая встреча оказалась и последней: сходятся, если верить опытным людям, противоположности. Тут же как раз наблюдалось скорее родство душ.

В общем, роман увял, не начавшись. То же самое, кстати, произошло и при следующей встрече, хотя на сей раз Интернет послал мне не журналиста, а какого-то военного инженера. Но тут уж я сама была отчасти виновата: нельзя курящей женщине встречаться с некурящим мужчиной, ну,

нельзя. Бессмертное наблюдение "целовать курящую женщину — все равно, что пепельницу облизывать", оказывается, все еще актуально. Забавно, правда, что подобные ассоциации не возникают у женщин, ну да у мужчин ведь воображение заведомо богаче, это вам кто угодно подтвердит.

Забавнее этого, пожалуй, только те советы, которые женские журналы в изобилии дают начинающим пользовательницам Интернета. Настоящая инструкция по загону крупной дичи.

*"От того, в каком "месте" вы будете искать мужчину своей мечты, может зависеть ваша жизнь. Объявление тоже стоит тщательно продумать. Оно должно быть интересным, исполненным достоинства. Вы просто обязаны показать, что у вас присутствует чувство юмора. Не говоря уже о развитом интеллекте. Ведь вам нужен настоящий мужчина, а не безмозглый качок или нытик в огромных очках".*

На собственном опыте убедилась: чувство юмора, не говоря уже о развитом интеллекте, пугает и отталкивает, а настоящие мужчины крайне редко прибегают к услугам "электронной свахи". Ничего удивительного в этом нет, поскольку такие мужчины вообще предпочитают к свхам не обращаться, а решать свои проблемы самостоятельно. Парадокс состоит совсем в другом: люди сплошь и рядом просто не знают, чего они на самом деле хотят. То ли блондинку с чувством юмора, то ли брюнетку без материальных и жилищных проблем, то ли высокого шатена без вредных привычек, то ли низенького рыжего на "БМВ".

Забегая чуть вперед, скажу, что женщины все-таки более доверчивы. Мой собственный взрослый ребенок, балуясь Интернетом во время скучных ночных дежурств, не нашел ничего остроумнее, как дать объявление о знакомстве на английском языке, представившись турном и приложив ко всему этому безобразию фотографию... Немалая Атаюрка. Если кто не знает, поясню: президент Турции, скончался более полувена тому назад, но очень фотогеничный. В ответ пришло **более полутысячи писем** со всего света, ни одна из корреспонденток подвоха не заподозрила, хотя подавляющее большинство пылко клялось в любви к Турции и всему турецкому и даже утверждали, что досконально изучили историю этой замечательной страны. Но это — английский Интернет, а я туда даже и не совалась, ограничилась родным российским.

Тут, оказывается, своя специфика. Если обратиться к статистическим данным о пользовании компьютером, и, в частности, Интернетом в России, то в глаза бросается вот что: примерно 80 процентов пользователей — мужчины. На Западе же особой разницы нет, примерно половина на половину. Ну, это вопрос времени: все то же самое происходило, например, с автомобилями, а сейчас дама за рулем уже никого не удивляет.

Кстати, сын, обнаружив мои виртуальные упражнения, по доброте душевной дал мне неплохой совет:

— Да что ты мучаешься? Каждому пишешь в отдельности — это же сколько времени зря уходит! Напиши типовое письмо и за-

пули по всем адресам. Только имя не забудь ставить правильное.

Смешнее всего, что это — действующее правило. Сама поймала бунвально "за руку" одного из своих корреспондентов, который написал довольно интересное и нестандартное письмо, заканчивающееся такой фразой: "Если Вам интересно то, что я о себе накарябал, то напишите мне". Очень мило, но я-то на всякий случай открыла себе не один, а два почтовых ящика (на разные имена), так на второй адрес пришло точь-в-точь такое же послание. Не смертельно, конечно, но на определенные размышления все-таки наводит. Например, о том, что идеальных мужчин не существует даже в виртуале. Этого, правда, подвело стремление к оригинальности: слово "накарябал" встречается крайне редко даже в художественной литературе.

Кстати, об идеалах. Существуют сайты знакомств, где нужно заполнить еще и анкету с параметрами необходимого вам мужчины. Параметров может быть очень много: возраст, образование, цвет глаз, знак зодиака, наличие детей, качество зарплаты, рост, вес и т.д. Но искать таким образом мужчину своей мечты совершенно бессмысленно, поскольку ответ обычно бывает таким: "Кандидатур, соответствующих заданным вами параметрам, не обнаружено". То есть, скромнее нужно быть, девушки, никто вам принцев на белых иноходцах не припас даже в Интернете.

И все-таки рискну заметить, что "виртуальность" всегда приятнее "реальности". Даже если мужчина пишет о себе все предельно откровенно (что он делать совсем

не обязан), стоит ему чем-то за- деть особую струну в женской душе, и он начинает нам казаться "тем самым" принцем. Волшебный образ сетевого собеседника выстраивается мгновенно, причем фантазировать таким образом свойственно и женщинам, и мужчинам.

Это я всецело испытала на себе, когда получила письмо из Канады. На русском языке, но от поляка, который там обосновался. Честно признаюсь: этот виртуальный корреспондент заставил меня мгновенно позабыть все первоначальные неудачи. Ах, какие дивные послания я получала каждое утро! С какими роскошными бунетами! С какими невероятно нежными словами, умными рассуждениями, тонкими наблюдениями!

Ну и я старалась соответствовать. Так что переписна довольно быстро переросла вот именно что в виртуальный роман. Мы уже обменялись фотографиями, воспоминаниями, пристрастиями. Уже сложилось впечатление, что были знакомы когда-то давно, в какой-то прежней жизни, и лишь по невероятному напризу судьбы оказались теперь разведенными по разным континентам. Уже портилось настроение, если какой-то день проходил без письма, причем если сеанс связи по каким-то причинам пропускала я, то тонус падал у моего корреспондента. Сказка!

А потом сказка стала былью. Нет, мы так и не встретились в реале, хотя планы такие строились, но в письмах из-за океана настойчиво начал проскальзывать мотив "давай займемся любовью". Видит Бог, я неплохо владею письменной речью, но эротический жанр никогда не относился к числу моих лю-

бимых. И роман тихо умер, не получив с моей стороны надлежущей поддержки.

Из этой истории я сделала один вывод: играть можно, но заигрываться не рекомендуется. И всегда нужно сразу обозначать границы, которые не следует переходить. Особенно если не собираешься этого делать.

Между прочим, и в самом Интернете я нашла прелюбопытный документ: обмен мнениями о пользе знакомств в виртуале. Думаю, стоит кое-что оттуда процитировать:

*"Может быть, кто-нибудь имел опыт удачно завершившегося знакомства "по объявлению" в Интернете? Потому что приходится изучать на собственном опыте, но он пока больше теоретический. О чем мы будем говорить, что делать, если человек не нравится с первого взгляда, как ему об этом дать понять?"*

*В общем, если у кого были или есть мысли, очень прошу поделиться!"*

*"Серена, то, о чем ты спрашиваешь, большинство людей решают сами для себя. Но я могу поделиться своим практическим опытом — может быть, тебе это поможет. В свое время я активно знакомилась и на Фортуне, и на других сайтах знакомств. Но до встреч доходило с очень немногими людьми. Потому что большинство отпугивало уже на стадии писем. То он себя расписывает как наикрутейшего товарища (наряд-деньги-авто-чуть ли не мировая слава), то, наоборот, чувствуется забитость по жизни... То, бывает, и хамили прямо сразу.*

*В общем, я долго переписывалась, прежде чем встречаться.*

С несколькими людьми из тех, что я встречалась, до сих пор сохранились хорошие чисто дружеские отношения. Ну, мы не виноваты, что не очень друг другу внешне понравились — но как друзья нашли много общего.

Некоторые мужчины не нравились мне сразу, но в процессе общения нравились точно — и не только как люди, но и внешне ("Женщина любит ушами.") Ну, а те, с кем встречалась и которые ну совсем не нравились — ни как люди, ни внешне, — я просто сидела, разговаривала и на прощание говорила: "Счастливо, удачи тебе в дальнейшем поиске!" Как правило, такую мягкую формулировку люди воспринимали без дальнейших обид. И все было нормально.

Так что не бойся — делай первый шаг, дальше все само должно пойти.

P.S. А мне сейчас знакомиться по сети просто скучно... очень много того, что уже знаю и называю для себя стандартными мужскими ходами. Но тем не менее девушек вокруг достаточно много! Так что дерзай!"

"Я вышла замуж после знакомства в Интернете, из своего опыта могу сказать, что это не лучший способ. Единственный плюс — я в Америке..."

"На мой взгляд, совершенно не важно, какой способ был избран. Я тоже познакомился со своей женой в Инете, но, в отличие от Вашего опыта, мой — удачный".

"Не, жениться я точно не хочу. А вот есть ли какая-то статистика, что если человек очень понравился по переписке, может ли оказаться, что в жизни он со-

всем не то, что в письмах? И как часто такое бывает? Я просто действительно боюсь такого разочарования. И в то же время очень хочу на этого человека в реальной жизни посмотреть. Мы, конечно, обменялись фотографиями. Но ведь это всего лишь статичные картинки. И потом по себе могу судить — плохие фото не посылают".

"Да, опыт бывает разным. Но лично я не считаю знакомства в Интернете хорошей идеей. В любом случае хочется общаться с живым человеком, а не с машиной. Хотя моя подруга после такого знакомства развелась с мужем и пока счастлива с парнем из Инета. Всё в жизни случается, но всегда рекомендую сначала увидеть хотя бы фото".

"Попытаюсь вкратце рассказать свой опыт. До сих пор помню первое знакомство. Лето 1997. С тех пор было несколько сотен знакомых. Тысячи писем. Я заболел новыми знакомствами. "Болезнь" прерывалась на реальные встречи. В итоге могу сказать: с теми, с кем знакомился на серверах, было много всякого. В основном люди искали опыт. Не подчеркиваю, какой. Каждый — свой. Я нашел свою жену. И счастлив уже больше года. В среднем на 100 знакомых находился один человек, с которым продолжал общаться. В итоге за 4 года трое хороших друзей и жена. Остальные ушли. Это мой опыт".

"Есть у меня друг очень хороший (кстати, тоже через Инет познакомился), так вот он и через Инет, и через реал ищет и ищет всегда. А при всем при этом очень хороший парень, но по-моему до сих пор не определился

сам для себя, что же ему надо от жизни.

А вообще, я скажу по своему опыту, что можно встретить массу хороших людей. Я, к примеру, не очень люблю знакомиться в жизни, в Инете обрела массу друзей и теперь мы встречаемся довольно часто, и обсуждаем свои радости и горести, стараясь помочь друг другу по возможности. У нас очень сплоченная компания сложилась, человек из 15, это из тех 60-ти, с которыми мы встретились, так что судите сами. Да, и самое главное, человек, которого я считаю для себя самым близким, тоже познакомился со мной в Инете, хотя я и не обращала на него должного внимания поначалу. Просто мы встретились и до сих пор вместе. А те, на которых я возлагала надежды, мне не понравились совсем, так что Инет — это та еще штука, в которой неожиданности порой куда интереснее, чем то, чего ты ожидаешь. Но я знаю и массу случаев, когда Инет играл злые шутки. Поэтому советую просто не мечтать о человеке до встречи с ним в реале, а постараться встретиться с ним (ней) до того момента, когда ты почувствуешь, что начал(а) представлять его себе каким-то определенным образом".

В общем, сколько голов, столько и умов. Кому-то повезло встретить в виртуальном мире ту самую свою половинку, кому-то... ну, скажем так, не очень. Но ведь и в реальной жизни происходит примерно то же самое: один человек заходит в автобус одиночим и несчастным, а выходит готовым немедленно вступить в законный брак, причем все это может обернуться очень

даже удачным союзом. А кто-то годами будет мотаться по дискотекам, курортам, клубам знакомств и так далее, и тому подобное, а в результате окажется еще более одиночим и несчастным. Чистая потеря... как и вся наша жизнь, впрочем.

Главное, не считать Интернет волшебным средством, способным мгновенно преобразить вашу жизнь, потому что чудес все-таки не бывает. Бывают приятные сюрпризы, бывают и мало-приятные. Как средство установления первоначальных контактов, некое "лекарство от одиночества" его, конечно, использовать можно и нужно, тем более, что подавляющее большинство наших с вами сограждан норовит это сделать за счет той организации, в которой трудится. Мило, недорого, элегантно, и не нужно связываться со всякими брачными агентствами и "свахами с гарантией". Но...

Но для тех, кто еще только собирается изменить свою судьбу с помощью "всемирной паутины", хочу дать несколько элементарных рекомендаций. Так сказать, "советы бывалого", поскольку сама развлекаюсь таким образом ровно год. И на данный конкретный момент "в сухом остатке" имею: восстановленные связи с двумя школьными друзьями, живущими сейчас далеко за пределами России, двух постоянных корреспондентов (тоже географически удаленных), с которыми очень приятно обсуждать всякие интересные проблемы, двух "основных" поклонников, каждый из которых хорош в своем роде, и некую "скамейку запасных", состав которой периодически обновляется. Собст-



венно говоря, что хотела, то и получила.

Так вот советы. Не спешите вывешивать на сайте знакомств свою подробнейшую анкету и, тем более, свою фотографию. Практика показывает, что большая часть теоретически заинтересовавшихся вашей персоной людей удовлетворяется рассмотрением фотографии и никогда ничего не напишет в ответ. Нужно оставлять что-то "на потом": вот если переписка сложится, можно и изображение послать... предварительно глянув на того, кого вы собрались осчастливить. Иначе при личной встрече можете испытать дикое разочарование.

Та же практика показывает, что человек, предлагающий первую встречу провести у вас дома, а не на "нейтральной территории" — это, в лучшем случае, обыкновенный халявщик. То есть материального урона он вам не нанесет, но и положительных эмоций не добавит, тем более, что первая встреча будет заодно и последней. Нормальные люди два раза на один и тот же фильм не ходят даже бесplatно.

На этой самой нейтральной территории тоже бывают всякие интересные вещи. Если, к примеру, вас прогуляли по парку или просто по улице и при этом не предложили выпить даже стаканчика воды — поздравляю, вам опять достался халявщик. Наиболее щедрые граждане из этой категории способны пригласить в уличное кафе-забегаловку или даже в "Макдональдс", но это уже апофеоз разгула. Если же после таких увлекательных мероприятий вам попытаются назначить второе свидание, то будьте уверены: в каче-

стве места встречи опять предложат... вашу же собственную квартиру.

Нет, никто, конечно, не говорит, что следует рассчитывать на приглашение в Большой театр или в шикарный ресторан. Но сейчас так много уютных и не слишком дорогих местечек, в которых можно посидеть и поболтать, что об этом и напоминать как-то неудобно. В конце концов, можно пригласить на концерт или какую-нибудь выставку. Можно — но не приглашают. Почему?

На этот вопрос мне ответил психотерапевт из Центра социальных исследований и гуманитарных проблем, поскольку там довольно серьезно принялись за изучение проблемы виртуального общения. С его точки зрения, мужчины довольно быстро раскусили удобства такого способа общения и получают то, к чему стремятся, без особых материальных и духовных затрат. Тем более, что подавляющее большинство мужчин, ищущих свое счастье в Интернете — женаты и расторгать свой брак не собираются. А легкие приключения на стороне просто повышают самооценку и служат своего рода "предохранительным клапаном" в семейных отношениях. Тем более, что поменять электронный адрес — проще пареной репы, а разыскать виртуального Дон Жуана довольно проблематично. Если вообще возможно.

Женщины, с точки зрения того же психотерапевта, чуть менее легкомысленны, но тоже, в общем, не ангелы. Как правило, "закручивается" параллельно два или даже три виртуальных романа, да к тому же дамы вовсе не склонны

признаваться в том, что в реальной жизни замужем или имеют постоянного друга. А какой мерой меряется, такой и отмеряется, так что в результате получается такая большая игра с мелкими выигрышами и мелкими же проигрышами. Но игра азартная и затягивающаяся, чему можно привести один забавный пример.

Милая молодая дама обрела через Интернет не менее милого молодого человека. Сначала была трогательная переписка, потом произошла личная встреча где-то на "нейтральной территории", потом уже на менее нейтральной территории, потом... Ну, потом произошло то, что обычно происходит, когда двое людей испытывают друг к другу больше, чем просто симпатию. Он, кстати, был женат, чего и не скрывал, но и у дамы были другие поклонники. К тому же проживали они в разных городах и виделись только тогда, когда у молодого человека случалась командировка.

Но жизнь-то штука непростая. Даме стало скучно ждать приезда навалера, тем более что случались командировки все-таки не часто. Да и сам процесс общения в Интернете ей, в принципе, понравился. Так что объявление свое она с сайта знакомств не только не сняла, но еще и заменила там фотографию на более, с ее точки зрения, удачную. И почти тут же получила... разгневанное письмо от возлюбленного, который требовал объяснения происходящего. Мол, если у тебя есть я, и ты утверждаешь, что довольна и счастлива, то как прикажешь понимать твои поступки? Дама не растерялась и вместо оправданий задала встречный вопрос: а что

ты сам, милый, потерял на этом сайте знакомств, если утверждаешь, что меня тебе вполне достаточно?

Драмы не случилось, тем более, трагедии. Инцидент обе стороны предпочли замять и продолжили жить в свое удовольствие. Но могло быть и не так идиллически: люди разные, у каждого свое представление об этике поведения.

Когда-то всерьез полагали, что появление телевидения сделает ненужным кинематограф, забывая, что появление этого самого кинематографа в свое время считалось серьезной угрозой для театра. Не менее серьезно рассуждали о том, что подлинное творчество возможно только "вручную", а появление пишущих машинок знаменует собой его деградацию. Немногие помнили о том, что паника от этого была найдена два века тому назад: "... чтобы зло пресечь, собрать все книги бы, да сжечь". Так что слухи о вредности Интернета сильно преувеличены, чтобы не сказать больше. Да и попадают в его "паутину" далеко не все. Но...

Но сознание людей меняется значительно медленнее, чем бытие. Возможно, со временем люди действительно смогут жить в виртуальной реальности: ведь и сейчас есть энтузиасты, которые не только знакомятся в Интернете, но и занимаются там любовью, выходят замуж, женятся, только что детей не рожают. Но таких людей пока еще ничтожно мало.

А подавляющее большинство продолжает жить по прежним "доинтернетовским" установкам, хотя и знакомятся по-новому. Но какая

разница, как добраться в нужное тебе место: дилижансом или автобусом. Конечно, по воздуху быстрее, но суть свидания от этого не изменится.

**P.S.** Бочки меда не бывает без ложки дегтя. Я уже написала этот материал, когда в одном английском журнале нашла прелюбопытную заметку. По данным социологов, около четверти сотрудников компьютерных компаний — аутисты, то есть психически больные люди. Болезнь эта состоит в том, что человек не способен к контакту с внешним миром, хотя его интеллект может находиться на уровне развития гения. А вот компьютер для таких людей — родственная душа. Аутистам ничего не стоит за пару дней выучить новый компьютерный язык, просто ознакомившись с основными его кодами — задача для обыкновенного человека неразрешимая. Но тот же аутист не может угадывать намерения и настроения человека по выражению его лица, не может различать социальные оттенки, **вообще не способен общаться с реальными людьми.**

В этом смысле Интернет, избавляющий людей от необходимости



смотреть в глаза собеседнику, а также от напряжения при попытке понимания устной речи, рассматривается психиатрами как спасение для аутистов. Но... Аутисты развивают Интернет, а он, в свою очередь, порождает аутистов, это уже самая распространенная болезнь среди ханеров. На Западе уже зафиксировано несколько случаев потери рассудка и обострения вялотекущей шизофрении из-за постоянного "обитания" в Интернете.

Конечно, Россия еще не скоро дойдет до такого состояния... компьютеризации. Но "кто предупрежден, тот вооружен", поэтому не следует сбрасывать со счетов даже минимальную возможность риска.

Хотя — кто не рискует, тот не только не пьет шампанского, но и не знакомится ни на улице, ни в общественном транспорте, ни в Интернете. ■



# ШУТЛЫ ИХ ХОЗЯЕВА

Любовь РУСЕВА

— Жена! Государыня тебя требует во дворец! Скорей одевайся! Царская одноколка у крыльца дожидается. Только имей в виду, что ее императорское величество немного глуха, потому кричи, что есть мочи. Екатерина Алексеевна обижа-





ется на тех, кто говорит с нею вполголоса, и она ничего разобрать не может.

Не подозревая, что ее муж придумал очередную пакость, счастливая Балакирева в мгновение ока собралась и, волнуясь, не заметила его хитрые взгляды. Доверенное лицо императрицы Екатерины I — Иван Емельянович Балакирев — по-своему решил отвести беду от благодетельницы. Царь находился в таком раздраженном состоянии, что и до беды недалеко. Обычные проделки Балакирева здесь были неуместны, и он не зря опасался войти в комнату царя. Вот и решил Иван обманом выманить Петра оттуда. Он воспользовался желанием императрицы познакомиться с его женой.

Во дворце Балакирев, оставив жену в передней, взялся сам доложить императрице о ней.

— Ваше величество! Я сегодня вспомнил, что вы приказали мне представить жену. Но должен вас просить, государыня, чтобы вы говорили с ней как можно громче, потому что она чрезвычайно глуха. Не будет ли такой разговор для Вашего величества обременителен?

— Нисколько! Что за беда? Я так рада.

Балакирев ввел к Екатерине жену, а сам выскользнул из комнаты. Разговор между двумя женщинами начался. Ор стоял отменный, каждая старалась перекричать собеседницу. Крики их вывели из задумчивости Петра. Встревоженный тем, что жена кричит не своим голосом, он вышел из своих покоев. Шут поспешил навстречу государю.

— Что там за шум, Балакирев?

— Ничего, Алексеич, — небрежно бросил тот, — это наши жены между собою дружескую беседу ведут.

Но поскольку “дружеская беседа” разносилась по всему дворцу, Петр направился в комнату императрицы.

— Катенька, друг мой, что с тобой приключилось, почему ты так кричишь?

— Причиной тому глухота жены Балакирева.

Спокойные тихие голоса Петра и Екатерины удивили гостью, но перестроиться она не успела и продолжала по инерции орать благим матом.

— Ваше величество, во всем виноват мой муж! Он велел говорить громко по случаю глухоты ее императорского величества.

— Ну, будет, накричалась... — проворчал вошедший Балакирев. — Теперь говори своим голосом.

Выходка эта рассмешила Петра и Екатерину, припадок императора благополучно прошел — гроза миновала.

“Удовольствие, доставляемое смехом, — сказал когда-то Горэй, — представляет одну из существенных потребностей человека...”. Эта потребность человечества выразилась в возникновении “смехотворов”, зарабатывавших на жизнь своими шутка-

ми да прибаутками. С глубокой древности в мире существовали профессионалы, веселившие народ, забавлявшие своих современников, поучающие властелинов, высмеивающие и разоблачающие пороки. Их присутствие было обязательным во время пиров и торжеств. Без них праздник не праздник. Шутовство — явление общеисторическое, но у каждого народа оно окрашено своим колоритом. Шуты характеризовали время, в котором жили, в их шутках и проказах, как в зеркале, отражались нравы. В разные эпохи веселились по-разному, то, что вызывало смех в эпоху Петра Великого, мало веселило двор императрицы Анны Иоанновны, а то, что развлекало эту императрицу, вызывало недоумение приближенных Екатерины Великой.

С давних времен не только при всех дворах властителей, но и в богатых домах непременно жили шуты, обязанностью которых было развеять скуку хозяев. Зачастую это были люди не только веселые и остроумные, но и большого ума. Многие из них в шуточной форме говорили в глаза правду, укоряли своих властителей за несправедливость, заступались за обиженных.

Одним из самых знаменитых шутов древности был мудрец и баснописец Эзоп, являвшийся рабом у многих хореев. У последнего своего хозяина Ксанфа Эзоп исполнял должности шута и морозофа, то есть безумного мудреца, говорившего философские сентенции. Кроме того, он часто выводил своего хозяина из затруднительных положений. Однажды Ксанф пригласил к себе именитых гостей и приказал Эзопу купить на рынке самые лучшие продукты для обеда. Эзоп купил только языки и приготовил их под различными соусами. Сначала гости хвалили блюда, но вскоре стали морщиться. Хозяин рассердился и призвал раба.

— Я приказал тебе купить на рынке самых лучших припасов, не так ли? — гневно сверкнул глазами Ксанф.

— А что может быть лучше языка? Язык — это главное связующее начало гражданской жизни, орудие истины и разума, ключ к наукам. Язык воздвигает целые города и содержит их в стройном порядке. Язык научает, убеждает, руководит массами людей. Наконец, языком мы прославляем богов.

— Хорошо, теперь завтра приготовь самый дурной обед, ко мне придут те же гости, и я хочу их позабавить.

На следующий день мудрец снова приготовил блюда из одних языков.

— Язык — это самое худшее зло на свете, — мотивировал свой поступок Эзоп в ответ на гнев хозяина. — Благодаря языку на земле происходят споры и брань, раздоры и войны. Если язык — орудие истины, то он и орудие лжи и клеветы. Если, с одной стороны, язык восхваляет богов, то с другой часто и богохульствует.

Хозяин и гости вынуждены были согласиться с рабом-фригийцем.

В России же, несмотря на то, что народ любил повеселиться, послушать пение и игру скоморохов, любовался их плясками, относил этих людей к бесову отродью. “Бог дал попа, а бес — скомороха!” — гласит пословица. Песни, пляски и прибаутки считались дьявольским наваждением. Шут же отождествлялся у нас с чертом. “Шут его побери!” — звучало чаще, нежели “черт его побери!” Кроме того, шут являлся синонимом дурака.

Внешний комизм и дурачество долго считались основными чертами шутов. Со временем им на смену приходят умные люди, от природы наделенные острым языком. В “Толковом словаре живого великорусского языка” Владимир Даль дает толкование этого слова: “Шут, шутиха — человек, промышляющий шутовством, шутками, остротами и дурачеством... шут обычно прикидывается дурачком... и чудит, и острит под этой миной...”.

В давние времена царь и знатные люди содержали при себе юродивых да уродов. При Петре Великом в моду вошли карлики и попугаи. Меншиков писал жене: “Послал я вам ныне в презент двух шляхтеночек-девок, из которых одна маленькая, может вам за попугаем быть; такая словесница... Может вас больше увеселить, нежели попугай...”.

Шуты были большие охотники высказывать правду, а кто ее любит? Поэтому их часто побаивались. Не раз Петру жаловались на дерзость его любимцев, на что император только отвечал:

— Что с него взять? Он же дурак!

Главным шутом первого императора был португалец Ян д'Акоста. Одно время он странствовал по Европе, занимался мелкими аферами, имел маклерскую контору в Гамбурге. Но случай свел его с русским резидентом, которого поразили остроты и смешная фигура португальца. Так Ян стал приживальщиком русского вельможи и вместе с ним приехал в Россию.

Д'Акоста отличался острым умом, грамотностью, свободно говорил на многих языках и отличался блестящим знанием Священного писания. Петр I любил заводить с ним богословские споры. Ян был чрезвычайно хитер, умел угодить каждому, и вскоре стал графом и главным шутом императора. За блестящее исполнение шутовской должности царь пожаловал ему титул “короля самоедского”, а 1 апреля 1723 года подарил маленький дикий необжитой остров Соммерс в Финском заливе.

Страстный любитель чтения, д'Акоста много времени проводил с книгой, у него была хорошая библиотека. Подобное времяпрепровождение раздражало его жену.

— Хотела бы я быть книгой, чтобы стать предметом твоей страсти.

— В таком случае желательно, чтобы ты стала календарем, дабы я каждый год мог тебя менять.



Сохранилось немало анекдотов о семейной жизни главного шута императора, о настоящих баталиях между супругами. Когда один из придворных поинтересовался у д`Акосты, почему он не справляет 25-летие свадьбы со своей женой, тот ответил:

— Подожди, брат, еще пять лет, тогда будем праздновать тридцатилетнюю войну.

Многие выходки шута шокировали окружающих. Как-то в церкви он поставил две свечи: одну перед образом Архангела Михаила, а другую — перед демоном, изображенным под стопами архангела.

— Ах, сударь, что вы сделали?! — вскричал дьячок. — Ведь эту свечку вы поставили дьяволу!

— Не мешай! Не худо иметь друзей везде — в раю и в аду. Ведь не знаем, куда попадем.

Глупцы, взяточники, невежды и плуты прежде всего становились объектами насмешек шута. Зачастую португалец не выбирал выражений. Так, одного известного плута д`Акоста публично назвал негодяем. Вельможа подал на шута в суд и выставил немало своих свидетелей. Судья вынужден был признать мошенника честным человеком и присудить Яна принести извинение. Тут же на суде “самоедский король” исполнил приговор.

— Это правда, он честный человек, — я солгал.

По другому делу д`Акоста имел длительную тяжбу. После многочисленных хождений в суд, проволочек и разбирательств судья, наконец, сказал шуту:

— Из твоего дела я, признаться, не вижу хорошего конца.

— Так вот вам, сударь, хорошие очки, — ответил Ян, подавая судье две золотые монеты.

Многие презрительно относились к шутам, как к дуракам. Но те, кто неосторожно высказывал свое мнение, сами обычно оставались, что называется, в дураках.

— Почему вы разыгрываете из себя дурака? — поинтересовался придворный, не отличавшийся особым умом.

— Конечно, не по одной с вами причине, ибо у меня недостаток в деньгах, а у вас — в уме.

Подобной участи подвергались все знаменитые шуты. Когда царедворец пожелал посмеяться над Балакиревым, он спросил его:

— Правду ли говорят при дворе, что ты дурак?

— Не верьте им, — ответил шут, — тут все врут, людей морочат. Вот и про тебя говорят, что ты умен. Да не верь им.

Любимец Бирона и императрицы Анны Иоанновны Тимофей Кульковский не одного умника осаживал за язвительность. Немало доставалось от него знаменитому поэту и академику Третьяковскому, с которым они были на ножах.

— Кульковский, — решил поддеть шута Третьяковский, — какая разница между тобой и дураком?

— Дурак спрашивает, а я отвечаю.

Доставалось от шута и хозяевам.

— Право, Кульковский, ты походишь на осла! — воскликнул как-то Бирон, хохоча над его уморительной физиономией.

— Не знаю, на кого похож я, но знаю то, что я имел удовольствие представлять вас во многих случаях.

Самым популярным и в то же время легендарным шутком петровского времени был Иван Емельянович Балакирев, о котором вышла масса книг с приписываемыми ему шутками. Хотя документы свидетельствуют, что он скорее всего являлся шутком Екатерины I. По крайней мере доподлинно известно, что Балакирев был ее доверенным лицом, за что и поплатился. Он не раз выручал Екатерину Алексеевну из затруднительных положений. Как-то императрице необходимо было срочно о чем-то важном переговорить с Петром I, но тот, на беду, вернулся во дворец из Адмиралтейства чрезвычайно гневным. Когда царь находился в таком состоянии, то подступиться к нему было невозможно, а дело не терпело отлагательства. Разрядить обстановку взялся Балакирев. Он осмелился войти в кабинет государя. Петр, задумавшись, сидел в кресле, а у ног его разлегся любимый кот императора. Шут стал дразнить кота.

— Пошел вон, дурак! — рявкнул царь.

Но Балакирев, как ни в чем не бывало, продолжал играть с котом. Выведенный из себя, Петр хватает свою знаменитую дубинку и замахивается на дерзкого. Шут умудрился избежать удара и бросился на пол. Лежа у ног императора, он жалобно завизжал:

— Лежачего не бьют, государь! Ведь это твой указ, так ты и должен исполнять его.

При этом рожица у Балакирева была столь жалкой и уморительной, что Петр не сдержался и захохотал. Гнев его прошел, и Екатерина могла войти в кабинет спокойно, чтобы переговорить о срочном деле.

Отличительной чертой Балакирева являлось его стремление помочь всем людям, независимо от их происхождения. Заступничество и правдолюбие, правда, не всегда проходили без последствий для Ивана Емельяновича. За свои шутки он, бывало, отведывал дубинку царя или переносил другие наказания. Однажды за дерзкий ответ царю Балакирев отправился на гауптвахту. Но вскоре Петр Алексеевич убедился в правоте шута и приказал освободить заключенного. Впоследствии, когда ситуация складывалась похожей, царь интересовался мнением любимца, и справедливый ответ мог привести к расправе, тот кричал находившимся рядом стражникам:

— Голубчики, ведите меня на гауптвахту, да поскорее!

Император, понимая намек, задумывался и соглашался с противоположным мнением.

Иван Балакирев родился в 1699 году и принадлежал к старинному боярскому роду, который еще в XVI столетии “осел” в Рязанском княжестве. Иван Емельянович являлся представителем костромской ветви этого рода. В 1715 году Балакирев был представлен на смотр государю в Петербурге. Его определили в Преображенский полк и велели обучаться инженерному искусству. Расторопность и дар остроумия обратили на себя внимание императрицы, и он был взят ко двору. Вскоре фаворитом государыни стал красавец камергер Вилли Монс, брат некогда возлюбленной Петра I — Анны Монс. Балакирев сблизился с Монсом и вскоре сделался его домашним человеком. Насколько ему доверяли, можно судить по тому факту, что именно Иван Емельянович стал посредником между любовниками, передавая их письма. Невоздержанность шута стоила жизни фавориту, да в конечном итоге приблизила смерть и самого императора. Как-то Иван не выдержал и поделился с другом (учеником оboйного дела Иваном Суворовым) опасениями по поводу его участи в связи с участием в “опасной любви”. Тот в свою очередь по пьянке поделился с Егором Ершовым. Ершов ненавидел, как и большинство в Петербурге, Столетова — доверенного Монса. Именно через него фаворит вымогал взятки у придворных. В этих операциях Столетов не забывал и о себе — львиная доля оседала в его карманах.

Ершов подал донос императору сразу же после коронации Екатерины Алексеевны в Москве, однако он канул в воду. Счастливая Екатерина не подозревала о грозящей беде. В разгар ее счастливых дней, когда она праздновала столь грандиозное событие, ее предупредили о доносе. Петр I в это время на день отлучился из Москвы. Страшное известие свалило Екатерину, с ней случился тяжелый припадок. Императрице пустили кровь, но она очень ослабла. Петр не мог понять причины серьезной болезни жены, и как только ей стало несколько лучше, он поспешил в Петербург, куда через некоторое время возвратилась и Екатерина. Ее приближенные вздохнули несколько свободнее, а напрасно...

Остается тайной, каким образом этот донос всплыл спустя шесть месяцев. На этот раз он дошел до адресата. Началось следствие. Балакирева, как посредника между любовниками, подвергли пыткам. Финал этой истории хорошо известен: Монса казнили, а Ивана Емельяновича после жестокого наказания сослали в Рогервик, правда, пробыл он там недолго. После смерти императора Екатерина I вернула его в столицу и определила в Преображенский полк солдатом.

Уже при Анне Иоанновне он снова попал во дворец и был зачислен на должность шута. Наученный горьким опытом, Балакирев вел себя осторожно. Он стал любимцем императрицы и не раз получал от нее в благодарность большие суммы денег.

В 1732 году он женился на дочери посадского Морозова, но не получил обещанных 2000 рублей. Анна Иоанновна вступилась за обиженного и приказала немедленно, не принимая никаких отговорок, “доправить” эту сумму от Морозова и отдать их Балакиреву.

Другой придворный шут императрицы Анны Иоанновны Пьетро Мира, известный у нас как Педрилло, был по происхождению неаполитанцем, сыном Марии Терезии и небогатого скульптора Альвиано Педрилло. Страсть к шуткам, остроумному словцу и насмешкам проявились у него в восьмилетнем возрасте. В начале царствования императрицы Анны Иоанновны он приехал в Петербург для службы в придворной итальянской опере, где играл на скрипке и пел роли буффа. Поссорившись с главным капельмейстером Арайя, по некоторым сведениям, он поступает на службу в канцелярию герцога Бирона, который полюбил молодого человека и перевел его в свою личную, домовую, канцелярию. Педрилло усердно занимался делами, а в свободные минуты утешал Бирона своими остроумными и забавными рассказами. Всемогущий временщик решил вознаградить полюбившегося ему шутника.

— Послушай, Педрилло, — обратился однажды Бирон к подчиненному, — ты мне нравишься. За твой ум я хочу тебя осчастливить. Согласен ли ты принять место придворного шута?

— Почему же и не так, ваша светлость.

— Тебе положат жалования 100 рублей в год.

— Это очень хорошо, ваша светлость.

— Тебя будут уважать придворные.

— Прекрасно.

— Императрица будет дарить тебе, если успеешь заслужить ей.

— Это лучше всего.

— И так ты решаешься быть шутом?

— Если вам угодно, ваша светлость.

В новой своей должности он стал любимцем императрицы и неизменным партнером во время игры в карты.

Педрилло выполнял различные поручения императрицы, он неоднократно выезжал в Европу, в основном на родину, как посредник для покупки драгоценных камней, материй и разных безделушек, выписывал итальянских певцов и певиц для оперы. Однажды корабль, на котором плыл Педрилло, возвращаясь из Италии в Россию, попал в шторм. Пассажиры в большинстве своем являлись высокопоставленными лицами, не отличавшимися особой нравственностью. Были среди них и мошенники, и картежники, и прелюбодеи. Считая, что настал последний час, они зывали к небу о спасении.

— Знаете, лучше помолчите, — обратился к ним Педрилло, — если Господь вспомнит, что вы тут, всем нам конец.

Как-то шут бежал по Невскому проспекту. По пути встретился знакомый, который крикнул удивленно:

— Откуда? Куда? Зачем?

— Из трактира, к друзьям, за деньгами, — крикнул, не оставившаяся, шут.

Педрилло отличался не только остроумием, но и умением зарабатывать деньги, причем не всегда честным путем. После царского указа, запрещающего ростовщикам брать больше 6 процентов, хитрый неаполитанец нашел выход из положения. Когда к нему пришел за деньгами гвардейский офицер и получил нужную ему сумму, он поинтересовался процентом. Педрилло написал на стене цифру "9".

— Бессовестный, — возмутился гвардеец, — да ты неба не боишься!

— Чего ж бояться? С неба видно только "6"!

Педрилло и поэт Третьяковский не любили друг друга. Как-то заспорив по какому-то научному вопросу, Василий Кириллович высокомерно спросил итальянца:

— Да знаешь ли ты, шут, что такое, например, знак вопросительный?

Презрительно оглядев небольшого сутулого академика, Педрилло, не задумываясь, бросил:

— Знак вопросительный — это маленькая горбатая фигурка, которая порой задает весьма глупые вопросы.

Однажды канцлер Остерман пожаловался: от подагры у него в костях такая ломота, что он не может ни стоять, ни сидеть, ни лежать.

— Вашему сиятельству остается только повеситься, — серьезно заметил шут.

Предприимчивый Педрилло сколотил немалое состояние и, по одним свидетельствам, вернулся на родину, по другим — умер в России.

Тимофей Кульковский, родом из Малороссии, был сыном бедных родителей — мещан. Отец отдал его на обучение грамоте дьячку. После обучения мальчик торговал панским товаром "в разноску". Но торговля наскучила Тимофею и он решил попытать счастья на военной службе. Восторгу не было предела, когда он надел мундир, кивер и повесил на бок саблю. Своим веселым нравом, острыми шутками, простотой, скромностью и расторопностью он вызывал симпатию не только у солдат, но и офицеров. Со временем, во многом благодаря своему балагурству, он дослужился до унтер-офицера, и полковник взял его к себе именно для увеселения.

Как-то во время развода во дворце присутствовал герцог Бирон. Рапортовал о состоянии своей роты Кульковский. Комичная физиономия ротного настолько поразила фаворита императрицы, что он попросил его явиться к нему после дежурства. Бе-

седа всемогущего вельможи с офицером изменила судьбу Тимофея. Герцог от души хохотал над остроумными шутками офицера и предложил ему должность придворного шута. Во время царствования Анны Иоанновны Кульковский неизменно пользовался любовью герцога (несмотря на дерзость) и расположением императрицы.

Как-то Бирон прочел шуту стихи.

— Хороши ли стихи, Кульковский?

— Весьма глупы. Кто их писал?

— Я сам!

— Вы? О, конечно, вы захотели худо сделать то, в чем совершенно преуспели! Ваша светлость имеет дар творить все, что хочет.

Кульковский не особенно жаловал иностранцев, которые в этот период запленили Россию. Им неоднократно доставалось от шута, особенно тем, которые занимали должности не по заслугам. Во дворце в присутствии гостей Кульковский сказал своему пуделю:

— Неудача нам с тобой, Аспид! Родись ты за морем, был бы коли не генералом, так уж лейб-медиком.

Когда один из иностранцев расхвастался, говоря о превосходстве григорианского календаря над юлианским, Кульковский отреагировал моментально.

— Нам же лучше, потому что страшный суд будет у вас на одиннадцать дней раньше, нежели у нас. И когда до нас дойдет очередь, то ад вам будет уж полон, и нам не хватит места.

Доставалось от шута и дамам. Когда одна из придворных посоветовала на несправедливость и притеснение слабого пола да в доказательство своей правоты ехидно спросила Кульковского, отчего же женщин не назначают судьями, он съязвил:

— Оттого, что судьями могут быть или старые, или по крайности пожилые люди, а нет ни одной женщины, которой было бы более сорока лет. Так они все говорят.

Другая придворная дама, молодящаяся и скрывающая свой возраст, дожимала всех тем, что твердила, что ей нет еще и сорока, хотя перевалило за пятый десяток.

— Ей можно верить, — серьезно заметил Кульковский, — она нас в этом уже десять лет уверяет.

— Послушайте, милостивый государь, кажется, я вас где-то видела?

— Как же, сударыня, я там весьма часто бываю.

В отличие от других шутов, Кульковский был беден. Как-то ночью к нему забралась вора. Проснувшись от шума, хозяин, позевывая, сказал непрошеным гостям:

— Не знаю, братцы, что вы можете найти здесь в потемках, когда я и днем-то почти ничего не нахожу.

Однажды Кульковский сидел у окна. Рядом расположился слепой нищий, который собирал подаяние.

— Сжальтесь над бедным человеком, лишенным светских веселостей.

— Уж не евнух ли ты? — поинтересовался придворный шут.

— Нет, сударь, я слепой.

— А я подумал, было, что ты правду говоришь, — разочарованно протянул Кульковский.

Знакомый генерал шута, женившись в 80-летнем возрасте на семнадцатилетней красавице, поделился с Кульковским своими опасениями.

— Конечно, я не могу надеяться иметь наследников...

— Не можете надеяться, это правда, но всегда должны бояться, что они будут.

Доставалось от него и сластолюбцам. Когда шута спросили, почему Венеру, богиню любви, всегда изображают нагою, он, не задумываясь, ответил:

— А это намек: она оставляет почти нагими всех тех, кто сверх меры пленяется ее веселостями.

Кульковского обвиняли в угодливости, вероятно, это было все-таки несправедливо. Надоевшая напраслина заставила его доказать свою "угодливость". Бирон, собиравшийся утром на охоту, приказал любимому шуту разбудить его в семь часов. Тот разбудил герцога в шесть.

— Ваша светлость, извольте скорее выспаться, потому что вам осталось спать всего час.

Анна Иоанновна учредила специальный орден для шутов — "Святого Бенедикта", кавалерами которого стали Педрилло и д'Акоста. Но шуты при ней не имели того значения, что при ее великом дядюшке. Петр I держал шутов не только для забавы, они служили и орудием обличения и осмеяния противников его реформ, невежд и лихоимцев. Шуты же Анны Иоанновны большей частью выполняли роль скоморохов. Они паясничали, веселили царицу выходками и прибаутками. Шуты и шутихи обязаны были сообщать ей сплетни, ходившие по городу, и держать ее в курсе семейных дрызг. Интересовалась она и тем, что делается в Первопрестольной. Анна Иоанновна вела постоянную переписку со своим родственником Салтыковым, которого назначила генерал-губернатором Москвы, и требовала, чтобы он ей писал о домашних делах разных лиц.

Среди шутов при ее дворе были и родовитые дворяне. Один из них — полоумный князь Никита Федорович Волконский. После смерти его жены — известной Аграфены Петровны — императрица написала в Москву Салтыкову: "Семен Андреевич! Объявляю вам, что княгиня Аграфена Волконская умерла, того ради изволь сыскать ее мужа, князя Никиту Волконского, и к нам его немедленно выслать в Петербург и скажи ему, что ему велено быть за милость, а не за гнев".

Милость эта выразилась в назначении князя придворным шутом.

Другим высокопоставленным шутом был граф Алексей Петрович Апраксин, племянник известного адмирала Петра I графа Федора Матвеевича. Апраксин, по свидетельству современников, не тяготился своей унижительной должностью и получал богатые подарки императрицы, так, в 1733 году ему было пожаловано 6.000 рублей из сумм Преображенского полка. Правда, ему часто доставалось от придворных. «Граф Никита Иванович Панин, — писал в своих записках Порошин, — рассказывал о шуте императрицы Анны Ивановны графе Апраксине, что он несносный был шут, обижал всегда других и за то часто бит бывал».

Попал в шуты и другой князь — Михаил Алексеевич Голицын, внук знаменитого боярина и фаворита царевны Софьи Василия Васильевича. Слабоумный от природы, он после смерти первой жены отпросился за границу. Во Флоренции влюбился в итальянку низкого происхождения, женился на ней и по ее настоянию перешел в католическую веру. Вернувшись в Москву, он тщательно скрывал и свою женитьбу, и переход в другую веру. Когда это открылось, то привело в отчаяние всю семью Голицыных. Дело дошло до императрицы, но ее уверили, что серьезный проступок вызван слабоумием Михаила Алексеевича. Анна Иоанновна приказала привезти в Петербург князя и пришла в восторг от его глупости. Тут же Голицын был причислен к штату шутов.

«Семен Андреевич! — писала государыня Салтыкову. — Благодарна за присылку Голицына; он здесь всех дураков победил; ежели еще такой же в его пору сыщется, то немедля уведошь».

Если князю Волконскому, кроме шутовских обязанностей дурачиться, поручено было ухаживать за собачкой императрицы, то князю Голицыну поручили подавать Анне Иоанновне квас, за что придворные прозвали его Квасником.

Время правления императрицы Анны Иоанновны можно считать золотым веком шутов. С ее кончиной должности придворного шута больше не существовало. Анна Леопольдовна — эта российская Несмеяна — в первый же день своего правления всех их уволила.

При Екатерине Великой некоторые придворные называли шутом обер-шталмейстера Льва Александровича Нарышкина. В какой-то степени они были правы, так как Нарышкин обладал неисчерпаемым юмором и обостренным чувством справедливости. Он умел тактично и комично указать императрице на злоупотребления приближенных, чем существенно помогал ей с ними бороться. А самое главное, Лев Александрович, враг скуки, всегда развеивал тоску государыни, что, как известно, являлось основной обязанностью шута. ■



## Светлана ЗАЙЦЕВА

\*\*\*

*...И был тот шум спасительней наркоза:  
С пустынным миром связь оборвалась,  
Но щедро лепестки роняли розы,  
К лицу из душиной вазы наклонясь.  
Почти не вспоминаясь, растворялся  
Шум яблони, шум моря, шум колес,  
Шум ищущих застежку платья пальцев,  
Шум падающих на плечи волос.  
За шум прощальный все шумы прощала.*

*Так засыпала, не смутясь ничуть,  
Что поутру учиться предстояло  
Всей азбуке пяти невзрачных чувств.*

\*\*\*

*— А если он захочет быть стрелой?  
— То мне судьба — стать тетивой лука,  
Чтобы продольной звуковой волной  
Смутить твой гений сумрачный, Разлука!*

*Безмолвно вдохновение твое,  
Над таинством мелодии не властно.  
Прощай, земная цельность! Пусть поет  
Струной наипрозрачайшей пространство.*

*Не песнь. Но — общий выдох, общий стон  
Последний. Бессловесный. Безыскусный.  
И, если острием прохладным — он,  
То мой удел — тугой античный мускул:*

*Окаменев, отталкивать: "Лети!  
Вослед любви отказываюсь петь я!  
Лети и пой в нечаянной груди!"*

*— К тебе ревную, левое предсердье.*

### ДЕРЕВЬЯ

*В судьбе деревьев больше, чем людей.  
Я верю в их защиту, словно в чудо.  
Они добрей, честнее и щедрей.  
Их тень за мною следует повсюду.*

*В судьбе деревьев больше, чем цветов:  
Всех роз, всей самой свадебной сирени  
Не вспомнить мне, и норы мой таков:  
Лишь пред травкою встану на колени.*

*В судьбе деревьев больше, чем стихов.  
Плывут их ветви в сказочном полете,  
И заглядится в небо Гумилев,  
Задумаются Лермонтов и Гете.*

*С деревьями я плачу наравне,  
И, коль умру, средь них воскресну той же.  
И, сколько бы мне ни осталось дней,  
В моей судьбе деревьев будет больше.*

### ЧАША

*Если только можно, авва Отче...  
Борис Пастернак*

*Да, лишь о ней просила я,  
Но тайно, весело, украдкой:  
Чтоб губы поднести к краям  
Той чаши, губельной и сладкой.*

*Нас много за глотком одним.  
Чего? Глотнем — и не узнаем,  
Что там, за краем золотым,  
За золотым прохладным краем,*

*И кто с улыбкою поднес  
К устам сухим и жадным нашим  
Любви, волшебств и жарких слез  
Неупиваемую чашу.*

\*\*\*

*Последним из любви уходит запах...  
Он — тайный хищник среди иных потерь.  
Коль он ушел на невесомых лапах —  
В любовь надолго затворилась дверь.*

*Мы честно делим жесткую подушку  
И отбиваем каторжные сны...  
Но запах — прежний запах — кружит, кружит  
Вдоль крепостной разрушенной стены*

*Застывших тел. Он властвует всецело,  
Соленым бризом проникает в нас...*

*И если я обнять тебя посмела —  
Его монаршья воля и указ.*

*Не отстраняйся! Только попрощаться!  
Я оттолкнусь от берега легко —  
И растворюсь в рассветном, первом счастье,  
Где кожа пахнет теплым молоком...*

\*\*\*

*Храните письма. Жгите дневники.  
Пусть пепел легкой бабочкой взовется.  
Да будут тем, кто плакать остается,  
О нас воспоминания легки...*

*Твою судьбу хранят твои стихи.  
Их взглядом кто-то бережно коснется —  
И легкий пепел бабочкой взовется.  
Душа уходит. Тайна остается:  
Пол-имени. Пол-вздоха. Пол-строки.*

\*\*\*

*Заря. И вновь — противоборство певчих  
Там, за окном. И вновь проснусь одна.  
От птичьих голосов. Мне было б легче  
Твоих любимых слушать имена —  
И слышать лишь, как безмятежно дышишь,  
И знать — вспугну движением ресниц.*

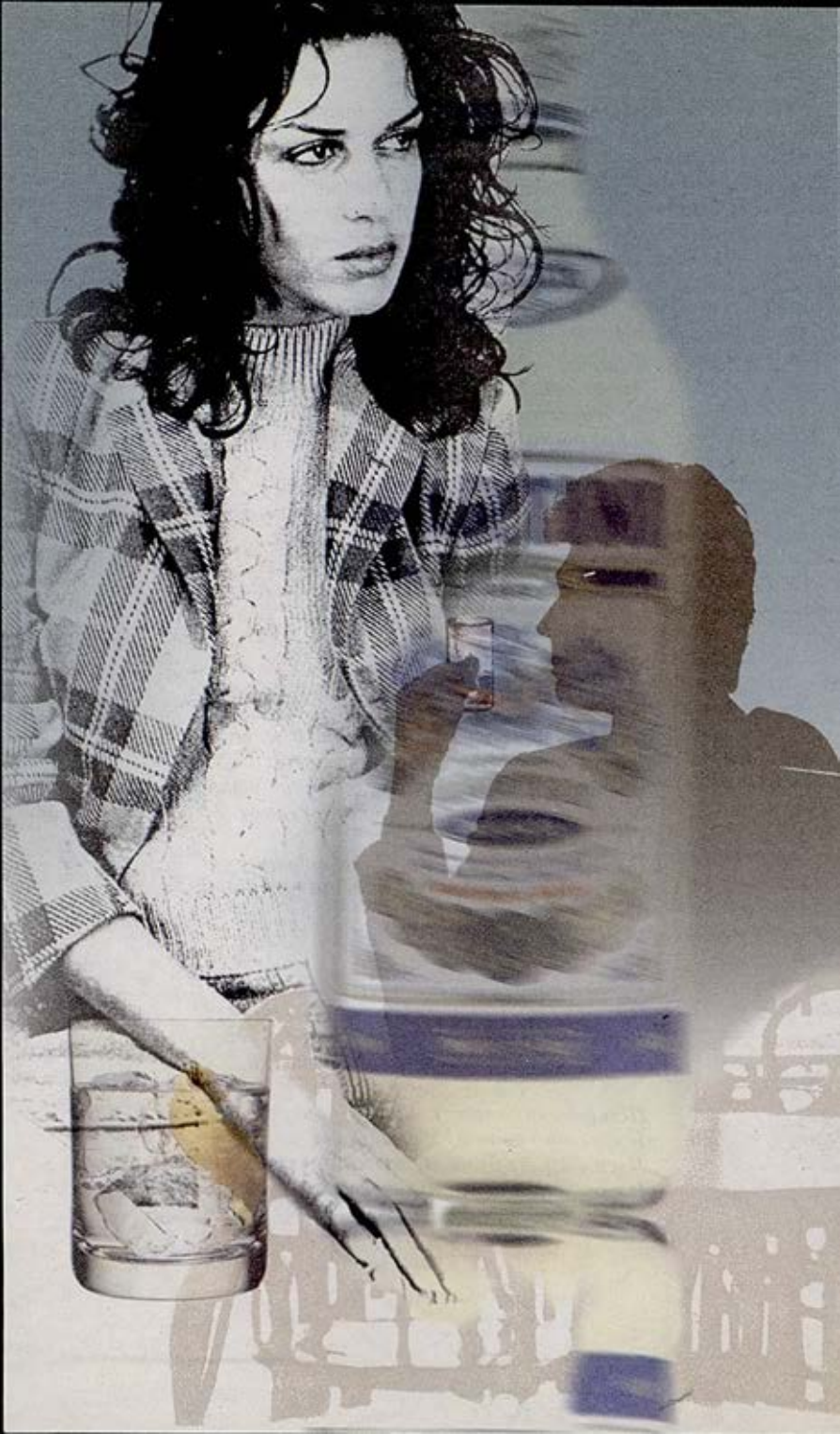
*Ты рядом спишь. И я тебя не слышу.  
Привычка: утром слышать только птиц.*


\*\*\*

*Когда с обидой некуда пойти,  
Плачь с безымянным деревом в обнимку!  
Лишь здесь, на этой царственной груди,  
Любви людской простятся недоимки.*

*Щекою иль спиной к стволу приник —  
И все, что ранит, дремлет под запретом...  
Пусть лжет бумага, жжет чужой язык  
И слепнет глаз от льющегося света.*

31



 на вычислила его сразу, как только вошла в ресторан. Семи пядей во лбу для этого не потребовалось. Только двое мужчин сидели в одиночестве, один из них — пожилой джентльмен, перед которым уже стояла тарелка с едой.

Второй — лет тридцати пяти-сорока, с гривой черных волос, волевым подбородком. Может, он актер, подумала она. Актер, которого тут же взяли бы на роль бандита. Правда, он читал книгу. Занятие это вроде бы бандиту не пристало.

Может, не он, подумала она. Может, его задержала непогода.

Она сдала пальто в гардероб. Сказала метрдотелю, что у нее назначена встреча с мистером Катлером.

**Лоренс БЛОК**

# КАК ДАЛЕКО ВСЕ МОЖЕТ ЗАЙТИ

— Пожалуйста, сюда. — Само собой, метрдотель повел ее не к столику пожилого джентльмена, но к другому мужчине, который при ее приближении закрыл книгу и встал.

— Билли Катлер, — представился он. — А вы — Дороти Морган. И, наверное, не откажетесь выпить. Что вам заказать?

— Даже не знаю. А что пьете вы?

— В такой вечер нет ничего лучше сухого “мартини”. — Он коснулся стакана. — Я, как только сел, сразу и заказал. И уже готов повторить.

— Я выпью “мартини”, — кивнула она.

Дожидаюсь, пока им принесут заказ, они говорили о погоде.

— Ездить в таком тумане — сущий кошмар, — заметил он. — На автострадах, вроде “Джерси тернпайк” или “Гарден стейт”, сталкиваются до пятидесяти, а то и ста автомобилей. Надеюсь, вы не за рулем.

— Нет, я приехала поездом. И взяла такси.

— Вы поступили правильно.

— Мне уже приходилось бывать в Хобокене<sup>1</sup>. Полтора года тому назад мы даже хотели купить здесь дом.

— Если бы вы его купили, то сейчас были бы с прибылью. Цены за это время сильно поднялись.

— Мы решили остаться на Манхэттене. — “А потом решили идти разными путями, — подумала, но не сказала она. — И слава Богу, что мы не купили дом, иначе он попытался украсть бы его у меня”.

— Я приехал на автомобиле. Туман, конечно, ужасный, но я выехал заранее, не спешил и добрался без происшествий. Честно говоря, я забыл, когда мы договорились встретиться, в семь или в половине восьмого. Поэтому приехал к семи.

— Значит, я заставила вас ждать. Я записала у себя семь тридцать, но...

— Я тоже думал, что в семь тридцать, но решил, что лучше подождать мне, чем вам. И потом, — он похлопал по суперобложке, — я взял с собой книгу, заказал “мартини”, а что еще нужно мужчине для полного счастья? А вот и Джо с нашими стаканами.

“Мартини” принесли сухой и холодный, как ей того и хотелось. После первого маленького глотка она не преминула похвалить бармена.

— Да, с “мартини” ничто не сравнится, а здесь смешивать их умеют. Между прочим, и ресторан тут очень даже неплохой. Я бы порекомендовал стейк, тушеную телятину.

— Нет, благодарю. Я не собиралась здесь засиживаться.

— Как скажете.

— Я думала, мы выпьем...

— И решим то, что должны решить.

— Совершенно верно.

— Хорошо. Меня это устроит.

Да только она не находила нужных слов, чтобы перейти к проблеме, которая привела ее в Хобокен, в этот ресторан, за столик к этому человеку. Они оба знали, почему она здесь, но сие не освобождало ее от необходимости перевести разговор на заданную тему. Чтобы хоть как-то облегчить себе задачу, она вернулась к погоде, к туману. Даже в хорошую погоду она приехала бы на поезде и такси, сказала она ему. Потому что машины у нее не было.

— У вас нет машины? — удивился он. — Ведь Томми говорил мне, что ваш загородный дом находится там же, где и его. Вы же не можете добираться туда на автобусе.

— Говард меня подвозил.

— А-а, тот самый парень.

— Говард Беллами, — почему не назвать его имя и фамилию? — Его машина, его загородный дом. Его мансарда на Грин-стрит.

<sup>1</sup> Хобокен — город в штате Нью-Джерси, на правом берегу реки Гудзон, против южного Манхэттена, с которым соединен тоннелем. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Он задумчиво кивнул.

— Но вы там уже не живете.

— Разумеется, нет. И из загородного дома увезла все вещи. Отдала ему мои ключи от машины. Все мои ключи, и от машины, и от загородного дома, и от мансарды. Все это время я сохраняла за собой мою старую квартиру на 10-й восточной улице. Даже не сдавала в субаренду, предчувствуя, что она может мне срочно понадобиться. И не ошиблась, не так ли?

— А из-за чего, позвольте спросить, вы с ним поссорились?

— Да я вроде бы и не ссорилась. Мы прожили вместе три года, два первых очень даже неплохо. Конечно, не как Ромео с Джульеттой, но жаловаться мне не на что. На третьем все пошло наперекосяк, и я поняла, что пора разбежаться.

Она потянулась к стакану и с удивлением обнаружила, что он пуст. Странно... она не помнила, как осушила его. Посмотрела на мужчину. Он терпеливо ждал, его темные глаза оставались бесстрастными.

— Он говорит, что я должна ему десять тысяч долларов, — вырвалось у нее после долгой паузы. — Он так считает.

— А вы?

Она покачала головой.

— Но у него есть бумажка. Долговое обязательство с моей подписью.

— Вроде бы он одолжил вам эти деньги.

— Да. — Она повертела в руке пустой стакан. — Но он не одалживал. Да, бумажку он получил. И положил деньги на мой счет. Но я ему ничего не должна. Он дал мне деньги, а я оплатила ими круиз, в который мы вместе и отправились.

— Куда? На Карибы?

— На Дальний Восток. Прилетели в Сингапур, а потом поплыли в Бали.

— Экзотическая получилась поездка.

— Да. Тогда у нас все было хорошо.

— А обязательство, которое вы подписали, — напомнил он.

— Что-то связанное с налогами. Чтобы он мог списать эти деньги, только не спрашивайте меня, как. Понимаете, все время, пока мы жили вместе, я платила за себя. Расходы мы делили пополам. Круиз — особая статья. Он хотел сам оплатить его. А подписанное мною обязательство требовалось лишь для того, чтобы не увеличивать расходы за счет доли государства...

— И все?

— Да. А теперь он заявляет, что это долг, который я должна вернуть, и я уже получила письмо от его адвоката. Представляете себе? Письмо от его адвоката!

— Он же не собирается подавать на вас в суд.

— Как знать? В письме адвоката указано, что как раз собирается.

Катлер нахмурился.

— Если он обратится в суд, и вы под присягой расскажете о его уклонении от налогов...

— Как я могу рассказать, если сама в этом участвовала?

— Странно все-таки, он подает на вас в суд, прожив с вами несколько лет. Обычно инициатива исходит от женщины, знаете ли. Есть даже специальный юридический термин.

— Палименты.

— Да, палименты. Вы не пытались их получить?

— Вы шутите? Говорю вам, я за все платила сама.

— Совершенно верно, вы так сказали.

— Я платила за себя до того, как встретила его, сукиного сына, я платила за себя, пока была с ним, и я буду платить теперь, после того, как избавилась от него. Последний раз я брала деньги от мужчины, когда мне было восемнадцать лет. Дядя Ральф одолжил их мне на покупку автобусного билета до Нью-Йорка. Он не говорил, что это ссуда, и не давал на подпись бумажку, но я все равно ему их отдала. Накопила и послала по почте. У меня тогда даже не было счета в банке. Я пошла на почту и отправила их переводом.

— Значит, вы приехали в Нью-Йорк в восемнадцать?

— Как только окончила среднюю школу. И с тех пор полагаюсь только на себя и плачу по всем счетам. Я бы заплатила и за тот круиз, только он все обставил так, будто поездка эта — его подарок. А теперь он хочет, чтобы я заплатила и за него, и за себя, он хочет получить десять тысяч плюс проценты и...

— Он хочет получить проценты?

— В расписке они указаны. Десять тысяч долларов плюс восемь процентов ежегодно. Вот я и подумала, что он, возможно, передумает, если с ним поговорят двое крепких парней.

— За этим вы ко мне и пришли.

Она кивнула, не переставая вертеть в руках пустой стакан. Катлер указал на него, вопросительно поднял брови. Она вновь кивнула, он поймал взгляд официанта и знаком предложил повторить заказ.

Они молчали, пока пустые стаканы не заменили полными.

— Двое парней могут с ним поговорить.

— Вот и прекрасно. Сколько это будет стоить?

— Пятьсот долларов.

— Меня это устраивает.

— Вы хотите, чтобы они с ним поговорили, но на самом-то деле подразумеваете под этим нечто большее. Вы хотите, чтобы разговор этот произвел на него определенное впечатление, и он понял, что должен выполнить поставленные условия, если не хочет, чтобы к нему применили меры физического воздействия. Так вот, если вы хотите произвести впечатление, надобно сразу начинать с физического воздействия.

— Тогда он поймет, что вы настроены серьезно?

— Тогда он испугается. Ибо в противном случае только разозлится. Не сразу, конечно, не в тот момент, когда двое громил при-



жмут его к стене и объяснят, что он должен сделать. В тот момент он перетрусит, но, если они обойдутся без рукоприкладства, он, придя домой и подумав, начнет злиться.

— Кажется, я вас понимаю.

— А вот если его сразу отменят, не очень сильно, но так, чтобы он не забыл об этом происшествии в последующие четыре-пять дней, тогда испуг задавит злость. Вот чего вы хотите.

— Согласна.

Он маленькими глотками пил “мартини”, оценивающе поглядывая на нее поверх стакана.

— Мне нужны кое-какие сведения об этом парне. Например, в какой он физической форме?

— Ему стоит сбросить двадцать фунтов, а так он в полном порядке.

— С сердцем проблем нет?

— Нет.

— Спортом занимается?

— Он записан в спортивный клуб. Поначалу ходил в тренажерный зал четыре раза в неделю, теперь — от силы дважды в месяц.

— Как и все, — пожал плечами Катлер. — Поэтому, собственно, спортивные клубы и не разоряются. Если бы все члены, которые платят взносы, пришли одновременно, очередь в раздевалку растянулась бы на полквартиры.

— Вы тренируетесь, — заметила она.

— Да, — кивнул он. — В основном, поднимаю тяжести, несколько раз в неделю. Вошло в привычку. Где — не скажу. — Улыбка вдруг превратила его в озорного мальчугана, но он тут же стал серьезным. — Восточные единоборства. Он ими не занимался?

— Нет.

— Вы уверены? Может, не в последнее время, до того, как вы сошлись?

— Он ничего такого не говорил, но сказал бы, если б занимался. С удовольствием бы похвалился.

— Оружия он при себе не носит?

— Нет.

— Вы уверены?

— У него вообще нет оружия.

— Повторяю вопрос. Вы уверены?

Она задумалась.

— Как тут можно знать наверняка? Знать, что у человека есть пистолет — это одно, но как можно гарантировать, что у человека нет пистолета? Я могу сказать следующее: мы прожили вместе три года, и за это время у меня не возникало и мысли о том, что у него есть пистолет. Мне представляется, идея приобрести пистолет даже не приходила ему в голову.

— Вы бы удивились, узнав, у скольких людей есть оружие. Иногда возникает ощущение, что половина населения страны ходит с оружием. И многие без разрешения. А если у человека нет разреше-

ния на ношение оружия, он никому не говорит ни о том, что носит пистолет с собой, ни о том, что он вообще у него есть.

— Я практически уверена, что у него нет пистолета, не говоря уже о том, чтобы он носил его с собой.

— Скорее всего, вы правы, но наверняка вы этого не знаете. Поэтому нельзя исключать и такой вариант: у него есть пистолет и он носит его с собой.

Она кивнула: логичный вывод.

— И вот тут я должен задать вам вопрос. Вернее, вы должны спросить себя и дать мне ответ. Как далеко, по-вашему, все может пойти?

— Я что-то не понимаю, о чем вы.

— Мы уже говорили о том, что без физического воздействия не обойтись. И последствия будут сказываться несколько дней. Ребрам его крепко достанется.

— Хорошо.

— Да, конечно, если этим все и закончится. Но вы должны понимать, что может и не закончиться.

— О чем вы?

Он сложил ладони домиком.

— Понимаете, не вам решать, где ставить точку. Я не знаю, слышали ли вы присказку... о горилле. Не вы принимаете решение, когда надо остановиться. Вы останавливаетесь, когда так решает горилла.

— Я слышу это впервые. И, наверное, не все понимаю. Горилла — Говард Беллами.

— Горилла — не он. Горилла — насилие.

— Ага.

— Вы что-то начинаете, но не знаете, во что это выльется. Окажет ли он сопротивление? Если да, ему достанется чуть сильнее, чем предполагалось сначала. А если он будет и дальше сопротивляться? Пока он не утомится, его будут бить. Выбора нет.

— Я понимаю.

— Плюс человеческий фактор. Парни... в их действиях не должно быть эмоциональной составляющей. И вы полагаете, что их будут отличать хладнокровие и профессионализм.

— Конечно.

— Но это справедливо до какого-то предела, потому что они всего лишь люди, понимаете? Если они начинают злиться на своего клиента, они говорят себе, что он кусок дерьма, и уже с ним не церемонятся. Где-то они выполняют задание, а где-то добавляют и от себя, особенно, если клиент их обзывает или, обороняясь, заденет. А разозлившись, они могут причинить больше вреда, чем оговаривалось заранее.

— Я понимаю, о чем вы.

— Поэтому все может пойти дальше, чем кто-либо мог предположить. Он может попасть в больницу.

— С переломами?

— И не только. С разрывом селезенки. Знаете, люди умирают и от удара кулаком в живот.

— Я видела фильм, в котором так и случилось.

— Я видел фильм, в котором человек раскидывает руки и летит, как птица, а вот смерть от удара кулаком в живот возможна не только в кино, но и в реальной жизни.

— Вы заставили меня задуматься.

— Тут действительно есть о чем подумать, потому что вы должны быть готовы ко всему. Вы понимаете? Вряд ли, конечно, дело пойдет так далеко, в девяноста пяти случаях из ста без этого удастся обойтись.

— Господи, — выдохнула она. — Он, конечно, сукин сын, но я не хочу его смерти. Я хочу, чтобы он получил наглядный урок. Я не хочу до конца моих дней терзаться из-за него угрызениями совести.

— Я так и думал.

— Но я не хочу платить этому сукиному сыну десять тысяч долларов. Я все усложняю, не так ли?

— Я отлучусь на минутку, — он встал. — Вы пока подумайте, а потом мы продолжим разговор.

Пока он отсутствовал, она повернула книгу к себе. Посмотрела на фотоснимок автора, прочитала несколько строк аннотации. Вернула книгу на место. Отпила "мартини", выглянула в окно. Автомобили проезжали мимо, едва пробивая светом фар густой туман.

— Я подумала, — сказала она, когда он сел за столик.

— И что?

— Вы отговорили меня платить вам пятьсот долларов.

— Я так и предполагал.

— Потому что я не хочу, чтобы его убили, я даже не хочу, чтобы он попал в больницу. Мне приглянулась идея напугать его, напугать как следует, может, начистить физиономию. Все потому, что я разозлилась.

— Разозлиться может каждый.

— Но теперь я понимаю, что хочу одного: чтобы он перестал требовать с меня эти десять тысяч. Господи, это все мои деньги. Я не хочу отдавать их ему.

— Может, вам и не придется.

— Как это?

— Я не думаю, что деньги — главное. Для него — нет. Просто он дует из-за того, что вы его бросили. Вот и вы в ответных действиях пока руководствовались эмоциями. Но взгляните на происходящее с точки зрения бизнеса. Вы правы, он — нет, но борьба может потребовать слишком больших усилий. Так что попытайтесь договориться.

— Договориться?

— Вы всегда платили за себя, поэтому, в принципе, готовы оплатить свои расходы на круиз, не так ли?

— Да, но...

— Да, да, речь шла о его подарке вам. Но давайте об этом сейчас забудем. Вы можете оплатить половину. Однако это все равно много. Предложите ему две тысячи долларов. Мне представляется, что он их возьмет.

— Боже, мне противно с ним говорить. Я не смогу ему что-то предлагать.

— Тогда попросите кого-нибудь сделать ему такое предложение от вашего имени. Я мог бы взять это на себя.

— Вы серьезно?

— Иначе я бы и не открывал рта. Думаю, если я сделаю ему такое предложение, он его примет. Я не собираюсь угрожать ему, но уверен, что он и без угроз поймет, что к чему. Я принесу с собой чек на две тысячи долларов, выписанный вами на его имя. Почему-то мне кажется, что он его возьмет, и вы больше не услышите о своем долге в десять тысяч долларов.

— Значит, я остаюсь без двух тысяч. Плюс пятьсот долларов вам.

— Я с вас ничего не возьму.

— Почему?

— Я же собираюсь только поговорить с этим парнем. За разговоры я денег не беру. Я не адвокат. Рядовой гражданин, которому принадлежат пара автостоянок.

— И который читает толстые романы молодых индийских писателей.

— О? Вы читали эту книгу? Трудно запоминать имена, особенно, если не знаешь, как они правильно произносятся. Но это интересно.

— Вот уж не думала, что вы любите читать.

— Билли Автостоянщик, — покивал он. — Человек, который многих знает и многое может уладить. Так, наверное, охарактеризовал меня Томми.

— В общих чертах.

— Наверное, так оно и есть. Читением я... ну... выделяюсь из своего круга. Оно открывает мне новые миры. Я в них не живу, но могу там бывать.

— Вы просто приобрели привычку читать? Точно так же, как привыкли поднимать тяжести?

— Да, конечно, только читать я пристрастился с детства. Мне не пришлось уезжать из города, чтобы приобрести эту привычку.

— Я как раз об этом думала.

— Так или иначе, там читать трудно, труднее, чем многие думают. Очень шумно.

— Правда? Вот уж не ожидала. Всегда говорила себе, что обязательно прочту "Войну и мир", когда меня посадят в тюрьму. Но, если там шумно, тогда обойдусь без "Войны и мира". Не пойду в тюрьму.

— Вам там не место. Это можно сказать и по вашей внешности, и по тому, что за ней скрывается. Единственное слово, каким я мо-

гу вас охарактеризовать, это "класс", но слово это очень уж часто употребляют люди, у которых за душой ничего нет.

— Вы мне льстите. Особенно после того, как убедили меня не совершать поступок, о котором я сожалела бы всю жизнь, и нашли способ отвалить от меня сукиного сына, всего за две тысячи долларов заставить его забыть ко мне дорогу. Вот это называется "классом".

— Ну, вы видите меня во всей красе.

— А я выставила напоказ все свое моральное уродство. Искать человека, чтобы тот избил прежнего дружка. О каком "классе" тут может идти речь?

— Я вижу совсем другое. Женщину, которая не хочет, чтобы ею помыкали. И если я могу как-то помочь вам, то с радостью все сделаю. Но, при всем этом, вы — дама, а я — никто. Допивайте "мартини". Я отвезу вас в город.

— В этом нет нужды. Я доеду на поезде.

— Мне все равно возвращаться в город. Так что нам по дороге.

— Если вы так считаете...

— Считаю, — кивнул он. — Но есть и другой вариант. Нам обоим надо поесть, а здесь подают отличные стейки. Давайте я угощу вас обедом, а потом отвезу домой.

— Обедом...

— "Коктейль" из креветок<sup>2</sup>, салат, стейк, вареный картофель...

— Вы меня искушаете.

— Так поддайтесь искушению. Это всего лишь обед.

Она пристально посмотрела на него.

— Нет. Нечто большее.

— Большее, если вы того захотите. Или просто обед, если таковым будет ваше желание.

— Но вы не знаете, как далеко все может зайти. Мы возвращаемся в исходную точку, не так ли? Как вы сами сказали про гориллу, она решает, когда надо останавливаться.

— Догадываюсь, горилла — это я?

— Вы сказали, что горилла — насилие. В нашем случае не насилие, но не я и не вы. А то, что происходит между нами, уже происходит, не так ли?

— Скорее да, чем нет.

Она посмотрела на свои руки, потом на него.

— Человек должен есть.

— Кто ж с этим спорит?

— И за окном туман.

— Сильный туман. Но как знать, может, он и рассосется, когда мы поедем?

— Меня это не удивит, — улыбнулась она. — Мне кажется, процесс уже пошел.

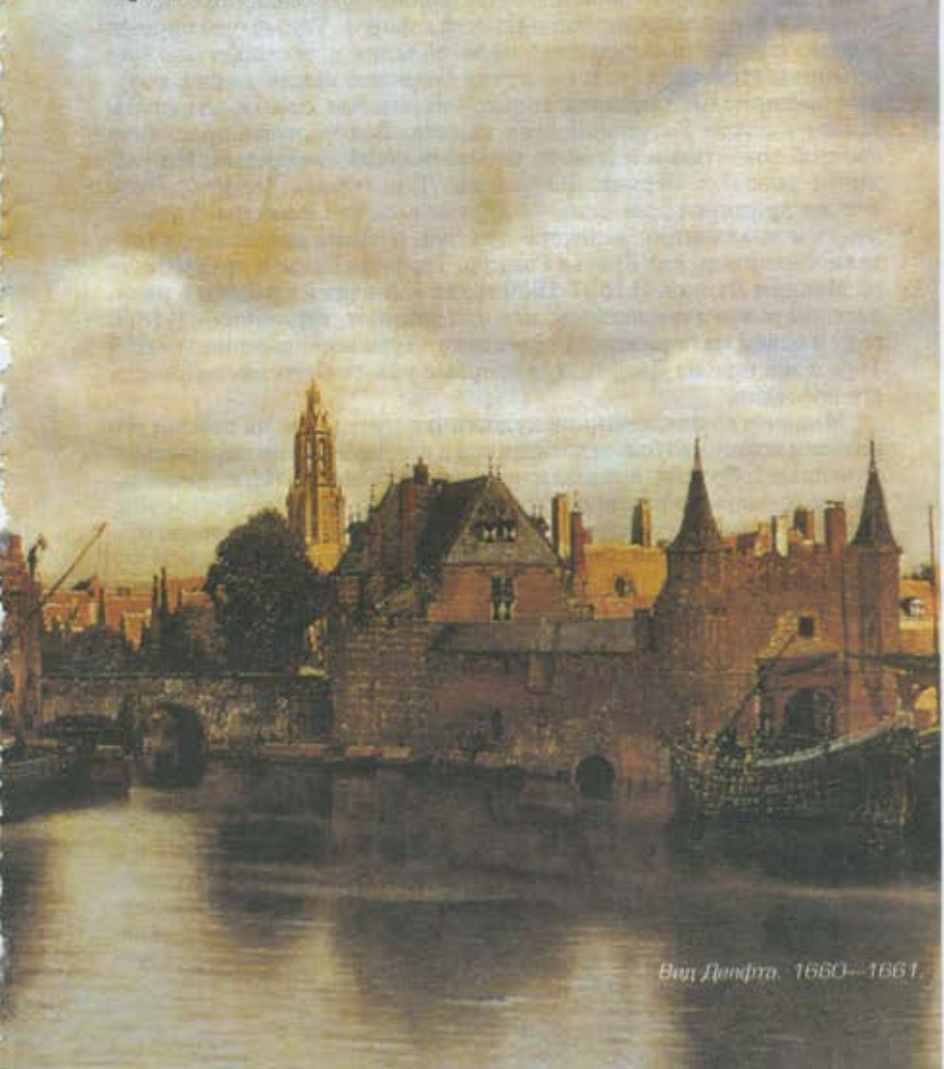
Перевод с английского **Виктора ВЕБЕРА**

<sup>2</sup> «Коктейль» из креветок — крупные отварные креветки в томатном соусе. Подаются в фужере.



# ВЕРМЕР

Ирина ОПИМАХ



*Вид Делфта. 1660—1661.*

**Я**н Вермер занимает в истории искусства совершенно особое место. Не основавший школы, не имевший ни учеников, ни последователей, Вермер остался недосыгаемой и одинокой вершиной в богатой яркими именами голландской живописи XVII века. Долгие годы его имя было забыто, и только благодаря счастливой случайности человечество обрело возможность наслаждаться искусством великого голландца.

А начиналось все так.

В 1842 году французский искусствовед и критик Теофиль Торе оказался в Гааге. Конечно, первым же делом он решил отправиться в городской музей, в Маурицхейс. И вот там, среди уже привычных его глазу натюрмортов и пейзажей он вдруг увидел картину, мимо которой пройти не смог. Какой потрясающий пейзаж! Милый и такой типично голландский городок. Только что прошел дождь, солнце проглядывает из-за облаков и освещает мокрые крыши и стены домов. В его лучах сверкают капли дождя, голубые просветы неба и словно только что умытые здания, отражающиеся в глади Роттердамского канала. Вся картина пропитана светлой радостью и какой-то поразительной свежестью. На табличке указано: Вермер Делфтский "Вид города Делфта". Торе тут же принялся разыскивать другие полотна Вермера. Тайнственным голландцем заинтересовались и такие известные ценители живописи, как братья Гонкур, Теофиль Готье и друг Флопера Максим Дюкан. В 1857-1859 годах выходят их работы о неизвестном ранее и гениальном, как они считают, художнике. В 1866 году в одной из парижских газет печатается восторженная статья Торе о мастере из Делфта, где впервые как-то систематизируется его наследие.

Множество поклонников художника пустились на поиски его полотен и документов, относящихся к его жизни, они перерывают музейные собрания, архивы и частные коллекции. Через несколько лет розысков в конце концов обнаружили всего 35 его картин. И совсем немного удалось узнать о жизни этого самого загадочно-го художника во всей истории западноевропейской живописи.

Вермер родился в Делфте, в 1632 году, в семье почтенного бюргера. Крестили его в Новой церкви, 31 октября, имя мальчику дали — Ян.

Делфт, в котором Вермер прожил всю свою недолгую жизнь — маленький, уютный, с каналами и изящными мостиками, островерхими кирхами и кирпичными, словно игрушечные, домиками — славился по всей Голландии своей чопорностью. Все главные посты в городе занимали представители нескольких самых богатых и родовитых семейств, и они задавали тон жизни города, в соблюдении строгости нравов и традиций. И в искусстве они почитали правильными строгие формы и простые композиции, в которых рассказывалось об их жизни. Все средства местное купечество тратило на обустройство своего быта. Нигде культ домашнего очага не пустил таких глубоких корней, и нигде улицы и кана-



Молочница. 1658—1660.



лы не содержались в такой чистоте, как в Делфте. И не случайно в этом городе жили и творили два ярких воспевателя бюргерского благоденствия — Ян Вермер и Питер ван Хох, оставившие потомкам яркие и такие поэтичные картинки жизни своих современников.

Папаша Вермер владел большим домом “Михилена” на центральной, рыночной площади города. В доме располагалась небольшая гостиница и таверна, кроме того, старший Вермер занимался производством модного тогда шелка “каффа” и приторговывал картинами, благо они пользовались большим спросом. Приобретать картины считалось модным во всех слоях общества. Так, один голландец, чье состояние сильно выросло после ряда удачных торговых операций в Вест-Индии и Леванте, не только украсил десятками картин комнаты и коридоры своего дома, но даже развесил их в помещениях для слуг — в комнате его служанки было аж семь картин! Бюргеры с удовольствием покупали работы голландских художников: морские и городские пейзажи; картины, посвященные драматическим моментам истории Северных провинций; подробные карты Республики; сельские ландшафты. Особую популярность имели скромные, наполненные домашним теплом картины. Вместо святых на картинах голландских мастеров — обычная жизнь их современников, работающих в своих двориках или сидящих за столом во время завтрака. А вместо христианских мадонн — прославляли своих жен и матерей, спокойно занимавшихся вполне земными делами. Обретя политическую свободу и свободу вероисповедания, голландские художники резко отошли от канонов религиозной живописи, господствовавшей в католических странах.

Ян рос, и ему все больше нравилось проводить время в лавке отца, смотреть картины и разговаривать с художниками, приносившими свои полотна на продажу. И вот один из его новых знакомых как-то подарил Яну краски и холст. Мальчик попробовал рисовать, и занятие это ему чрезвычайно понравилось. Трудно себе представить, что интерес к рисованию сына понравился и практичному папаше Вермеру — ведь картины никого еще не сделали богатым, что он хорошо знал по своему опыту. Но отец и не препятствовал Яну. Пусть парень пока рисует, а там будет видно. У Вермера появился учитель — талантливый делфтский художник Карель Фабрициус. Их связывают не только отношения учителя и ученика — вскоре они становятся настоящими друзьями.

В 1653 году Ян женился на Катерине Больнес, девушке из богатой католической семьи. (Наверное, это она позже склонила его принять католичество.) В этом же году Яна приняла в свои ряды гильдия святого Луки, объединение делфтских художников. Вступительный взнос составлял 6 гульденов — что оказалось непомерно большой суммой для Яна: после смерти отца дела в семействе Вермеров пошли гораздо хуже. Он не смог сразу за-



Урок музыки. 1662—1665.

платить деньги и выплачивал их частями три года. К этому периоду относится самое раннее из всех дошедших до нас полотен Вермера — монументальная картина «Христос у Марфы и Марии». Она написана на религиозный сюжет и явно под влиянием итальянских живописцев, которое очень скоро художник с успехом преодолел. Хоть картина и посвящена жизни Христа, она наполнена совершенно мирским настроением. Перед нами совсем не Бог, а скорее просто молодой человек, рассказывающий двум милым девушкам о своих путешествиях.



Городская улочка. 1657—1658

В 1654 году покой жителей Делфта нарушил грохот — взорвались пороховые склады, начался страшный пожар. Горели люди, дома, вещи. В безумном, все пожирающем огне погиб и Карель Фабрициус. А совсем недавно ему исполнилось всего 32 года! Смерть Кареля стала страшным ударом для Яна. Похоронив дру-

---

га, он долго не мог придти в себя и вернуться к нормальной жизни.

В 1662 и 1670 годах Вермер состоял деканом гильдии святого Луки — это говорит о том, что он был признан как мастер и заслужил высокий авторитет среди делфтских художников. В архивах найдены документы, относящиеся к этому периоду жизни мастера, в основном касающиеся денежных дел — Вермер занимает крупные суммы, поручается за других, получает наследство от родителей жены, оставивших молодой семье усадьбу “Bon Repos” недалеко от Утрехта. Так, чинно и благопристойно, шла жизнь молодого художника. У него рождаются дети — один за другим, одиннадцать. Всех надо кормить, зарабатывать деньги. У Вермера много заказов, но он не может работать быстро, делать то, что от него хотят — он работает для души, и очень медленно.

Не так давно специалисты выяснили, что Вермер широко использовал при создании своих картин камеру-обскуру. Это во многом объясняет четкость форм и перспективы на его полотнах. Камер-обскура порой толкала художников на излишний натурализм, но и позволяла точнее увидеть расстановку предметов в пространстве. Вермер сумел использовать все преимущества камер-обскуры, что помогло ему сосредоточить усилия на чисто живописных задачах. Для него интересен и важен не столько сюжет картины, сколько душевное состояние его героев. Персонажи полотен Вермера — представители зажиточного купеческого сословия, его друзья, знакомые, приятельницы жены. Они живут в красивых домах с анфиладами комнат, стены которых украшают картины голландских мастеров, восточные ковры и дельфтский фарфор.

Живя среди бюргеров, простых, не отличавшихся изысканностью нравов, честных, порядочных дельцов, Вермер, скорее всего, чувствовал себя страшно одиноким. Разве могут понять они, эти степенные отцы семейств, для которых главное — деньги и их дом, его невыносимую тоску по совершенству, стремление к красоте и гармонии? И после смерти учителя и друга К. Фабрициуса, — единственного человека, с кем он откровенно говорил и о жизни, и об искусстве — Вермер замыкается в себе, тщательно скрывая от всех то, что происходит в его душе.

От Вермера не осталось ни писем, ни воспоминаний, ни каких-либо высказываний об искусстве и жизни. О его личности, о его мироощущении мы можем узнать, только глядя на его полотна... Вермер — настоящий лирик. Его произведения не отличаются ни богатством сюжетов, ни многофигурностью композиций. Они как изящные стихотворения, наполненные чувством и создающие определенный эмоциональный настрой. Художник пишет мир, который его окружает. И тут нет ничего, что казалось бы ему незначительным или маловажным — женские украшения, покроя одежды, карта на стене, люстра, кирпичи домов, хлебные крошки на подносе, фалды женского платья или фрукты на блюде. Все

удивительно живо — зритель словно слышит возгласы, смех, звуки лютни или — тишину, заполнившую комнату.

“У сводни” — красный костюм кавалера, желтое платье дамы, и черное одеяние сводни, резко контрастирующее с радостными тонами молодой пары. Сразу видно — художник, написавший картину, молод. Полотно пропитано чувственностью, задором и добрым юмором. Все довольны, — особенно старуха, наверняка, она получит хорошее вознаграждение от кавалера, уже так по-хозяйски положившего руку на грудь молодой женщины. На картине рукой Вермера указано, что она написана в 1656 году. (Одна из немногих работ, имеющих точную датировку, обычно Вермер не указывал год создания своих картин). Художнику всего 24 года, но перед нами — работа сложившегося мастера.

“Головка девочки” — один из самых обаятельных образов голландской живописи. Девушка, скромная, отнюдь не красавица, смотрит спокойно и отрешенно. Белый воротник подчеркивает нежность кожи и золотые тона одежды. Влажные губы слегка приоткрыты. В ее лице — удивление и легкая насмешка. Несомненно, Вермер обладал способностью чувствовать самые тончайшие оттенки настроений, он слышал, что происходит в человеческой душе, знал, что такое настоящая красота и ради чего стоит жить.

В период с конца 50-х до начала 70-х Вермер создает целую галерею прекрасных, живых и удивительно поэтических образов: это и “Девушка, читающая письмо”, и “Дама с лютней”, бравый кавалер и его подруга с картины “Бокал вина”... Яркая живопись, продуманная композиция, и словно волшебный свет, характерные особенности стиля Вермера.

А вот, пожалуй, самая загадочная картина мастера — “Мастерская ху-







Святая Пранкседис. 1655.



дожника". (Она не раз переходила из рук в руки, потом ее приобрел один частный коллекционер—австриец, и долгие годы была гордостью его собрания — пока ее не конфисковали нацисты. Картина очень нравилась Гитлеру, украшала его резиденцию в Бергесхадене. Теперь она снова в Австрии, хранится в Венском музее истории искусств.) В "Мастерской" нет ничего случайного, все подчинено продуманному и четкому плану. Полотно наполнено множеством символов и намеков на важнейшие по тем временам вопросы — и политического характера, и касающихся искусства и положения художника в обществе. Пожалуй, как никакая другая картина из наследия Вермера, "Мастерская" рассказывает о том, каким человеком он был, что волновало его душу. За стенами мастерской идет шумная жизнь, а здесь — тишина и сосредоточенность. Ровный свет, источник его скрыт за пологом занавеса, озаряет комнату, изящную бронзу люстры, которую венчает двуглавый орел Габсбургов, и висящую на стене огромную карту голландских провинций. Отсутствие свечей в люстре намекает на закат испанской ветви этой монархической династии — ведь в 1648 году Северные провинции Нидерландов получили независимость от Испании. А на карте линия сгиба показывает границу между протестантской Голландией и католической Фландрией, все еще остававшейся под властью Испании. Мы видим, как работает художник. Перед ним — натурщица в странном голубом одеянии, ее изящная головка украшена венком. И тут Вермер остался верен себе — он посадил художника к зрителю спиной. Отметим, что его костюм не соответствует моде, дарившей во времена Вермера, скорее, на нем одежда, которую носили в XV веке. Возможно, художник хотел показать связь искусства своего времени с художественными достижениями предшествующих поколений — с великими мастерами XV века Яном ван Эйком, Рогиром ван Вейденом, Хансом Мемлингом, а, кроме того, подчеркнуть мысль, что настоящее искусство живет в веках.

Вермер пишет не только жанровые композиции и портреты. До нас дошли два замечательных пейзажа — "Вид города Делфта", который так поразил Торе, и "Улочка", хранящаяся в амстердамском Рейксмузее. На этой картине Вермер изобразил часть городской застройки Делфта — богадельню для старух, и примыкающий к нему дворик. В 1660-1661 годах здание перестроили для гильдии святого Луки. Вермер писал, глядя на богадельню из окон своего собственного дома, с натуры — этого до него не делал никто из живописцев XVII века. Красный кирпичный фасад, переплеты окон, ставни, стены с потрескавшейся штукатуркой, вьющийся виноград, идеально вычищенная мостовая переданы на холсте с поразительной точностью. Одинокие фигурки оживляют картину. Живопись великолепна, даже каждый кирпич имеет особый оттенок. Картина удивительно красива, от нее веет покоем и порядком.

---

Мы не знаем других пейзажей Вермера, но этих двух полотен, “Улочки” и “Вида города Делфта”, достаточно, чтобы художник занял достойное место среди самых выдающихся пейзажистов европейской живописи.

Надо сказать, что знатоки, современники Вермера, понимали ценность работ художника и иногда платили за них приличные деньги. В конце XVII века Делфт посетил французский путешественник Бальтазар де Монкони. В его дневнике мы находим такую запись: “В Делфте я видел художника Вермера, который не имел ни одной своей работы (наверное, Вермер просто не захотел продавать французу свои картины), зато одну мне показали у местного булочника, заплатившего за нее 600 ливров, хотя на ней изображена всего одна фигура — ценою, на мой взгляд, не более чем в шесть пистолей”. Де Монкони, воспитанный на классической французской живописи, не мог оценить очарования вермеровского полотна. Небольшая жанровая картина, как она может стоить такие деньги! Конечно, в картине Вермера не было торжественности и помпезности, красот и возвышенности, свойственных барочному стилю, царившему тогда во Франции. И не случайно Людовик XIV, увидев однажды картины из Голландии, с презрением произнес ставшую знаменитой фразу: “Otez ces magots-la!” — “Какие уродцы!” Но для разбиравшихся в искусстве зажиточных делфтских буржуа картины Вермера ценились как настоящие алмазы, в которых, кстати говоря, они тоже знали толк.

Но Вермеру, обремененному огромной семьей, постоянно не хватает денег, и он возобновляет торговлю картинами, которой занимался его отец. Да и продавать свои работы ему не очень хотелось — по-видимому, они были для него дороги, и он не спешил с ними расставаться.

В 1672 году началась франко-голландская война. Живописью теперь никто не интересуется, и Вермер вынужден за бесценок продать все закупленные им картины. Большой семье художника пришлось переселиться из “Михилена” — теперь он целиком сдавался внаем — в маленький домик на Оуде Лангендейк.

В 1675 году, 15 декабря, Вермер умер — ему было всего сорок три года. К концу жизни он мало писал, тяжело болел. После его смерти у вдовы на руках осталось одиннадцать сирот и пачка долговых расписок. И Катерина Вермер распродает оставшиеся от мужа картины — картины его и других художников. Так, булочнику Бейтену попадают два полотна Вермера, а матери госпожи Вермер — “Мастерская художника”.

Во времена Вермера жили и творили блестящие мастера — Стен, Метсю, Терборх, Рейнсдаль, Хальс и многие другие, но, пожалуй, никому из них не удалось достичь таких высот, как Вермеру и Рембрандту. И, как и Вермер, Рембрандт умирал в страшной нищете, большой и никому не нужный. Есть какая-то трагическая закономерность в том, что величайшие гении уходят из нашего мира непонятыми и неоцененными.

*Девушка, читающая письмо  
у открытого окна. 1657.*





Впрочем, современники художника высоко ценили его мастерство. В течение последующих после смерти мастера двадцати лет в стране существовали две крупные коллекции его картин: антиквар и пейзажист Ян Куленбир имел 26 работ Вермера; большой поклонник вермеровского таланта делфтский книгопечатник Диссиус владел 21 произведением художника. В 1696 году в Амстердаме на аукционе было заявлено 19 полотен мастера, есть основания полагать, что все они были из собрания Диссиуса. Из всех

---

проданных на аукционе картин вермеровские прошли по самым высоким ценам.

А потом о нем забыли — почти на два века.

С именем Вермера связан самый известный эпизод в истории подделок и мистификаций произведений искусства, и говоря об этом художнике, нельзя не вспомнить и о другом, родившемся почти на три столетия позже.

Вернемся в конец XIX века. Каждая вновь найденная картина Вермера — мировая сенсация. Мир сходит с ума. Выходят альбомы и монографии, крупнейшие музеи мира и самые известные частные коллекционеры борются за обладание хотя бы одним полотном великого голландца. И вот тут начинается история жизни, триумфа и падения Ханса ван Мегерена, человека по-своему весьма неординарного.

Мегерен родился в 1889 году в голландском городке Девентере. Он рано проявил способности к рисованию, учился в архитектурной школе, но всегда хотел быть живописцем. К сожалению, его произведения не находили спроса среди покупателей, а критики и знатоки живописи не торопились признать в нем выдающегося художника. И тогда в голову честолюбивого, способного и обуреваемого комплексами неполноценности Мегерена приходит мысль написать картину в стиле Вермера — всеми признанного классика. В 1932 году вместе с женой он переезжает на юг Франции и там, спрятавшись от любопытных глаз, пишет своего первого “Вермера”. Кроме “Вермера”, ван Мегерен создает одного “Хальса” и одного “Терборха”. Он привозит картины в Голландию, рассказывая, что эти шедевры совершенно случайно обнаружил в Провансе и отреставрировал. Опытные эксперты и искусствоведы тщательно изучают картины, их вердикт — они подлинные! В 1937 году Мегерен пишет своего самого известного “Вермера” — “Христа в Эммаусе”. Выдающийся специалист по Вермеру критик Бредиус заявляет — найден новый шедевр великого голландца! Полотно покупает музей Боймана, цена определена немалая — 174000 долларов США! Картина становится главной на выставке шедевров живописи XV-XVII веков. Ван Мегерен богат, о нем, как о выдающемся реставраторе, говорят в самых высоких кругах. Сбылись мечты, и хотя об этом никто не знает, он доказал всему миру, что он гений — ведь пишет, как великий художник, гениальный Вермер! Лето 1938 года Мегерен опять проводит во Франции, в Ницце, откуда привозит две картины “Питера ван Хоха” и “Тайную вечерю” “Вермера” — ее он написал на полотне XVII века, поверх картины Говерта Флинка. В 1940-41 годах он создает новое полотно “Христос и прелюбодейка” — тоже кисти своего любимого “Вермера”.

Начинается война. Немцы — в Голландии. И расторопный Ван Мегерен продает маршалу Герингу, известному любителю живописи и обладателю одного из богатейших европейских собраний,

“Христа и прелюбодейку” — за сумму, эквивалентную 495000 долларов США.

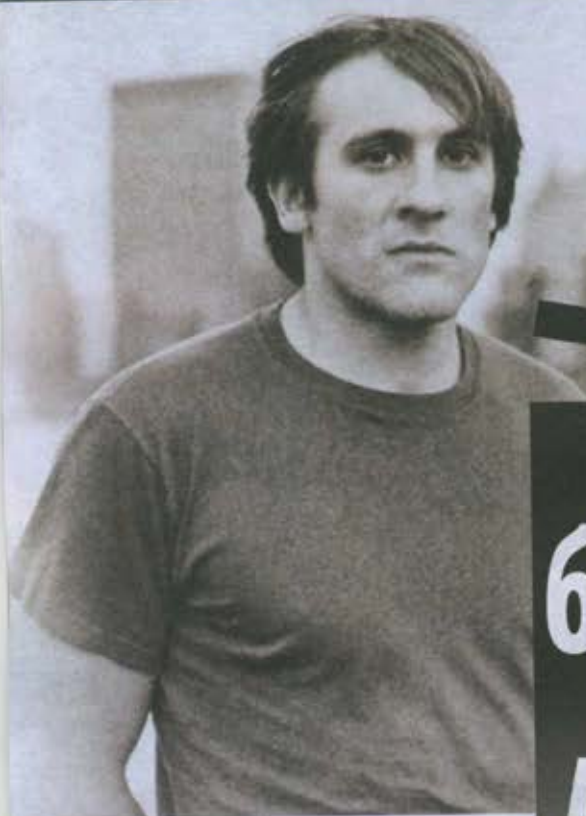
Но вот пришел 1945 год. Фашизм повержен. И некий капитан Г.Андерсон, занимающийся розыском произведений искусств, пропавших во время войны из голландских музеев, обнаруживает в коллекции Геринга картину Вермера. Как достойные голландского народа попало в собрание нацистского преступника? Следы приводят к Ван Мегерену, он — первый в цепочке дилеров. Его тут же обвиняют в предательстве национальных интересов Нидерландов и арестовывают. Начинается один из самых громких процессов в истории юриспруденции. На суде, чтобы снять с себя обвинение в коллаборационизме, Ван Мегерен вынужден признаться, что на самом деле это он — автор картины. Более того, он — герой, поскольку надул самого Геринга, всунув ему подделку! Ему не верят, и тогда, чтобы доказать, что он говорит правду, Мегерен в присутствии шести свидетелей и полицейской охраны пишет нового “Вермера” — “Юного Христа”. Создана специальная комиссия, которая должна тщательно изучить все картины “Вермера” кисти Ван Мегерена. У Мегерена — блестящие юристы, они пытаются затушевать тот факт, что их подзащитный многие годы морочил почтенную публику — делал фальшивки и с успехом продавал их. Адвокаты делают акцент на том, что Мегерен обдурил важного нацистского преступника — и не кого-нибудь, а маршала Геринга! — и тем самым проявил себя как настоящий патриот. Процесс продолжается несколько месяцев. Наконец присяжные выносят вердикт — признать Мегерена виновным и приговорить к одному году тюремного заключения. Однако после суда Ван Мегерен заболел, попал в клинику, где вскоре, 12 ноября 1947 года, и умер, так и не проведя в тюремной камере ни одного дня.

По-видимому, Мегерен был действительно выдающимся мастером — ведь даже после всех признаний мошенника и заключений экспертов, спустя годы после его смерти, многие известные искусствоведы, специалисты по творчеству Вермера, не смогли поверить в то, что самые удачные подделки Ван Мегерена — “Христос в Эммаусе” и “Последняя вечеря” — не созданы великим Вермером. Да, наверное, Мегерен написал картины так, как мог бы сделать Вермер, но гений — это тот, кто первый, а подражатель, каким бы талантливым он ни был, всегда только подражатель...

Так закончилась история Ван Мегерена, но история Вермера, история его искусства, отнюдь не закончена. Его полотна — истинные полотна художника — украшают экспозиции крупнейших музеев мира. В его картинах, небольших и не отличающихся замысловатостью сюжетов, застыло время, краски, свет самой Жизни, и это ставит Яна Вермера из маленького голландского городка Делфта в один ряд с великими мастерами мирового искусства. ■



Девушка в красной шляпе. 1666—1667.



# от бродяги до мэтра

**Александр МИНАЕВ**

В мэрии одного из округов Парижа вошедшего встречает двухметровая статуя, изображающая обнаженного Депардье, — этаким “гимн” большому телу большого человека. Он и вправду, подобно иным героям Рабле или Дюма-отца, поражает чрезмерностью — при весе свыше ста и росте в 182 см кажется титаном, “медведем, вставшим на задние лапы”, “могучим движущимся шкафом”. Но голос Жерара звучит мягко и пронинювенно, взгляд — то нерешительный и робкий, то обжигающе-пыльный. В характерах, соз-

данных актером, много от самого Депардье: брутальная, грубая сила и душевная тонкость, нежность влюбленного романтика. Неуклюжий громила с душою-цветочком — это он, Жерар Депардье. Об одном из самых знаменитых своих героев актер сказал как-то: “...он страдает от юношеских комплексов, но не желает примириться с образом, которым его наделили. Я тоже стал лицедеем, когда все вокруг принимали меня за шпану”.

Третий из шестерых детей бывшего крестьянина, а затем кро-

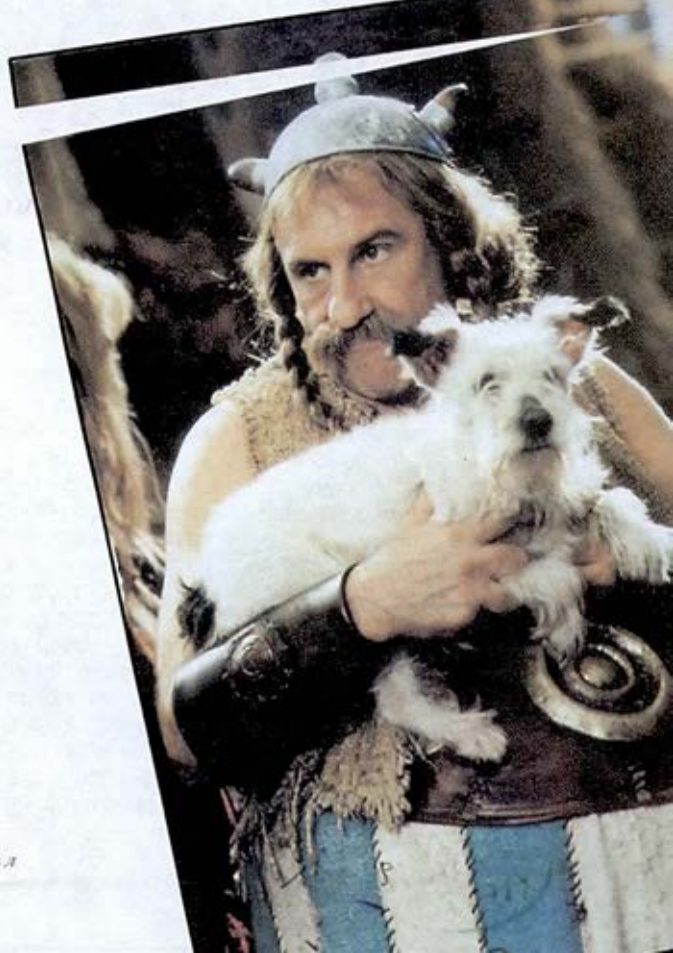


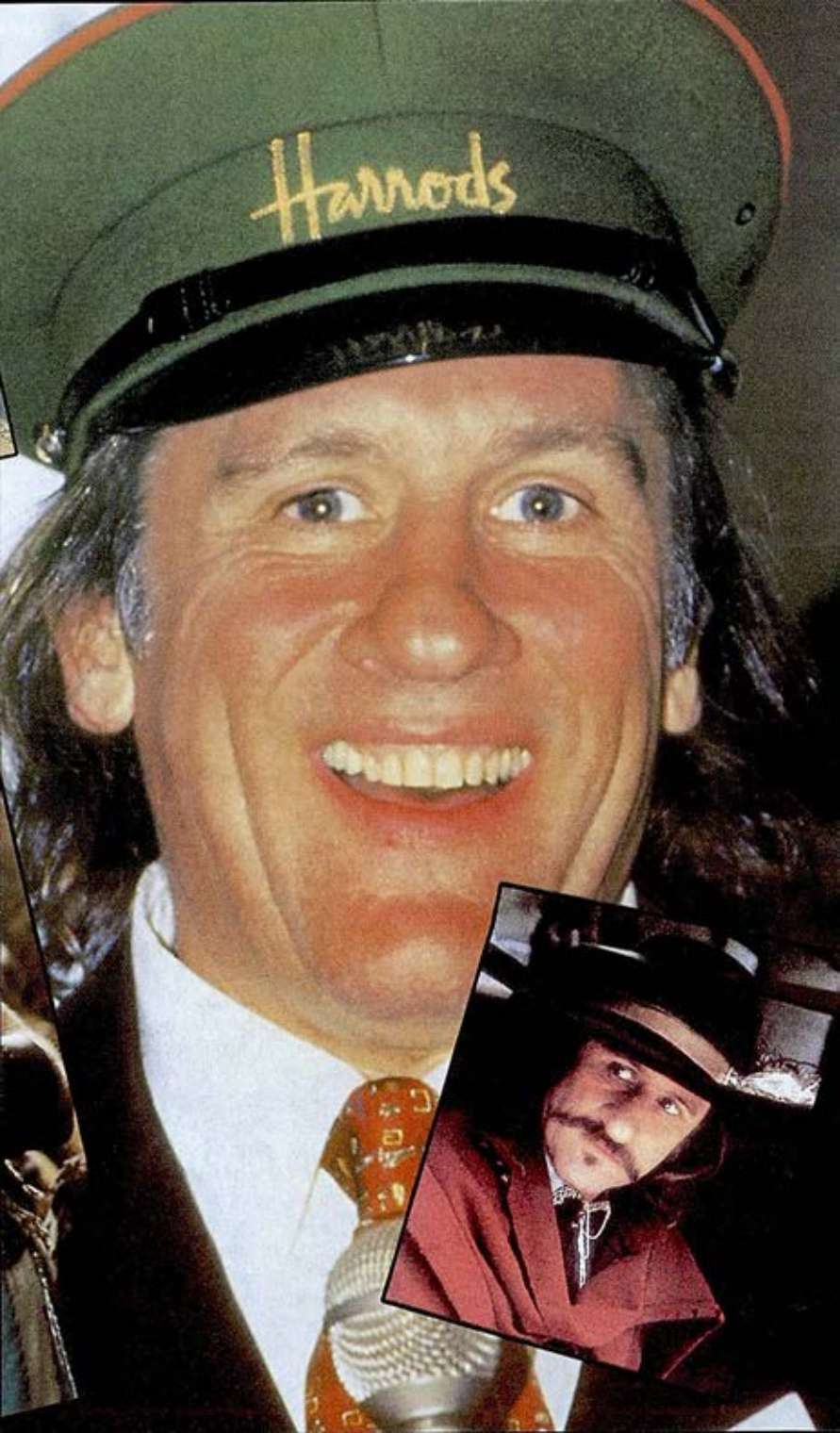


вельщина Деде, Жерар родился 27 декабря 1948 года в Шатору — железнодорожном и промышленном центре, далеко на юг от столицы. Со временем отец все меньше работал и все больше пил, ругался с женой Лилеттой и звал ее "несушной" — дети рождались один за другим и были предоставлены улице со всеми ее прелестями. Приятели у Жерара подбирались лет на пять повзрослей. Поначалу просто хулиганили от безделья, потом научились залезать в чужие машины, грабить лавки. Под песенки Элвиса Пресли у Же-

рара развился музыкальный слух, а фантазию он тренировал, насноро сочиняя байки для полицейских, с которыми стал встречаться все чаще. Наблюдая, как юный Депардье изображает дебила или невинную овечку, в участие смеялись: "Ну, дает, артист!" Кроме этих вспышек вынужденного красноречия, Жерар почти не разговаривал: у него были дефекты речи, а порой он входил в эмоциональный ступор и вообще не мог вымолвить ни слова: "Когда ты мальчишка и всего опасаясь, то поневоле теряешь привычку к обще-

нию". Некоторое время Депардье занимается боксом, затем, после шестого класса, бросает школу и отправляется путешествовать автостопом. Поколесив, возвращается домой, но ненадолго. После очередной пьяной уличной драки дебошира доставляют в больницу в состоянии комы. Приговор мудрого доктора оказался суров и краток — надо завязывать с "блатной" жизнью, иначе погибнешь. Подлечившись, Жерар снова уезжает — на сей раз к морю, в Канн. Пройдут годы, и Канн (как и другие столицы киномира) будут руноплеснать Депардье, а пока он





обслуживает отдыхающих на пляже, плавает матросом по Атлантике. Жажда новизны и "перемены декораций" наконец приводят юного бродягу в Париж. Здесь по настоянию приятеля, мечтающего о профессии актера, Жерар заглядывает в театральную студию, и жизнь его с этого дня круто меняется. Он поступает на курсы педагога Жана-Лорана Коше. Околдованный магией сцены, впервые слышит великие слова классиков — Мольера, Шекспира, Ростана, Гюго, начинает запоем читать, жадно наверстывая упущенное. У стажера обнаруживаются удивительный слух и феноменальная память на тексты. Депардьё учится, подрабатывает, где случится, и снова бежит в театр, который не оставит уже никогда.

В семнадцать лет начинающий актер впервые снялся в кино (в короткометражной ленте о битниках), получил приглашение на телевидение и в театр "Нафе де ля Гар", где познакомился с Миу-Миу и Патриком Деваэром. Молодые актеры становятся его друзьями, с ними он сыграет в 1973 году "Вальсирующих" (фильм Бертрана Блие). Герой Депардьё — неуравновешенный юнец, шантрапа и хулиган, расхристанный и аморальный, — таким, в сущности, и был сам Жерар до своего переезда в Париж. Подобные герои шокировали и раздражали консервативную часть публики, но они запоминались, задевали за живое.

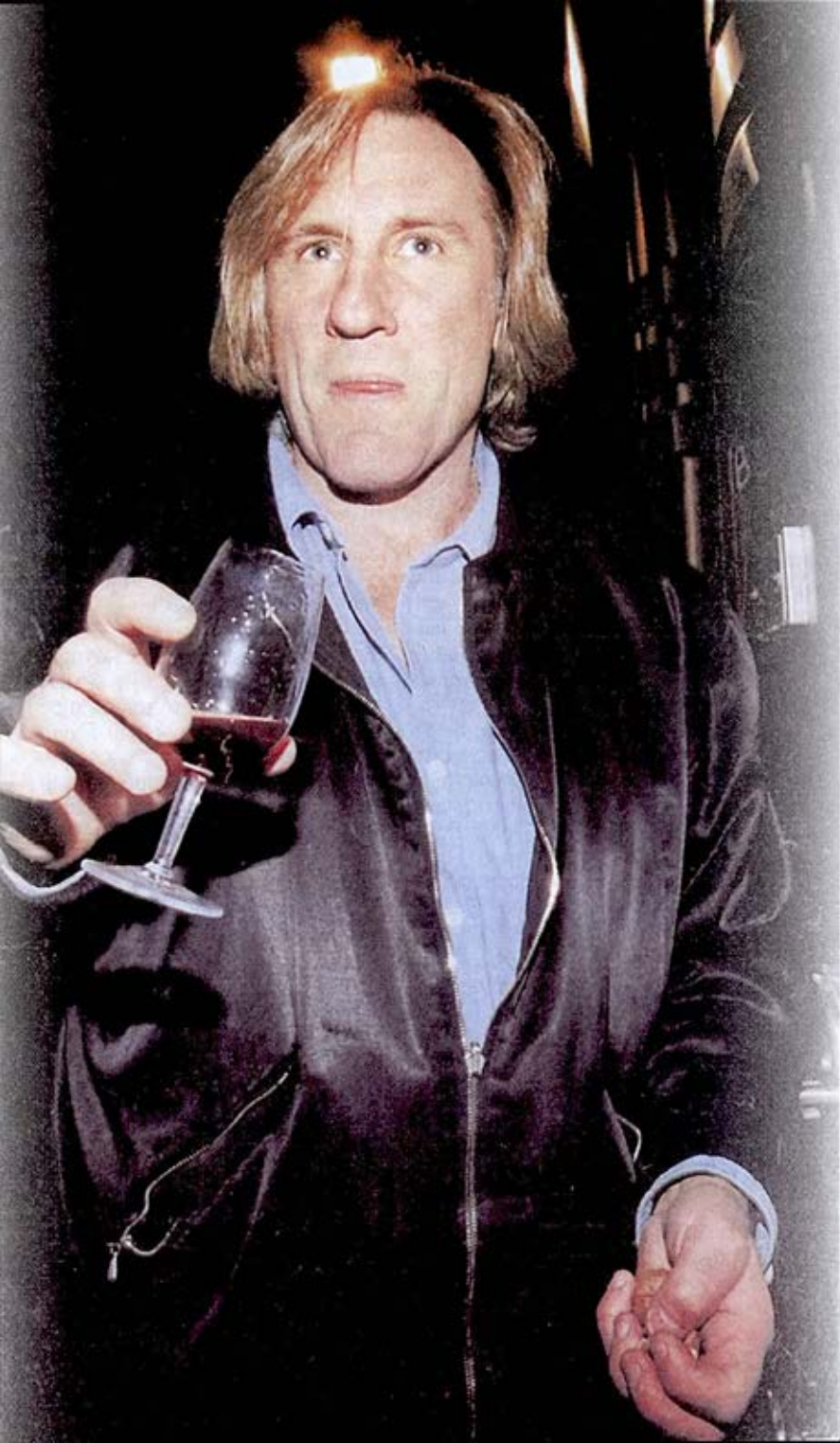
Вскоре Депардьё преодолевает амплу хиппи и уголовника. Самые крупные режиссеры французского кино, почувствовав широту творческого диапазона актера, предлагают ему главные роли в

своих фильмах. Количество и качество этих ролей впечатляет настолько, что Депардьё воспринимают уже как "целое направление в кино". Как ни странно, в тесном, беспокойном, ревнивом мире кино Депардьё так и не нашёл себе врагов, — если его поругивают (чаще всего за дикие выходки), то делают это беззлобно, а критики, разбирая даже далеко не лучшие фильмы с участием Жерара, не забывают все же упомянуть, что игра актера выше всяких похвал.

Однако играет он только на сцене и перед кинокамерой, в жизни Депардьё естественен, прост и начисто лишен признаков "звездной болезни". Он полон искреннего безразличия к правилам этикета — одевает то, что нравится, говорит то, что думает, делает, что хочет, словом, живет спонтанно, наугад, ничего не планируя.

Личная жизнь Жерара почти вся на виду, тем более, что и сам актер не делает из нее секрета. "Женщин я стал обожать со времени своего первого сексуального опыта. Мне было 12, ей — 16. Наше свидание проходило в гараже для автобусов. Не слишком удобно, зато кание воспоминания!" Мужжание продолжалось в Париже, в обществе двух проститутток, к которым Жерар относился по-приятельски, за что снискал их признательность и столь необходимую юноше дружбу.

С Элизабет Гиньё он познакомился в театральной студии. "Блеснул свет, и я увидел два голубых глаза, много голубизны. Платье твое тоже было голубое, с примесью белого... от тебя исходило необыкновенное ощущение человечности. Потрясенный, я,



как болван, долго не мог оторвать от тебя глаз. Я был похож на восторженный восклицательный знак". Неотесанный 16-летний провинциал обратил на себя внимание 25-летней парижанки из хорошей семьи. Она взялась отесывать эту глыбу и преуспела. В 1988 году Депардьё пишет: "Мне сразу стало хорошо с тобой. Сам не знаю почему, но до того я и понятия не имел о настоящих чувствах. Ты разговаривала со мной так, что я все слышал. Я перестал быть глухим, замкнутым... Мне сразу все стало понятно — что такое любовь, театр, речь, желание. Я словно родился второй раз". В 1970 году Элизабет и Жерар поженились. Голубоглазая белокурая красавица стала музой и женой актера на 26 лет. От этого брака родились сын Гийом и дочь Жюли.

Долгое время семья Депардьё была образцом прочности, пока не стала достоянием гласности связь актера с сенегальской топ-моделью Нарин, в 1992 году родившей ему дочь, названную Роксаной. Брак с Элизабет дал серьезную трещину. Повзрослевшие дети отдалились от отца. После ряда новых измен Элизабет подала на развод, и в 1996 году брак расторгли. Спустя год и Нарин оставляет любовника из-за его постоянных интрижек. Новой спутницей Депардьё становится одна из первых красавиц Парижа ("лицо" фирмы "Шанель"! ) актриса Кароль Буке. Вместе с сыном от первого брака она поселяется с Жераром.

Самый "простонародный" из французского бомонда, Депардьё не любит "асфальтовые джунгли", его тянет в деревню — здесь лучше, чем где бы то ни было: "Я как растение, привыкшее к тени, мои

корни в земле, я к ней привязан, чтобы понять город". До разрыва с Элизабет главным домом Жерара был небольшой особняк в Бужовиле, в 20-ти километрах от Парижа. Кроме того, Депардьё купил небольшое поместье в Нормандии, а в 1989 году собственностью актера стал замок Шато де Тиньи — внушительное сооружение в долине Луары, вызывающее в памяти времена мушкетеров и Фронды. Здесь, на сорока гектарах земли, Жерар дает волю проснувшемуся в нем духу крестьянина. Благодаря помощи опытного специалиста Депардьё в короткий срок овладел секретами производства и хранения красных и белых вин. Лоза в Тиньи ежегодно дает до 60000 бутылок анжуйского, которое можно заказать только у самого производителя или отведать в ресторанах сети "Планета Голливуд". Всего через год после покупки угодий на Луаре "актерское" вино удостоилось награды, которой Жерар гордится не меньше, чем кинематографическими премиями.

Престижных кинонаград у Депардьё множество: несколько "Сезаров", призы кинофестивалей в Каннах, Монреале, Венеции, "Золотой Глобус", приз Британского Киноинститута... В начале 1996 года президент Франции наградил актера орденом Почетного легиона — высшее признание заслуг перед страной. Правда, спустя два года над любимцем нации нависла угроза исключения из списка "легионеров". Поводов было два. Первый — участие в предвыборной кампании кандидата в президенты Словакии Владимира Мечьяра. С его именем на Западе

связывали подозрения в коррупции и нарушениях прав человека. Выборы Мечъяр проиграл, а победители законно поинтересовались, откуда, собственно, взялись деньги на суперзвезд (тут припомнили и Делона, в том же году летавшего в Сибирь для поддержки Лебеда). Второй повод — неумность Жерара, который не только производит много вина, но и много его потребляет. Однажды актер, не совсем протрезвевший после очередной "дегустации", оседлав мотоцикл, помчался на съемки и не справился с управлением, от превышения скорости пострадало дерево, мотоцикл и левая нога Жерара. Установив пятикратное превышение нормы алкоголя в крови, медики занесли сей факт в протокол, а "подлатанный" Депардье вскоре предстал перед судом. Покаявшись, он уплатил крупный штраф и сдал водительские права. Вообще о запоях актера пишут не меньше, чем о ролях, но ему многое прощается: ведь Депардье — национальное достояние.

Поставив два фильма как режиссер, сыграв десятки ролей в театре и добрую сотню в кино, Жерар по-прежнему много работает в Европе и в США. Тринадцать лет назад, после трудных съемок в картине Мориса Пиала "Под солнцем сатаны", взяв паузу в несколько недель, он написал тон-

кую, умную книгу, полную размышлений о жизни и ремесле. Некоторые главы обращены к конкретным людям: отцу, матери, друзьям-кинематографистам. Книга издана под заголовком "Украденные письма". Кстати, kleptomания — одна из слабостей Депардье: уже став настоящим богачом, актер признался, что крадет иногда дверные ручки и пепельницы в отелях — странное чудачество человека, годовой доход которого составляет 30 млн. франков (примерно 5,5 млн. долларов).

Жерар Депардье — основатель и глава кинокомпании "ДД продуксьон". Ее деятельность — дублирование и прокат иностранных фильмов, финансирование кино- и телепостановок (в последнее время актер много снимается именно на телевидении).

Кроме торговли вином, Депардье принимает участие в организации европейской сети ресторанов "Планета Голливуд", рекламирует итальянские макаронные изделия, делает инвестиции в пищевую промышленность Румынии, в нефтяные разработки у берегов Кубы. Ни богатство, ни известность не сделали Жерара недоступным: "Я не забываю, где мне следует быть, кто меня ждет. Я неизменно стремлюсь отвечать желаниям других людей. Так уж я устраивался всегда, что мне удавалось быть нужным". ■

# Пять подано!

Елена ЛОГУНОВА



рисунок **Алексея Остроменцкого**





— А ну, сиди спокойно! — прикрикнула я на щенка, хватая его за ошейник.

Схватить было непросто, а удержать еще труднее: все-таки это не карликовый пинчер с тонкими паучьими ножками, а необыкновенно крупная в свои семь месяцев немецкая овчарка.

Черно-рыжий мохнатый зверь осел на задние лапы и замотал головой, сопротивляясь. Я повернулась, быстро перешагнула через него одной ногой, крепко стиснула собачьи бока коленками и схватила щенка за правую лапу, одновременно стаскивая с нее рукава свитера. Левую лапу освободить было уже легче, а стянуть свитер с широким воротом с лохматой собачьей головы и вовсе просто.

Пес вырвался и помчался по клубничным грядкам, с удручающей точностью попадая лапами прямо в зеленые кустики.

— Томка, фу! — заорала я, распугав всю окрестную живность: с забора тяжело вспорхнула крупная ворона, а на веранде в доме раздался мягкий стук — видимо, упал с подоконника слабонервный кот.

Виновник переполоха, не выпуская из пасти надломленную ветку молодой черешни, сел и радостно забил хвостом.

Месяц назад Томка тяжело заболел — пневмония. Помимо основного лечения ветврач прописал ему местное тепло. Тогда-то я и пожертвовала любимой собачке любимый свитер. Рукава закатали и, туго обтянув вязаным полотном грудную клетку пациента, стянула на спине резинкой для волос. В свитере у Томки был необыкновенно комичный вид, он здорово смахивал на хоккейного вратаря в фуфайке, но теперь без одежды казался мне непристойно голым.

— Пойдем гулять, нудист лохматый! — Я достала поводок.

Томас прыжками понесся к калитке, визжа и поскуливая от нетерпения. После болезни мы впервые выходили за ворота. Я посмотрела, как он скачет, и поняла, что на поводке мне его, пожалуй, не удержать. Ладно, пусть побегает всласть!

Пес вихрем пронесся вдоль ограды, разогнав стайку приبلудных дворняг, подзабывших, кто тут главный, и порысил по проселку, абсолютно не реагируя на мои призывы.

— Бе-гом! — скомандовала я сама себе, пускаясь за ним вдогонку.

В скорости я четвероногому другу сильно уступала. В левом кармане куртки тяжело гремели ключи, правый оттягивал галогеновый фонарик. Путаясь в подкладке, я на ходу достала его: быстро темнело.

— То-ом! Ты где? — позвала я, в нерешительности останавливаясь на перекрестке.

Метрах в двадцати справа у незавершенной постройки смутно белел автомобиль. Выразительно звякнуло стекло, мужской голос что-то сказал, другой засмеялся. Обычное дело: работяги-строители отдыхают после трудового дня.

— Боюсь, что мне туда. — Я повернула направо, постаравшись по возможности бесшумно проскользнуть мимо белой машины, и не ошиблась.

— Сосиска! Где моя сосиска? — громко удивился невидимый в темноте мужчина, и через секунду, вынырнув из мрака, со мной поравнялся Том, как прямой ответ на вопрос о местонахождении искомой сосиски.

— Скотина ты бессовестная! — шепотом выругала я его. — Как тебе не стыдно! Можно подумать, дома тебя не кормят!

Виновато глянув, пес уселся и примирительным жестом протянул мне грязную лапу.

— Дурень! — прошипела я. — Бежим отсюда, пока нас не взгрели!

В полном согласии мы покинули место преступления, и тут Томка снова исчез.

Где-то рядом был дренажный канал. Судя по шуму и треску, пес направлялся именно туда.

— Вот глупая тварь! Том! Ко мне! Ко мне, Том!

Камыши затрещали громче. Я навела фонарик, и слабый свет выхватил из темноты ряды сухих стеблей — среди них восседал Томка, по-хозяйски положив правую лапу на большой мешок, очевидно, под завязку набитый неизвестной контрабандой.

— Добычливая собачка, — нервно хмыкнула я, начиная озираться в поисках законного владельца конфискованного Томкой имущества. — Пойдем-ка отсюда, пока ограбленный не вернулся с подкреплением.

И тут мешок тихонечко застонал.

Царапая ключом металл двери, я кое-как попала в замочную скважину, ворвалась в дом, хлопнула ладонью по выключателю и громко выругалась: опять отключили свет! А раз так — мой радиотелефон не работает. Ближайший таксофон — в жилом массиве, до которого минут двадцать хорошего галопа через поле. Я задумалась, нервно барабанила по железной двери, а через минуту уже направлялась к большому дому на углу.

— Кто-о? — басом пропела Ирка в ответ на мой стук.

— Я! Открывай, сова, медведь пришел! — Это был наш пароль.

Ирка приоткрыла дверь, держа роскошный ветвистый канделябр с пятью свечами.

— Осветительный прибор или оружие? — поинтересовалась я, протискиваясь в холл.

— Когда как, — ответила Ирка.

— Где твой сотовый? Давай его сюда, мне нужно “скорую” вызвать!

— Тебе? А выглядишь вполне здоровой!

— Здоровая и есть, — отмахнулась я. — Ты дашь телефон или нет? У меня там голый мужик загибается...

— Это ему “скорую”? — весело ужаснулась Ирка. — Ну, ты даешь! Действительно — здоровая!

— Что ты выдумываешь? Я тут совершенно ни при чем! Аллэ! Аллэ, “скорая”? Человеку плохо!

— Во мужики пошли, — сокрушенно вздохнула Ирка. — Не успел заголиться, уже плохо ему!

— Заткнись, пожалуйста, — попросила я. — Нет, девушка, это я не вам! Что? Да я не знаю, что с ним, и спросила бы, да он без сознания... Нет, температуру не мерила и пульс не считала! Да не знаю я его фамилию!

— Это ты зря, — заметила Ирка. — Я лично сначала все-таки знакомлюсь...

— Ах, моя фамилия... Адрес... Хорошо, жду. Спасибо. Приезжайте побыстрее!

Я отдала Ирке телефон и устало опустилась на мягкий диванчик.

— Ничего не поняла, — честно призналась Ирка. — Объясни, пожалуйста, что еще за мужик? Где ты его нашла?

— Не я, Томка нашел...

— Отличная у тебя собака! Одолжишь на недельку?

— Тебе нужна собака?

— Мне нужен мужик!

— Сама найдешь.

— Не скажи, — заметила дважды разведенная и тяготящаяся своей свободой Ирка. — Мужики нынче на дороге не валяются!

— Этот именно валялся. В камышах, в мешке. Голый.

— Везет тебе! Голый мужик сам собой нашелся!

— Ир, — попросила я. — Ты не встретишь “скорую”? Я Томку оставила стеречь этого типа, боюсь, как бы его не украли...

— Запросто! Я бы первая украдала! Ха, ничейный мужик, да к тому же голый!

— Я про Томку!

— Слушай, “скорая” сюда будет целый час добираться! Твой голыш за это время окочурится!

— Он не мой.

— Тем более! Предлагаю перебазировать его ко мне и уже здесь дожидаться “скорую”. Как думаешь?

— Лишь бы не ко мне, — кивнула я.

Ирка радостно заулыбалась.

— Тогда вот тебе ключи, — она сунула мне в ладонь связку. — Выводи машину, а я прихвачу аптечку и пару одеял.

Путь, который я на своих двоих бегом проделала за пять минут, на машине занял полчаса. Виновата была я: нервничая, не вписалась в поворот и слетела в пахоту, откуда пришлось выбираться. Ирка, превосходящая меня габаритами почти вдвое, толкала машину и вымазалась с головы до ног. Кое-как мы выбрались на дорогу, посеяв в борозде добрый кусок переднего бампера. Вдобавок я так гнала, что сгоряча и в темноте проскочила

нужное место, и только истошный Томкин лай привел нас к цели.

Бросив машину посреди дороги, мы поспешили на зычный собачий глас: я впереди, Ирка следом. На ходу она с чем-то возилась.

— Какого дьявола ты там копаешься? — рывкнула я, оборачиваясь, и обомлела: яростно чиркая зажигалкой, Ирка пыталась запалить свой канделябр.

— На черта тебе эта орысина?

— Это не орысина, — с достоинством возразила Ирка. — В данный момент это осветительный прибор. Я не собираюсь покупать кота в мешке!

— Там не кот, — сердито заметила я. — И ты его вовсе не купаешь, а спасаешь ему жизнь! Где же мое чудовище?

Чудовище с треском выбралось из камышей, пугающе сверкая глазами: свечи наконец зажглись.

— Этот, что ли? — высоко подняв пятисвечник, Ирка разглядывала мешок.

— Разве что подменили, — буркнула я.

— Ты даже не вытащила его из мешка! — укоризненно произнесла Ирка.

— Не хотела зря время терять.

— Тогда почему ты решила, что он голый?

Я присела на корточки рядом с Иркой и тоже заглянула в мешок.

— Все, что я вижу, голое.

— Это еще не значит, что он там весь голый, — упрямо продолжала Ирка. — Это вообще не значит, что он там весь!

— То есть? — Я испугалась. — Думаешь... расчлененка? Да нет, он же дышит!

— Дышать-то он, может быть, и дышит...

— Хватит болтать, — одернула я ее. — Где твоя аптечка? Пациент ждет!

Ирка осторожно поставила канделябр, открыла аптечку и зубами вытащила пробку из бутылочки, распространяя вокруг нашатырную вонь.

Я отодвинула край мешка, давая Ирке свободный доступ к телу. Она щедро окропила мешковину нашатырем и аккуратно накрыла мокрой тканью лицо пациента.

— Мертвого поднимет. — Пациент слабо шевельнулся. — Вот видишь! — обрадовалась Ирка.

— погоди! — перехватив ее руку, я остановила реанимационный процесс. — Не спеши! Не надо вытряхивать его из мешка!

— Почему?

— Без упаковки он будет нетранспортабельный. Как мы его затащим в машину? Я не Геркулес! В нем добрых восемьдесят кило, я думаю. У меня в подвале стоит точно такой же мешок с сахаром, центнер весит.

— Отойди, дохля! — с презрением проговорила Ирка, бережно затолкала полураспакованного типа в мешок, стянула края, крикнула и одним рывком взвалила ношу на спину.

— Ого! — не удержалась я.

— А ты думала! Не такие носила! — Ирка погрузила мешок на заднее сиденье. — Поехали!

— Теперь ты за рулем. Мне придется делить место с Томкой. Ирка, я не поняла: ты что, всех своих мужиков таскаешь на руках?

— Только в переносном смысле, — сквозь зубы процедила Ирка, срывая машину с места. — Забываешь, чем я себе на бутерброд с икрой зарабатываю! Мы, челноки, и не такие мешки тягаем!

Дико взвизгнув тормозами, машина ткнулась в Иркин забор.

— Ты его и выгружай, — решила я.

Ирка занесла мешок в дом, я шла следом, неся аптечку и востребованные одеяла.

— Живой еще или как? — Ирка похлопала найденыша по бледным щекам.

— С ума сошла, так лупить! Если он еще живой, вполне может помереть от твоего хука справа!

— А если мертвый, то ему уже все равно! — возразила она.

— Но тебе не все равно! Смотри, у него на морде твои отпечатки пальцев, доказывай потом, что не ты его укукошила!

— Тихо!

Пациент вздохнул, ресницы его задрожали.

— Давай вытряхнем его из мешка! — Ирка энергично завозилась. — Это еще что такое?

— А ты не знаешь? Это кирпич! — язвительно ответила я. И вдруг встревожилась: — Ирка! Ты же не собираешься огреть его кирпичом?

— Уже, — виновато проговорила Ирка, поспешно отбрасывая кирпич в сторону.

— Что — уже?

— Уже огрела! Я не хотела, взялась снизу за мешок, тряхнула — а это и выпало.

— И куда выпало? То бишь, куда попало? На голову?

— Да нет, не на голову. На спину. Ну, почти на спину...

— А, — я немного успокоилась. — Тогда не страшно. Он вроде бы дышит?

— Сейчас послушаю!

Мы затаили дыхание, прислушиваясь, и услышали: громкая и подпрыгивая на колдобинах, по проселку сайгаком скакала карета "Скорой помощи".

Кому как, а мне с приездом "скорой" полегчало: пожилой врач внушал доверие, и я с готовностью переложила на него ответственность за здоровье пациента. Мое внимание всецело заняло упорное желание Томки непременно забраться внутрь фурго-

на. Пока я пасла свою собаку, доктор принял решение госпитализировать нашего голыша.

— Увезли болезного, — пробормотала Ирка.

— Куда его? — запоздало поинтересовалась я, когда габаритные огни фургона растворились в ночи.

Из темноты доносился затихающий лай Томки, сопровождающего “скорую” по собственной инициативе.

— В Первую городскую больницу, — ответила Ирка, поднеся к глазам бумажку с адресом и телефоном.

— Вот и славно. Спокойной ночи, Ирка! Увидимся утром.

Я думала, что все удачно кончилось, но все только начиналось.

Упомянутое утро для некоторых оказалось тревожным.

— Где Серж?

— Не знаю, — честно ответил Бурундук.

Хозяину врать нельзя, это правило соблюдалось железно.

— Так, — озабоченно бросил Беримор. Пальцы его сами собой пробежались по клавиатуре, и на экране компьютера появились буквы: “Так”. Дурная привычка: Беримор в любой ситуации сохранял непроницаемое выражение лица, но руки его порой выдавали.

— Когда ты его видел в последний раз?

На этот вопрос Бурундук тоже ответил правдиво:

— Вчера. — Немного подумал, напряженно сведя брови, и уточнил: — Вечером, часов в шесть.

— Где?

— В мешке.

— Где-е?! — Беримор приподнял брови. Палец его так и застыл на кнопке с символом “Е”.

— В мешке, — повторил Бурундук, с интересом косясь на экран.

— В каком мешке? — Беримор поздно сообразил, что спросить надо было иначе. Бурундук отвечал только на конкретно поставленный вопрос.

— В обычном, — охотно пояснил он. Хозяин молчал, Бурундук решил, что сказанного ему мало, и постарался ответ максимально дополнить: — Значит, так: мешок новый. Серый. С одной заплаткой, а так хороший крепкий мешок — для сахара там, для муки, для картошки...

— Или для Сержа, — буркнул Беримор. — Почему — в мешке?

— Ну как — почему? — интерес хозяина к деталям его работы Бурундуку польстил. Он охотно поделился маленькими секретами: — В мешке намного удобнее, чем без мешка: и тащить легче, и внимания не привлекает. Конечно, можно еще в чемодан засунуть или там в ковер завернуть, но такой большой чемодан денег стоит, а ковер в одиночку не унести...

— Бож-же мой! — пробормотал Беримор.

Он схватил левой рукой сигарету, а правой — зажигалку. Не сводя глаз с безмятежного лица Бурундука, слепо повел одну руку навстречу другой, и пламя золотой зажигалки “Zipro” опалило розу в букете, стоявшем в хрустальной вазе на краю стола.

— Сядь, — бросил он Бурундуку. — Давай по порядку.

Бурундук с удовольствием плюхнулся в мягкое кожаное кресло, сложил ладони на коленках и приготовился излагать по порядку.

Бурундуком Васю Зверева окрестили не жулики-разбойники где-нибудь на зоне или в воровской малине, а отличник и умница Петя Мишин еще в стенах родной средней школы №14. Петя был личностью известной и популярной. Его математические способности широкую общественность волновали мало, но у Пети был и другой ценный дар: он придумывал удивительные клички, красивые и звучные, как родовые имена породистых аристократов, да еще и прилипающие намертво. “Потапыч”, то есть Мишин, — это была “фирма” почище Кардена или Диора. Ссориться с Потапычем опасались: кому охота именоваться “Шваброй” или “Вошкой”? Даже педагоги слегка заискивали перед ним, ибо одна особенно крикливая учительница получила в пожизненное пользование кличку “Лайка”.

Вася Зверев этим обстоятельством недалековидно пренебрег. Втайне сгорая от желания сделаться обладателем красивой и звучной клички, он дерзко заступил Потапычу дорогу в школьном коридоре, оттеснил плечом верного Петиного телохранителя — восьмиклассника Бармалютку и сказал:

— Здорово, Потапыч!

— Кто таков? — через плечо спросил Петя у угрюмо сопящего Бармалютки.

— Зверь! — ответил сам Вася, надеясь, что Потапыч милостиво кивнет и тем официально одобрит его самозванство.

— Зверь? — повторил Петя, критически оглядывая округлую Васину фигуру и толстощековую физиономию с маленькими блестящими глазками. — Зверь — бурундук!

— Бурундук, бурундук! — с готовностью подхватила мелкота вокруг, и Вася понял, что его окрестили.

В отличие от Васи Бурундука, Сергей Петрович Никонов свою кличку не афишировал. Беримором его прозвали еще в студенчестве за сходство с чопорным дворецким из фильма “Собака Баскервилей”: Серега Никонов замечательно умел придавать своему лицу непроницаемое выражение уныло-гордого равнодушия. Маска англосаксонской невозмутимости прилипла к Сереге прочно, кличка — тоже, но только старые друзья, с которыми Серега жил когда-то в одном общежитии, знали, что Беримор сокращается в Берри.



Впрочем, и этих старых друзей осталось очень немного: трое четверо, не больше. Вот и Димка Шустов, Дима-Шустрик, получил свой земельный надел на кладбище — правда, на Новодевичьем, в стольном граде Москве, но ему-то от этого не легче! При жизни дружок Дима поднялся высоко, по кремлевским коридорам хаживал, вникал в жизнь великих, был сопричастен большим делам и к скромному по столичным меркам бизнесу Сергея Петровича относился усмешливо-снисходительно. После университета они и встретились-то всего раз-другой, дружбу не водили, так, доходили иногда до Беримора слухи да сплетни, но и только.

О дурацкой гибели Шустрика под колесами мусороуборочной машины Сергей Петрович тоже узнал с чьих-то слов, пожалел, конечно, но и усмехнулся: надо же, Шустова дерьмовоз задавил! Ладно бы “линкольн” или “мерс”, было бы не так обидно! Пижон Димка, наверное, до сих пор в гробу переворачивается!

А потом посылочка пришла — от покойничка, словно с того света...

Сергей Петрович невольно вздрогнул, стряхнул оцепенение и кивнул терпеливо ожидающему Бурундуку:

— Рассказывай.

— А чё рассказывать-то? — замялся Бурундук.

Беримор сосредоточился и сформулировал вопрос с поправкой на Васин коэффициент интеллектуального развития:

— Вчера в шесть вечера ты видел Сержа. Что было потом?

— Ага, — подхватил Бурундук. — Ну, значит, увидел я его. Вчера. В шесть вечера. Говорю: “Ты чё, Серж? Куда намылился? Постой минутку, хозяин разобраться велел!”

— Что-о? — Беримор сцепил пальцы в замок.

— А что? Вы же велели разобраться?

Сергей Петрович чертыхнулся.

Накануне днем, возвращаясь в офис после обеда, он велел шоферу остановить машину у цветочного рынка и вышел купить букет — предстояло спешно нанести полуделовой визит серьезной даме. Придирчиво выбирая цветы, Беримор совершенно случайно заметил знакомую фигуру: его референт и полный тезка Сергей Петрович Максимов, называемый во избежание путаницы просто Сержем, быстро шагал от остановки трамвая.

— “А где же его “жигуль”?” — машинально подумал Беримор.

Серж нырнул в проходной двор.

Забыв про букет, Беримор поспешно вернулся в машину, велел шоферу объехать квартал и как раз успел увидеть, как Серж закрывает за собой дверь одноэтажного кирпичного здания с новой блестящей табличкой на красной стене. “Частное сыскное и охранное агентство “Шерлок”, — прочитал Сергей Петрович.

— Проезжай, — буркнул он водителю, откидываясь на сиденье.

Настроение у него испортилось. Беримор понимал, что агентство частного сыска "Шерлок", с деятельностью которого ему, впрочем, пока не приходилось сталкиваться, наверняка не более частное, чем Госбанк: половину вольных пинкертонов прикармливает местная мафия, а другую явно или втемную использует Контора. При таком раскладе в любом случае следовало ожидать неприятностей. Подумав, Сергей Петрович отметил как наиболее вероятные два варианта: либо братья-бизнесмены — "белая" мафия — хотят слопать его фирму, либо это органы пасут лично его, Сергея Петровича Никонова, и тогда дела его совсем плохи, ибо это значит, что они вышли на Димочкину посылку.

Второй вариант не хотелось даже обдумывать. Впрочем, первый представлялся более вероятным: Беримор хорошо знал, как делаются такие дела. Сначала серьезные люди с хорошим аппетитом пристраивают в ваше дело своего маленького человечка на скромную должность охранника или уборщицы, потом начинают упорно двигать его вверх, заполняя попутно освобождающиеся ниши своими протеже, пока полностью не оккупируют вашу кормушку. Кстати говоря, Сержа Сергею Петровичу рекомендовал знакомый банкир.

— Вот гад, — пробормотал Беримор, отрывая верхнюю пуговицу на крахмальной рубашке.

— А? — переспросил Бурундук с переднего сиденья, оборачиваясь к хозяину.

— С Сержем надо разобраться. — Сергей Петрович не заметил, что выразил свои мысли вслух.

Бурундук послушно кивнул и отвернулся.

Беримор вспомнил все это и в общих чертах представил дальнейшее развитие событий.

— Так. Я все понял, — угрюмо проговорил он. — Еще только одно: чем ты его?

Бурундук вздохнул. Он понимал, что ответ хозяину не понравится, но должен был сказать правду.

— Сквородкой. Тефлоновой. Фирмы "Тефаль". Мы как раз в торговом зале были, у витрины с посудой, вот она мне под руку и попалась... А чё, сам виноват! Я ему: постой, мол, поговорим! А он: "Ты чё, Бурундук, озверел?" Поиздевался, значит...

— Угробил? — безнадежно заключил Сергей Петрович.

Вася неожиданно обрадовался:

— Да ну, чё ей станется? Это ж сквородка! Тефлон, он хоть и легкий, но прочный, даже не погнулась! Я ее назад, в витрину засунул, сегодня ходил посмотреть, так ее уже купили!

Беримор невесело хмыкнул, оборвал лепестки с розы в вазе, снова озабоченно посмотрел на Васю.

— Секунду! Я тебя спросил, где сейчас Серж, а ты сказал, что не знаешь! Как так?

Бурундук помрачнел.

— Вот я снова по порядку. Дал я, значит, Сержу по башке сковородкой, он свалился. Я послушал — вроде мертвый. Ну, думаю, куда его? Я-то на всякий такой случай место давно приглядел. Знаете, за Пионерским микрорайоном железка, за железкой лесопосадка, а за лесопосадкой большое поле, его частникам под застройку дали. Посреди поля — канава глубокая, вроде озера. Вокруг камыши, тихо, пусто, летом еще рыбаки сидят, а сейчас никого... Самое подходящее место!

Ну, Сержа дохлого я раздел, чтобы по одежде не опознали, сунул в мешок, кирпичей туда пару, чтобы, значит, не всплыл, положил в багажник и отвез к той канаве. Семь вечера, темным-темно. Я мешок с Сержем занес в камыши, скатил с горки, а пле-ска нет: не упал, значит, в воду. Поискал, искал — не нашел. Думаю, приеду раненько утром и найду...

— И не нашел, — догадался Беримор.

— Не нашел, — уныло согласился Бурундук.

Сергей Петрович побарабанил пальцами по подлокотнику кресла, перегнулся через стол к Бурундуку и жестко сказал:

— Так ты найди его, Вася. Живого или мертвого, найди!

— Не, живого — вряд ли, — сокрушенно заметил Бурундук. — Тefлоновая сковорода — она, знаете, какая крепкая!

Часом позже Вася еще раз прочесал местность в районе дренажного канала. В руках у него была бамбуковая удочка, которой он периодически шарил в камышовых зарослях, пугая лягушек. Ни Сержа, ни мешка Бурундук не нашел, расспрашивать соседей остерегся.

Тем временем Беримор, откровенно нервничая, принял необдуманное решение обратиться за помощью к необычному специалисту. Он приехал в центр города, к многоэтажному зданию, в котором размещались офисы множества разнопрофильных фирм, по стертым ступеням поднялся на второй этаж и нашел солидную деревянную дверь с табличкой: ИЧП "Фортуна".

В приемной Беримора встретила красивая девушка в белом халате, похожая на Снегурочку. Беримор ответил на несколько вопросов, Снегурочка-медсестра пригласила его пройти в кабинет, и он побрел к двери, не сводя глаз с лежащей на его ладони глянцевой визитной карточки: "Д-р Пиктусов. Прогнозирование и оперативная коррекция судьбы".

Красная ковровая дорожка вела к просторному столу светлого дерева, а спиной к нему в мягком офисном кресле полулежал лысоватый мужчина в голубом халате, туманный взгляд его был устремлен на стену, украшенную пошлым горным пейзажем в белой рамочке.

— Доктор?

— Секундочку! — не оборачиваясь, проговорил д-р Пиктусов. Остановившая Беримора, он нервно вскинул руку. — Идет информация... Всё, астрал недоступен. — Опуская руку, доктор по-

тер висок, поморщился и эффектно, вместе с креслом, повернулся к Беримору.

— Здравствуйте, доктор.

— Здравствуйте! Я вас слушаю.

— Прогнозирование, — подсказал Беримор, хрустнув пальцами.

— Ну что же, оч-чень вовремя! — Пиктусов одобрительно хлопал вздрогнувшего Беримора по локтю. — Считайте, успели!

— То есть?

— То есть — успеете, если поторопитесь! — Беримор вопросительно приподнял бровь. Пиктусов быстро глянул на часы, радостно кивнул и сообщил: — Похоронное бюро дальше по коридору. Рекомендую, останетесь довольны!

— Оставьте ваши штучки, доктор. Не нужно меня запугивать, просто скажите цену. Мне нужно найти одного человека, и, если вы мне можете, я хорошо заплачу.

— Поиски пропавших — не мой профиль, слишком мелко, — покачал головой Пиктусов. — Этим занимаются низкочастотники. Советую вам пойти к гадалке, к экстрасенсу, а еще лучше — в милицию.

— Только не в милицию. — Беримор улыбнулся уголками губ и застучал пальцами по столешнице.

Пиктусов внимательно посмотрел ему в лицо.

— Доктор, не знаю, как вы это делаете, — настойчиво продолжал Беримор, — но в прошлом году с вашей помощью генеральный директор строительной компании “Око века” нашел свою жену. Помните, она сбежала с его бухгалтером и парой-тройкой миллионов? Он нашел всё: жену, бухгалтера и деньги.

— С моей помощью? — повторил доктор, пощипывая мочку уха.

— Так он мне сказал, когда давал эту визитку и советовал обращаться к вам в крайнем случае. Я всё хотел расспросить его поподробнее, но не успел: в прошлом месяце он умер от инсульта.

— Это всё глупости, вы пришли не по адресу, до свидания. — Оттолкнувшись, доктор снова развернул свое кресло спинкой к столу.

— Он говорил, что я должен попросить вас произвести оперативную коррекцию.

Доктор медленно повернулся в профиль. Беримор вынул из кармана бумажник, положил его на стол и с нажимом произнес:

— Тысяча долларов. Или полторы?

— Две, — сказал Пиктусов таким тоном, что Беримор понял: торг здесь неуместен. — Рассказывайте.

Очень аккуратно подбирая слова и опуская детали, Беримор изложил суть проблемы.

— Да-да, я уже понял, когда смотрел вашу руку, — кивнул доктор. — Вам не везет, но это я могу поправить.

— И тогда я найду Сержа? — уточнил Беримор, которому таинственное исчезновение тетки казалось началом конца.

— Весьма вероятно. — Пиктусов задумчиво повертел в пальцах кредитки. — А чем пожертвуем?

Беримор непонятливо посмотрел на него, потом на свой бумажник.

— Речь не о деньгах, — улыбнулся доктор, покосился на руку Беримора, пробормотал что-то нелестное про линию ума, вздохнул, поднялся, прошел к раковине, вымыл и высушил руки, надел перчатки.

Просунув онемевшую от наркоза руку за белую ширмочку, Беримор прислушивался к звяканью инструментов.

— Готово! — глухо возвестил наконец Пиктусов из-за ширмы.

Беримор посмотрел на свою перевязанную ладонь.

— Я сделал то, что вы просили. — Предупредил вопрос доктор. — Вам начнет везти — может быть, не сразу, не все пациенты одинаково восприимчивы, но очень скоро.

— Спасибо. — Беримор пошел к двери.

— Да, еще кое-что: я попросил бы вас не распространяться о случившемся.

Беримор кивнул и вышел в приемную.

— Следующий, прошу вас, — пригласила "снегурочка".

Рослый парень в желтой кожаной куртке, скользнув по Беримору внимательным взглядом, решительно вошел в кабинет доктора и плотно прикрыл за собой дверь.

Спускаясь по ступенькам крыльца, Беримор озабоченно посмотрел на небо: собирался дождь, а машина с шофером ждала на стоянке за два квартала. Позвонить водителю на сотовый или пройти пешком? Пока он думал, разглядывая тучи, мимо промчалась девчонка на роликах, обронив на тротуар банановую кожуру.

Пожалуй, можно пройтись. Беримор качнулся вперед. Ангел-хранитель в ужасе взвизгнул и малодушно закрылся крылом. Линия жизни на ладони Беримора задергалась, сокращаясь. Он вытянул ногу, почти коснулся смертоносной кожиры и... отлетел в сторону, отброшенный сильным толчком в плечо.

Мужчина в желтой кожаной куртке наступил на банановую кожуру, поскользнулся и с размаху грохнулся на тротуар. Беримор удивленно посмотрел на забинтованную руку несчастного, слегка пожал плечами и зашагал к машине. Не повезло парню!

Ближе к обеду мы с Ирккой мирно пили кофе у меня на веранде, поглядывая в окно на лужайку и обсуждая, не использовать ли для ее стрижки козу, проживающую на недалекой ферме. Все прочие инструменты, от маникюрных ножниц до электрической газонокосилки, я уже испытала, но нашла, что процесс в любом случае остается угнетающе трудоемким.

— Ну, нет! — воскликнула вдруг Ирка с удивившей меня горячностью.

— Но почему? Тебе не нравятся козы? Ты о чем думаешь, а? — Я наконец поняла, что она меня просто не слушала.

— Не могу, — сокрушенно вздохнула Ирка. — Понимаешь, не могу так! — Она шумно отодвинула деревянный табурет, встала и повернулась ко мне, уперев кулаки в бока. — Уж если мы не дали человеку помереть, надо хотя бы поинтересоваться, как он после этого живет!

— Ах, вот оно что, — я пожалала плечами. — Мы поступили гуманно и благородно, но теперь ты собираешься сделать глупость: по-моему, не следует нам впутываться в сию подозрительную и опасную историю еще глубже. Разве не ясно, что мы предотвратили попытку убийства? Право, я удивляюсь, почему нас не беспокоит милиция... Погоди-ка... Ведь это ты объяснялась с бригадой "Скорой помощи"! Точно, я как раз вышла во двор. Признавайся, что ты им наплела?

— Ничего особенного. — Ирка независимо шмыгнула носом. — Я же не полная идиотка! Думаешь, не сообразила, что к чему? Сообразила, да только поняла еще кое-что: те, кто пытался парня убить, узнав, что дело сорвалось, захотят довести его до конца! Вот и наврала, что муж у меня лунатик...

— Какой муж? У тебя же нет мужа!

— Ну и что? По-твоему, у меня не может быть мужа в принципе?

— В принципе — сколько угодно, но ведь на самом-то деле...

— Доктор этого не знал, — перебила меня Ирка. — Он очень милый человек, тощенький такой, в очках, усталый до одури... Он мне поверил, что муж мой — лунатик; ночью — как был, голый — встал с постели, пошел бродить по дому, упал с балкона в клумбу и сильно ударился головой!

— Бред какой-то, — поморщившись, заметила я.

— Вовсе не бред! Сама подумай: мужик-то наш был землей перепачкан, в прическе — трава и репейник, не могла же я сказать, что он к дверному косяку приложился!

— Ну, хорошо, — согласилась я. — Так или иначе, твоя версия прошла. Чего тебе теперь? Пострадалец наверняка уже пришел в себя, рядом с ним любящая жена и семеро детишек...

— На нем не было обручального кольца, — неуверенно протянула Ирка.

— На нем, если ты помнишь, вообще ничего не было, — отрезала я.

— Но он мне понравился. — Ирка посмотрела на меня грустными глазами.

— Хорошо! Мы его навестим! — Я не в силах была выдержать Иркин мученический взгляд.

Ирка просияла.

— Ты настоящая подруга! Собирайся, я бегу за машиной. По дороге заскочим на рынок, купим витаминов.

Выслушав Васин отчет о повторном посещении им приозерной местности, Беримор взял поиски Сержа в свои руки. Определив со слов Бурундука характер полученной Сержем травмы, он методично обзвонил все указанные в телефонном справочнике медицинские учреждения, сделав исключение для женских поликлиник, родильных домов и двух диспансеров — туберкулезного и кожно-венерического. Настойчивость его была худо-бедно вознаграждена. Спустя несколько часов выяснилось, что Сергея Петровича Максимова нет нигде, но зато сразу в трех городских больницах имеются безымянные пациенты, подходящие под описание Сержа. По всем адресам для личной проверки был срочно направлен Вася Бурундук, вооруженный цветной фотографией Сержа, аккуратно вырезанной из ламинированного бэджа. Беримор остался сидеть у телефона, ожидая Васиного звонка и нервно кроша в конфетти принесенные ему на подпись бумаги.

Полковник Лапокосов ждал агента Шило ровно в полдень в торговых рядах, отведенных администрацией рынка для реализации фруктов. Место встречи подсказала внешность полковника, точь-в-точь соответствующая описанию среднестатистического «лица кавказской национальности»: полковник был усатым и носатым брюнетом. Надвинутая на глаза кепка-аэродром довершала маскировку.

Далеко не славянская внешность полковника всегда удивляла его знакомых и родных в Рязани, особенно неприятно — папу. Согласно семейному преданию, по материнской линии в роду Лапокосова были цыгане.

В интерьере южного рынка полковник вписывался идеально. Медленно фланируя вдоль прилавков, усыпанных сухофруктами, орехами и цитрусовыми, полковник важными кивками отвечал на непонятные ему эмоциональные речи грузинских, армянских и адыгейских торговцев, периодически брал на пробу дольку апельсина или кусочек кураги и незаметно окидывал покупателей острым взглядом из-под козырька кепки.

Время шло, агент Шило не появлялся. Продавцы фруктов поглядывали на полковника с возрастающим подозрением и уже не спешили предлагать ему свой товар. Лапокосов, которого от восточных сладостей начинало мутить, купил у наиболее крикливого торговца апельсин и остановился у края ряда, чтобы не мозолить глаза продавцам.

— Почем апельсины? — деловито спросила его румяная баба с закатым в кулаке кошельком.

— Тридцать, — честно ответил полковник, вдумчиво очищая оранжевый плод.

— Бери четыре кило.

До Лапокосова дошло, что его приняли за торговца. Торопясь отделаться от бабы, он, не подумав, сказал:

— Тогда сорок.

— Четыре кило, — повторила покупательница, нетерпеливо перебирая ногами.

— Да пройди ты чуть дальше, — толкнула я Ирку в широкую спину: очень не нравилась мне ее манера покупать, не торгуясь. — Посмотри, там апельсинов этих — завались, выбирай — не хочу.

— Вот я и не хочу выбирать, — уперлась Ирка. — Зачем нам идти дальше? Мы спешим, эти апельсины меня вполне устраивают, и цена тоже...

— Пятьдесят, — вовремя вставил реплику внимательно слушающий Лапокосов.

— У, спекулянт! — Я буксиром тянула Ирку дальше.

Полковник демонстративно вонзил зубы в апельсиновую мякоть. Это возымело действие.

— Чтoб ты подавился! — с чувством произнесла Ирка, отходя прочь.

На ее месте рядом с Лапокосовым тут же возник человек в форме.

— Попрошу документки!

Полковник быстро оценил ситуацию: на него было устремлено слишком много взглядов, доставать служебное удостоверение значило засветиться. Он посмотрел на свой "Ориент" — агент Шило опаздывал уже на час, и, перехватывая реплику у стража порядка, негромко сказал: — Пройдемте...

Ирка не торгуясь купила четыре килограмма апельсинов, что яснее ясного доказывало: она не в себе. В нормальном состоянии подруга, сама подвизающаяся в сфере торговли, не постеснялась бы объять четверть пуда оптовой закупкой и потребовать скидок. И вообще, зачем четыре-то кило? По моим подсчетам, этого хватило бы на полдник всему отделению, но влюбленная Ирка — натура широкая, для милого ей ничего не жалко, а наш найденыш, похоже, уже занял в ее чувствительном сердце уголок и имел все шансы оккупировать площадь полностью.

Всю дорогу мы спорили, надо ли напоминать больному обстоятельства нашего знакомства, рискуя усугубить вероятную моральную травму, или лучше соврать что-нибудь правдоподобно-нейтральное. Ирка ратовала за честность, я предлагала дипломатично обойти скользкий момент и назваться представителями какой-нибудь благотворительной организации. Так и не придя к единому мнению, мы вошли в травматологическое отделение больницы, у раздраженной санитарки выяснили, что у них действительно имеется "ничейный мужик с головой", то есть с черепно-мозговой травмой, узнали номер палаты и решительно протопали по коридору в указанном направлении.



— Можно? — сладким голосом пропела Ирка, не без изящества просовывая голову в шестиместную палату, набитую увечным народом преимущественно мужского полу.

— Можно! — радостно заорал румяный больной с загипсованной ногой. Руки у него были в порядке, и он призывно замахал ими.

Возлежащие на кроватях джентльмены разной степени физической ущербности воззрились на нас заинтересованно-выжидательно. Эх, зря я послушалась Ирку, поленились, не подготовили себе легенду, что теперь говорить?

— Комитет солдатских матерей, — брякнула я, не успев придумать ничего получше.

Ирка толкнула меня локтем: в самом деле, нашим воображаемым сыновьям никак не могло быть больше двенадцати лет!

— И жен, — поспешно добавила я.

А она уже высмотрела нашего найденыша.

— Как мы себя чувствуем? — Могучая, как атомный ледокол, Ирка легко проложила себе дорогу среди скопления кроватей и тумбочек, подплыла к нашему незнакомому другу и засыпала его апельсинами. Я тащилась в кильватере, спотыкаясь о коварно разбросанные костыли — не иначе, с целью увеличить количество пациентов травматологии.

— Ён не говорящий, — авторитетно объяснила бабулька, заботливо кормящая с ложечки старичка на соседней койке. Старичок морщился, но безропотно глотал. — Молчать, молчать, токо глаза таращить!

— Не, Павловна, он говорил! — мягко возразил кроткий старичок, шумно схлебнув с ложки варево. — Давеча вот бормотал чего-то...

— Шизик, — весело заявил жизнерадостный дядечка с ногой, приветствовавший наше с Иркой появление.

— Как шизик? — Ирка явно растерялась.

Я заглянула ей через плечо: наш приятель и впрямь ненормально таращил глаза, поминутно меняя направление взгляда. Теперь он уставился на меня. Взгляд у парня был если не безумный, то какой-то диковатый: встревоженный и одновременно умоляющий. В остальном он выглядел вполне приятно: хорошее открытое лицо, красивые серые глаза, из-под белой повязки выбивались темно-русые прядки волос, под тонюсеньким больничным одеялом, натянутым до шеи, угадывалось крепкое тело. Атлетический тип, подумала я, не в моем вкусе, но Ирке должен понравиться. Если, конечно, он и в самом деле не шизик...

— А что доктор сказал? — спросила Ирка.

— А ничаво ён не сказал, милая, — ответила бабуля. — Так, буркнул шось себе под нос...

— Шось именно? — требовательно продолжала Ирка.

— Ретроградная амнезия, — высокомерно сообщил интеллигентного вида мужчина из угла палаты, снимая очки и откладывая в сторону маленький телевизор, с которым он возился.

— О! — Мы с Ирккой переглянулись.

Вот, он лежит тут один, без жены и семерых любящих крошек! И, похоже, все такой же голый...

— Шо? — бабуля озадаченно посмотрела на очкарика.

— Это значит, что он потерял память, — перевела я.

Аппарат пугающе затрещал, взревел диким голосом, и владелец техники поспешно приглушил звук. На экране крупным планом появилось дивное декольте, в него проворно скользнула ручка с наманикюренными коготками. На свет явился угрожающего вида пистолет.

— Фак ю! — сказал с экрана голос по-английски.

Наш пострадалец вытянул шею, вперил взгляд в экран, открыл рот и тоже воскликнул:

— Фак ю! — Прононс у него был великолепный.

— Погоди-ка, — озаренная сумасшедшей догадкой, я толкнула Ирку в толстый бок: — А ну, отодвинься!

Ирка послушно посторонилась, пропуская меня к койке. Я наклонилась, пристально посмотрела в глаза больного и спросила: — Кто вы?

Взгляд пациента подернулся дымкой. Я ожидала этого и спросила по-другому:

— Ху ар ю?

Мой больной весь просиял, схватил меня за руку и торопливо заговорил.

— Что он говорит? — Ирка дергала меня за другую руку.

— Не пойму, очень уж быстро. — Я нахмурилась, покачала головой и жестом остановила говорящего: — Вот из ё нэйм?

Кажется, все присутствующие дружно уставились на загадочного типа. Он открыл рот, хотел было ответить, но что-то его остановило.

— Нэйм! — повторила я.

— Монте Уокер, — не вполне уверенно произнес больной.

— Монте Уокер?

— Монте Уокер. — И вдруг затарахтел, все ускоряя темп: — Монте Уокер, Кемаль ибн Юсуф, Филиппе де Ларедо, Гжегош Томба, Анна Рейзнер, Анри де Сов, Лолита Лопес, Николас Пирис...

— Хватит, хватит, — я оборвала его. — Буду называть вас просто Монте, хорошо? Монте, велл?

— Велл! — кивнул Монте и поморщился.

— Тише, тише! — Ирка невежливо отпихнула меня и заботливо поправила повязку на его голове. — Не делай резких движений, Монтик!

Я спохватилась: — Монте — это Ира.

Ирка зарделась и в смущении плюхнулась на кровать Монте.

— Спроси его, как он себя чувствует!  
— Хау ар ю? — послушно перевела я.  
— О'кей. — Монте мученически улыбнулся.  
— Иностранец, что ли? — заинтересованно спросил жизнерадостный хромой.

— Шпиён! — азартно воскликнула бабуля.

Мужики весело заржали.

— А и правда, — вступился за свою половину тихий старичок. — Надо бы сообщить!

— Куда? — встрепенулась Ирка.

— А куда следует!

— Тише, тише, — я поспешила вмешаться. — Вот я где-то читала такую историю: девочка шла по улице, и вдруг ей на голову упал цветочный горшок! Она потеряла сознание, а когда пришла в себя, заговорила по-английски! До сих пор она английского языка не знала, потому как вообще-то была француженкой...

— Я тоже знаю эту историю, — сказал интеллигент. — Вы правы, под воздействием... гм... цветочного горшка ребенок заговорил по-английски, но ведь и родной французский не забыла!

— Это так, — согласилась я. — Правда, есть, наверное, разница: дать человеку по мозгам цветочным горшком или кирпичом!

— К нему приходил кто-нибудь? — Ирка оглядела присутствующих.

— Еще придуть, — зловеще пообещала бабуля.

Ирка сняла с плеча фотоаппарат "Полароид", деловито сделала снимок Монте в россыпях оранжевых плодов и скомандовала мне, поворачиваясь кругом: — Пошли.

— Куда?

— Найдем доктора. Узнаем, как Монтик. Заберем его домой. — Она грозно посмотрела на старушку и послала воздушный поцелуй мистеру Уокеру.

— Гуд бай, Монте! — как бы извиняясь, попрощалась я.

— Не задерживайся! — Ревнивая Ирка выдернула меня из палаты. — Мне еще нужно успеть на книжный рынок за англо-русским разговорником!

Я поняла, что она настроена решительно, и покорилась.

Во время тихого часа в палате произошли изменения: Саню, владельца переносного телевизора, к общему огорчению, перевели в другую палату. Его место занял бойкий молодой человек с загипсованной ногой, быстро перезнакомившийся со всеми и проявивший особое внимание к англоязычному соседу.

В полусне тот шептал свое имя, шевеля губами, точно пробуя его на вкус: Монте Уокер. Очень мужественное имя — лучшего у него не было за все жизни. Впрочем, иных имен он не помнил — так, мерещилось что-то смутное... А если бы помнил, признал бы самым женственным из всех своих имен Камиллу Клэр. Носила его вульгарная бабища, командовавшая полудюжиной продаж-

ных девок в передвижном борделе. Впрочем, этого он тоже не помнил.

Если вдуматься, он должен находиться в родстве с большей частью современного человечества... С одной стороны, совсем неплохо быть членом большой и хорошо организованной семьи — мафиозная практика Монте Уокера это подтверждала. С другой — с некоторыми людьми не хотелось бы иметь ничего общего.

Монте задумался, составляя список персон “нон грата” для своей жизни. Возглавлял его, вне всякого сомнения, Марио Ла Гадо. Монте усмехнулся: вот и стал гад ползучий “Номером Первым”! Потом нахмурился: а стал ли он таковым на самом деле? Папа Тони перед смертью назвал своим преемником Монте, но Марио не желал уважать волю покойника. Можно было не сомневаться в том, что он попытается устранить конкурента.

Монте открыл глаза и огляделся: что это и где это? Похоже на лазарет где-нибудь в глухом закоулке Азии. Правда, пациенты, в основном, европейского типа. И что же это значит? Мы воюем в Корее? А кто это — мы?

Вскинув руку, он нащупал на голове бинты. Огляделся: у прочих находящихся в помещении тоже перевязки, лубки, костыли... Монте всё понял и похолодел: их пытали!

— Ла Гадо, сволочь! — с ненавистью прошептал он.

Почему подручные конкурента его попросту не убили, Монте Уокер не понимал. Одно ему было ясно: нужно выждать удобный момент и попытаться сбежать. Когда подвернется подходящий случай, Монте его не упустил!

День медленно, но верно перетекал в ночь в полном соответствии с больничным распорядком. Нечувствительно прошли ужин и ежевечерняя раздача таблеток и кефира. Обитатели палаты лишились вечернего кино и вынужденно объявили досрочный отбой. Монте Уокер уснул.

— Филимонов, на укол! — вполголоса позвала медсестричка Света.

Освещение в коридоре притушили, гипсоносные граждане разбрелись по палатам. Покачивая бедрами, Света провела неловко подпрыгивающего на неосвоенных костылях нового пациента в кабинет сестры-хозяйки и ушла.

— Любопытно, — выслушав подчиненного, заметил капитан Сидоров.

— Ну! — подтвердил молодой и полный рвения лейтенант Филимонов, от полноты чувств слегка подпрыгивая на костылях.

Костыли лейтенанту нужны были не больше, чем собаке пятая нога: бутафория чистой воды, или, правильнее сказать, элемент маскировки. Ведь не может же совершенно здоровый двад-

цатипятилетний мужик лежать в травматологии, не будучи в гипсе и при костылях!

— Остынь, — велел капитан, заметив акробатические упражнения подчиненного с ортопедическим снарядом.

Сидоров почесал затылок, махнул рукой, приглашая лейтенанта садиться, пристроил листок с оперативной информацией на столе и вкусно отхлебнул из стакана. Филимонов завистливо покосился на начальника: сидит себе в ординаторской, хорошенькие медсестрички ему чаек готовят, пока лейтенант валяется на продавленной койке в шестиместной палате в компании полудесятка калечных мужиков и одной древней старухи.

— Товарищ капитан, — спросил он, — долго мне еще в этом морге лежать?

Капитан, шевеля губами, дочитал текст и гулко хлопнул ладонью по столу.

— Все, Филимонов! Снимай свой гипс! Бери ноги в руки и чеши в контору!

— Слава Богу! — не по уставу отозвался мнимый больной, поспешно стягивая с ноги гипсовый валенок.

— Значит, так, — продолжал капитан. — Первым делом пусть проверят этот список по картотеке.

— Монте Уокер, он же Фелиппе де Ларедо, он же Кемаль ибн Юсуф, он же Гжегош Томба, он же Анна Рейзнер, он же Анри де Сов, он же Лолита Лопес, он же Николас Пирес, — озабоченно забормотал Филимонов, поднеся к глазам список. — Товарищ капитан! Тут и женские имена!

— Урки, — пожав плечами, философски заметил капитан. — От них всего можно ожидать!

— Ага, — кивнул лейтенант.

— Исполняйте. — Сидоров небрежным жестом велел лейтенанту выметаться.

— Ага, — задумчиво повторил Филимонов, повернулся, пошел к двери, но оглянулся на начальника: — А зачем руки в ноги? У них тут в регистратуре есть факс! Можно этот список к нам в контору по-быстрому послать!

— Послать — это ты хорошо придумал. Действуй!

Филимонов наконец вывалился в коридор. Капитан хлебнул остывшего чаю и с легкой тоской покосился на ширмочку в углу: куда, интересно, пропала веселая медсестричка Света? Он немного посидел, предаваясь приятным воспоминаниям и машинально перетирая зубами нерастворившийся сахарный песок, извлеченный при помощи ложечки со дна чайного стакана. Хлопнула дверь, капитан очнулся, радостно сверкнул глазами и тут же нахмурился: на пороге снова стоял лейтенант Филимонов.

— В чем дело? — недовольно спросил капитан. — Я что, непонятно скомандовал? Выполняйте!

— Уже, — радостно заявил лейтенант, подлетая к столу. — Товарищ капитан! В самую точку! Есть такая Анна Рейзнер — мошенница со стажем, как раз в розыске. И Лолита есть, правда, без фамилии.

— Тоже мошенница? — поинтересовался капитан.

— Нет, проститутка.

— Гм? — капитан выпятил челюсть. — Ну, урки! Умеют маскироваться!

— Лолита, наверное, все-таки другая, — помявшись, заметил лейтенант. — Проститутка — значит, баба, а наш мужик. Я точно знаю, вместе в сортир ходили...

— Зелен ты еще, Филимонов, — укоризненно покачав головой, заметил капитан. — Жизни не знаешь. Ну и что, что не баба? Не баба, а проститутка! Только извращенная. Сматывайся-ка все-таки в контору. Пусть они эти имена-фамилии в списках Интерпола посмотрят.

— Зачем в контору? Тут в регистратуре есть компьютер.

— Компьютер, — с тоской протянул Сидоров, провожая глазами убегающего подчиненного. Новые методы работы ему не очень нравились. До чего техника дошла — никак этого летеху не спровадишь куда подальше! В регистратуре факс, в регистратуре компьютер.

— Интересно, — пробормотал капитан, озвучивая родившееся у него подозрение. — А не в регистратуре ли Светочка?

В тоскливом одиночестве Сидоров выпил еще два стаканчика крепкого сладкого чаю.

— Товарищ капитан! — Лейтенант вломился в ординаторскую и подбежал к столу, сбив табуретку. — Точно!

— Что точно? — устало нахмурился Сидоров.

— Интерпол... картотека... м-м... — запыхавшийся Филимонов выдавал слова через два на третье.

— Ну? Есть Монте Уокер? Во дела! — шестым чувством угадал недосказанное капитан.

Он ударил себя по коленке и на мгновение зажмурился, предвкушая какое-нибудь поощрение, а то и повышение. Шутка ли, иностранного рецидивиста выцепили, да как — случайно, дедуся какой-то по старой памяти настучал!

— За жабры гада, — хлопнув ладонью по столу, решительно приказал капитан Филимонову. — Вызывай наших. Мерзавца скрутить и перебазировать сам знаешь куда. Я ему покажу, как в российской больнице койко-место пролеживать, дармовую овсянку жрать!

Однако по причине позднего часа дальнейшие действия застопорились до утра.

От Екатеринодара до Кипра — путь неблизкий, и на остров в Средиземном море новый день по понятным причинам пришел несколько позже, чем в кубанскую степь. Впрочем, линия судь-

бы американского туриста Дона Салливана, одиннадцать месяцев в году работающего на Правительство Соединенных Штатов в Национальном Агентстве Расследований, обещала в самом скором времени соединить эти отдаленные географические точки.

Сначала противным голосом зашел телефон.

Восьмой час утра — не лучшее время для пробуждения человека, отчаянно кутившего ночь напролет. Дон нырнул головой под подушку и без усилий прикинулся спящим. Уютно сопящая рядом с ним девушка, похоже, тоже притворялась: когда телефон умолк, Дон явственно услышал ее облегченный вздох.

Спустя некоторое, судя по ощущениям Дона — весьма непродолжительное время, проведенное в блаженном полусне, звонок повторился. На сей раз он шел от входной двери: кто-то настойчиво требовал впустить его.

Дон не шевельнулся. Скорее всего, кто-то ошибся дверью: коттеджи были похожи, как близнецы. Владелец не догадался или не потрудился позаботиться о том, чтобы они отличались один от другого, а арендуящим домики было не до того, успеть бы за время отпуска сполна насладиться солнцем, морем и другими отдыхающими подходящего пола. Впрочем, Дон самолично устранил недосмотр, в первый же день отпуска установив на плоской крыше коттеджа, рядом с баком для воды, разноцветный флюгер-вертушку: это создавало иллюзию теплого семейного дома.

Дом и семья — их у Дона не было с тех пор, как умерла его мама, а это случилось давно. Кэти Салливан не отличалась крепким здоровьем, хотя была на редкость дородной женщиной. Правду говорят, что внешность обманчива: кто бы мог подумать, что толстуха и распустеха Кэти, теряющая волю при виде большого яблочного пирога, держит в неприкосновенности весьма кругленькую сумму! Эти деньги потом помогли Дону получить прекрасное образование.

Отца своего он никогда не видел, о чем очень жалел: мама иногда говорила, что Дон удивительно похож на папу. Впрочем, проверить это было невозможно, ни одной фотографии отца ее ребенка в доме Кэти не было, да и рассказывать малышу о папе она не любила. Умер — и всё. Даже фамилию Дон носил мамину.

Одиночные звонки слились в серию с регулярным чередованием коротких и длинных сигналов.

— Похоже, морзянка? — удивившись, сонный Дон выдал на поверхность одно помятое красное ухо и прислушался.

К звонкам прибавился энергичный стук в дверь. Судя по звуку, стучали ногой.

— Черт возьми! Это Тил! — беспомощно выругался Дон.

Он поспешно расклеил ресницы и торопливо зашарил в ящике тумбочки в поисках пистолета. Под руку упорно подворачивался только скользкий флакон солнцезащитного крема.

— Кто там, милый? — сонно моргая, девушка села в постели.

— Тил, кто же еще! — Дон скатился с кровати, подхватил с низкого столика тяжелую мраморную пепельницу и побрел открывать, прикидывая на ходу, не успеет ли Тил выбить дверь.

Тил успела.

— Здорово, напарник! — радостно крикнула она Дону, одновременно сбивая его с ног, как кеглю, метко брошенным пухлым саквояжем. — Бросай оружие! — Тил дружески улыбнулась и продемонстрировала Дону свой пистолет. — Парень, ты снова понадобился!

— Кто это, милый? — с претензией спросила девушка, возникающая в дверях спальни дивным видением: длинные кудри падали на загорелые плечи, небрежно обернутые простыней, белая ткань прикрывала соблазнительное тело до середины бедер.

Дон с сожалением оглянулся на красотку, но соблазну не поддавался, уже понимая, что отдыл закончился.

— Где тут у тебя кухня? — как ни в чем не бывало спросила Тил, подобрав оставленный за дверью бумажный пакет. — Пока вы будете прощаться, я сварю кофе. Булочки еще теплые, так что поторопись, милый!

Дон зарычал, но послушно выпроводил подружку, проведя сцену прощания с неприличной поспешностью. Девушка удалилась в слезах. Дон вернулся в коттедж, вдохнул запах свежеваренного кофе и против воли немного подобрел. Тил, змея такая, умела найти подход к напарнику!

Она разлила кофе и подвинула к Дону его чашку, расплескав часть ароматной жидкости. Да уж, хозяйка из нее плохая, из всей кухонной утвари Тил освоила разве что ножи! Ухмыльнувшись, Дон четырежды нырнул ложечкой в сахарницу. Слушая Тил, молча размешал сахар в чашке, молча отхлебнул сладкий кофе.

— Не верю, — наконец сказал он. — Чепуха какая-то. О чем ты говоришь? Дерево падает на автомобиль и убивает водителя — несчастный случай! Богатая старушка застревает в лифте и с перепугу помирает от сердечного приступа — бывает! Подвыпивший делец курит в постели на сон грядущий, простыни тлеют, и он засыпает вечным сном — такое случается сплошь и рядом! И, разумеется, у каждой жертвы имеется наследник.

— Есть одна интересная деталь, все эти “несчастные случаи” произошли с американскими туристами после посещения ими российского города Екатеринодара, где жертвы побывали — заметь! — в сопровождении любящих наследников.

— Ну и что? — не сдавался Дон.

Тил безмятежно доела сдобную булочку, допила кофе, промокнула рот салфеткой и полезла в нагрудный карман.

— А то, что в не богатом достопримечательностями Екатеринодаре все туристы, включая наследников, посетили этого господина! — Тил аккуратно положила на стол помятую визитку.

— Интересно, — признал Дон.



— Понимаешь теперь, почему Агентство срочно послало меня за тобой?

Дон устало вздохнул.

— Тил, я пересек океан, чтобы хоть ненадолго избавиться от тебя и работы! Я, конечно, польщен доверием и всё такое, но Агентство могло бы послать туда кого-нибудь другого!

— И послало. Люка Хокинса.

— И что же? Неужели агента Хокинса убило кирпичом в подозрительной близости от дома вышеупомянутого господина? — язвительно предположил Дон.

— Нет, — без тени улыбки ответила Тил. — Он поскользнулся на банановой кожуре.

— Люк-везунчик?! — ахнул Дон.

— Был, — сухо бросила Тил и устало добавила: — Решай. Лайнер “Вера” будет на Кипре завтра, на нем для нас оставлены места.

— Надо же, Люк Хокинс! — задумчиво повторил Дон.

Тил поняла, что пора переходить к следующей фазе. Она сдвинула в сторону кофейные чашки и положила на стол пакет:

— Документы и деньги на расходы.

Дон уважительно взвесил на руке толстую пачку крупных купюр и раскрыл паспорт. “Мисс Дебра Грей”, — прочитал он. Полюбовался красоткой на снимке, бегло пробежал глазами вложенную в паспорт бумагу: — “С собакой породы бирсдог, трех лет”. Стоп, Тил, а где же мой паспорт?

— Ты невнимателен, Дон, — голос Тил был сама мягкость. — Там же сказано: с собакой!

Дон тупо посмотрел на нее, помолчал, соображая, и постепенно до него дошло:

— Ты хочешь сказать, что я?.. — Он медленно поднялся, обураваемый желанием задушить улыбающуюся Тил.

— Осторожно: злая собака! — с нескрываемым удовольствием проговорила она.

Я проснулась рано: вспомнила, что за событиями вчерашнего дня забыла совершить набег на продовольственный рынок и купить еды для своих четвероногих. Томку еще можно натолкать кашей, а вот кота Тоху не проведешь, ему подавай мясо, рыбу и молоко. Ужас! Демонстрации протеста не избежать!

На цыпочках, боясь разбудить спящего в ногах кота, я крадучись вышла из спальни, оделась и побежала к Ирке. Это из-за нее я забыла о корме для своего зверья, а раз так, пусть распахнет для нас свой холодильник!

— Входи, не заперто! — громко прокричала Ирка откуда-то из глубины дома.

Я протиснулась в приоткрытую дверь, отпихивая ногой рвущегося следом пса. Шел дождь, и Томка был слишком грязен для светских визитов.

— Ау! Ирка! Ты где?

— На кухне, — громко сказала Ирка. — Иди сюда, не могу оторваться.

— Очень интригует, — заметила я, с порога упершись взглядом в Иркин оттопыренный зад. Его счастливая обладательница низко склонилась над газовой плитой.

— Еще одну минутку, — извинилась Ирка. — Сейчас начнет пузыриться, и всё...

Я обошла ее с фланга, заглянула в кастрюльку. Там было что-то зеленое, интенсивно пахнущее яблоком, но с виду совершенно несъедобное.

— Это что?!

— Что ты орешь? Это мыло. Туалетное, яблочное. — Подруга спокойно перенесла кастрюльку с зеленой слизью на стол. Окна буду заклеивать. Хороший способ — заклеивать окна мыльными тряпочками. — Тон ее делался все печальнее. — Холодно мне. Одна я в доме. Одна-одинешенька. Бедная, одинокая женщина... Думаю, что все мужчины — скоты.

— Не такая уж бедная, — справедливости ради возразила я. — Дом, машина, оборотный капитал... Но я понимаю, к чему пассаж про мужчин-скотин.

— Видишь, они даже рифмуются, — заметила Ирка.

— Ира! — я строго постучала пальцем по столу, и в мисочке заволновалась мыльная каша. — Если тебе последние десять лет фатально не везет с мужиками, если один твой муж был алкоголиком и тунеядцем, а другой бесхребетным слюнтяем, если первый встречный мужчина делает тебе гнусное предложение, хотя каждый второй оказывается импотентом, если в гостях ты вынуждена сама наполнять свою рюмку, в трамвае тебе не уступают место, в театре не пропускают вперед, на улице прячутся от ветра за твоей спиной и руку протягивают только за подающим — это не значит, что мужчины — скоты! Встречаются и другие: добрые, нежные, щедрые, порядочные... В смысле, кому-то, наверное, встречаются. Весьма вероятно, что и ты такого себе найдешь! Рано или поздно. Шансы есть, особенно, если ты из породы долгожителей...

— Уже нашла. Монтик. Я знаю, он именно такой: сильный, добрый, нежный, верный... Слушай, а давай прямо сейчас забрем Монтика из больницы?

— Нам же его не отдадут, — напомнила я. — Мы не можем сказать, кто он, у нас нет его документов. А без паспорта Монтика не выпишут, больничный не дадут...

— И не надо! Зачем мне его больничный, я не отдел кадров! Мы выведем его погулять, посадим в машину и увезем. Им там всё равно, подумаешь, нарушение больничного режима! Одним пациентом больше, одним меньше... А мне мужик достанется — молодой и красивый.

— А ухаживать за ним будешь? Кормить, поить, выгуливать? Убирать за ним? Думаешь, так просто — мужика завести?

— Я умею, — рассердилась Ирка. — У меня два мужа было. И еще хомячок. Мужья, правда, сбежали... Но хомяк жил долго и счастливо и сдох только от старости!

Спорить с Иркой — себе дороже. Сошлись на том, что быстрее умыкнем из больницы Монтика, а потом она меня подбросит на рынок за продуктами.

Капитан Сидоров мирно похрапывал на узкой кушетке в душевой камере сестры-хозяйки. Ему было уютно и тепло под грудой больничных одеял, взятых без счета со стеллажа. Разбуженный стуком в дверь, Сидоров вытряхнулся из одеял, прошлепал к двери и весьма неприязненно спросил:

— Кто?

— Свои, — так же недружелюбно ответил незнакомый капитану мужской голос. Привычно уловив в нем начальственные нотки, Сидоров открыл дверь.

Из коридора в комнату шагнул коренастый черноусый мужчина с пронзительным взглядом. Загорелое лицо показалось капитану знакомым. В кино он его видел, что ли? Или просто похож на какого-то итальянского актера?

— Полковник Лапокосов. С запросом в Интерпол вы обращались?

— Так точно, — вытянулся Сидоров. — И в Интерпол. И в Интернет...

— Читайте! — резко перебил его полковник и протянул скрученный в трубочку лист белой бумаги.

Сидоров развернул рулон, отыскал верхнюю кромку. Снизу тонкая белая бумага снова скрутилась, читать было неудобно. Капитан взялся руками за концы бумажной ленты, растянул вертикально — теперь верхний край оказался слишком высоко.

— Виноват, — негромко проговорил он, коротко взглядывая на полковника. Расставил руки параллельно полу, как рыбак, показывающий размеры пойманной им рыбы, и начал читать.

Полковник смотрел на подчиненного, старательно скрывая раздражение.

— Ох! — Капитан от неожиданности выпустил края бумажной ленты, и моментально скрутившийся рулон упал к его ногам. — Виноват... Тут написано, что Монте Уокер умер! Как умер?

— Мучительно, — язвительно ответил Лапокосов. — Четырнадцать пулевых отверстий — это, должно быть, болезненно... Уокера скосили автоматной очередью в Центральном парке — его самого, двух его охранников, одного спортсмена-бегуна, трех белок и старушку с собакой. Болонку, впрочем, только ранило — пуля срезала кусочек хвоста...

Капитан оглянулся на дверь, облизал пересохшие губы:

— Я не слышал стрельбы! Как это могло случиться? Когда?

— В одна тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году, в городе Нью-Йорке, — с расстановкой произнес полковник Лапокосов, внимательно наблюдая за реакцией капитана.

Сидоров открыл рот и закрыл глаза. Вот невезуха! Не видать ему наград и повышений!

— Сейчас заберу эту сволочь к нам и спрошу как следует! — со злостью сказал он. — Живо расколется, кто он такой и почему по-русски не говорит!

— Отставить, — отрывисто бросил Лапокосов. — Действовать аккуратно. Подозрений не вызывать. Перевести в психушку. Позже я сам его навещу. Распорядитесь, пусть приготовят белый халат.

— Разрешите идти?

— Идите. — Лапокосов отвернулся от капитана.

Эвакуацию Монте Уокера произвели без лишнего шума и очень быстро. Единственная заминка произошла на выезде с территории больницы, где “скорая” с трудом протиснулась мимо хаотично припаркованных легковых автомобилей. Обширная стоянка поблизости была платной и потому пустовала.

Пробраться сквозь толпу четырехколесных друзей у горбольницы и впрямь было нелегко. Ирка со скрежетом затолкала машину в узкую брешь между чьим-то “мерсом” и живой изгородью, оказавшейся фальшивой: вьющая зелень скрывала под собой металлическую сетку, о которую мы слегка поцарапали Иркин “жигуль”. Я огорчилась, но автовладелица как ни в чем не бывало выбралась из машины и зашагала к больнице, даже не включив сигнализацию.

— С ума сошла? Угонят же!

— А собака на что? — бросила Ирка на ходу, не оборачиваясь.

На что мне такая собака, я и сама думала не раз.

— Сидеть, Том! — как можно строже скомандовала я, на всякий случай привязывая поводок к металлическому изножию кресла. Потом еще пристегнула пса ремнем: если и украдут, то в комплекте, и машину, и собаку! Пусть им будет хуже!

Ирку я догнала уже на входе в отделение. Мы прошагали по коридору к знакомой палате, постучали, вошли и обмлели: Монтикова кровать была пуста. На провисшей панцирной сетке сиротливо лежал свернутый матрас, на тумбочке пламенел одинокий апельсин — последний привет от Монте Уокера.

Ирка схватилась за горло, явно не в силах что-нибудь сказать, и молча посмотрела на меня. Глаза ее опасно заблестели. Я поняла, что еще чуть-чуть, подруга обретет голос, и больничные просторы огласятся ревом раненого зверя.

— На волю, в пампасы! — невпопад брякнула я, быстро выводя Ирку из палаты, подальше от больных: мало им переломанных ног, сейчас и барабанных перепонок лишатся. — Ирка, только не волнуйся, мы все узнаем!

Добывать информацию — моя профессия. Люблю я это делать и умею! Медсестричке Свете даже журналистское удостоверение показывать не понадобилось.

Узнав о переводе Монтика в психиатричку, Ирка разбушевалась.

— Это мой-то Монтик ненормальный? — взвилась она. — Это вы все ненормальные! — В запале Ирка ткнула пальцем в только что вошедшего в отделение благообразного гражданина. — И вы! И вы!

Это она зря сказала, незнакомый гражданин выглядел вполне вменяемым, но вот следом за ним шагал отчетливо слабоумного вида амбал типа “шестерка”. Он как-то нехорошо посмотрел на Ирку, и мне это не понравилось. Только бандитских разборок нам не хватает! Я поспешила увести подругу от греха подальше.

Мы вернулись в машину, сели, и Ирка замерла, сурово глядя перед собой, но явно ничего не видя. Я помалкивала, понимая, что сейчас ее лучше не беспокоить.

— Предупреждаю, — металлическим голосом проговорила она, вырuling на дорогу, — похищение Монтика не отменяется. Сейчас заедем в пару мест, а потом к психушке.

Монте довольно быстро понял, в каком заведении оказался: достаточно было посмотреть на соседа по комнате, голубоглазого и розовощекого малого по имени “Селёжа”. Одетый в розовую пижаму с голубым горошком, он непрестанно приплясывал, невнятно бормоча какие-то вирши и потрясая дребезжащим детским бубном. Растоптанные тапки ритмично шлепали.

На самом Монте тоже были тапочки без задников и уютный фланелевый костюм живописной расцветки: нежно-зеленый, в крупную желтую клетку.

Вообще-то ему нравились смелые цветовые сочетания. Помнится, у его подруги в Нью-Йорке было красное белье с синим кружевом, и Монте комплект одобрял, особенно, когда его малышка исполняла ритуальный вечерний танец с раздеванием. “Малышка”, впрочем, весила почти центнер: Монте всегда нравились крупные дамы.

— Оставь покурить! Христос любит тебя! — вкрадчиво шепнул на ухо Монте незаметно подкравшийся “Селёжа”.

Монте вздрогнул, не расслышав и не поняв.

— Ват?

— Виноват, конечно, виноват, — согласно кивнул сосед, бесцеремонно забирая у Монте окурочек и жадно затягиваясь. — Покаяться нужно! — Он назидательно воздел вверх грязный указательный палец.

Монте еще раз вздрогнул, на сей раз от отвращения, и грустно проводил взглядом исчезающий в кулаке “Селёжи” окурочек: курева больше не было, сигаретой Монте угостил юный джентль-

мен по имени Фил Лимонофф, любезно препроводивший его в психушку. Монте и не знал, что в мафии встречаются русские!

— Аллилуйя! — докурив, ликующе возопил “Селёжа”, пускаясь в пляс на потертом прикроватном коврикe.

Монте все это страшно не понравилось. Он вышел из палаты и неторопливо пошел по коридору, внимательно осматриваясь по сторонам. Неожиданно из соседнего дверного проема высунулась костлявая рука, делающая жадное хватательное движение. Монте остановился, и рука тут же игриво дернула его за полу пижамной куртки.

— Хай? — неуверенно произнес Монте, взмахом руки приветствуя незнакомого старичка в желтой пижаме.

— Какой тебе “хайль”? — Дедушка мгновенно переменялся в лице и стиснул кулаки. — Ах ты, гад! Бей фашиста!

Откуда-то с тылу с криком “За Родину!” набежали еще несколько мужиков, все в пижамах и тапочках. Монте дернулся, на линолеум горохом посыпались пуговицы, кому-то наступили на мозоль, кто-то потерял тапок, чья-то твердая пятка больно стукнула Монте по коленке. Он выругался по-английски, одним могучим движением разгреб нападающих на две кучки, вырвался из окружения и быстро пошел прочь, часто оглядываясь.

Пижамная группа в конце коридора дружно скандировала: “Титлер капут!”, “Свободу Луису Корвалану”, “Верните пенсионерам льготы!”, “Долой АО МММ!” В центре компании приплясывал голый по пояс человек с поднятой над головой шваброй, на которой красиво развевалась пижамная куртка из красной фланели.

Смысла происходящего Монте не понимал, но чувствовал, что тоже сходит с ума. Должно быть, из солидарности.

Ненормальные всех стран, соединяйтесь!

— Спроси! — Ирка толкнула меня локтем.

— Сама спрашивай! — сирым шепотом огрызнулась я, не зная, куда смотреть.

В магазине интимных товаров я была впервые, чувствовала себя крайне неловко, но спрятать глаза не могла: они упорно разбегались. На полках бесстыже красовались разнообразные предметы, призванные обогатить интимную жизнь граждан. О назначении некоторых штучек я могла только догадываться, хотя иные были вполне узнаваемы. Витрина с дюжиной искусственных органов внутренних дел, старательно выстроенных по ранжиру и снабженных ценниками, очень напоминала прилавок гастрономического отдела.

Нетерпеливая Ирка снова толкнула меня:

— Да говори же!

— Э-э, любезный, скажите, у вас только запчасти? — скрывая смущение, спросила я юношу-продавца, нервно проведя рукой в

сторону пресловутой витрины. — Или есть полностью укомплектованные экземпляры?

— Простите? — не понял продавец.

— Резиновые бабы есть? — прямым текстом спросила грубая Ирка.

— Не обязательно бабы, — вмешалась я. — Он, она, оно... Лишь бы с руками, с ногами и с человеческим лицом. В принципе, сгодится любой гуманоид.

— Примерно такого роста, как она. — Ирка кивнула на меня.

— Плюс-минус пара размеров, — добавила я.

Мы замолчали и в четыре глаза выжидательно уставились на продавца. Пламенея щеками, он с некоторым обалдением посмотрел на меня, на Ирку, достал из-под прилавка иллюстрированный каталог и открыл его:

— Вот, восемьсот девяносто девять долларов, латекс...

— Да хоть гудрон, — встряла нетерпеливая Ирка.

— Нет, гудрон нельзя, он темный, а нам нужна баба европейской наружности, — не согласилась я. — Мы, конечно, не расисты, но мавров венецианских попрошу не предлагать!

— Короче, на ваш вкус, — снова перебила меня Ирка.

Продавец поперхнулся.

— Да, а у вас тут только продажа или можно напрокат взять? — как ни в чем не бывало продолжала Ирка. — Нам бы лучше напрокат, если можно, мы быстренько попользуемся и сразу вернем.

— Не потеряем, не испортим, сдадим в лучшем виде. Мы порядок знаем, в библиотеки записаны, — поддержала я.

Продавец перевел взгляд с Ирки на меня, глаза у него сделались оловянные, как пуговицы. Сомневается? Так я могу читательский билет предъявить.

— П-проката у нас н-нет!

— Ж-жаль, — передразнила парня жестокая Ирка.

— Ну, тогда нам какую-нибудь попроще, подешевле, можно вовсе одноразовую, — сказала я. Быстро пролистала каталог, не обращая особого внимания на цветные картинки, лишь изучая цены. — Вот эта, к примеру, сколько продержится?

— При правильной эксплуатации...

— Нет-нет, при неправильной? Полчаса выдержит?

— Гарантии не даем. — Глаза-пуговицы смотрели на меня с явным подозрением.

— Ладно, обойдемся без гарантии, — подытожила Ирка. — Нам с ней детей не крестить! Заверните вот эту белобрысую.

— Только, пожалуйста, надуйте ее сразу, — добавила я. — Мы очень торопимся!

Кое-как затолкав растопыривающуюся резиновую бабу в цветной кулек, мы вышли из магазина. Провожая нас взглядом, продавец застыл за витринным стеклом как манекен. Был бы голый — чудненько вписался бы в интерьер.

— Чертова кукла, — выругалась Ирка, запихивая в глубь кулька упорно вылезавшую наружу бледную резиновую ногу. — Надо было попросить ее связать! — Она оглянулась на магазин.

Парень за стеклом вздрогнул, ожил, захлопнул рот и быстро вывесил на дверь табличку “Закрето”.

— Ну, и где же он? — тихо спросил Беримор, остановившись в проеме двери.

— Где этот, по голове ударенный? — дополнил вопрос шефа Вася Бурундук.

Беримор сунул руки в карманы халата.

— Увели болезного, — злорадно сказал дедок Беримору и Бурундуку, дожидаясь, пока бабка откроет стеклянную банку с супом.

— Куда увели? — спокойно спросил Беримор, сминая в кармане пачку сигарет.

— Кто увел? Какая, понимаешь, зараза? — в свою очередь встрял Бурундук.

Старичок скосил глаза на пустую койку и противно хихикнул:

— Сказали, на процедуры!

— Так. — Беримор повернулся и вышел из палаты.

— Отец! У тебя тараканы в супе, — доброжелательно предупредил старичка Бурундук, следуя за шефом.

Уже в коридоре до них донеслось: “Синенькие это, синенькие! Баклажаны!” “Сама синенькая, дура старая, какие баклажаны, если они с ножками!”

— С ножками, с ручками, — задумчиво пробормотал Беримор.

Он молча вышел из травматологии, спустился в регистратуру и узнал, как пройти в процедурное отделение.

— Слушай меня внимательно, Вася. Сейчас мы разделимся. Я останусь стоять здесь, на входе, он же выход. Ты пойдешь по кабинетам, будешь заглядывать в каждый, ни одного не пропускай. Ищи Сержа. Найдешь — запомни кабинет и позови меня. Не найдешь — возвращайся. Кабинетов в этом коридоре всего десять, из них один сортир. Там тоже посмотришь. Понял?

— Понял, — кивнул Бурундук. — Чего не понять? Девять кабинетов и один сортир. Надо найти, где засел Серж, гад такой. А бить его не надо? Хоть немножко?

— Пока нет. Иди.

Первый из кабинетов был закрыт. На двери косо висела бумажка с надписью: “Прием в каб. №9”. Бурундук не поленился сразу сходить в девятый кабинет, но там шел не прием, а ремонт. Две хорошенькие девушки — одна черненькая, другая рыженькая — белили потолок.

— Эй, братишка, перенеси стремянку! — смеясь, попросила Васю рыженькая.



Бурундук расцвел неполнозубой улыбкой, поиграл мускулами, легко переставил лесенку на указанное место, угостил девушек сигаретами и неохотно вернулся в коридор. С этим чертовым Сержем никакой личной жизни...

В кабинет с табличкой "Электролиз" Бурундук вошел опасливо, не прикасаясь к латунной дверной ручке во избежание предполагаемого удара током. Просто нажал плечом, тихо, так, что не проснулись ни две укрытые простынками дамочки на кушетках, ни бабка в белом халате, дремлющая на стуле за столом над амбарной книгой с записями. Не дыша, Вася заглянул в лица всем трем спящим красавицам, Сержа ни в одной не опознал и удалился.

В третьем кабинете его ждал сюрприз: там тесно общались парень в докторской шапочке и девица в тапочках. Из одежды на ней был только стетоскоп. Вася сконфуженно извинился, но его извинений, как и его вторжения, никто не заметил. Извиняться пришлось еще несколько раз, в различных кабинетах и перед разными людьми, среди которых Сержа не было.

Не было его и в туалете. Еще там не было света, поэтому потребовать место общего пользования по прямому назначению было трудно. Закрыв за собой дверь, Вася оказался в полной темноте, осваиваясь, чиркнул спичкой и увидел над унитазом красиво выполненную надпись: "Меткость — залог чистоты".

О чистоте пришлось вспомнить и в последнем, десятом, кабинете, где пациенты принимали грязевые ванны. Трое перепачканных, как трубочисты, мужиков отчаянно сопротивлялись желанию Васи рассмотреть их поближе и повернее, для чего Бурундук поочередно тянул обзриваемых под душ. В результате мужики отчасти отмылись, а Вася приблизительно в той же мере испачкался.

На тщательный осмотр всех помещений у него ушел примерно час.

Увидев наконец пятнистого, как конь в яблоках, Бурундука, Беримор коротко спросил:

— Где он?

— Искал. Не нашел. Нету! — лаконично отрапортовал Вася, пятнающий больничный линолеум грязными разводами.

Но Беримор сдаваться не собирался. Он круто повернулся, вновь поднялся в травматологию, постоял, осматриваясь, и нашел подходящего человека. Хорошенькая барышня-медсестричка благосклонно приняла хрустящую купюру и рассказала Беримору, где можно найти Сержа.

— Я всегда знал, что он шизик! — сказал Вася Бурундук. — А чё? Самое место ему в дурдоме!

"Шизик" Монте Уокер вышел в унылый садик, сел на свободную скамейку и погрузился в размышления. Думал он, разумеется, о побеге, причем мыслил конкретно и логично, что, впро-

чем, только подтверждало распространенное мнение о невероятной хитрости и изобретательности сумасшедших.

Что нужно для успешного побега? Конечно, дерзость и удача, но главное — тщательная подготовка. Во-первых, нормальная одежда и деньги. Их можно раздобыть, потому что где-то в здании есть комнаты персонала, личные вещи медиков, их сумки и кошельки. Во-вторых, нужно найти способ покинуть богоугодное заведение, желательно, без особого шума. Ну-ка, какая тут охрана?

Монте медленно озирался по сторонам, запоминая расположение объектов.

— Присматривай за ним, — кивнув в сторону выходящего в сквер окна, велел капитан Сидоров лейтенанту Филимонову. — Я сметаюсь на обед и обратно.

Время шло, сигнала к обеду всё не было, объект наблюдения спокойно сидел на скамье, поэтому лейтенант с разрешения дежурной сестры включил в холле телевизор и погрузился в просмотр увлекательного исторического фильма о борьбе американских коллег-полицейских с обнаглевшими бандитами. Древний "Рубин" с подсевшим кинескопом показывал не Бог весть как, но лейтенант прямо-таки приклеился к экрану. На взгляд Филимонова, главный мафиози, черноусый широкоплечий итальянец в шикарном костюме с огромными бриллиантовыми запонками здорово смахивал на полковника Лапокосова. Лейтенант с особым удовольствием предвкушал скорый и неминуемый конец мафиози.

В полном молчании Беримор и Бурундук покинули больницу, сели в машину и поехали по указанному адресу: Зеленая, 1.

Исторически так сложилось, что Зеленая, главная улица Екатеринодара, начиналась с дурдома. Было ли это оплошностью градостроителей или недосмотром градоначальников, нельзя уже в точности сказать, но что-то символическое в казусе угадывалось.

На подъезде к психиатричке тишину нарушил Беримор. Он тихо, но злобно прошипел: — Придурак!

— А то! — Вася Бурундук обернулся к хозяину с переднего пассажирского сиденья и убежденно кивнул.

Беримор посмотрел на подчиненного с ненавистью: "придурак" относилось именно к Васе.

— Это он от сковородки повредился, — продолжал между тем Бурундук. — Раньше-то вроде нормальный был, а после сковородки — того. Правильно говорят, все импортное вредно для русского организма. Небось, тефлон ихний для мозгов сильно отрицательный, вот Серж и свихнулся...

— Заткнись, — велел Беримор, устало закрывая глаза и думая, почему Серж оказался в психушке.

— Ты его видел? — еще раз уточнил он у Васи.

— Ну! — ответил Вася. — Ясно дело, видел. Точно, он — Серж.

— Он тебя узнал? — Беримор лихорадочно соображал.

— Да нет же, куда ему! Говорю, форменный псих: глаза бегают, лопочет, как обезьяна! Или тефлон его поломал, или врачи мозги выпарили — одно из двух.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Беримор.

Машина бесшумно въехала в переулочек, из которого открывался замечательный вид на глухую стену, окружавшую психушку. У стены топталась толстая баба в красной клеенчатой куртке с леопардовым воротником. Баба устанавливала новенькую блестящую стремянку. На земле прочно стояла клетчатая сумка с толстым рулоном афиш. Пяток таких больших афиш, зазывающих горожан на третье южно-российское байк-шоу, уже красовалось на стене.

— А ну-ка, давай попробуем объехать это заведение со всех сторон, — сказал Беримор водителю.

Машина тихо скользнула за угол.

— Всё, никого нет, — громко прошипела я из-за другого угла.

— Тащи куклу, — сипло пробасила Ирка, балансируя на стремянке и одновременно стягивая с себя жуткое красное одеяние.

— Смотри, не грохнись, — пробормотала я, приближаясь.

Под просторным плащом у меня на животе топорщилась сложной формы выпуклость. Резиновые куклы из секс-шопа, как выяснилось, норовят выскальзывать из рук — может, это и эротично, но крайне неудобно при транспортировке.

Ирка уже топталась на земле.

— Давай-давай. — Она нетерпеливо вырвала у меня сексапильную голяшку и проворно обрядила ее в свою красную куртку. — Во, белокурая bestия! С полчаса продержится.

Мы усадили гуттаперчевую девочку на нижнюю ступеньку стремянки, закрепили скотчем. Наверное, издали она и впрямь смахивала на даму, усталую до изумления.

— Ее по ту сторону стены сажать надо, — заметила я, содрогнувшись. — Впрочем, тебя тоже.

— Хватит болтать! — рявкнула Ирка. — Где пес?

Пес ожидал своего часа за углом, коротая время за предоставленным Иркой легким обедом: берцовая кость не то слона, не то бегемота. Не без труда оторвав Томку от трапезы, я приволокла его к Ирке, потыкала псу в морду пустым мешком из-под Монтика и толкнула животное вверх по стремянке. Том на удивление легко сиганул на стену и бесшумно канул вниз по другую ее сторону.

— Теперь ты, — сказала Ирка и, как гирию, выжала меня вверх одной правой.

Я перелетела через стену, едва коснувшись ее, и приземлилась аккуратно на Томку. Томка оказался достаточно мягок и упруг. Я быстренько отбежала на пару шагов, ожидая Иркиного

приземления — не хотелось попадаться ей под ноги. Ирка спрыгнула со стены — земля дрогнула.

— Ну, чего встали? Ищите Монтю. У нас полчаса, максимум.

— Том! Ищи! — скомандовала я.

Полной уверенности в том, что своенравная собака пойдет по следу, даже если возьмет его, у меня не было, но получилось! Пес рванул с места в галоп, дернув поводок, на другом конце которого была я.

Первую пару метров я проехала, как на водных лыжах, потом мои руки оказались вытянутыми далеко вперед, а ноги — далеко назад, и я покатила по сырой траве, как сани-волокуши. Следить за маршрутом я уже не могла: Томка стремительно лавировал между деревьями, а меня заносило, как второй прицепной вагон трамвая, в результате чего наше продвижение вперед — на мой взгляд, слишком быстрое, — сопровождалось однообразным и болезненным “Бум!”. Позади тяжеловозом топала Ирка, наступая мне на пятки в буквальном смысле. Скользящая трава сменялась крайне неудобным гравием, пару раз меня стукнуло о лавочку, потом подбросило в воздух и тут же прижало к земле неимоверной тяжестью.

— Перегрузки, — пробормотала я, видя впереди приплясывающие задние лапы овчарки.

Ирка, упавшая мне на спину, проползла по мне вперед, перехватила поводок выше моих сведенных судорогой рук и скатилась вбок. Одновременно, как в синхронном плавании, мы с ней встали на четвереньки и огляделись.

Поглядеть было на что. На расставленных по кругу парковых скамейках, поштучно и группами, сидели тихие люди с округленными глазами.

— Чего они вытаращились, как ненормальные? — не поворачивая головы, шепотом спросила Ирка.

— Ненормальные и есть, — так же шепотом ответила я. — Это же психи, идиотка!

Я гордо прошествовала к ближайшей скамейке. Сидящий на ней одинокий Монте поспешно поджал ноги.

— Гав! — громко сказала я, по всем правилам собачьего этикета протягивая ему лапу. И тихо добавила: — Ю ар дог, андестенд? Дог!

— Ват? — спросил он.

— Киловат! — шепотом рявкнула я. — Ай вонт ту сейв ю, андестенд? Ю ар дог, крейзи, квикли! Дог!

На физиономии Монте отразилось понимание.

— Гау? — с отчетливым англо-американским прононсом громко взлаял он.

— Гау ду ю ду. Давай же, комон! Пока не пришел ОМОН...

Умница Монтик медленно и неуверенно сполз с лавочки и встал на четвереньки. Томка забил хвостом, поднялся на ноги и лизнул нового собрата в ухо.

— Тяв-тяв! — игриво вымолвила Ирка, поворачиваясь к Монте полубоком.

— Значит, так, кобели и ...гм ...дамы! Слушай мою команду: сначала бегом, потом барьер, потом снова бегом, а там разберемся!

И мы всей стаей ринулись в обратном направлении. Том стену перемахнул, Монтик перебрался, ловко подтянувшись, меня снова подбросила Ирка. Чтобы вытащить ее саму, я опустила за стену стремянку, которую затем пришлось вытягивать. Возня с лестницей поглотила всё мое внимание, и от общей суеты остались фрагментарные воспоминания: как Ирка скручивала в тугой комок резиновую бабу, заталкивая ее в сумку с неиспользованными афишами; как я волокла за угол к машине всё ту же растопыряющуюся на ходу стремянку, между створками которой все время вклинивался Томка; как Ирка на пути к автомобилю с сумкой в руках пару раз немотивированно шлепалась на четвереньки.

Монте в этой кутерьме мы выпустили из виду — на три-четыре минуты, не больше, но этого оказалось достаточно. Когда, ревя мотором, наш четырехколесный друг вырвался из-за угла на оперативный простор, Монтика, оставленного под стеной, на месте не оказалось.

— Сперли мужика, — со злостью проговорила Ирка. — Вот блин! Так я и знала!

— Тогда будем искать, — примирительно заметила я.

Затолкав собаку на заднее сиденье и привычно прикрутив поводок к раме переднего кресла, я выпрямилась, оглядела окрестности и решила:

— Я направо, ты налево. Посмотрим в переулках, думаю, далеко он уйти не мог. Бегом!

На осмотр местности вблизи психиатрички ушло какое-то время. Когда я вернулась к машине, Ирка уже была там. Заглядывая на заднее сиденье, она что-то бормотала. Подойдя поближе, я услышала:

— Тю-тю-тю, хорошая собачка!

Беседовала она не с Томкой: рядом с моим псом устроилась еще одна, совершенно незнакомая овчарка.

— Откуда собачка? — едва отдышавшись, спросила я.

— Из лесу, вестимо! В смысле, из психушки!

— Да ну?!

— Ну да! Упала со стены и прямиком к нам в машину!

Это мне не понравилось: я боялась погони.

— Выгони ее из машины. Это наверняка служебная собака, милицейская. Что-то морда ее мне знакома, не иначе, попала в какой-нибудь оперативной съемке.

— Она не уходит!

— Тогда закрой дверцу, а сама садись вперед! Быстро!

Мы с Иркой разбежались по разные стороны автомобиля, заняли свободные от четвероногих места и поспешно покинули место своего неудачного преступления.

Полковник Лапокосов смотрел на унылый скверик с сырой опавшей листвой в окно приемного покоя. На влажных лавочках, покрытых несколькими слоями слезающей краски, сидели пасмурные личности идиотской наружности. Наружность не обманывала: личности действительно были идиотами, кретинами. Неофициально статус почетного идиота полковник Лапокосов именно в эти минуты самокритично присваивал себе. Секретного агента Шило, внедренного в окружение подозреваемого в антиправительственном заговоре мелкого провинциального дельца по кличке Беримор, сначала потерял из виду, а потом своевременно его не нашел именно он. За что и казнил сейчас себя и других. Полковник опоздал всего на четверть часа, но за это время Сидоров опять умудрился развернуть бурную деятельность.

— Показания очевидцев расходятся, — деликатно кашлянув, сказал лейтенант Филимонов. — Один из пяти свидетелей заявил, что пропавший был похищен инопланетянами киноидной расы, двое клянутся, что он оказался волком-оборотнем, четвертый очевидец конкретно ничего не сказал, потому что с тех самых пор повторяет одну только фразу — “аки пес смердячий”.

— А пятый? — Лапокосов неприязненным взглядом сверлил румяного лейтенанта в лазоревом халате.

— Пятый взялся показать, где прячется пропавший.

— И? — Полковник подался вперед.

— Привел меня в библиотеку. — Лейтенант вынул из кармана иллюстрированное издание “Маугли”.

— Идиоты, — злобно бросил Лапокосов.

— Что с них возьмешь, — поддакнул капитан Сидоров.

Полковник с трудом сдержался.

— Следы?

— По траве явно волокли тело. Собака тоже была — крупная, возможно, овчарка. А вообще эти чертовы психи метались, как ненормальные, и так там натоптали...

— Мы нашу собаку по следу пустили, Карменситу, — оживленно сообщил капитан Сидоров. — Это же не сука, а Шерлок Холмс в юбке! То есть, в ошейнике...

— И?

Сидоров пожал плечами.

— Взяла след, рванула через парк и как сиганула на стену — у кинолога руки разжались, поводок выпал... Карменситу до сих пор ищем...

Лапокосов зажмурился. Он, только он один был посвящен очень важными людьми в подробности темной истории с пропавшим компроматом. Организация и проведение тайной операции по обнаружению и максимально деликатному изъятию “информационной бомбы” была возложена Первыми лицами лично на него. Если агент Шило не выйдет на связь сам...

— Вы мне эту суку найдите, — жестко приказал полковник. — Живой найдите, слышите?

— Так точно. Да вы, товарищ полковник, не сомневайтесь — наши ребята за Карменситу и сами переживают. Любят ее, тварь такую...

Полковник Лапокосов поперхнулся, вытаращился на капитана, потом крепко зажмурился, глубоко вздохнул и мысленно досчитал до десяти. Сидоров и Филимонов напряглись. Полковник открыл глаза и матерно заорал — так громко, что с клена под окном враз облетели последние листья.

— Жрет, сволочь, — умиленно пробормотал Вася Бурундук, глядя на Сержа, поглощающего сложный салат.

Салат состоял из крабовых палочек, консервированной кукурузы, свежих огурцов, риса и майонеза, на вид являл собой густую разноцветную массу и ассоциативно назывался “Морская болезнь”. Псевдоаристократ Беримор уважал салат за дороговизну компонентов и пикантный вкус, ничуть не напоминающий макарены по-флотски, набившие оскомину во времена малообеспеченного детства. Экономка, хозяйничающая в трехэтажном Бериморовом особняке, не стремилась разнообразить гастрономические пристрастия хозяина, в результате чего дежурный ужин Беримора на данный момент состоял из “Морской болезни” и пива. И то, и другое в объемистой таре помещалось в холодильнике, пока Бурундук, исполняющий обязанности “прислуги-за-все”, сервировал стол. Сервировка в стиле примитивизма-авангардизма объединяла в едином порыве крахмальную скатерть с кружевной оторочкой, сервский фарфор, серебряные вилки, трехлитровую эмалированную кастрюлю с салатом и пластиковые бутылки с пивом “Очаковское специальное”. Кастрюлю Бурундук водрузил посередине стола — на равном расстоянии от Беримора и Сержа. Ни тот, ни другой до емкости дотянуться не могли, поэтому Вася с черпаком занимал пост у демаркационной линии.

— Добавки? — занося над кастрюлей черпак, спросил Бурундук у Сержа, поедающего салат.

Серж подумал и кивнул.

— Понимает ведь, сволочь, — не разжимая губ, прошептал Беримор, ковыряясь в тарелке.

Перед ним также стояла посуда с салатом, но он не ел, лепил из массы шарики, которые затем аккуратно выкладывал в вертикальную линию справа от себя. Бурундук, не принимавший в трапезе непосредственного участия, посматривал на рукоделие хозяина с интересом: за 15 минут шеф скатал 15 шариков. При такой скорости до того конца четырехметрового стола, у которого находился Серж, гирлянда дотянулась бы за 45 минут. Но считал Вася плохо.

— А может, он онемел? — предположил Бурундук, живо сопереживающий хозяину. — Может, язык откусил?

Серж слизнул с нижней губы майонезную каплю. Язык функционировал исправно.

— Не, не откусил, — с сожалением заметил Бурундук.

Беримор еле слышно вздохнул. Причины молчания Сержа он решительно не понимал, хотя всё больше убеждался в том, что таковые должны существовать. Расспросы, уговоры, обещания не дали результата — Серж решительно отказывался вступать в контакт. С того самого момента, как Вася Бурундук подхватил его у стены психушки и запихнул на заднее сиденье “бээмвухи”, Серж не проронил ни слова. Беримор, поначалу возблагодаривший Господа и лично доктора Пиктусова за редкостную удачу — имелось в виду возвращение блудного Сержа, — успел проникнуться мыслью, что всё это не к добру. В том, что это не подстава, недоверчивого Беримора убеждало только одно — усердие, с которым местная милиция разыскивала Сержа: последние три часа по всем местным телеканалам объявляли о поиске беглеца с приметами Сержа.

— Поест — отведешь его в бильярдную, — приказал Беримор Васе.

— А он чё, умеет? — оживился Бурундук.

Глаза шефа яростно сверкнули.

— Запрещь его там! А сам сядешь за дверью и будешь стечь! — Беримор встал, отпихнув стул. Массивные ножки со скрежетом проехали по дорожному паркету.

Вася с огорчением посмотрел на царапины.

— Не бережете вы имущество. Хороший паркет, сорок баксов за квадрат...

— Заткнись, — отозвался Беримор, вытирая руки красным бархатом портьеры.

Он в очередной раз посмотрел на свежий шрам на ладони, потом уставился в окно: по улице нервными прыжками двигался автомобиль с бабой за рулем. Где-то недалеко взвыла ментовская сирена — ничего удивительного: сумасшедшая баба скакала по улице с односторонним движением навстречу транспортному потоку.

— Счас ее гаишники сцапают! — радостно произнес Бурундук, с одного взгляда оценив ситуацию.

— ГИБДД, — машинально поправил Беримор.

Сирена меня нервировала, и это отрицательно сказывалось на моем водительском мастерстве.

— Допрыгались! — сказала я, оглядываясь назад — в зеркальце заднего вида апокалипсис виден был не полностью.

Счастливо избежавшие столкновения с нами автомобили переживали дежавю с патрульной машиной ГИБДД.

— Вперед смотри, дура! — заорала Ирка, вжимаясь в спинку сиденья.

Я посмотрела вперед — как раз вовремя, чтобы свернуть с пути КамАЗа.



— Кто ему разрешил по городу ездить? — возмутилась я. — Он же правила нарушает!

— О Господи! — простонала Ирка, снова влилая лопатками в спинку кресла. Что-то угрожающе скрипнуло.

— Тише, ты, собак придавишь.

— Собаки ее беспокоят! — всплеснула руками Ирка, сбив своей левой рукой мою правую с рычага переключения скоростей.

В поворот мы влетели на двух правых колесах. На заднем сиденье одна на другую повалились собаки.

— А которая наша? — обернувшись на шум, спросила Ирка.

Хорошо, что обернулась, а то пилила бы меня за проезд на красный свет!

— Которая в штатском, — ответила я, добавляя газу: патрулька нервно подпрыгивала на месте, пропуская вереницу школьников. Расстояние между нами увеличивалось с каждой секундой.

— Ты что, думаешь, у другой на ошейнике погоны? — живо заинтересовалась Ирка.

— Ты только шупать не вздумай, — предупредила я. — Нам еще собачьих укусов не хватает!

— Лен, я серьезно спрашиваю, которая псина наша?

— Голос! — крикнула я.

— Гав! — рявкнула собака.

— Та, что промолчала — наша! Томка и дрессура — две вещи несовместные...

— Притормози! — велела Ирка.

Я послушно ударила по педали тормоза, опустив промежуточные действия вроде переключения на нейтралку и телодвижений со сцеплением. Громко завизжали тормоза, значительно тише — чужая овчарка, выброшенная могучей Иркиной дланью на газон. Не ушиблась? Нет, бежит за нами.

— Гони!

Я снова взяла разбег.

— Ты думаешь, она найдет свою казарму? — спросила сердобольная Ирка, оглядываясь на отставшую собаку.

— Шутишь?

— А нас она не найдет?

— Наверное, может. Хотя, если мы еще часок погоняем по городу, никакая собака нас не найдет. Она сдохнет раньше, от старости. Мы уже километров сорок по улицам накрутили...

— А гаишники где? — Ирка высунулась в окно, негромко выругалась и поспешно втянула голову в салон. — Дождь пошел!

— И это хорошо, — кивнула я. — Видимость снижается. Патрулька отстала, номера у нас в грязи по самый багажник, я сама замазывала, теперь только от улик избавиться — и можно считать, отделались легким испугом! Знаешь, сколько в городе белых “Жигулей”?

Мы повернули в сторону от густонаселенного “спального” района и через пять минут спокойно съехали на проселок.

— У канала притормози, — напомнила Ирка.

Поравнявшись с камышами, я остановила машину. Быстро темнело, гравийная дорога была пуста, в обе стороны — ни души, если не считать припустившего к дому Томку. Ирка, кряхтя, выбралась из машины, открыла багажник и достала из него стремянку, клетчатую сумку с рулоном афиш и резиновую барышню.

— Сумку жалко. И потом, какая она улика? Таких сумок у нас в стране — по дюжине на душу населения!

— Возьми мешок.

— Это же единственная память о Монтике! — Ирка вздохнула и решила. — Ладно!

Она взвесила в руках рулон афиш и сунула его в мешок.

— Зачем афиши-то? — вяло поинтересовалась я.

— Это тоже улика, — объяснила Ирка, заталкивая в мешок с афишами скомканную резиновую бабу.

— Воздух спустила бы. Она же всплывет!

— Не всплывет, бумаженции тяжелые, как гири! И вот я еще камешек туда положу. — Ирка взвалила мешок на спину и скрылась в камышах. Прибежавший из темноты Том толкнул меня под колени.

— История, чтоб ты знал, — назидательно обратилась я к собаке, — развивается по спирали!

Что-то подсказывало мне, что этот виток — не последний.

В особняке Беримора не спали.

— Вот. — Бурундук водрузил на стол перед хозяином обувную коробку. На картонной крышке было написано Adidas, но надпись коварно обманывала: в коробку Вася свалил разное барахло, вытряхнутое в свое время из карманов оглоушенного Сержа. — Хорошо, что я сразу не выбросил! Подумал — надо сначала от самого Сержа избавиться, а уж потом от его шмоток.

— Ты умеешь думать? — вяло удивился Беримор.

— А то! — ответил Вася, не обижаясь. Ясное дело, шеф озабочен, собирается в заграничную поездку. Как бы чего не забыть!

— Шубу возьмете? — спросил он. — Или дубленку? Если возьмете, я упакую, не на себе же тащить. У нас сегодня плюс двадцать, а в Гренландии этой, наверное, холодно...

— В Ларнаке, — поправил Беримор. — Не надо шубы, Вася. Вообще ничего не надо, всё там куплю. Не хочу брать багаж.

Шеф побарабанил пальцами по подлокотнику кресла, потер висок. А Серж — это не багаж? Станный Серж, упорно не желающий говорить по-русски, называющий себя “Монте” и часами гоняющий по видею старые кассеты со штатовскими фильмами. Озвучка там плохая, переводчик гундосый, как это Серж понимает, что к чему?

— На квартире у него был?

Вася кивнул.

— Был. Ключи его как раз у меня в коробке этой... Паспорт нашел. Загранпаспорт тоже. Деньги нашел — баксы. В конфетной коробке лежали, в баре. Я их не тронул. Так и лежат.

— Сколько? — Беримор поднял глаза на Бурундука.

— Две тыщи девятьсот. — Вася потупился, толстые щеки медленно побагровели.

Понятно, сотню взял, не удержался.

Беримор снова забарабанил пальцами по подлокотнику. Станный Серж, странный...

— Ух ты, собачка! — умильно проговорил офицер таможенной службы, протягивая руку к лохматой голове Дона.

Дон звонко лягнул зубами, и ладонь таможенника проворно вспорхнула вверх.

— Он очень нервничает, — извиняющимся тоном объяснила Тил и незаметно пнула Дона лаковой туфлей.

Невнятное ругательство Дона было принято за рычание.

Согласиться на оскорбительное предложение отправиться за море в образе нелепого пса Дона заставил лишь один неопровержимый аргумент: иностранец человеческого роду-племени вряд ли мог бесследно потеряться в российском порту. А с собаки какой спрос? Убежала — и всё тут!

— Сами понимаете, в море он впервые! — Тил пыталась объяснить очевидную нервозность "пса".

— Может быть, стоило оставить его дома? — предположил офицер, недружелюбно глядя на Дона.

— Что вы, ведь из-за него-то мы и плывем: отправляемся на международную выставку собак редких пород! Приходится плыть, потому что самолетов он боится...

— Да? — Таможенник с оскорбительным сомнением оглядел Дона. — И что, рассчитываете на успех?

Дон ответил глухим ворчанием: ишь, знаток и ценитель бирс-догов! Он был не в восторге от своей новой внешности, но знал, что работа сделана на совесть: распорки, прокладки, зубной протез, роскошная синтетическая шкура, зарощенная по шву так, словно Дон в ней родился. Он яростно почесался: блохи первыми признали его настоящей собакой.

Между тем Тил напропалую кокетничала с офицером, заметно косящимся на ее стройные ножки в тонких чулках. Испытывая сильное желание пощупать эти ноги — а заодно уж и офицерские! — своими новыми бирсдожьими зубами, Дон молча распахнул пасть и многозначительно помахал в воздухе алым языком: красный свет, приятель! Не надо заигрывать с этой дамой!

— Он у вас мальчик — или? — игриво осведомился таможенник, вручая Тил ее документы.

— Никаких или! — решительно ответила Тил. — Самый что ни на есть!

И на том спасибо, подумал Дон, признательно лизнул руку Тил и потрусил за ней по трапу.

Рано утром я позвонила в ГУВД и договорилась с ребятами из пресс-службы, что они сообщат мне, если найдется парень, о поисках которого накануне оповещали все местные телеканалы, включая наш. Потом забежала к Ирке, чтобы сказать ей об этом.

При моем появлении подруга отложила карандаш и двумя руками подняла альбомный лист с рисунком: поле, в левом нижнем углу — корявая фигурка “в стиле сеятеля”.

— Кто это? Что это? Эта... Этот...

— Ты его знаешь, — пробурчала Ирка, придвигая к себе чистый альбомный лист.

— Свят, свят, свят! Нету у меня таких знакомых! Нет, нет, не была, не имела, не привлекалась!

— Монтик это. — Ирка обильно слюнявила карандаш.

— А зачем тебе его рисовать? — Я с интересом посмотрела, что она старательно выводит на новом листе: два разновеликих ока с отчетливым косоглазием.

— Чтобы сделать и расклеить листовки с портретом. Как иначе мы его найдем?

Я задумалась.

— А разве ты не сфотографировала Монтика в больнице?

Ирка взвилась с табурета, едва не перевернув кухонный стол. На пол полетел раскрытый альбом, а уже на него — полный заварочный чайник, сахарница, солонка и перечница. Сам собой получился шедевр абстрактной живописи.

— Ленка, ты гений! — прогремело с высоты.

— Я гений, а ты лошадь, — проворчала я. — Отодвинься, мешаешь убирать!

Ирка сорвалась с места, метнулась в комнату. Я прибрала в кухне, придвинула к себе альбом и взяла карандаш: пока подруга бежит за снимком, напишу текст листовки.

Ирка обернулась за пять минут, я управилась за десять.

Спустя полчаса мы вломились в контору, предлагающую по сходной цене воспользоваться услугами ксерокса, а еще через час вышли оттуда с пачкой листовок с фотографией Монте. Качество снимка оставляло желать лучшего, хотя композиционное решение казалось мне удачным: больничная койка крупным планом, Монте взят по пояс — сверху в бинтах, снизу в апельсинах, выражение лица идиотское. В целом фотография не оставляла сомнений в том, что изображенного на ней гражданина кто-то непременно должен искать — если не оперативники, то санитары.

Поэтому для начала мы прилепили свою листовку на стенд “Их разыскивает милиция” у здания УВД города. Пока я стара-

тельно разглаживала печатный лист, Ирка с интересом разглядывала черно-белые снимки преступников и пропавших граждан: и те, и другие выглядели одинаково пугающе. Благообразный Монтик в этой криминальной тусовке выделялся, как розан среди крапивы.

— Смотри, — вдруг всплеснула руками Ирка. — Это она!

— Тебя и женщины интересуют? — удивилась я, всё еще помня наше с Иркой посещение магазина интимных товаров.

— Какие женщины? Сюда смотри, язва! — рассердилась Ирка. — Тебе эта морда никого не напоминает?

Я посмотрела на стенд:

— Эта морда напоминает мне Томку.

— Вот именно! А еще она напоминает мне ту псину, которая каталась с нами в машине! Овчарку из психушки!

— Выходит, она так и не нашлась!

На закрытые стенды с объявлениями о купле-продаже недвижимости поместить нашу листовку оказалось непросто. Застекленная верхняя рама, удерживаемая амбарным замком, не откидывалась, поэтому могучая Ирка приподняла ее, сколько позволял замок, а я тонкой рейкой просунула в образовавшуюся щель намазанное клеем объявление. Бумага комкалась, и сморщенный Монтик на снимке приобрел пугающий вид.

На работу я заглянула ближе к обеду, и как раз вовремя: коллеги из пресс-службы ГУВД кое-что нарыли.

Приняв телефонограмму, я перезвонила на сотовый Ирке и глубоко задумалась.

Полковник Лапокосов получил интересующее его сообщение несколько раньше. Поскольку ни раздражения, ни нетерпения он не скрывал, капитан Сидоров, докладывая, подбирал выражения очень осторожно.

— Нашли. Улетели. Оба. Утром. В Ларнаку. На Кипр.

Полковник опасно багровел. Лейтенант Филимонов осторожно попытался к двери, уходя с линии огня.

— Первое: заказать два билета на ближайший рейс в Ларнаку. Второе: дом и контору Никонова-Беримора обыскать сверху донизу. Искать бумаги, фотоснимки и пленки, дискеты, кассеты... эти, как их... — полковник раздраженно пошевелил пальцами.

— Лазерные диски, минидиски, пленки для стриммера, — зачастил Филимонов.

— И все это принести мне! — оборвал подчиненного полковник.

С самолетом возникли проблемы: выяснилось, что из екатеринодарского аэропорта можно улететь на Кипр только в воскресенье. Из Новороссийского морского порта отбыть в Лимассол на пассажирском судне "Вера" — в пятницу, что полковника никак не устраивало. На круиз по Черному и Средиземному морям у

сыщиков не было времени. Зато из соседнего Ростова можно было отправиться в Ларнаку во вторник утром. Скрепя сердце, полковник Лапокосов принял последний вариант.

Узнав, что Монтик улетел на Кипр, Ирка прискакала ко мне на работу, сломила сопротивление охраны, пустила корни в гостевой диван и заставила меня направить усилия в нужном ей направлении. Очевидно, помимо меня, подруге помогал Бог: как ни странно, поездку удалось устроить без особых хлопот и затрат.

Зная по опыту, что справочной службе “Екатеринодарских авиалиний” безоговорочно доверять нельзя, я прозвонила в парутройку знакомых турфирм и узнала, что во вторник агентство “В добрый путь!” запускает пробный рейс — чартер на Кипр. Организаторы проекта нуждались в рекламе, и договориться с ними труда не составило. Остаток дня прошел в сборах и приготовлениях.

...Утро следующего дня застало над Средиземноморьем в разных самолетах меня с Иркой и Лапокосова с Сидоровым — парно. А также одинокого Монте Уокера: единственный из нас, он не прибывал на гостеприимный остров Кипр, а покидал его; но об этом тогда не знал никто, кроме Беримора.

Он проводил Сержа, с неудовольствием отметив, что тот чертовски не вписывается в общую толпу пассажиров: французским рейсом летели хорошо ухоженные жизнерадостные старушки в пестрых маечках и шортиках веселеньких расцветочек. Неулыбчивый Серж в строгом светло-сером костюме и без багажа смотрелся штатным сотрудником дома престарелых на выезде.

Беримор с каменным лицом отследил взлет авиалайнера “Эйр Франс” и уже в такси по пути в отель расслабился, позволив себе обдумать ситуацию неторопливо и спокойно. До сих пор это ему решительно не удавалось, и последние действия Беримора напоминали бег испугнутого зайца по картофельному полю.

Но ведь, действительно, достаточно бегло ознакомиться с содержанием присланной покойным Димочкой дискеты, чтобы потерять покой и сон! Сейчас, когда проклятая дискета удалялась все дальше, Беримор мог рассуждать трезво. И так, ситуация выглядела следующим образом: посылочку свою Шустрик отправил незадолго до смерти — стало быть, помер не случайно. А почему Беримору послал? Потому что тот — мелкая сошка, провинциальный бизнесмен, кто его заподозрит в интригах против сильных мира сего? Впрочем, могли и заподозрить — тогда Серж в самом деле был подсадным...

Беримор слабо улыбнулся: ему явно повезло, большое спасибо доктору Пиктусову. Кем бы ни был Серж, похоже, сам он, Беримор, из опасного положения выкрутился. Теперь одно из двух:

либо дискета с компроматом через предполагаемого агента вернется к тем, кто ее ищет, либо погоня пойдет дальше уже по следу Сержа.

Мы увидели море около полудня. Средиземное ли оно, я не знала, на нем не написано, но синела вода как-то особенно по-южному.

— Ясно, — сказала Ирка, обозрев просторное небо.

— Ясно! — согласилась я, думая о другом. — Ясно мне, что дуры мы с тобой, обе.

— Ничего себе дуры! — Ирка возмутилась. — Листовки с портретом Монтика сделать додумались? Додумались. И даже расклеили. Зря, по-твоему?

— Не зря, — согласилась я.

Поздно ночью позвонила Иркина институтская подруга, ныне тоже челночница — говорю же, политехническое образование располагает к коммерции! Подруга, уже будучи при торговле, вышла замуж по расчету, для пользы дела, за парня, работающего на таможенном контроле в аэропорту. Так вот, выяснилось, что ее муж видел и нашу листовку, и — чуть раньше — Монте. Запомнил же его потому, что багажа у него не было, а еще Монте был “похож на зомби”, то есть — пассивен, бездеятелен и влеком исключительно волей своего сопровождающего. Личность сопровождающего осталась невыясненной.

В салоне самолета было пусто. Турбюро “В добрый путь!” запустило свой самолет назло врагам-конкурентам, но пассажиров не набралось и дюжины. Это считая с нами: я, Ирка и Женя летели на Кипр и обратно бесплатно, как съемочная группа. В наши задачи входило по возвращении сделать рекламный фильм всё тому же турбюро. Работа не пыльная, даже приятная: лететь в октябре в Ларнаку совсем не то же самое, что в феврале в Воркуту. Опять же, компания подобралась хорошая: я — тележурналист, Женя — оператор, Ирка, правда, нужна была нам как рыба пятое колесо, но она добилась своего включения в группу лестью, подкупом и угрозами.

— Красота-то какая! — Я засмотрелась в иллюминатор на кремово-белую пену облаков.

— Похоже на сбежавшее молоко, — угрюмо пробормотала разбуженная Ирка.

— Где, где молоко? А кушать нам дадут? — спросил Женя, снимая камеру с плеча.

— Кто не работает, тот не ест! Снимай-снимай, — распорядилась я.

— Слушай, сколько можно снимать из иллюминатора? — удивился Женя. — Зачем тебе столько аэросъемок? Будешь составлять шпионские карты заграничной местности?

— Какой шпионаж, Женечка? — испуганно вздрогнув, фальшиво улыбнулась Ирка.

— Ладно, ты прав, хватит мне средиземноморских видов. Давай, Женя, сними побольше деталей в салоне, крупнячков хороших: вон фуражечка лежит с кокардочкой, вон дядечка летчик спит — ручку за головку закинул, часики со стрелочками видны, вон тетечка стюардесска в спасжилетик пакуется...

На стюардеску Женя отреагировал моментально, двинулся по проходу поближе к объекту съемок.

— Ну? Какой у нас план? — дождавшись, пока он отойдет подальше, вполголоса требовательно спросила Ирка.

— Ты меня спрашиваешь? — Я искренне удивилась. — Ты же говорила — всё схвачено?

— Монтик не схвачен, — вздохнула Ирка. — А в остальном всё готово: фотография Монтика у нас есть, будем показывать, расспрашивать, как-нибудь найдем.

— Ира, — в сотый раз напомнила я. — У нас на всё-про всё будет три часа. И потом — о какой фотографии ты говоришь?

— Ну как же, ты что, забыла? О той самой, больничной.

— Посмотрев на этот снимок, люди будут думать, что он из психушки сбежал!

— А что, разве не сбежал? — резонно заметила Ирка. — Главное — не завираться. У нас всё честно: Монтик из клиники сбежал? Сбежал! Близкие его ищут? Ищут! А вот и справочка из психушки о беглом идиоте — для тех, кому документ нужен.

— А ты молодец, — признала я. — Вот только какие-то такие близкие его ищут?

— Мы с тобой, дура! Я — его невеста, а ты свидетель со стороны невесты.

— Кто свидетель? Что случилось? — Оживленный Женя рухнул в кресло через проход от меня.

— Девушка, — обратилась я к проходящей мимо бортпроводнице. — А нельзя ли прямо сейчас выдать этому молодому человеку обед? Желательно, двойную порцию?

— Да хоть тройную, — легко согласилась девушка. — Всё равно есть некому!

Ирка вдруг тяжело перекосилась к проходу, одновременно вытягивая шею. Мучительно скрипнул подлокотник.

— Ирка! Что с тобой? Тебе плохо? — Я испугалась: вдруг она рухнет с сердечным приступом от волнений и переживаний!

— Мне хорошо, — радостно сказала Ирка. — Смотри!

Она ткнула меня локтем под ребро, я вытянулась рядом, и мы посмотрели на бортпроводницу.

— У нее фигура совсем как у меня. А знаешь, а ведь я в детстве мечтала стать стюардессой... Подумать только: если бы Сашка Компанийцев в третьем классе не сказал, что на борт самолета меня могут взять только в качестве бомбового груза, я могла бы сейчас быть на месте этой красотки! И как это я раньше не заметила сходства наших фигур!



— Раньше ты и не могла его заметить, — сказала я. — Раньше особого сходства и не было. Надувной жилет она надела только что.

Ирка подслеповато прищурилась:

— Ты про это оранжевое? Разве это не водолазка?

— В каком-то смысле водолазка, — пожалала плечами я. — Если самолет рухнет в море, в воду мы полезем именно в таких.

— Мы что, падаем? — В проходе возник Женя. — Натоцк?!?

Я устало закрыла глаза, стискивая зубы, чтобы не зарычать. Боже, избавь меня от этих идиотов!

Рядом завозилась Ирка, пытаюсь пристроить на животе маленький откидной столик — столик сопротивлялся, не желая устанавливаться под углом.

— Ленка, помоги! Какая-то дурацкая конструкция, никак не откидывается, — позвала подруга.

— Это потому, что кто-то слишком много ест, — бестактно заявил Женя, принимая у стюардессы сразу два судочка с обедом.

Я тяжело вздохнула. Надежды на избавление не было. Если вдуматься, дальше должно было быть только хуже: в компании двух психов я летела на поиски третьего. Испытывая при этом сильнейшие сомнения в собственной нормальности.

Борт из Ростова благополучно сел в прокаленной солнцем Ларнаке двумя часами раньше.

— Дас из фантастиш! — радостно произнес капитан Сидоров, высовывая голову в окошко. Идущий впереди автобус загоразживал ему обзор.

Водитель-киприот ответил что-то по-английски. Сидоров, не оборачиваясь, отмахнулся.

Полковник Лапокосов хмуро молчал, как никогда раньше, жалея о незнании им иностранных языков.

Водитель постепенно сбросил скорость.

— Не тормозите, — попросил Лапокосов. — Мы спешим.

— Ват? — непонимающе обернулся киприот.

— Кроват! — весело срифмовал довольный неожиданной заграничной поездкой капитан.

— Быстрее! — рявкнул Лапокосов.

Сидоров подтянулся.

— Цигель, цигель, ай-лю-лю, — перевел он водителю. — Бистро-бистро!

— О, бистро! — кивнул киприот, сворачивая к тротуару.

— Куда это мы? — полковник выглянул в окошко.

На тротуаре под яркими зонтами толпились белые столики уличного кафе. Справа призывно сияла надпись: *Bistro*.

Водитель приветливо улыбнулся, жестами указывая Лапокосову в направлении кафе.

— Уно кретино! — взорвался полковник, неожиданно обнаружив, что может достаточно свободно изъясняться по-сидоровски. — Нон бистро! Форвард! “Палм-Бич”, айн-цвай-драй! Темпо!

Сверкнув зубами в улыбке, водитель разразился длинной тирадой на родном языке.

— Мама миа, — устало сказал Лапокосов. Филологические упражнения вызывали у него неприятное щекощущее ощущение под черепной коробкой: как-будто там зашевелилось потревоженное насекомое. Еще немного — и оно выберется наружу...

— Престо, престо! — машинально произнес полковник по-итальянски, едва водитель чуть сбросил скорость.

— Где это вы, товарищ полковник, так по-французски шп्रेхатъ научились? — с уважением спросил капитан.

— Ин Москоу, — ответил Лапокосов. — В академии как раз французский изучал.

— Да, всё-таки наше образование самое лучшее в мире! — глубокомысленно кивнув, подытожил Сидоров.

Беримор, облаченный в белые шорты и пеструю рубаху, сидел под пальмой и уныло размышлял о тщете всего сущего. К его голым ногам катило волны Средиземное море, над головой, давая кружевную тень, нависало перо раскидистой пальмы, пальцы правой руки холодил запотевший бокал.

“Кто это придумал, что Кипр — рай на земле? — думал Беримор. — Те, кто мечтает о нем, не имея шансов увидеть!”

Он машинально отхлебнул из бокала, едва заметно поморщился и с неудовольствием оглянулся на близкий отель: бармену за такую смесь руки бы оторвать!

На террасе между яркими полосатыми шезлонгами появились трое — группа привлекла внимание Беримора. Невысокую крепкую блондинку он уже знал — Оля, студентка из России, в отеле — менеджер по увеселениям или что-то в этом роде. Девушка что-то говорила, рядом с ней, внимательно слушая, стояли два мужика — тоже, несомненно, русские. Всем своим помятым совковым видом мужики навевали сладостные воспоминания о полузабытых за давностью лет вдумчивых посиделках с картишками или домино где-то в гараже, под боком не “бээмвухи”, а какого-нибудь “Москвича-412”. Беримор сглотнул, почувствовав во рту вкус мятого соленого огурца, и растроганно улыбнулся незнакомцам. Блондинка Оля помахала ему рукой.

Улыбку мужики оценили правильно: оставили девушку и зашагали к Беримору.

— Здорово, земляки!

Не ответив, мужики стремительно надвинулись, и первый из них до боли родным, таким русским движением пьяного грузчика сгреб Беримора за воротник.

— Колись, сволочь! Куда дискету девал? — рывкнул земляк.

Разнежившийся под солнышком, уверовавший в свою безнаказанность Беримор не был готов к тому, что его потребуют к ответу, а потому и не думал запираяться. Несчастный Серж был продан с потрохами. С точки зрения Беримора — ничтожная цена за его собственное спокойствие, безопасность и благополучие. Зато пугающая парочка, получив нужную информацию, исчезла так же быстро, как и появилась, заодно излечив Беримора от ностальгии: на Родину ему больше совсем не хотелось! Даже водка вызывала аллергию!

Стуча зубами о край бокала, он подвел итог: в далекой России его никто не ждал, хилым провинциальным бизнесом можно было пожертвовать, а особняк, дачу, машину и домашний хлам продать через посредника, не покидая теплого острова. В швейцарском банке у Беримора был счет, не бешеные деньги, конечно, но сумма вполне приличная, позволяющая осесть на постоянное жительство где-нибудь в Германии, в симпатичном маленьком городке. Или лучше во Франции, на Лазурном берегу, скромно и со вкусом?

— Я подумаю об этом завтра, — уже улыбаясь, процитировал начитанный Беримор.

Увы, завтрашнего дня у него не было — это поняла бы любая малограмотная гадалка, едва посмотрев на кущую линию жизни на ладони, согревающей бокал.

Мурлыча что-то бравурное, он отсалютовал бокалом своей судьбе, сделал большой глоток, маленькая маринованная луковка застряла у него в горле и уже через несколько весьма мучительных для Беримора минут поставила жирную точку в той части нашей истории, которая была связана с Сергеем Петровичем Никоновым. Трагическая случайность, огорчившая только администрацию отеля — и то лишь с наступлением вечера, когда брэнное тело безвременно усопшего обнаружил служитель, собиравший шезлонги.

В накопителе аэропорта Ларнаки было шумно и многолюдно. Иностранцы проходили досмотр быстро, без задержек, россияне почему-то сначала сбивали в кучу и долго мариновали, выясняя все возможные обстоятельства. Туристы принимали задержку как должное, никто не возмущался, не рвался за турникет. Наше трио — я, Ирка и Женя — совсем другое дело: мы спешили!

Поскольку Ирка и средних размеров носорог обладают примерно одинаковой пробивной силой, сквозь толпу прибывших перед нами французских туристов подруга пролетела, оставив за собой широкий коридор.

— Пардон, мадам... Пардон, месье, — бормотали мы с Женей, топоча вслед за Иркой.

— Пошли, — сурово скомандовала она, устремляясь в глубь здания аэровокзала.

— Куда?

— Обойдем отели. Будем спрашивать. Искать.

Я остановилась.

— Ты представляешь, сколько на Кипре отелей, пансионатов, вилл? В Ларнаке, в Лимассоле, где-то еще?

— Все равно. Должны же они где-то поселиться.

Она была права: на Кипре невозможно отдыхать “дикарем”. Российские туристы либо прилетают, заранее забронировав себе места в отелях через турагентства, либо решают вопрос расселения прямо в аэропорту, еще до прохода через контроль. Иначе подозрительные киприоты, оберегающие свой рынок труда от вторжения извне, их просто не пропустят.

— Ира, ты гений! Женя, расчехляй камеру, снимай аэропорт, людей, прилавки — всё, что разрешат. Ирка, за мной!

Мы знали, когда и каким рейсом Монтик с неким господином Никоновым прибыли на Кипр. Путевок у них не было. Значит, мы сможем узнать, где они остановились, если такого рода информация архивируется и если усатый дядя в окошке с соответствующей надписью пожелает нам помочь.

— Хэлло. — Я улыбнулась упомянутому дяде обворожительно, а Ирка — грозно.

Насколько смогла, я сформулировала интересующий нас вопрос, вырвала из Иркиной руки пугающее фото перебинтованного Монтика с апельсинами и протянула его усатому дяде. Снимок он не принял, ничего не ответил, смотрел вопросительно.

— Слушай, что ему еще сказать? — зашептала я. — Что Монтик беглый псих?

— Бестолочь. — Ирка грубо отпихнула меня от окошка. Снимок снова переключался к ней. Настойчиво демонстрируя его служащему, она сказала с жутким акцентом: — Хазбенд!

— Смотрю, ты начала учить английский с главного, — одобрила я и подхватила тему, развивая ее на ходу и потому путаясь в грамматике: — Хё хазбенд. Хи из ран... виз хиз френд. Бойфренд!

— Блю, — с чувством добавила внимательно прислушивающаяся Ирка.

Усач неожиданно оживился.

— Блэ, сук, мат! — понимающе кивая, заговорил он.

— Ира, он думает, ты ругаешься, — зашептала я.

— Конечно, ругаюсь, как не ругаться, если мой муж сбежал с голубым дружкой! — Ирка вошла в образ.

Усач перевел взгляд с меня на Ирку, с Ирки на фотографию. Я отметила, что на Монтика он явно засмотрелся. Надеюсь, сам-то он нормальной ориентации, а то в этих широтах запросто можно промахнуться. А может, просто пытается определить, какого сорта апельсина? Кажется, здесь это вполне традиционная сельскохозяйственная культура. Или я что-то путаю?

— Кто блю, кто нет — неважно, наплюем на колористику. Давай грин! — отодвинув в сторону несвоевременные мысли об апельсинах, шепнула я Ирке. — За сотню баксов он всё средиземноморье для нас прочешет!

Ирка, когда хочет, бывает и сообразительной, и проворной, деньги возникли ниоткуда и ушли в никуда: усач мгновенно спрятал кредитку.

— “Палм-бич”.

Меня качнуло: Ирка стартовала, даже не сказав “спасибо”.

Я устремилась в погоню.

— Ты куда? — удивился Женя.

— За хот-догами! Тебе без горчицы, помню. Работай, я скоро!

Женя удовлетворенно кивнул и вновь водрузил на плечо видеокамеру. Стало быть, что-то, а свои обязательства перед бюро мы выполним!

Я пролетела через раздвижные стеклянные двери, увидела погружающуюся в такси Ирку и заорала:

— Такси, такси!

У моих ног резко затормозило что-то красивое, серебристо-синее. Господи, джип! Перегнувшись через пассажирское сиденье, ко мне склонил розовое новорусское лицо хорошо откормленный мальчик.

— Ты чё орешь, сестренка? — дружелюбно спросил мордастик. — Подвезти, что ли? Тебе куда, блин?

— Туда, блин, — ляпнула я, забираясь на сиденье. — Отель “Палм-Бич”. Подбросишь?

— Легко, — ответил братишка, прижимая обувью в шлепанец ногой педаль газа.

Дорога, обсаженная длинношеими пальмами, как у нас в Екатеринодаре тополями, влилась в город. Коттеджи сменились магазинчиками, кафе, красивыми зданиями. Все без исключения окна сияли, как зеркала! Кто их, интересно, моет? Кто стрижет газоны и ухаживает за цветами? Ни одного трудового человека не выдать, кругом одни загорелые лодыри!

— Вон твой “Палм-Бич”. Так себе хаза, между прочим. У меня круче...

— Останови!

Я выскочила из машины и заторопилась к большому красивому отелю.

У бассейна с неестественно голубой водой Ирки не было, в самом бассейне тоже, матерчатые шезлонги я даже не осматривала — ни один ее не выдержал бы. Впереди расстилалось море. Не утопилась, надеюсь? На узкой полоске пляжа несколько мелких пальм, группа декоративных камней...

Один из валунов тяжело шевельнулся и шумно вздохнул, спугнув чайку.

— Ирка! Не прикидывайся колодой, я тебя узнала! — крикнула я, спускаясь с мраморных ступенек на гальку.

— Я тоже узнала... — тоскливо сказала Ирка, шмыгнув носом.

Я сняла туфли, подошла к ней поближе.

— Ну?

— В Америке Монтик, — сказала она. — Утром улетел. Соколик мой...

— Не своим же ходом улетел твой соколик, надеюсь? Название и номер рейса знаешь?

— Всё знаю. А сделать ничего не могу...

— Можешь, — возразила я. Мне бы промолчать, но я не выношу вселенской тоски. — Можешь найти телефон и жетоны, или что тут у них в таксофон запикивают. Будем звонить в Америку. Стоп, он в какую Америку улетел — в Северную или Южную?

— В ту, где Нью-Йорк.

— Годится. Будем звонить.

— Кому? — удивилась Ирка.

— Моей кухне Зине.

— Ну ладно, ты не нервничай так, — подумав, что я волнуюсь, сама Ирка начала успокаиваться. — Ты нервничаешь и заикаться начинаешь.

— Я не заикаюсь. Это мою кухню так зовут: Зина. Смешно, конечно, звучит. Потому-то я и называю ее кухней, а не двоюродной сестрой. Ей это, кстати, никогда не нравилось.

— А что ей нравилось? — Ирка отследила, как я подбираю камешек и тоже взяла голыш.

Я покрутила гальку в пальцах, прицелилась и запустила блюдцем по воде. Раз, два, три прыжка. Неплохо...

— А нравились ей мужики. Желательно богатые, не обязательно красивые... Долго перебирала, потом, огорошив родных, вышла замуж за разведенного еврея с двумя детьми, родила ему третьего и укатила с семейством в Америку. Сначала жила в какой-то еврейской общине, потом освоилась, выучила язык, работу себе нашла, с мужем рассталась, живет одна, растит малыша, еврейский супруг помогает деньгами... Вроде, вполне довольна жизнью. — Я подхватила и бросила в воду следующий камень.

— И зачем она нам? — спросила Ирка, тоже размахиваясь. Голыш утонул с сочным чавкающим звуком.

— Твои камни справа, мои слева, — распределила я, загребая гальку горстью. Ирка погрузила руку в грунт, как бульдозер ковш. — Не соображаешь? Мы ей позвоним, объясним ситуацию, попросим найти твоего Монтика. По-моему, это вполне реально — не сумеет сама, наймет частного детектива. Не такая уж она большая, эта Америка. Расходы, разумеется, за твой счет — сама понимаешь, еврейская община... Еще бы Монтикову фотографию в Штаты переправить... Да, у них же тут наверняка есть Интернет!

Камни дождем летели в воду. Глядишь, увеличим количество средиземноморских островов...

— Я твоей Зине даже премию выдам, если она мне Монтика вернет, — согласилась Ирка, на удивление легко поднимаясь на ноги. — Ну, чего расселась? Надо же, пол-пляжа перелопатили! Идем отсюда, пока нам не вlepили какой-нибудь штраф!

Я с удивлением оглядела дело рук наших — у Ирки почти окоп получился! — и опасно произнесла, поворачиваясь к Средиземному морю спиной:

— Надеюсь, аквалангистов в воде не было!

Шумно втягивая соленый морской воздух сквозь два комплекта зубов — своих собственных и накладных собачьих, — Дон Салливан стоял на верхней палубе пассажирского катера “Лазурный”. “Морской трамвай”, как называют такие прогулочные суденышки местные жители, пересекал Цемесскую бухту. С борта судна открывался впечатляющий вид на белый город Новороссийск, вытянувшийся вдоль моря в полукольце гор. Синие вершины были подернуты серым туманом. Зеленые морские волны, напоминающие глыбы жидкого бутылочного стекла, курчавились жемчужной пеной. Над тяжело ворочающейся водой с пронзительными криками летали чайки. Курортники — на жаргоне местных жителей “матрасники” — на нижней палубе ахали от восторга и непрерывно щелкали фотоаппаратами. Однако Дону в этот момент чувство прекрасного было чуждо: его передние лапы лежали на скользком мокрому поручне, ушастая голова свешивалась вниз. Дона мутило.

Минуту назад он избежал совершенно непредвиденной опасности. Девица, которой разудалые и не вполне трезвые парни из команды позволили “поругать” катером, своими неумелыми действиями едва не отправила всех на дно, когда рядом с судном показались дельфины. Занятый своими мыслями, Дон сначала не понял, что это за большие черные колеса крутятся в воде, блестя, как новые резиновые калоши, но рядом нашлись граждане посообразительнее: детище Ильичевского судоремонтного завода в полном соответствии с техническими характеристиками приняло на борт две сотни пассажиров, и при виде афалин все двести с радостными криками дружно ринулись на правый борт. Хорошо, что капитан оказался поблизости: пока горе-кавалеры беспомощно дрыгали ногами в низких креслах с прекрасным видом на девиц голые колени, он ворвался в рубку, матерясь, смахнул мамзель с высокого табурета и исправил крен. Дон сомневался в том, что сумел бы вынырнуть из пучины морской и добраться до берега в тяжелой бирсдожьей шкуре!

На борт “Лазурного” он запрыгнул в последний момент, предвительно тяжелым галопом промчавшись по причалу прочь от пришвартовавшейся “Веры”.

— Что это за псарня? — увидев Дона, сурово спросил капитан. Он нахмурился и перебросил сигарету из одного угла рта в другой. — Я спрашиваю, какой кретин взял на борт кобеля?

— Уважаемые пассажиры! Капитан убедительно просит подняться на служебную палубу хозяина большого черного пса в кожаном ошейнике, — в облагороженной форме озвучила эту мысль по корабельному радио дама-экскурсовод.

Капитан в это время убедительно крыл матом “всяких там животноводов, думающих, что они купили билет на плавучую собачью площадку” и сулил бесхозному псу участь небезызвестной Му-му. Но Дон вел себя чинно-благородно, команде не мешал, под ногами не путался, а при появлении капитана и вовсе сядил и протягивал лапу, так что ему позволили остаться на служебной палубе и даже не привязали.

Про Дона вскоре все забыли. Тогда он незаметно стянул с поручня на палубу чьи-то непросохшие плавки и, не зная, куда их спрятать, попросту сел на них мохнатым задом, после чего с неподдельным интересом прослушал эмоциональный рассказ экскурсовода о городе-герое Новороссийске, Цемесской бухте и вообще о Черноморском побережье Екатеринодарского края.

Теплоход уже подходил к берегу — благо, глубина позволяла, на носу матросы готовились опускать трап. Вокруг судна снова ли аквабайки, маленькие катера с привязанными к ним резиновыми “бананами” и водные велосипеды, в зеленоватой воде у берега барахтались купальщики, пляж был густо усеян пестрыми зонтами, лежаками, шезлонгами, надувными матрасами и телами разной степени поджаренности.

На верхней палубе не осталось никого, кроме Дона. Он покосился в сторону рубки — девицу с позором изгнали, в открытую дверь была видна явно мужская напряженная спина в борцовской майке.

Дон дернул ошейник. Магнитная застежка отошла. Острым краем металлической пряжки он сделал отслужившему свое бирсдогу харакири, конспиративно распластал сброшенную шкуру на манер ковра, надел краденые плавки, туго намотал на руку ремень ошейника и прыгнул в воду. В общей суете этого никто не заметил.

“Лазурный” благополучно причалил, по носовому трапу на берег повалили пассажиры. Дон немного поплавал, наслаждаясь вновь обретенной свободой движений, не стесненных собачьим камуфляжем, потом вышел из воды и посидел на камнях, обсыхая и присматриваясь. Шорты, майку, легкие сандалии и солнечные очки он походя прихватил в разных местах, пересекая пляж.

Неотличимый от множества других гостей причерноморского города-героя Новороссийска, Дон на ближайшей улице взмахом руки остановил частника, и водитель красной “семерки” согла-



сился отвезти его в Екатеринодар за тысячу рублей. Услышав непомерную цену, Дон кивнул и сел в машину.

— Вай, дарагой! Дашь тыщу двести — за палтара часа дамчу! — с роскошным кавказским акцентом сказал водитель.

Правильным ответом было бы идеоматическое: “А морда у тебя не потрескается?”, но Дон не настолько хорошо знал русский.

— Согласен, — без всякого акцента ответил он, и красная “сермерка” рванула с места, как гоночный болид.

Прямо из отеля я позвонила в Штаты Зинке и обо всем с ней договорилась. Мой звонок кузину обрадовал, потому что по родным в России она изрядно соскучилась. Мое предложение отыскать иголку в стогу сена Зину не удивило: мы обе знали, что у нее шансов больше, чем у кого-либо другого.

Впрочем, излишне обнадеживать Ирку я не стала — на то не было ни желания, ни времени. В аэропорту нас уже обыскали. Едва мы с Ирой ступили под своды аэровокзала, взволнованные черноусые дядьки с баджами сгребли нас в охапку и потащили к самолету. Нервничавший Женя шагал рядом, не переставая стыдить меня за нарушение инструкций. Ирка, вся в мыслях о Монтике, не реагировала на внешние раздражители.

Поздним вечером мы вернулись в Екатеринодар. В моем загранпаспорте появились два красных штампа с одной датой: о вылете из России и о влете в нее же. Где я была в промежутке — не поймешь!

— Где ты была, где я была — какая разница! — тоскливо заметила Ирка. — Где Монтик?

Монте Уокер летел над Атлантикой, мысленно собирая головоломку. Он начал складывать ее, едва отключился свет на табличках “Пристегните ремни”, и задолго до посадки всё стало на свои места, хотя, не будь у него в руках красной книжицы российского загранпаспорта с его собственной фотографией, Монте решил бы, что он спятил. Вот и в психушке сидел — не зря!

Если верить паспорту, его звали Сергей Петрович Максимов. Он сумел это прочесть — спасибо, русскую запись в документе дублировала английская. Гражданство — российское, пол — мужской, год рождения — 1968-й. Вот это объяснить было трудно.

Может, он проспал тридцать с хвостиком лет а-ля Рип Ван Винкль? В таком случае ему сейчас под семьдесят.

Монте прислушался к своим ощущениям: где ревматизм, артрит, подагра? Ничего не болело. Он вытянул руки, внимательно рассмотрел пальцы, ногти, ладони — ни морщин, ни пигментных пятен. Маникюра, впрочем, тоже нет.

А лицо? Он ощупал его — и не нашел мешков под глазами. Выдернул волосок с темени, негромко выругался от боли, и рыжеволосая дамочка в соседнем кресле обернулась, вопросительно приподняв бровь. Волос седым не был.

— Прошу прощения, — извинился Монте. Он поднялся и прошел в туалет.

Зеркало подтвердило его выводы: мафусаиловых лет Монте Уокер еще не достиг. У него не было седины, но были свои зубы, и он выглядел максимум на тридцать пять!

Монте вернулся в салон, плюхнулся в кресло и задумался. Скажем, так: он попал в передрагу с ребятами Ла Гадо. В него стреляли, это он вспомнил. Должно быть, попали, и, должно быть, в голову. Итак, он приобрел мозговую травму и потерял память, лет тридцать провалялся в коме, его медицинские счета никто не оплачивал, и потому его тело переправили в самую распоследнюю захолустную клинику; но от приборов, поддерживавших сердцебиение, дыхание и разное-прочее мочеиспускание, не отключили — эксперимента ради. И когда никто того не ожидал, он вдруг очнулся...

Стоп, сказал себе Монте Уокер. Это не объясняет, почему я выгляжу не на семьдесят лет, а на тридцать!

Возможно, ему сделали пластическую операцию? Это легко проверить.

Извинившись перед соседями, Монте поднялся и снова прошел в туалет. Спустив штаны, изогнулся, чтобы рассмотреть себя сзади. Если там будут рубцы и швы, значит, пластика лица действительно была сделана — кто не знает, откуда берут лоскуты кожи для этого!

В узком пространстве туалета акробатический трюк выполнить было нелегко. Пришлось задействовать и зеркало. Спустя пять минут после начала непростой гимнастики Монте мог бы поклясться, что его филейная часть донором не была.

Он привел костюм в порядок и вернулся в салон.

С неумолимой категоричностью из всех этих фактов складывалась следующая картина: Монте получил очередное воплощение, но почему-то совершенно забыл его, хотя помнил предыдущие.

Монте Уокер, переставший быть таковым, летел в Нью-Йорк спустя тридцать три года после своей смерти. А зачем летел? Тот русский с лошадиным лицом, должно быть, инструктировал его на этот счет, но Монте Уокер не понимал русского языка. Дискету, полученную от лошадиного лица в аэропорту Ларнаки, он положил в карман пиджака и тут же о ней забыл. Какая, к черту, дискета?

У Монте Уокера, известного в узких кругах как Уокер Крутое Яйцо, в Штатах могла быть только одна цель: сквитаться со своим убийцей Марио Ла Гадо.

Ближайшей целью полковника Лапокосова была встреча в аэропорту Нью-Йорка Монте Уокера, он же Сергей Максимов, он же агент Шило.

Томась в ожидании, полковник грыз ногти. Стоя у газетного киоска вблизи широкого коридора с таблицей-указателем

“Галерея 8: Международные рейсы”, Лапокосов посматривал то на эскалатор, то в широкое, выходящее на летное поле то-нированное окно. Табличку с русской надписью “Сергей Максимов” он держал в правой руке, то поднимая ее над головой, то опуская вниз.

Эти манипуляции вызваны были неуверенностью полковника в том, что Шило должен увидеть встречающего. Конечно, если он получил от подозреваемого искомый материал и вылетел в Нью-Йорк лишь потому, что не имел возможности сразу вернуться в Россию, агент Шило появлению Лапокосова только обрадуется. Он передаст полковнику компромат и выполнит своё задание. Приободрившись, полковник поднял табличку повыше.

А если агент перевербован и работает на другую сторону или же на самого себя? Лапокосов табличку опустил. В таком случае, увидев, что его встречают, Шило попытается скрыться. Удается ли обойтись без шума? Полковник оглянулся на коридор, ведущий к штаб-квартире службы безопасности аэропорта, и вздохнул. Сложность состояла в том, что задержать агента полковник должен был сам, один, без помощников. Посвящать кого-либо в тайну Лапокосов не имел права.

Конспирация, помноженная на недостаточное финансирование, — плохие условия для серьезной работы. Лапокосов вздохнул и тихо выругался, вспомнив инцидент в ресторане аэропорта Ларнаки. Официант подошел к их столику после обеда и, обращаясь к Сидорову, вопросительно произнес: “Де бил? Де бил?”

— Сам дебил! — закономерно оскорбился капитан и избил официанта прежде, чем выяснилось, что “де бил” по-английски означает “счет”.

Оставалось надеяться, что с помощью сотрудников “Транс-Глобуса” капитан Сидоров выяснит отношения с местной полицией скоро и без особых хлопот. Впрочем, полковника это заботило мало. Сейчас он думал только об агенте Шило.

Лапокосов почти догнал его в Париже, где Шило пересел на рейс до Нью-Йорка. Спасибо Господу Богу и “Боингу”, полковник смог агента опередить. Времени хватило на торопливый обед в кафе, посещение изумительно чистого туалета и сотворение из подручных средств таблички с надписью “Сергей Максимов”.

Магазины беспощинной торговли и бар Лапокосов игнорировал, в кресла с установленными на подлокотники телевизорами даже не садился. Переминаясь с ноги на ногу, полковник час за часом ждал прибытия борта из Парижа. И слишком поздно понял, что совершил непростительную ошибку, предположив, что пассажиры всех парижских рейсов прибывают в аэровокзал с одного выхода. Агент Шило прошел мимо, даже не узнав о присутствии в толпе встречающих рейс “Мехико-Нью-Йорк” полковника Лапокосова.

Монте Уокер прибыл в Нью-Йорк никем не встреченный и никем не узнанный. Впрочем, в сопровождающих он не нуждался: Монте знал этот город, и в этом городе у него было дело.

План-схема города Екатеринодара, припасенный для Дона напарницей, оказалась устаревшей: изменились, как минимум, маршруты движения троллейбусов, поэтому Дон какое-то время проплутал в поисках нужного адреса. Зато между прочим он набрел на гостиницу "Москва" — четырехзвездочный отель с амбициями: на фасаде рядом с четвертой звездой было оставлено столько пустого места, словно в обозримом будущем вывеска должна была посрамить парадный китель бывшего советского генсека. Запомнив на будущее местоположение гостиницы, Дон с помощью прохожих отыскал неподалеку и здание, адрес которого был указан на помятой визитке.

Получасом позже он опустился в кресло посетителя и внимательно посмотрел на лысоватого человека за столом.

— Слушаю вас, — любезно сказал Пиктусов, присматриваясь к незнакомцу.

Практиковал он нелегально: по Закону о выборах доктор должен был уйти в отпуск еще неделю назад, но желание повелевать судьбами граждан было непреодолимым. Собственно, именно поэтому Пиктусов шел в политику: жаждал выйти на оперативный простор. Оперативный во всех смыслах: доктор предвидел, что в коридорах власти его с нетерпением ожидают будущие пациенты. Как же иначе, когда даже очередные выборы в Екатеринодаре были назначены на двадцать пятое ноября — Международный день больного человека!

Дон неохотно выпустил рукоятку пистолета, вынул руку из кармана и широким жестом протянул ее доктору:

— Что скажете, док?

Пиктусов взял лупу и некоторое время внимательно изучал ладонь Дона. С лица его не сходила вежливая улыбка. Потом он нажал кнопку селектора, вызывая помощницу:

— Дора, приготовьте нашему гостю выпить!

— Что, так плохо? — насмешливо спросил Дон.

Доктор ответил ему взглядом, полным отеческой жалости. Дон пожал плечами и принял стакан. Отхлебнув, он показал глазами на исследуемую ладонь и сказал:

— Начинайте!

— Вы смелый человек, — сказал доктор.

— Да ну?

— Притом достаточно умный и если не проницательный, то находчивый. Ваша работа связана с риском, а жизнь богата приключениями.

Дон согласно кивнул и вкусно отхлебнул из стакана.

— Ваши руки привыкли к оружию, но вы не бандит.

Дон допил напиток и с вызывающим стуком поставил стакан на стол доктора. Вызывающее поведение не было ему свойственно, но Дон быстро терял контроль над собой: поило, поданное ему по сигналу Пиктусова, содержало особые добавки.

— Для бандита вы слишком честны, правда?

— Правда! — убежденно сказал Дон, в этот самый момент испытывающий настоящий приступ честности.

— Так что вы не преступник, а совсем наоборот! Так?

— Так! — Дон энергично кивнул.

Доктор вдруг показался ему необычайно милым и приятным человеком, ссориться с ним не хотелось. Дон собрался было предложить Пиктусову свою вечную дружбу, но вместо этого сонно улыбнулся и закрыл глаза.

Кажется, кое-что в речи эскулапа он пропустил, поскольку задремал и проснулся от собственного громкого всхрапа.

— А дальше? — требовательно спросил он, давая понять, что не отвлекался ни на секунду.

Доктор тонко улыбнулся.

— Могу твердо пообещать вам исполнение заветного желания и хороший достаток до конца ваших дней, который, увы, не замедлит наступить.

— Не понял. — Дон удивился уже тому, что ему пообещали исполнение заветного желания: его родителей давно не было в живых, спутницей жизни он еще не обзавелся, стало быть, о семейном счастье по-прежнему оставалось лишь мечтать. Потом до него дошел смысл второй половины сказанной доктором фразы. — Вы пророчите мне скорую смерть?

— К несчастью, у вас очень нечеткая линия жизни. Учитывая тот факт, что с недавних пор вы фантастически невезучи, трудно надеяться на то, что вы долго проживете!

Дон недоверчиво посмотрел на свою ладонь и с удивлением увидел свежую перевязку. Доктор вместе с креслом отодвинулся от стола и помахал Дону рукой:

— Прощайте, дорогой сыщик!

Дон с ругательством потянул из кармана пистолет — самодельное устройство, втихаря сработанное умельцем Екатеринодарского приборостроительного завода и проданное им Дону на блошином рынке под Пушкинским мостом всего за триста баксов. Некондиционная техника подвела: угловатый самострел застрял в кармане и был вырван вместе с таковым. Доктор следил за действиями Дона со спокойным интересом.

— Моя рука утверждает, что я доживу до восьмидесяти лет, — добродушно предупредил он.

Дон нажал на курок.

— Осечка! — прокомментировал доктор.

Дон отбросил пистолет, ринулся вперед, подвернул ногу и рухнул на пол.

— Дора, проводите пациента! — захлебываясь смехом, проворчал доктор в микрофон.

— Я еще вернусь, — пообещал Дон.

Он гордо поднялся и пошел к выходу. Распахнувшаяся дверь сбила его с ног и вновь повергла на ковер. Локтем Дон больно ударился о валяющийся на ковре пистолет. Хорошенькая сестра, профессионально улыбаясь, помогла ему встать и вывела из кабинета, крепко приложив по дороге о шкаф.

— Соблюдайте осторожность при переходе улицы! — весело прокудахтал доктор.

Закрывая за собой дверь, Дон больно прищемил палец. Проходя мимо похоронного бюро, запутался в венке и едва не раскрыл череп о край красивого дубового гроба. В лифт он осматрительно не пошел. На лестнице по ходу его движения одна за другой гасли лампы, пока он в потемках не столкнулся с неким господином, огладившим его тростью. Очевидно, тот же господин украл у него бумажник — во всяком случае, из кармана он пропал. Выходя из здания, Дон задел плечом свежеекрашенную дверь, потом уронил в лужу темные очки и, удачно увернувшись от бешеной собаки, нырнул в подоспевшее такси, окатившее его грязью.

— Вам куда? — спросил шофер и, не оборачиваясь, метнул окурок, как он думал — в окно.

Дон поспешно потушил занявшийся рукав и, часто дыша, отвел:

— Нам к врачу, лучше к хирургу.

Водитель кивнул. Дон опустил стекло и высунулся глотнуть свежего воздуха. Случайный голубь послал ему с высоты свой птичий привет, угодив точно в глаз. Другим глазом Дон увидел клубящиеся грозовые тучи и от греха убрал голову из окошка. В небе тяжело громынуло. Дон протер платком ослепленный глаз, прозрел и обмер: рядом с автомобилем, явно намереваясь влететь в окошко, плавно скользил апельсин шаровой молнии.

Дон слишком резко отшатнулся и вывалился из машины на тротуар, чудом промахнувшись мимо сточной канавы. Какой-то милый мальчик попытался переехать его трехколесным велосипедом. Дон поднялся, огляделся: частный сектор, безлюдье, тихая улочка, под ногами полуразобранный асфальт. Такси, нечувствительно потеряв пассажира, свернуло за угол.

Пошел дождь, под ногами противно захлюпало, как-то сразу стемнело. Куда идти? Метрах в десяти Дон разглядел облезлую вывеску "Ветеринарная помощь", спотыкаясь на растрескавшемся асфальте, пошел вперед, и, следуя в направлении, указанном стрелкой, свернул в подворотню с надписью мелом "Туалета нет!". Мокрый лохматый пес высунулся из пролома в штакетнике, визгливо залаял и попытался тяпнуть Дона за лодыжку.

— И ты, Брут! — укоризненно сказал ему Дон.

Собака зарычала и ощерила зубы, Дон проворно отскочил в сторону и упал в гостеприимно распахнутый люк.

Монте Уокер шел на юг по Бродвею. Раньше ему нравилась эта часть Манхэттена — между семидесятыми и восьмидесятыми улицами, но когда это было? Нью-Йорк изменился, хотя и не настолько, чтобы его нельзя было узнать. Поглядывая по сторонам, Монте угадывал в прохожих знакомые типажи: вот дамочка-домохозяйка с собачкой, похожей на меховую муфту — или с муфтой, похожей на маленькую собачку? Вот сутенер с выводком помятых уличных девочек, которых всегда было полно на Бродвее, вот угрюмый коп... О, эти совсем не изменились! Зато стало гораздо меньше заведений под красными неоновыми вывесками: где знакомые пивные, химчистка, винный магазинчик, старые дома, в первых этажах которых ютились маленькие лавочки?

Задумавшись, Монте едва не проскочил знакомый проход, машинально толкнул дверь и вошел в бар. Кажется, всё, как раньше, только почти пусто и не орет музыкальный автомат. Подойдя к стойке, Монте задумчиво погладил большую хромированную ручку радиоприемника, не ведающего об УКВ и способного поймать только средние волны.

Эдди за стойкой не было. Монте почувствовал разочарование. Он медленно прошел по залу, озираясь, узнавая знакомое помещение и незабываемые запахи, привычно проследовал в единственный кабинет и открыл дверь.

Монте не удивился бы, если бы навстречу ему из-за стола с миской спагетти посередине поднялся смуглолицый Марио Ла Гадо. Однако удивиться всё же пришлось: Ла Гадо в кабинете действительно присутствовал, но только не во плоти, а в виде огромного портрета. Мерзавец всё так же белозубо улыбался, наверняка при этом держа палец на спусковом крючке. Впрочем, фотопортрет был поясной, руки Ла Гадо в кадр не попали.

Ошеломленный Монте в первый момент даже не заметил, что кабинет уже занят какой-то парой, и попытку мужчины прикрыть дверь проигнорировал. Портрет Ла Гадо его просто гипнотизировал. На специальной полке под портретом стояла ваза с цветами, а чуть выше, под самой рамой, к стене крепилась желтая металлическая табличка с цифрами, неопровержимо доказывающими, что Монте опоздал с мезтью: "1929 — 1960".

— Сдох, с-котина, — с чувством детской обиды произнес Монте, обессиленно опускаясь на плюшевый диван, почти на колени сидящей там женщины.

— Сам скотина! — гневно воскликнул мужчина, выдергивая с дивана свою даму.

— Оставьте меня в покое, — устало сказал Монте. Он чувствовал себя измученным.

Удара по голове он не ожидал, но удивиться не успел. Сквородка загудела, и под медленно затихающий гул Монте Уокер провалился в беспамятство.

В этот момент полковник Лапокосов ехал в такси. На пути к российскому посольству он безрадостно размышлял о том, что будет делать, если не сумеет найти Сергея Максимова. Ирония судьбы заключалась в том, что найти его он мог бы в тот же миг, достаточно было посмотреть в окошко на тротуар, но об этом полковник так и не узнал.

В посольстве к нему вышел молодой человек, которого полковник сразу окрестил "Чистюлей": сорочка на парне была белоснежная, серый костюм — без единой морщинки, обувь начищена до блеска, прическа — волосок к волоску.

— Здравствуйте. Чем могу помочь? — глубоким голосом спросил Чистюля, причем спросил по-русски, с первого взгляда опознав соотечественника.

Лапокосов вместо ответа достал из кармана аккуратно сложенный носовой платок, развернул его и вынул маленькую картонку с семизначным номером.

— Позвоните в Москву. — Он положил бумажку перед Чистюлей.

Не притрагиваясь к карточке, молодой человек внимательно посмотрел на полковника, на телефонный номер, чуть заметно кивнул и повторил: — Чем могу помочь?

Лапокосов сложил платок и вытер им лоб.

— Я подожду у вас одного человека, он должен появиться не сегодня-завтра. Я должен видеть каждого, кто войдет в здание.

— Понятно, — задумчиво произнес Чистюля. Он внимательно оглядел Лапокосова, что-то прикидывая, наконец, принял решение: — Ночлег, если понадобится, найдите сами, но работу мы вам дадим.

Сергей Петрович Максимов открыл глаза и посмотрел на небо, какое-то вытравленное и болезненное. Очевидно, это было пресловутое небо Аустерлица или какой-нибудь другой заграницы.

— Где я? — Он приподнялся, сел и огляделся по сторонам.

Прямо перед ним была широкая улица с оживленным движением в несколько полос. Справа и слева, невозмутимо обходя сидящего Сержа, двигались пешеходы. За спиной — Серж повернул голову так, что хрустнула шея, — обнаружился старомодный бар. Всё это вместе и по отдельности Сергею Петровичу ни о чем не говорило.

До звона в ушах болела голова, это притупляло слух, но Серж всё же расслышал несколько случайных слов и фраз и определил их языковую принадлежность: говорили, несомненно, по-анг-



лийски, однако, не так, как в самой Англии, где Сержу некогда довелось побывать по работе. В толпе то и дело попадались азиаты и темнокожие. Америка? Австралия? Южно-африканская республика? Студенческий городок Университета имени Патрикса Лумумбе?

Серж поднялся на ноги, ощупал голову — добрая шишка! — и поплелся по улице. На углу обнаружился супермаркет, Серж обрадовался ему, как родному, вошел и оглядел прилавки, пытаюсь сориентироваться по ассортименту. Упершись взглядом в вереницу бутылочек и банок “Кока-колы”, понял свою ошибку и сделал поправку: отыскал стеллаж с газетами и журналами. Пробежался взглядом по обложкам печатных изданий — “Космополитен”, “Лайф”, “Ю-Эс ньюс энд уорлд рипорт”, опознал знакомые лица: американский президент, полдюжины голливудских звезд — точно, Ю Эс Эй!

Пышнотелая брюнетка у кассы ободряюще улыбнулась ему, но Серж отвернулся, потому что физически не выносил крупногабаритных дам. Не то, чтобы толстушки ему банально не нравились, просто с одной из них у него было связано одно из самых мучительных детских воспоминаний: испуганный дурным сном трехлетний малыш, он забрался в постель к спящей матери, улегся у нее под боком — и едва не был раздавлен, когда она неожиданно перекатилась на спину.

Не спеша что-либо покупать, Серж прошел мимо кассы, остановился вблизи организованного стада пустых тележек и исследовал содержимое своих карманов: доллары США, документы, разная мелочь: связка ключей, расческа, записная книжка, шариковая ручка, сигареты и зажигалка, солнечные очки, носовой платок. Во внутреннем кармане слегка запылившегося пиджака оказалась тщательно упакованная в многослойный ячеистый полиэтилен компьютерная дискета.

Серж попытался вспомнить, как она к нему попала, но не смог. Впрочем, это было не так важно: едва увидев эту дискету, он сразу понял, что должен делать дальше. Нужно закончить задание, доставить дискету кому положено, а там, глядишь, можно будет поставить крест на секретной службе. Эта мысль принесла ему облегчение, даже голова стала болеть меньше.

Серж решительно прошагал к выходу из супермаркета, не глядя на прилавки, вежливо обратился к охраннику и на вполне сносном английском спросил, как найти Российское посольство. Объяснение записал, начертил схему движения, уточнил, сколько будет стоить такси, и принял любезное предложение вызвать машину.

Полковник Лапокосов с ненавистью посмотрел на газонокосилку, воровато оглянулся на здание посольства и быстро пнул механизм ногой. Помогло: сволочная техника взревела,

слегка подпрыгнула и двинулась по лужайке, плюясь во все стороны травяной жвачкой. Сдохнуть можно от такой работы, ей-Богу!

Верещащая газонокосилка доползла почти до ограды и снова вырубилась.

— Косить вам — не перекосить! — выругался полковник, ударив оземь форменной кепкой. Удар получился слабенький, мягкий — то ли дело было бы шваркнуть об пол жесткой фуражкой с кокардой!

Лапокосов вздохнул, печалась оттого, что впереди его ждала муторная, требующая навыка и терпения садовничья работа: предстояло пройти по периметру лужайки вдоль бордюров и ограды ручной газонокосилкой, похожей на старый добрый отечественный сантехнический прибор для прочистки канализационных стоков типа “вантуз”. Избавить полковника от противной барщины могло только появление нужного человека.

Лапокосов подошел к кованой ограде и внимательно посмотрел сквозь изогнутые прутья. Ожидаемого агента Шило в обозримых пределах видно не было. Метрах в десяти от ворот посольства стоял одинокий негр с небольшим транспарантом, похожим на снегоочистительную лопату. Написанного на лопате полковник не понял, предположил, что это какой-то призыв к российским властям.

А может быть, это и не негр вовсе, а замаскированный агент Шило?

Полковник просунул голову между прутьями, внимательно разглядывая эфиопа. Темнокожий американский товарищ, заметив и неправильно истолковав лапокосовский интерес, развернул плакат в его сторону, помахал рукой и что-то сказал на незнакомом полковнику иностранном языке.

— Но пасаран, — на всякий случай отозвался полковник.

Лапокосов покрутил головой и вдруг почувствовал, что его шея плотно ввинтилась в хитрый завиток ограды. Полковник сделал попытку высвободиться, но тщетно.

— Ёжики сушеные! — выругался он, брыкаясь в чугунном кружеве.

Задетая лапокосовской ногой, внизу хищно взревела вредоносная американская газонокосилка. Полковник похолодел, моментально вспомнил некогда виденный пугающий фильм с мирным названием “Косильщик лужаек” и подпрыгнул, перекакивая через коварный механизм. Машинка ткнулась в ограду в опасной близости от Лапокосовских пяток и страшно заскрежетала, разбрасывая искры.

— Помогите! — придушенно выкрикнул полковник. Помимо скошенной травы, в воздухе запахло паленым.

Темнокожий собеседник Лапокосова застыл, глаза на происходящее. Вот недоразвитая нация!

— Вы-таки испортите хорошую машинку, — укоризненно произнес по-русски приятный женский голос. — Выключите ее, или она сломается, и ремонт станет вам в кучу денег!

Полковник скосил глаза и широко разинул рот, давясь непрошенным непечатным словом.

— Не дергайтесь, я ее выключу. — Тонкая рука протянулась сквозь прутья ограды в обход Лапокосовской ноги к смертоубийственной технике. Газонокосилка разочарованно всхлинула и заткнулась.

— И еще я хотела вас спросить, — как ни в чем не бывало продолжила молодая дама вполне американской наружности. — Вы же тут работаете, правда? Вы не видели здесь этого молодого человека?

В холеной женской ручке появился любительский фотоснимок. На нем в россыпях оранжевых плодов типа “апельсины” был запечатлен агент Шило — раненый, в бинтах. Обострившимся от переживаний зрением Лапокосов даже разглядел размытый чернильный штамп на наволочке рядом с перебинтованной головой Максимова: “Екатеринодарская горбольница”.

— Где-е-е? — проревел полковник на манер агонизирующей газонокосилки.

— Это я у вас спросила бы, — пожалала плечами дама, пряча фотоснимок в сумочку. — Значит, не видели... Ну, извините. Всего доброго!

— На помощь! — крикнул Лапокосов таращащемуся негру. — Помоги, а? Дядя Том! Американ бой! Да позови же кого-нибудь!

Полковник дернулся в металлической петле, и кепка свалилась с его головы на тротуар, по которому удалялась загадочная незнакомка. Уйдет ведь, уйдет!

Ботинок полковника снова впечатался в притаившуюся в траве газонокосилку, она с готовностью ожила. Сделалось очень шумно. На противоположной стороне улицы стали скапливаться зеваки.

— Хелп ми, плиз! — отчаянно заорал полковник, всё больше осваивая английский.

Дядя Том сочувственно кивнул курчавой головой, подошел к ограде и бросил в кепку Лапокосова несколько иностранных монет.

Яично-желтая машина привлекала внимание, поэтому Серж высадился из такси за полквартила от здания посольства и дальше пошел пешком.

У ворот посольства группировались какие-то люди. Из осторожности Серж нацепил темные очки, перешел на другую сторону улицы, встал так, чтобы его прикрывало дерево, и нарочито безразлично посмотрел в сторону посольства. Сохранить невозмутимость ему не удалось: Серж вздрогнул и потянулся за носовым платком, чтобы стереть пот со лба, когда за спинами

толпящихся людей на миг увидел вплетенное в чугунный вензель багровое лицо полковника Лапокосова. Он не поверил своим глазам, но зеваки вновь расступились, пропуская к обмякшему телу полковника человека в форменном комбинезоне с чемоданчиком для инструментов. Доктор?

Стараясь не привлекать к себе внимания, Серж отвернулся и неторопливо зашагал прочь. Отошел подальше, свернул за угол и остановился, якобы рассматривая витрину овощного магазина, а на деле просто собираясь с мыслями. Что-то случилось. В толпе он мог бы подойти к полковнику поближе, но незаметно передать ему дискету не представлялось возможным.

Серж обнаружил, что всё еще держит в руке влажный носовой платок, и, вместо того, чтобы убрать его в карман, туго прижал прохладную ткань к пылающему лбу и вискам. Цокающие каблучки за его спиной заскрежетали, тормозя.

— Ой, мама! — громко произнесла кузина Зина, не веря своим глазам и своей удаче. Надо же, она опять без хлопот нашла то, что другие потеряли.

Зина поспешно достала из сумочки распечатку полароидного снимка и сверила искомое с найденным. С карточки мученически скалился молодой человек с забинтованной головой. Сочный цвет соседствующих с зеленоватым лицом апельсинов подчеркивал бледность мужчины. Зина перевела взгляд на отражение в витринном стекле: та же белая повязка на голове, тот же страдальческий оскал, даже апельсины есть — вот, лежат на витрине за стеклом!

— Простите, вы не из Екатеринодара будете? — вежливо спросила Зина, обходя Сержа сбоку.

Агент Шило замер. Плечи его сначала окаменели, а потом расслабились. Он понял: это связной. Вопрос о контакте решился сам собой.

— Из Екатеринодара.

Зина еще раз внимательно посмотрела на Сержа, сверилась с фотографией и удовлетворенно кивнула.

— Ну, так чего мы стоим, как неродные? — любезно сказала она, убирая снимок в сумочку. — Пойдемте скорее, а то мне придется доплачивать за парковку.

Привезя Монте к себе домой, Зина позвонила не мне, а Ирке: спешила сообщить радостную весть самому заинтересованному лицу. Поэтому меня разбудила не телефонная трель, а раскатистый гул: Ирка во дворе колотила в чугунную сковородку. Она подвесила ее на грушевое дерево неделю назад, изобретя таким образом средство экстренной связи между нами.

— Бам-м-м-м-м!

— Чтоб тебе провалиться! — досадливо выругалась я, спуская ноги с дивана, аккуратно на спящего кота. Тоха взвыл, хлестнул меня по ноге пушистым хвостом и ретировался под диван.

— Ну, прости, прости, — пробормотала я, торопясь выйти из комнаты.

Прошла на веранду, распахнула тяжелую металлическую дверь, стяхнув с высокого крыльца спящего Томку.

— Вперед! — Я выпустила собаку и побежала к Иркиному дому, надеясь успеть раньше, чем пожарная команда.

Ирка стояла во дворе. В одной руке у нее была шариковая ручка, в другой дуршлаг с макаронами. Макароны курились паром, подпрыгивая в дырчатой емкости всякий раз, когда Ирка ударяла дуршлагом в раскачивающуюся сковородку. Сковородка громко делала “Бам-м-м-м!”, Ирка морщилась и пыталась заткнуть свободное ухо, попадая в него шариковой ручкой. К другому уху плечом прижимала телефонную трубку и что-то кричала в нее, выплевывая дымящую сигарету.

Оценив ситуацию, я шагнула к Ирке и вырвала у нее телефонную трубку.

— Подавись, сволочь! — в сердцах бросила Ирка.

— Сама дура, — беззлобно ответила я. В трубке стало тихо. — Это я не вам. Извините. Алло?

— Я не тебе, — объяснила Ирка. — Твой Томка сейчас все макароны стрескает!

Пес крепко вцепился зубами в дуршлаг и помчался по газону, поминутно роняя неудобный груз и наматывая на узкую морду длинные макаронины.

— Слушай, поймай его, — попросила я Ирку. — А то тебе же хуже будет: он всю лужайку испоганит!

— Ваш Монте испоганит мой газон? — ожила трубка. — Но почему? Зачем ему это?

— А, Зинка, это ты? — узнала я голос кухни. — Нет, про газон это я не тебе, тут у нас пес по лужайке летает.

— Про Монтика спрашивай! — заорала Ирка, занятая на газоне перетягиванием дуршлага с Томкой. Макароны уже ушли частично в траву, частично в Томкин желудок.

— Зина, ближе к делу: что с нашим парнем? Нашла?

— А как же! — оживилась кухня. — С вас премия за срочность!

— Нашла?! И где он сейчас?

— Здесь, — сказала Зина. — Совсем рядом, на диване.

— Он с Зинкой на диване, — пересказала я Ирке.

— Что-о?! — взревела ревнивая Ирка.

— Спокойно! Зина, что он делает у тебя на диване?

— На диване он сидит, — продолжила вредная Зина. — Съел рыбу фиш и тупо смотрит телевизор. Вид у него какой-то очумелый. Что вы в нем нашли, а?

— Не твое дело, — отмахнулась я. — Зина, а документы какие-нибудь при нем есть?

— Сейчас поищу! — кухня стукнула трубкой.

— Уймись, — сказала я подруге. — У тебя все равно преимущество: право первого мешка. И первого кирпича.

— Алло? — Зина вернулась. — Российский загранпаспорт на имя Максимова Сергея Петровича.

— Минутку. — Я прикрыла трубку рукой. — Ира, парень нас надул. Он не иностранец. Соотечественника брать будешь? Максимова Сергея Петровича?

— Сержик, — мечтательно проговорила Ирка.

— Понятно. Зина, мы его берем. Купи ему билет до Москвы. Ирка всё оплатит, и твои премиальные тоже. Дату вылета и рейс сообщи.

— Велл, — коротко ответила американская кузина, экономно сворачивая разговор. — Привет!

— Пока! — Я отклеила ухо от трубки и потрепала по могучему плечу радостно всхлипывающую Ирку. — Знаешь что, дорогуша? В Москву полетим вместе. Я тебя одну не отпущу.

Мы отыскали в траве пустой дуршлаг, выругали сыто улыбающегося Томку и пошли в дом, глупо смеясь и ежеминутно поздравляя друг друга с Зинкиным успехом. Через некоторое время пришли в сознание, спохватились и решили сварить новую порцию макарон, благо, у Ирки в доме всегда есть стратегический запас продовольствия. Макароны уже вовсю кипели, и тут дотошная Зина перезвонила, чтобы сообщить, когда Монтик будет в российской столице.

Мы сразу же забыли об обеде. Ирка начала названивать в авиаагентство, чтобы заказать билеты на подходящий по времени рейс Краснодар-Москва.

— Жаль, нельзя и обратные взять, — сокрушалась подруга.

— Почему нельзя?

— Потому что назад с нами будет лететь Монтик! А билеты выдают по паспорту! А его паспорт — у него, а не у меня! — Ирка нервничала и оттого сердилась.

Вопрос с билетами решился быстро, но макароны всё же успели развариться в кашу и снова достались обжоре Томке.

Полковник Лапокосов в далеком Нью-Йорке весь извелся от нетерпения. Беспокойство столь многим людям причинял один и тот же человек.

— Максимов Сергей Петрович, 1968-го года рождения?

— Он, — полковник нервно сглотнул — в горле пересохло.

На шее Лапокосова краснел след, оставленный чугунной удавкой. С компрессом на шее и холодным пузырем на голове полковник провел несколько часов, ожидая, пока посольские наведут справки по своим каналам.

— Сергей Петрович Максимов вылетел в Россию час назад. Оснований задерживать его у нас не было, — сообщил Чистюля.

Лапокосов в сердцах высказался попросту, по-русски. Чопорный Чистюля поджал губы.

— Я полагаю, вы захотите последовать за ним?

Вместо ответа полковник молча кивнул. Посольский улыбнулся более искренне.

— Можно заказать билет на ближайший рейс. В аэропорт вас отвезут. Всего доброго.

— Спасибо, — сухо сказал полковник, мысленно поминая агента Шиловых нехорошими словами.

— Не за что, — отозвался Чистюля, мысленно поминая нехорошими словами полковника.

Слава Богу, этот тип уберется туда, откуда явился. Наконец-то лужайку подстрижет настоящий садовник!

Агент Шиловых сидел у иллюминатора — смотреть в него надоело, но медленное перемещение облачных пластов соответствовало вялому течению мыслей Сержа.

— Дома разберемся, — сказал себе Серж, еще немного поглазев в иллюминатор и уснул.

Разбудило его негромкое попискивание.

— Тише, мыши, кот на крыше, — сонно пробормотал Серж, и окончательно проснулся: какие мыши в самолете? Летучие?

Подумав, что неплохо было бы умыться, Серж решил пройти в туалет, неторопливо пошел по проходу между рядами кресел и снова услышал мышинный писк. Он остановился. Средних лет дама, сухопарая, чопорная, деловая, раскрыв на коленях лаптоп-компьютер, умело правила текст на экране. Увидев компьютер, Серж тут же вспомнил про свою дискету: почему бы не узнать, что за информация помещена на ней?

Охмурением пожилых дам Серж до сих пор не занимался, но справился без особого труда. Милостивое разрешение воспользоваться чудом электронной техники было получено, лаптоп перенесен к месту у иллюминатора, дискета вставлена в дисковод, файл открыт. Повернув экран таким образом, чтобы его не могли увидеть соседи, Серж внимательно прочитал первую страницу документа, закусил губу, подумал — и остановил просмотр. Хватит, меньше знаешь — дольше живешь. Во всяком случае, теперь ему было ясно, что к чему. Так или иначе, свое задание он почти выполнил, оставалась самая малость — вручить дискету полковнику Лапокосову. Или его доверенному лицу, поправил себя Серж, вспомнив, при каких обстоятельствах он видел полковника последний раз.

Самолет слегка трянуло. Бело-голубую безмятежность в иллюминаторе сменила тревожная серая муть. Появилась улыбающаяся бортпроводница, попросила пассажиров некоторое время не покидать свои места. Принявший решение Серж подождал, пока она выйдет из салона, а потом поднялся, спеша отдать журналистке ее машину и, главное, добраться до телефона.

Бортпроводница, увидев Сержа, испуганно округлила глаза и попыталась заставить его вернуться на место, но он энергично воспротивился.

— Только один звонок, — балансируя с растопыренными руками, Серж пробрался к телефону. — Это очень важно.

Он был краток: поднявшему трубку назвал имя полковника Лапокосова и сказал, когда и где его встретить.

— Вернитесь, пожалуйста, на место, — настойчиво попросила бортпроводница. Она заученно улыбалась, но было ясно, что хлопот ей хватает и без Сержа: открыть бутылку шампанского в условиях авиаперелета при плохой погоде сможет не каждый.

— Уже возвращаюсь. — Серж, сдаваясь, поднял руки, и в этот момент самолет сильно трянуло.

Не удержавшись на ногах, Серж полетел на пол. Не удержалось и шампанское: пробка вылетела, вино вскипело пеной, потекло по стеклу, и тяжелая бутылка выскользнула из девичьих рук. Мокрое доньшко и макушка Сержа со стуком встретились.

— Боже мой! Простите!

Бортпроводница потрясла Сержа, приводя его в чувство.

— Ват? — открыв глаза, непонимающе откликнулся Монте Уокер.

В сопровождении бортпроводницы он вернулся на свое место. Зрелая дама в очках с компьютером на коленях приветливо улыбнулась ему, но Монте посмотрел на нее с недоумением: знать, мол, вас не знаю! Последнее, что он помнил, и помнил твердо — фотографию Марио Ла Гадо на стене бара в Нью-Йорке и табличку с датами жизни. Враг был мертв, это утешало.

Поскольку новой цели в жизни Уокер Крутое Яйцо придумать не успел, он положился на волю провидения и остаток времени полета провел во сне.

Мы с Ирккой заняли свой наблюдательный пост вблизи аэровокзала.

— Вай, девушка, с хорошими парнями познакомиться хочешь?

Я с трудом оторвала взгляд от площадки перед входом в аэровокзал и оглянулась: рядом со мной переминался гражданин знойной южной наружности. Сливово-темные глаза полуприкрыты, усы повторяют изгиб улыбки. Рост — полтора метра.

— Гони его, — не оборачиваясь, злобно прошипела Ирка, в своей шубе похожая на стог.

— Маленьких обижать нельзя, — прошептала я ей, а горцу сказала вежливо, но решительно:

— Спасибо, не хочу.

Гражданин отошел, что-то ворча себе под нос.

Ирка возмущенно надула щеки:

— Я что, похожа на женщину, готовую купить мужика?

— Купить — нет, украсть — да! — не раздумывая, ответила я.

На это Ирка возражать не стала, снова повернулась лицом к вокзалу. Я попыталась укрыться от ветра за ее спиной.



— Ты чего там прячешься? Встань рядом и смотри! — Подруга была сурова.

— Ветер же! У меня уже глаза слезятся! И холодно мне в пальто, это у тебя, буржуйки, шуба длинная!

— Дохла! — презрительно бросила подруга, одним движением сбрасывая с барского плеча просторную шубу. — На, грейся!

Шуба накрыла меня, как палатка, сразу стало так тепло и уютно, что я зажмурилась, как кошка на печи. Но стоило закрыть глаза, как Ирка закричала:

— Вот он! Монтик! Бежим, а то уйдет!

— Хай! Монте! — крикнула я.

Он открыл рот — возможно, хотел ответить на мое приветствие. И в этот момент с фланга на него налетела Ирка, раскрыв объятия.

— Шубу давай! Он замерз! — скомандовала она и заботливо укутала Монте.

Мы поймали такси и помчались в Москву.

Встреча Монте прошла не то чтобы организованно, но стремительно. Шансов у наших с Иркой конкурентов не было.

Что мне не нравилось, так это тенденция к ранним насильственным пробуждениям: вновь еще до урочного верещания будильника зазвонил телефон!

Я поспешно выбралась из-под одеяла, ненароком лягнув завалившегося в пододеяльник многострадального кота, и возмущенный кошачий мяв прозвучал одновременно с очередным долгим телефонным звонком.

— Да! — раздраженно рявкнула я.

— Нет! — в унисон воскликнула Зина. — Совести у тебя нет, Алена! Почему ты не звонишь? Я же беспокоюсь! Как Монте, как всё прошло? Вы его встретили, привезли, что из этого вышло?

Ох, до чего же некоторые сентиментальные женщины падки на романтические истории!

— Встретили, — ответила я. — Всё в полном порядке, не волнуйся. Пока, звони!

— Стоп! Кое-что к вопросу о моем гонораре. — Оказывается, Зинка не такая уж романтическая! — Передай Ирке, что она выступает спонсором моего перелета: я еду повидать маму и папу. Хотела вылететь вместе с вашим Монте, но сначала нужно было отвезти к свекрови Бобби. Теперь я свободна, так что вылетаю.

— Тогда увидимся, — сказала я, закругляя разговор.

— И очень скоро, — добавила Зинка.

Накормив себя, кота и собаку персональными высокопитательными завтраками, я выгнала Томку гулять в огороженный двор, а кота посадила наблюдать за ним с забора, так что оба могли наслаждаться компанией. Сама же удобно устроилась в кресле у окна. Каждый человек имеет право на отдых. Ах, как хорошо — тихо, спокойно...

— Ленка, бинокль есть? Живо! — Задыхающаяся Ирка сунула голову в мой двор поверх кирпичного забора.

Меланхолично дремавший дотоле на заборе кот с треском рухнул в лопухи.

— Дай бинокль, там какие-то мужики из нашего канала что-то выуживают!

— Ух, — коротко выдохнула я, срываясь с кресла. Прощай, отдых, прощайте, тишина и спокойствие! Где у меня бинокль, интересно?

Ага! Бинокль нашелся в холодильнике, в пустой коробке от торта. На ходу сметая с оптического прибора сухие крошки, я выбежала к Ирке, и мы вместе помчались по проселку, потом взобрались на фундамент соседнего долгостроя и спрятались за штабелем кирпича.

Оказалось, что мы выбрали хорошую позицию: обмелевший, с коричневой водой на дне, канал виден был как на ладони. По берегу, вытаптывая высокими сапогами камыши, озабоченно бродили хмурые мужики с баграми. Периодически тыча палками в темную жижу, они с натугой вытягивали на свет божий разнообразное добро.

Подруга опустила бинокль и посмотрела на меня глазами, увеличенными без всякой оптики.

— Они мешок выловили, — шепотом произнесла она.

Действительно, на берегу в натекшей луже громоздился бесформенный мешок. Что-то знакомое было в его очертаниях... И эта заплатка на боку...

— Ирка! Это же наш мешок! Тот самый, с резиновой бабой!

Ирка схватилась за голову.

— Значит, так: быстро уходим, — решительно сказала она.

— Ни за что! Ты как хочешь, а я такое шоу не пропущу! — Я удобнее устроилась среди кирпичей.

Просто кино какое-то! В бинокль было прекрасно видно происходящее у канала.

— Ну что там? Рассказывай! — распорядилась Ирка.

— Томка! Наверное, забыла закрыть калитку. Всё, конспирация по боку, держи бинокль, побегу ловить зверя, пока он чего-нибудь не натворил.

Общительный пес держал курс прямо на мешок. Вспомнил его, что ли?

Томка меня опередил, уже внедрился в компанию и беспрепятственно вцепился в стягивающую горловину мешка веревку. Предатель четвероногий!

— Фу, Том, фу!

Фукать было поздно. Унося обрывки веревки, пес отбежал в сторону. Облепленный тиной грязный мешок самопроизвольно раскрылся, и из него медленно выползло какое-то серое щупальце. Даже на расстоянии я услышала, как в засаде ахнула Ирка.

— А ну, все назад! — Старший над работягами отважно потянулся палкой и поворочал щупальце, счищая на траву липкую серую массу.

Совсем забыла, что в мешке, помимо резиновой бабы, были бумажные афиши! Какая все-таки неаппетитная вещь — папье-маше... Ладно, чего переживать, нашли нашу куклу — ну и черт с ней. На ней же не написано, чья она? Отпечатки пальцев, наверное, смылись, мешок и вовсе не наш.

Я успокоилась, внимательно оглядела мужчин и заметила:

— Какую же гадость вы выловили.

Мужики заматерились, а я твердым шагом отошла от группы, строго сказав собаке: — Том, домой!

— Ну и нервы у бабы! — прозвучало мне вслед.

А то! Я гордо расправила плечи.

Подъехать к отчому дому на такси оказалось невозможно: узкая улочка была плотно забита автомобилями. Водители яростно сигналили кому-то впереди и переругивались между собой.

— Надо же, и здесь пробки! — устало удивилась Зинка.

Она прикинула расстояние, оставшееся до родительского дома — меньше квартала. Чемоданов у нее всего два, не особенно тяжелые, можно донести. Кузина подхватила свой багаж и заковыляла по разбитому тротуару, то и дело спотыкаясь и приговаривая незабываемые русские ругательства. Угораздило же ее надеть в дорогу туфли на высоком каблук! А всё глупое тщеславие: хотелось предстать перед родными во всей красе.

Зина наметанным взглядом оценила уровень воды в сточной канаве. Еще одна местная традиция: в сильные ливни старый центр Екатеринодара превращается в Венецию, мощёные улочки то и дело затапливает, и поэтому народ заблаговременно снимает крышки с люков, давая сток воде; а чтобы никто, не дай Бог, не ухнул в открытый колодец, предупреждающим знаком для водителей и пешеходов в отверстие люка вертикально устанавливается какая-нибудь палка или ветка. Крышки, правда, и после дождя не всегда возвращаются на место, потому что ушлые граждане нередко сдают их в пункт приема металлов. Тоже традиция...

С квадратными чемоданами в руках Зинка была неповоротлива. Опасаясь зацепиться за растопыренную ветку тонкими колготками, она поставила багаж на тротуар, осторожно потянулась к деревцу, выдернула его из люка и перебросила через низкую ограду палисадника. Движение оказалось слишком энергичным: пуговица на плаще не выдержала и с треском отскочила. Зинка кинулась подбирать оторвавшуюся пуговицу, но та со стуком проскакала по асфальту и, провожаемая ее тоскливым взглядом, канула в открытый люк.

Зина присела на корточки рядом с колодцем, взгляделась в темную глубину и на самом дне увидела что-то светлое. Напрягая

зрение, она с уверенностью определила человеческую руку, в которой как в гнезде, лежала ее драгоценная пуговица.

— Эй, вы, там! Вы меня слышите? — гулко прокричала Зина в темноту люка.

Со дна колодца не доносилось ни звука. Зина испугалась. Она оставила чемоданы, скинула с ног туфли на шпильках и, наплевав на колготки, со всех ног припустила к родительскому дому.

— Доченька моя дорогая! — всплеснула руками мама, увидев на пороге запыхавшуюся Зинку.

— Мамуля, папуля, здравствуйте! — скороговоркой сказала Зина. — Как я рада вас видеть, умереть можно! Срочно звоните в “скорую” и службу спасения!

Пока сообразительный папа молча накручивал телефонный диск, мама выспросила у Зинки подробности случившегося и разволновалась. Сама же Зинка, напротив, немного успокоилась, сообразив, что, если прибывшие по вызову спасатели сумеют вытащить из люка неподвижное человеческое тело, то достать заодно маленькую пуговку им будет раз плюнуть.

Вася Бурундук вышел за ограду домовладения Беримора, ныне покойного, чтобы опустошить почтовый ящик. С проведением этой нехитрой операции Вася припозднился, ящик был набит газетами, в основном — цветными рекламными листками. Когда-то Беримор имел неосторожность выписать по почте какую-то ерунду, и его раз и навсегда внесли в список рассылки.

Вытряхнув всю почту прямо на землю, Вася присел рядом на корточки и быстро рассортировал корреспонденцию: рекламные проспекты налево, в мусор, газеты направо, еще пригодятся: скучающий Бурундук практиковался в чтении. Одинокое письмо, адресованное Сергею Петровичу Никонову, царство ему небесное, Вася нерешительно повертел в руках: направо или налево? Продолжать переписку усопший наверняка не будет...

— Извините, адресат выбыл, — приняв решение, негромко произнес Бурундук.

Он разорвал конверт пополам, и в этот момент его локтя коснулось что-то холодное. Не особенно суеверный, но впечатлительный, Вася вздрогнул и медленно обернулся. Незнакомая собака снова просительнo ткнулась носом в его руку.

— Ты кто? — глупо спросил Вася. Понял, что спорил чужь, и переспросил: — Ты чей?

Грустные собачьи глаза яснее ясного говорили о том, что хозяина у животного нет. При этом псина, кажется, была породистая, не иначе, немецкая овчарка, но грязная, всклокоченная и явно голодная. Ошейника на ней не было.

— Слышь, Мухтар, ты есть хочешь? — снова спросил Вася.

Собака, которая вряд ли могла именоваться Мухтаром по причине своей принадлежности к женскому полу, смотрела на него с тоской и надеждой.

Появление овчарки его порадовало и развлекло. Вася сбегал в гараж и вывернул в глубокую тарелку содержимое трех банок консервированной гречки с мясом, налил в другую тарелку из чайника холодной кипяченой воды и накормил собаку. Овчарка приняла щедрые дары с признательностью, всё съела, до блеска вылизала миску и протянула Бурундуку лапу.

Потрясенный таким проявлением интеллекта, Вася в свою очередь напрягся и припомнил несколько собачьих команд. Пси-на с радостной готовностью произвела действия по приказам “Сидеть!”, “Лежать!”, “К ноге!” и “Барьер!”, Бурундук развеселился и на бис погонял собаку за палкой.

Когда пси-на устала и заснула, положив голову на передние лапы, Бурундук вернулся в гараж, тоже прилег на диванчик, но прикорнуть не смог. Васина мирная жизнь дала трещину. Продукты в холодильнике и консервы в ящике — дело хорошее, но выданные Беримором наличные подошли к концу, и Вася невольно начал задумываться о будущем. “Где взять денег?” Ответ пришел сам собой, когда Вася машинально вывернул карманы: среди прочего мелкого хлама там нашелся сделанный ранее “на всякий случай” дубликат ключа от квартиры Сержа.

Не откладывая дела в долгий ящик, Вася собрался, запер гараж, дал собаке еще порцию каши с тушенкой и строгий наказ оставаться на месте, и на трамвайчике потрусил в спальный Пионерский микрорайон, где в одной из девятиэтажек находилась двухкомнатная квартира Сержа.

На двери подъезда был кодовый замок, но Вася проник в здание беспрепятственно — вслед за женщиной с собакой. Пес был очень похож на его нового четвероногого друга, только этот зверь был покрупнее, с веселыми глазами и гордой поступью.

Женщина и собака вошли в лифт, Вася поостерегся здорового пса и предпочел подняться на третий этаж по лестнице. А куда спешить?

Я затолкала Томку в лифт и притиснула его коленом к стене, чтобы жилец, вошедший вслед за нами, тоже мог поместиться. Но рослый румяный малый при виде Томкиной ослепительной улыбки замялся, вежливо махнул рукой и свернул к лестнице.

— Дело хозяйское, — пожав плечами, я придавила кнопку с цифрой “3”, и лифт пошел вверх.

Томка обнюхал углы кабины и, очевидно, задумался, поднимать лапу или проигнорировать?

Лифт остановился, я вышла, а своенравный Томка задержался в кабине.

Двенадцатая квартира была отгорожена от лестничной площадки дополнительной дверью: два номера, два звонка. Я выбра-

ла нужный и позвонила. Дверь не открывали. Странно, чего это Ирка с Монтиком вздумали запираяться? Я же предупредила, что мы подойдем минут через десять, как только Том сделает свои собачьи дела!

— Эх, лямур-тужур, — не без зависти сказала я, и тут дверь распахнулась.

— Спасибо, что открыли! — поблагодарила я незнакомого гражданина, принимая его за жильца соседней квартиры. — Не беспокойтесь, я не к вам. Я в двенадцатую.

Мужчина крепко стиснул мою руку выше локтя, захлопнул входную дверь и быстро повел меня по коридору.

— Ленка! Ты почему одна? — С дивана мне помахала рукой Ирка. Монтик чинно сидел рядом с ней. Вид у них был напряженный.

Еще одного незнакомого гражданина с пистолетом я заметила не сразу — в явно импортной рубаше типа “гавайка” он почти сливался с пестрой занавеской.

— Что тут происходит? — Обнаружив вооруженного незнакомца, я неприятно удивилась.

— Садитесь, — хмуро скомандовал тип с пистолетом.

Скрестив руки на груди, я гордо застыла на месте, как бронзовый Пушкин у городской библиотеки.

— Это та, вторая, баба, товарищ полковник, — сказал из-за моей спины мужчина, впустивший меня.

— Разберемся, — едва глянув в мою сторону, хмуро произнес бандит по кличке “товарищ полковник”.

— А мы думали, что ты с Томочкой придешь! — с нажимом проговорила Ирка.

Намек я поняла. Да, Том мог пригодиться: даже при наличии у противника пистолета крупная собака, вооруженная до зубов... гм... зубами же могла обеспечить нам перевес сил.

— Томочка! — Заговорщицки подмигнув Ирке, я фальшиво-ласково повысила голос.

От входной двери донесся характерный энергичный стук: сидящий на коврике Том, услышав мой голос, радостно забил хвостом. Ритмичные удары мускулистого хвоста о железную дверь звучали громко и выразительно.

— Это еще кто? — спросил Полковник, явно недовольный.

— Это Томочка. Пустили бы Томочку, Товарищ Полковник! — умильно улыбнулась я.

— Капитан? — Товарищ Полковник вопросительно посмотрел на подельника.

— Оригинальные нынче пошли бандиты, — шепнула я Ирке. — Звания у них, как у милиционеров!

— Мафия, наверное, — одними губами сказала Ирка. — У них всегда субординация. Я знаю, кино смотрела!

Капитан удалился в прихожую, и мы с Иркой затаили дыхание. Вот лязгнул замок, вот скрипнула дверь...

Сорокакилограммовый снаряд в собачьем образе ворвался в комнату, походя опрокинув журнальный столик, кресло и человека с пистолетом.

— Том, сидеть! Ира, Монтик, бежать!

Послушалась меня только Ирка. Она сгребла в охапку Монте и вылетела из комнаты.

Грохнул выстрел, с потолка посыпались осколки хрустала, пес радостно запрыгал по комнате, оглушительно лая и калеча мебель помельче. Со второй попытки, для начала наступив шпилькой на руку Полковника, я пинком отправила его оружие в угол.

— Что такое? Кто такие? — В комнате появился еще один человек.

— Здравсьте, — оживленно сказала я. — Жаль, что вы с нами в лифте не поехали: пропустили самое интересное!

Вася Бурундук огляделся, ничего не понимая.

— Это двенадцатая квартира? — тупо спросил он.

— Двенадцатая, двенадцатая, — отозвалась я. — А вы к кому?

— Тут Серж живет, — сказал Вася, соображая, добрались ли эти мародеры до спрятанных баксов. — А вы кто?

— А мы Сержевы друзья, родные и близкие, — сказала я, повторным выпадом шпилькой пресекая попытку Полковника дотянуться до пистолета. — А некоторые из нас Сержевы враги.

— Не тронь его, сволочь! — донеслось из кухни вперемежку с металлическим грохотом и лязгом.

— А там кто? — растерянно обернулся Вася.

Стало тихо. В дверях появилась бледная Ирка.

— Он его ударил, — шепотом сказала она. — Этот гад ударил Монтика. По голове. Сковородкой.

— Живым брать, живым! — с полу проревел Полковник.

Оттолкнув Ирку, я побежала в кухню, за мной, лая, ругаясь и сопя, Томка, Полковник и вновь прибывший гражданин: просто крестный ход! Дополняя картину, у кухонного окна, держа сковороду, как хоругвь, стоял Капитан. Всем хороводом мы сгруппировались вокруг сидящего на полу Монтика.

— Ну?

Он открыл глаза и мутным взором обвел бледные пятна окружающих его лиц. Сосредоточился на одной физиономии:

— Товарищ полковник!

— Господи, на всё воля твоя! — изумленно всплеснула руками Ирка. — Заговорил!

— Товарищ полковник! — повторил Серж, ныряя рукой за левый борт пиджака. — Вот она, та самая, — дрожащей рукой он протянул полковнику дискету.

Полковник потянулся навстречу, и тут между ними протиснулся недогнущий Томка. Хап! — и дискета оказалась в собачьей пасти. Мы с Полковником закричали одновременно,

только я громче, о чем тут же пожалела. Моя собака не любит, когда на нее кричат. Это травмирует ее психику. Но в дискуссии Том не вступает, мудро руководствуясь принципом: поговорим, если догонишь!

— Держи его! Держи!

Капитан, отшвырнув сковородку, побежал за собакой. С грохотом они проскакали по ступенькам лестницы вниз. Я осталась на месте, зная, что Том за себя постоит.

— Монтик, как ты? — Ирка с тревогой склонилась над любимым.

— В чем дело? Вы кто? — сердито спросил ее Серж, отстраняясь.

— Чья собака? Убью скотину! — некстати взревел Полковник.

С ужасом я заметила у него в руке пистолет. Дура я, должна была сама его подобрать!

— Да не мешай ты! — не выдержала испереживавшаяся Ирка, замахиваясь на Полковника сковородкой.

Бум! Я невольно зажмурилась, ударенный Полковник тоже. Грохнул выстрел — Серж упал! Полковник упал! Ирка упала!

Я поспешно осмотрела павших: Ирка и бандит-полковник выглядели вполне невредимыми, а вот лицо Сержа заливала кровь.

— Вставай, симулянтка! — Я потрясла Ирку за плечи, метнулась к бандиту, вынула из его стиснутых пальцев пистолет. — Нашла время для обморока!

Ирка открыла глаза, увидела Сержа и зарыдала.

— Ирка, замолчи! Живой он, живой!

— Врача! — закричала Ирка, разом перестав реветь и бросившись поднимать любимого. — Его голова!

— Руки! — слабо вскрикнул Серж. — Руки прочь! — Он на трясущихся ногах по стеночке отодвигался от Ирки в прихожую.

— Ты куда?!

Свирепо глядя на Ирку, Серж неловко толкнул дверь, вывалился в коридор и шагнул в лифт. Двери закрылись и, едва лифт тронулся, изнутри донесся шум упавшего тела.

— Перехвати лифт! — крикнула я Ирке.

На полу заворочался Полковник.

— Жив, гангстер?

Бандит с трудом сфокусировал взгляд, тупо посмотрел на меня и с усилием спросил:

— Ват?

Вот те раз! Я без усилий перешла на английский: — Хау ар ю?

— Велл, — хмуро сказал Товарищ Полковник, потирая голову и глядя на меня с превеликим подозрением.

Я огляделась по сторонам и наткнулась взглядом на озабоченное круглое лицо гражданина, не пожелавшего ехать в одном лифте со мной и Томкой.



— Вы-то кто такой? Только отвечайте по-русски!

— Вася я, — сказал гражданин, испуганно косясь на трясущийся пистолет в моей руке.

— Возьмите это, — я вручила пистолет несопротивляющемуся Васе. — Посидите тут пару минут, покараульте этого типа, пока я вызову “скорую” и милицию.

Спотыкаясь о разбросанную мебель, я быстро обежала квартиру в поисках телефона и не нашла его. Вот досада! Придется идти на улицу.

Машина стояла там, где мы ее бросили: в тридцати метрах от Монтикова-Сержикова дома. У заднего колеса в позе сфинкса лежал мокрый, грязный и счастливый Том. Завидев меня, пес радостно гавкнул, забил хвостом, но не поднялся, закрылся от меня плечом и с энтузиазмом вцепился зубами во что-то, торчком зажатое в передних лапах.

— Фу, Том, фу! — на всякий случай закричала я.

Пес удвоил усилия, яростно стиснул челюсти и чем-то захрустел. На землю посыпались изжеванные темные кусочки. Я присмотрелась: так и есть, куда там компьютерной дискете против собачьих зубов!

Трясущимися руками я открыла машину, нашла сумку, достала из кармашка мобильник, набрала 02 и на одном дыхании протарахтела:

— Милиция? Пионерский микрорайон, улица Трудовых Подвигов, 10! В квартире номер 12 вооруженные бандиты! Летят пули и сковородки!

За моей спиной хлопнула дверь. Я обернулась. Из темноты подъезда медленно выдвинулась Ирка: растрепанная, зареванное лицо в подтеках косметики. На вытянутых руках — неподвижный Серж.

— Я снова его потеряла, — хрипло сказала она, осторожно опуская тело на землю.

Серж застонал. Я внимательно присмотрелась к его макушке и засмеялась: — Ирка, да это же царापина!

— Монтик, милый, как ты? — просияла Ирка.

— Оставьте меня в покое, — прошептал Серж, глядя на Ирку с необъяснимой неприязнью. — Идите к черту! Видеть вас не могу!

То, как он это сказал, не оставляло сомнений в искренности его слов. Не веря своим глазам, я смотрела, как Иркин возлюбленный встает на ноги и пошатываясь уходит в подъезд. Загудел лифт. Онемевшая Ирка приросла к месту.

Когда шайка буйных сумасшедших разбежалась кто куда, Бурундук осторожно положил пистолет на подоконник, угрозил типу на полу кулаком и задумался: что теперь делать? В обещание психованной бабы вызвать милицию Вася не поверил: разумеется, это был просто подходящий повод сбежать. Казалось подозрительным, что ему оставили пистолет — а

вдруг из него кого-нибудь уже пристрелили? Отдувайся потом за чужую мокруху! Не выпуская из виду вяло копошащегося мужика на полу, Вася тщательно протер рукоятку пистолета кухонным полотенцем, истребил свои отпечатки и, не зная, куда деть оружие, пристроил его в горшок с кактусом. Потом тем же полотенцем туго связал типу руки за спиной, вежливо попрощался и вышел из квартиры, аккуратно прикрыв, но не заперев, входную дверь.

В подъезде никого не было. Во дворе нудно шелестел холодный осенний дождь.

— Пережду, пожалуй, — сам себе сказал Бурундук, зябко ежась.

Дождь не прекращался. Вася вздрогнул и вдруг вспомнил о цели своего визита в Сержеву квартиру: баксы! Две тысячи девятьсот долларов США в конфетной коробке! Не оставлять же их неизвестно кому, тем более что сам Серж позорно бежал, уступив поле боя подозрительным гражданам, в свою очередь, тоже удравшим.

Вася прошел к лифту и поднялся на третий этаж. Дверь Сержевой квартиры по-прежнему была не заперта. Вася тихо вошел, из коридора заглянул в кухню. Там, дергая локтями и сдавленно приговаривая непонятные слова, рвался из объятий полотенца незнакомец. Вася бесшумно закрыл дверь, на всякий случай запер ее изнутри, прошел в комнату, открыл дверцу бара и достал из конфетной коробки американские деньги. Пересчитал: точно, без одной сотни три штуки баксов.

Мягко ступая по линолеуму, тихо улыбающийся и уже не чувствующий холода, Бурундук прошагал к входной двери, и тут снаружи в нее вкрадчиво поскреблись.

Вася замер на одной ноге, не зная, что предпринять. Над ухом у него раздался звонок.

— Кто там?

— Свои...

Вася нерешительно открыл дверь, выглянул в щелочку и увидел покачивающегося Сержа.

— Так ты живой?

Серж, не отвечая, проследовал к дивану. Вася закрыл дверь, но отойти от нее далеко не успел. На этот раз с той стороны донесся настойчивый стук.

— Кто? — неожиданно севшим голосом спросил Вася.

— Откройте, милиция! — ответили из-за двери.

Капитан Сидоров торопливо шагал по улице Трудовых подвигов, громко стуча зубами. Он промок насквозь. Виноват в этом был в основном Томка: следуя привычной тактике, он в хорошем темпе провел капитана по большому кольцу Пионерского микрорайона, дразняще держа в пасти дискету с яркой наклейкой. Зловредная собака, всё время издевательски маячившая впер-

ди, вдруг куда-то пропала. Уже на подходе к дому капитан наступил на хрустящие огрызки дискеты, узнал яркий ярлычок и запоздало пожелал подлой псине подавиться.

Поднявшись на третий этаж, капитан Сидоров без труда вошел в квартиру Максимова, но там пришлось объясняться с невесть откуда взявшимися хмурыми парнями в милицейской форме. Первым делом он предъявил удостоверение, доказав, что он свой надежный товарищ, затем засвидетельствовал личность полковника Лапокосова и потребовал его развязать. Смежники освободили полковника из плена полотенца, и тут Лапокосов повел себя странно. Сначала он с чувством произнес несколько энергичных иностранных слов, из которых Сидоров понял только "Санта Мария".

Капитан приблизился к полковнику, но тот неожиданно отшатнулся, правой рукой нырнул в стоящий на подоконнике горшок с кактусом, вытащил из него пистолет и наставил его на Сидорова.

— Твою мать! — не сдержавшись, воскликнул капитан. И специально для полиглота-полковника привычно перевел: — Фак ю.

Полковник сказанное капитаном понял и, обведя присутствующих колючим взглядом и пистолетом, в свою очередь на чужом языке поведал им, что он фак ю, ю и ю. И вооруженный собственным табельным оружием полковник, пятясь, беспрепятственно направился к входной двери. Капитан Сидоров беспомощно смотрел ему вслед, не зная, что предпринять, чтобы остановить это безумие.

И тут из неприметной двери с пластмассовым изображением писающего мальчика-дауна, застегивая на ходу ремень, вышел Вася Бурундук! Резко распахнутая дверь ударила отступающего полковника в спину. Полковник упал, мгновенно на него с двух сторон рухнули парни в форме, а пистолет хоккейной шайбой проехал по скользкому линолеуму к ногам Сидорова. Капитан проворно нагнулся, чтобы его подобрать.

— Здрасьте, — севшим голосом машинально ответил Вася, делая неловкое подобие книксена.

— Ну, полный дурдом! — зло сказал кто-то с полу, и разогнувшийся Сидоров согласно кивнул. Только сейчас он нашел единственное правдоподобное объяснение происходящему: очевидно, полковник Лапокосов сошел с ума.

Теперь капитан знал, что ему делать. Пока милиционеры вязали полковника всё тем же полотенцем, он вынул из лапокосовского кармана сотовый и набрал знакомый номер.

И удивительное дело: не успел еще Сидоров закончить разговор, как в открытую дверь двенадцатой квартиры вломились озабоченные люди в белых халатах.

— Вот это оперативность! — уважительно произнес один из милиционеров.

— Да у нас в дурдом попасть — как с горы скатиться, — ехидно заметил другой.

Однако оказалось, что просто-напросто кто-то чуть раньше Сидорова вызвал по указанному адресу бригаду “Скорой помощи”.

— Извините, — робко сказал незнакомый женский голос. — Это Елена?

— Елена, — подтвердила я.

— Это Света из больницы, вы меня помните? Вы мне свой телефон оставили, когда навещали одного пациента — мужчину с травмой головы, помните?

Хотела бы я забыть Монте Уокера!

— Я почему вам звоню? Знаете, такая странная история: он опять у нас!

— Что?!

— Ну да, снова его привезли: голова разбита, одна рука сломана, вторая поранена, ушибы, ссадины, а самое главное — он опять ничего не помнит! Не знаю, интересно ли это вам...

— Еще как интересно! О Господи! Спасибо, что позвонили! — Я положила трубку и двумя руками схватилась за голову, вздохнув прическу. Затем рысцой пробежалась по кухне, приводя мысли в порядок. Не надо нервничать, может, не я спятила, а эта, как ее, Света? Или Монтик? Что-то многовато у нас ненормальных на единицу площади! Минутку, а ведь Монтика и впрямь совсем недавно били по голове сковородкой!

Стоп, не будем терять голову. Я закрыла глаза, сделала глубокий вдох и почувствовала, что способность рассуждать более или менее здраво ко мне возвращается.

Первым делом я заварила крепкий чай. Снял с огня бурлящий суп, выключила плиту, нарезала хлеб и поставила на стол два прибора. Потом прошла в гостиную и осторожно потрясла Ирку за плечо.

— Ира, просыпайся, суп стынет.

Перед новым походом нужно было подкрепиться.

Дона разбудил негромкий частый стук. Он повернул голову на звук, открыл глаза, сфокусировал зрение и увидел белого голубя в радужном ореоле. За окном было темно, в рассеянном свете уличного фонаря оперение птицы слабо фосфоресцировало. Дон внутренне содрогнулся: что за явление? Разве голуби не должны спать по ночам?

Дон повернулся, панцирная сетка под матрасом душераздирающе скрипнула, он посмотрел в далекий белый потолок и попытался припомнить события последнего времени. Между падением в люк и тряской ездой на носилках в машине “Скорой помощи” по-прежнему зиял провал, но всё остальное он помнил прекрасно, и на вопросы медперсонала отвечал короткими “не пом-

ню”, “не знаю” лишь для того, чтобы не осложнять своё положение. Хотя куда еще осложнять? Задание он не выполнил, а сам вяпался по уши. При нем не было ни документов, ни денег, здоровье оставляло желать лучшего, и рассчитывать на чью-либо помощь не приходилось.

— Слышь, сынок, тут твой ужин. Поешь, пока не совсем остыл. — Над Доном склонилось морщинистое лицо старушки. Вззальной спицей бабушка потыкала в сторону тумбочки, едва не нанизав на острие страшненькую больничную котлетку.

— Спасибо. — Дон смежил веки, и в этот момент лицо его овеяло потоком воздуха.

Он открыл глаза и вместо одного желтовато-бледного лица увидел над собой два раскрасневшихся. Лица были молодые, женские, удивленные, с блестящими глазами.

— Да это же не он! — возмущенно сказала Ирка.

— А ты и недовольна, да? По-твоему, лучше бы он? — Я внимательно вгляделась в больного. — Слушай, а как похож! Глаза, рот, скулы, ямочка на щеке! Повязка на голове точь-в-точь такая же!

— Похож, — согласилась Ирка. — Но мой Монтик лучше.

— К черту твоего Монтика! Хау ар ю? — Я вдохновенно проводила тестирование.

— Велл, — моментально отозвался пациент.

— Вот, видишь! — я обрадованно толкнула Ирку локтем. — Этот тоже говорит по-английски!

— А я вас, деточки, помню, — задумчиво сказала бабуля со спицами, поднимая глаза от вязания. Глазки у бабушки были серые, острые, похожие на буравчики. Мне сделалось не по себе.

— Прошу прощения. — Я взяла Ирку за локоть и увлекла ее в коридор, подальше от памятной Арины Родионовны. Пациент проводил нас внимательным взглядом.

— Слушай, дорогая, чего ты вредничаешь? Мужик — копия твоего Монтика.

— Копия, — с ударением повторила Ирка.

Дверь палаты приоткрылась, пропуская старичка на костылях. Дедушка странно покосился на нас с Ирккой и торопливо проковылял к телефону.

— Стой здесь. — Я оставила Ирку, прокралась вслед за стариком и постояла у него за спиной, под прикрытием пожарного щита, без зазрения совести подслушивая разговор. Предчувствия меня не обманули: дедушка пошло стучал на нашего нового знакомого.

— Значит, так, — решительно сказала я Ирке, возвращаясь. — Что будет дальше — я уже догадываюсь: через пару часов этот парень, Монтиков двойник, будет примерять байковую пижаму в психушке. Послушай меня, дорогуша: если ты не хочешь еще раз штурмовать дурдом, давай умыкнем его прямо сейчас!

— Умыкните меня, пожалуйста, — негромко проговорил мужской голос с едва уловимым акцентом.

Я и не заметила, как предмет нашей дискуссии вышел из палаты!

Дон понял, что ему выпал шанс на спасение. Кто эти женщины и почему они хотят увести его из больницы, в данный момент было не столь важно, Дон решал задачи по мере их возникновения. Он подался вперед, и тут его толкнули в бок.

— Осторожно! — Я поддержала незнакомца под загипсованную руку, и он болезненно поморщился.

Старичок на костылях проскакал мимо нашей троицы, явно насторожив уши.

— Думать некогда, — постановила я. — Ирка, беги вниз, заводи машину. Вы, не знаю, как вас зовут, обопритесь на мою руку. Мило беседа, идем к лифту.

Скаля зубы, как две макаки, мы вошли в лифт. Повезло, попутчиков у нас не оказалось. Двери за нами закрылись, и, едва лифт тронулся, я ударила по кнопке "стоп". Лифт остановился, не теряя времени, я решительно сорвала с себя спортивную куртку и бросила ее парню:

— Одевайтесь, быстро!

Быстро у него не вышло, потому что мешал гипс на руке, ладонь другой руки, коричневая от йода, тоже, очевидно, была поранена. Вздохнув, я помогла ему снять пижаму и натянуть куртку. Хм, хорошая фигура у парня, если он Ирке не нужен, может, себе оставить?

Выйдя из лифта, мы не суетились, и особого внимания на нас никто не обращал — подумаешь, пара придурков. Впрочем, в поздний час во дворе больницы было немногочисленно, да и фонари горели через два на третий.

Иркина "шестерка", пыхтя и вздрагивая, ждала у самых больничных ворот, перегораживая проезд тревожно ревущей "скорой". Мы быстро погрузились и отвалили в сторону, "скорая" въехала под слагбаум, и всё успокоилось.

— На этот раз удачнее получилось, — заметила Ирка.

Был в ее словах упрек или мне почудилось?

— Опыт — дело наживное. Выйду на пенсию — займусь киднеппингом, — сообщила я, откидываясь в кресле.

— Леди, вы можете называть меня Доном, — сказал наш пациент, подавшись с заднего сиденья вперед, к нам с Иркой. И съехал по гладкой обивке на пол. — О, здесь скользко!

Ирка посмотрела на меня с укором:

— И ты хочешь, чтобы я взяла его себе?!

Кое-как устроив судьбу полковника, капитан Сидоров добросовестно попытался разобраться, что к чему. Информация о скоростигшной гибели Никонова-Беримора, на показания которого капитан очень рассчитывал, выбила почву у него из-под

ног. Он провел целый день в компании лейтенанта Филимонова и задержанного Васи Бурундука. Загнанный в угол, Бурундук неожиданно проявил звериную интуицию, смекнул, что “начальникам” лучше говорить правду, и лгал только про доллары.

Жутко усталый и простуженный Сидоров красными глазами больного ангорского кролика обозрел скромное убранство служебного кабинета и оглушительно чихнул. Лейтенант Филимонов строго посмотрел на него и вернулся к допросу.

— Еще раз сначала. Как вы попали в квартиру гражданина Максимова Сергея Петровича?

— Обыкновенно попал, через дверь, — пожал крутыми плечами чистосердечный Бурундук. Стул под ним предательски скрипнул. — Не в окно же лезть? Все-таки третий этаж...

— Откуда у вас дубликат ключа?

— На рынке сделал, на кооперативном. Там в будке мужик сидит, за десятку любой ключ сделает. Пять минут делов-то!

— Короче: незаконно проник в квартиру гражданина Максимова и совершил хищение принадлежащих ему долларов США в сумме две тысячи девятьсот этих самых долларов. Так? — не выдержав, вмешался Сидоров.

— Не так, — с достоинством сказал Вася, поворачиваясь к капитану: дружно скрипнули стул, шейный позвонок и, кажется, мозги. Умственное усилие не прошло даром: — Проник я законно, дверь была открыта, и сам Серж дома был. Вы же, гражданин начальник, тоже там были, и Сержа видели, а ваш товарищ его на мушке держал. А потом, когда вы за собакой побежали, а Серж с бабой ушел, другая баба дала мне пистолет и велела стеречь мужика, вашего, то есть, товарища. А я, пока стерег, здорово проголодался. — Вася шумно вздохнул, набирая в грудь побольше воздуха: до сих пор он не врал, но теперь ступал на скользкую почву.

— Проголодался я, значит. Сильно проголодался. Как зверь! А пожрать у Сержа нечего — он же с шефом покойным в Гренландию уехал! Холодильник пустой, сковородками посторонние люди дерутся, так я в бар полез, думал — хоть чипсов каких поем или печенья, нашел коробку, написано “Конфеты”, а там баксы эти... Ну, взял я их...

— “Зелени” поест, да? — ввернул Филимонов.

Бурундук вздохнул, посмотрел на лейтенанта с укором:

— Зачем “зелени”? Я хотел сбежать, купить Сержу жратвы какой, раз уж он из Гренландии вернулся, и бабу себе завел, даже двух, и с собакой...

— Это на три-то тысячи долларов продуктов? — язвительно спросил Сидоров.

— А вы, гражданин начальник, видали, какая собака? Она мясо жрет — будь здоров! — быстро нашелся с ответом Бурундук. И сам улыбнулся своей неожиданной находчивости. — У

меня у самого такая собака совсем недавно была. Ей три штуки баксов проесть — ха!

— Стоп, — решительно прервал его лейтенант Филимонов. — Не отвлекайтесь, пожалуйста.

Вася с удовольствием перевел дух.

— Нет, почему же, — не согласился капитан Сидоров. — Пусть отвлекается. Пусть еще про Максимова расскажет: в какую-то такую Гренландию он ездил? Из какой-то такой Лаврики вернулся? Что за бабы, что за собака?

— Вам про какую собаку рассказывать, про мою или про чужую? — уточнил Вася.

— Про ту, что с бабой пришла.

Вася уселся поудобнее — стул взвыл. Снова только правда:

— Значит, я по порядку. Собака породы овчарка, кажись, кобель, хотя я не присматривался. Одна баба — собака хозяйка, другая — хозяйкина подруга. Я думаю, они вместе с Сержем пришли, а вот сам Серж откуда взялся — не пойму. Вообще-то он с шефом, царство ему небесное, на этот остров улетел...

— Вернемся к Максиму, — сказал Сидоров. — Зачем он уехал в Гренландию?

— Так я же говорю, он не уехал, — покачал головой Вася. — То есть, в самолет он вроде сел, а сам, видите, в Екатеринодаре с бабами тусуется. С Сержем всегда так: в больницу его положат — испарится, в психушку посадят — сбежит, в мешок засунешь — выберется.

— Кошперфильд какой-то, — хмыкнул лейтенант Филимонов.

— Про мешок подробнее, — потребовал капитан.

Вася почесал в затылке, поздно сообразив, что сейчас снова придется врать.

— Ну, как-то Серж залез в мешок. Случайно... И уснул там. А в мешке уже лежали кирпичи, их нужно было отвезти на стройку. Вот Сержа и вывезли вместе с кирпичами... А по дороге тот, кто вез, раздумал ехать на стройку и выбросил мешок в камыши... Хотя, наверное, зря выбросил — мешок-то хороший был, почти целый, только в одном месте заплатка... Опять же, кирпичи там были новые...

— Это какие камыши? — неожиданно заинтересовался Филимонов. — Не в Пионерском ли микрорайоне, у дренажного канала?

Вася кивнул.

— Товарищ капитан, можно вас на минуточку, — с нажимом обратился Филимонов к Сидорову.

Они вышли из кабинета, оставив Васю скучающе глазеть в пустое нутро распаханного сейфа.

— Ну, в чем дело? — спросил капитан, глядя в щелочку приоткрытой двери на Бурундука.



— Дело в том, что недавно воду из этого самого канала отвели в котлован. На дне, понятное дело, обнаружился всяческий хлам, в том числе туго завязанный мешок. Работяги его развязали, а оттуда нога высунулась — голая, серая...

— Серж?! — ахнул капитан.

Стоп, как же так? Сержа он самолично видел живым и здоровым!

— Нет, не Серж, женщина! Оперативники как по вызову приехали, так сразу из мешка ее и вытряхнули. Ничего девушка, совсем как живая! Сдулась, правда, немного, помялась, но ребята ее отмыли, накачали — красота!

— Ты что говоришь, Филимонов? — Сидоров не понял и ужаснулся. — Вы что, с ума тут посходили?

— Не мы, а он! — Лейтенант потыкал пальцем в направлении Васиной широкой спины. — Точно псих, товарищ капитан! Может быть, даже маньяк сексуальный. Что он нам про Сержу своего рассказывает, про мешок с заплаткой, про камыши у канала? Слышали? А в канале том, в мешке с заплаткой, найдена надувная женщина из секс-шопа!

— Тьфу на тебя, Филимонов, — выдохнул капитан, смахивая со лба холодный пот. — А я-то подумал...

— Ну, вот и подумайте — разве нормальный мужик утопит за здорово живешь в вонючем болоте отличную резиновую девушку за двести баксов? Точно, псих!

— Н-да, — буркнул капитан Сидоров, уже соглашаясь. — Должно быть, эпидемия!

— Массовый психоз, — кивнул Филимонов.

После неожиданного помешательства полковника Лапокова сумасшествие Бурундука почти не удивляло.

— Весь мир сошел с ума, — постановил капитан Сидоров, принимая решение забыть всё случившееся. И оглушительно чихнул.

— Правду сказал, — авторитетно заметил лейтенант Филимонов.

В кабинете настойчиво зазвонил телефон. Лейтенант Филимонов мимо встрепенувшегося Васи прошел к столу, снял трубку, представился, немного послушал и позвал Сидорова:

— Товарищ капитан, по-моему, это вас.

Сидоров принял из рук капитана старомодно-округлую трубку, приложил к уху, помолчал, слушая, устало сказал:

— Хорошо, понял, — и бросил трубку на рычаг телефона.

Как он ни старался, выпутаться из странной истории не удалось.

— Слушай, лейтенант, не в службу, а в дружбу — сгоняй в Пионерский микрорайон к Максиму. Телефона у него нет, а тут, говорят, он снова в горбольнице без памяти лежит, — капитан почесал в затылке. — Хотя, может, конечно, и не он это, тогда, значит, дедок с катушек сошел... В общем, я так думаю, кому-то из них двоих самое место в дурдоме...

— К тебе или ко мне? — тихо спросила я Ирку.

Пассажир на заднем сиденье с интересом глазел в окно, созерцая огни вечернего Екатеринодара.

— Ко мне нельзя, вдруг Монтик одумается, — ответила Ирка. — Представляешь, он вернется — а у меня в доме незнакомая обнаженная натура!

— Почему сразу обнаженная? Можешь не спешить.

— Но ведь мужской одежды у меня в доме нет. Вот и будет он ходить в чем мать родила! А вот у тебя в шкафах наверняка сохранилась куча тряпок от бывшенького, ты оденешь человека, обуешь.

Я нахмурилась, крыть было нечем.

— Ладно, давай ко мне, но предупреждаю: украла я его для тебя! Не захочешь брать — придется выгнать на улицу!

— Мы в ответе за тех, кого приручили, — злорадно хмыкнула Ирка.

Она подвезла нас к моему дому, и мы с Доном выгрузились из машины.

— Я найду попозже, — сказала Ирка. — У тебя еда-то есть?

— Как обычно, — уклончиво ответила я, в потемках слепо тыча ключом в невидимую замочную скважину. — Будешь идти, принеси банки три-четыре тушенки, я помню, у тебя в кладовке была. И картошки пару кило.

— И морковки, и лука, и хлеба, — кивнула Ирка, отъезжая.

— А черный перец у меня есть! — крикнула я ей вдогонку. Наконец справилась с замком, обернулась к гостю: — Ну, добро пожаловать!

Я распахнула перед Доном калитку, и притаившийся за забором Томка сиганул на плечи не мне, а ему. Крепкий парень, устоял на ногах, я нередко падаю!

— Ой, простите, это мой пес, соскучился, зараза, Томка, проваливай! — проговорила я на одном дыхании, с усилием отворачивая собачью морду с высунутым языком от лица гостя.

— Хорошая собака, — вежливо сказал Дон, стряхивая с плеча комочки грязи. Ничего, костюм мой, мне и стирать.

Мы вошли во двор, я немного задержалась, закрывая калитку.

— Вы идите-идите, вперед по дорожке и за угол, там вход. Поднимайтесь, на крыльце вас Томка не тронет, он кота боится, — сказала я Дону в спину. — Только будьте осторожны, из второй ступеньки кирпич вываливается...

Поздно. Судя по грохоту, предупреждение поступило не вовремя. Я поспешила к крыльцу. Дон сидел в клубничных грядках, баюкая незагипсованной рукой ушибленную ногу. Прочь от крыльца по газону прыжками удалялся Том, держа в зубах больничный тапок.

— Идти можете?

Дон кивнул, мученически улыбаясь.

Я открыла дверь, помогла ему подняться на крыльцо, провела на веранду и усадила в плетеное кресло: — Есть хотите?

— Нет. — Дон покачал головой.

— Очень хорошо! Тогда ложитесь в постель. Спокойной вам ночи, да и нам того же хотелось бы... В общем, спите крепко, не вставайте, а лучше всего вообще не двигайтесь!

...Рано поутру со двора донесся Томкин громкий лай. Господи, дадут мне когда-нибудь выспаться или нет?

Продирая глаза, я выглянула в окно, увидела за забором женщину с большой сумкой и, подумав, что это пришла моя подруга с кормами для нас, хриплым со сна голосом закричала:

— Ирка, черти тебя принесли в такую рань! Входи, не заперто!

— А если не Ирка и не черти? — после короткой паузы поинтересовался знакомый голос. — Можно входить?

— Кого я вижу! — Я окончательно проснулась. — Сестрица Зинаида! Входи, дорогая!

Я поспешила навстречу заокеанской гостье, мы обнялись, расцеловались и пошли в дом, оживленно беседуя.

— Хорошо выглядишь! — оглядев меня, сказала Зинка. — Слышала, ты тоже развелась?

— Потому и выгляжу, — кивнула я. — А ты как?

— Ничего, в порядке, но в разведенках засиделась, — покачала головой Зинка. — Уже подумываю, не пора ли снова искать себе пару.

Я остановилась и едва не захлопала в ладоши. Господи, спасибо тебе! Задача, похоже, решалась сама собой.

— Зина, я хочу тебя кое с кем познакомить, — объявила я, торжественно вводя кузину в дом.

Дон уже не спал. Одетый в секонд-хенд "от бывшенького", он восседал на диване, как я велела, не шевелясь, и очень походил на экспонат музея мадам Тюссо.

— Отомри, — разрешила я. — Дон, знакомься, это моя двоюродная сестра Зина. Зина, это Дон.

— Очень приятно, — оживленно произнесла кузина, оценивательно глянув на Дона. Через мгновение она обворожительно улыбнулась. — Как странно! Как раз нынче утром я нашла бумажник с документами на имя какого-то Дона Салливана. Удивительное совпадение!

Может, для кого-то и удивительное, а для меня — нисколько! Это же Зинка!

Я посмотрела на Дона. Он встал с дивана, благовоспитанно шаркнул ножкой, и тут я с ужасом вспомнила, что на прошлой неделе рассыпала на паласе английские булавки! Не одну, не две — целую коробку! Шила себе платье, открытую коробку с булавками удобно поставила под рукой, ну и, конечно, опрокинула ее на пол. Часть нашла сразу, визуально, часть извлекла из вор-

са при помощи маленького магнита, которым обычно прикрепляла на холодильник записки типа "Купи хлеба, склеротичка!". Остальные булавки обнаруживались постепенно, для чего на пороге гостиной я нарочно снимала тапки: по опыту знаю, голые ступни на удивление быстро обнаруживают мелкие колющие предметы.

Дон как раз был бос, и я живо представила, как его пятки превращаются в подушечки для булавок. Надо было, конечно, предупредить человека, но с его невезучестью это не помогло бы, да и поздно уже предупреждать... Дон шагнул вперед, и я зажмурилась: всё, сейчас завопит!

Ничего подобного!

— Я и есть Дон Салливан, — произнес он совершенно нормальным голосом, разве что несколько удивленным.

— О, так вы тоже американец? — обрадовалась моя кузина. — Как это удачно!

По голосу чувствовалось, что она весьма довольна новым знакомством. Я перестала жмуриться и вздохнула с облегчением. Ай да Зина! Впрочем, чему я удивляюсь? Еще не было случая, чтобы она не нашла то, что хотела. Или кого хотела.

— Зинка, а что у тебя в сумке? Съедобное есть? — переключившись на более прозаическую тему, обратилась я к кузине.

— Пирог с сыром, еще теплые, мама утром напекла и велела тебя угостить.

— Прекрасно, тогда будем угощаться, самое время позавтракать. Потом придет Ирка с продуктами, приготовим праздничный обед, и ты нам расскажешь про Америку. — С появлением кузины у меня резко улучшилось настроение.

Сергей Петрович Максимов лежал в затемненной комнате на диване и смотрел телевизор, пропуская большую часть происходящего на экране мимо сознания, занятого другим. В районной поликлинике номер пять Сержу открыли больничным, и по утрам он исправно посещал процедурный кабинет, а всё остальное время проводил дома, усиленно приводя в порядок мысли и дела.

С делами, как ни странно, было проще: с одной стороны, Беримор сгинул на Кипре, какие-то его родственники, седьмая вода на киселе, ожидали вступления в права наследования, сеть магазинов бытовой техники "Мишень" предполагалось продать, и Серж уже мог считать себя безработным. С другой стороны, полковник Лапокосов, единственный человек, знавший агента Шило, загремел в психушку. Стало быть, на всех фронтах работы двуликого Сержа наступило затишье. Это были, пожалуй, хорошие новости.

Плохой новостью было то, что Серж никак не мог восстановить пару глубоких провалов в памяти и найти ответы на несколько, видимо, несущественных, но мучающих его своей не-

разрешимостью вопросов: например, кто были те две женщины, которые находились в квартире Сержа одновременно с Лапоковым и Бурундуком? И почему одна из них, здоровенная краснощекая баба крайне несимпатичного Сержу типа, норовила его собственнически обнимать и вообще вела себя так, словно между ними когда-то что-то было?

Серж поморщился. Чтобы он с этакой коровицей? Да никогда и ни за что!

В дверь позвонили.

— Иду, иду, — откликнулся Серж, спуская ноги с дивана. Нащупал тапки, прошел в прихожую, открыл дверь.

— Лейтенант Филимонов. — Незванный гость сразу шагнул в квартиру, обвел помещение острым взором. — Так-так, значит, дома сидим, телевизор смотрим. А в больнице давно были?

— Утром, — честно ответил Серж. По субботам приема в поликлинике не было, но процедурный кабинет работал.

— Утром, — отчего-то обрадовался лейтенант. — Всё верно. А давно ли домой прибежали?

— Сегодня? — уточнил Серж, морща лоб в тщетной попытке понять смысл расспросов. — Сегодня как вчера, к обеду.

— Как вчера? — удивленно повторил Филимонов, тоже морща лоб. — Так ты что же, каждый день с утра в больницу, а потом домой драпаешь? Ну, дела! Совсем больной на голову!

— Именно на голову, — согласился Серж, автоматически потирая макушку.

Лейтенант похожим жестом почесал в затылке, потом что-то смекнул, неискренне улыбнулся и попятился к выходу.

— Чего нужно-то было? — высунувшись в общий коридор, спросил вдогонку недоумевающий Серж.

— Ничего-ничего, не беспокойтесь! Так, пустяки! — Фальшиво улыбающийся Филимонов нервно жал на кнопку вызова лифта. — Не нужно волноваться!

Ну да, попробуй не волноваться, когда из тебя успешно делают идиота! Серж раздраженно пожал плечами, вернулся в квартиру, снова лег на диван и тупо уставился в телевизор. Фильм, который он смотрел, закончился, начиналась какая-то местная программа с участием очередного кандидата в депутаты городской Думы. Серж от нечего делать присмотрелся и вдруг узнал в ведущей одну из двух загадочных баб.

— Журналистка? Телевидение? — с нарастающей тревогой проговорил он. — Пресса, стало быть?

Мозг Сержа заработал со скоростью счетной машины. Что она может знать? Ничего. Или... Компьютерная дискета! Ее ведь унесла собака этой журналистки!

— Рано, значит, на покой собрался, — тихо пробормотал себе под нос агент Шило.

Хотя на других каналах субботним днем можно было найти более интересные программы, он терпеливо досмотрел передачу

---

с кандидатом в депутаты до конца, в титрах нашел имя ведущей, запомнил название телеканала и телефон прямого эфира. Узнать в редакции адрес бабы с собакой труда не составит.

Утром Зина, не откладывая дела в долгий ящик, повезла Дону знакомиться с ее родителями. Самоуверенная кузина не сомневалась, что нашла свое счастье. Проводив Зину с Доном, я взяла ручку, лист бумаги и записала всё, что мне было известно о Монте Уокере, он же Сергей Максимов. Получилось, что, кроме паспортных данных, я не знаю о нем почти ничего.

Итак, Максимов Сергей Петрович, 1968-го года рождения, русский. Образование высшее, последнее место работы — фирма "Мишень", референт генерального директора. В совершенстве знает английский язык, ни черта не понимает в женщинах, иначе не бросил бы Ирку. Стоп, эмоции в сторону, вернемся к фактам.

Я внимательно перечитала написанное, и у меня возникло два вопроса. Первый: где Максимов так хорошо выучил английский? Неужто на истфаке Кубанского университета? Не верю, сама там училась, да еще на филологическом, а паст перфект от презент континиуса на трезвую голову не отличи.

Второй вопрос: что за странное отношение у нашего героя-любовника к Ирке? В чем-в чем, а в мужиках, в отличие от временных форм английских глаголов, я немного разбираюсь и потому утверждаю со всей ответственностью: до нашего общего с Монтиком-Сержилом похода в его родные пенаты на улицу Трудовых Подвигов, двенадцать, он смотрел на Ирку одними глазами, а вот после — совсем другими. Просто оборотень какой-то!

Секундочку, похоже, это важно... Я поймала ускользающую мысль, снова посмотрела в бумажку: кажется, эти вопросы можно решать как систему линейных уравнений!

Я напряглась, вспоминая школьный курс алгебры и университетской логики, и, наконец, додумалась до следующего вывода: англоязычный Монтик Ирку любил, русскоязычный — терпеть не мог, а водоразделом между этими двумя состояниями был обморок, последовавший за ударом по голове.

В моем мозгу вялой улиткой шевельнулась догадка...

Спугнул ее шум во дворе: то и дело повторяющийся глухой стук, нудный и нервующий. Встав из-за стола, я выглянула в окно: так и есть, неугомонный Томка где-то нашел потерянный им пару недель назад баскетбольный мяч, и не только нашел, но и усовершенствовал, прокусив оранжевую резину. Мяч перестал быть круглым, теперь его нельзя было катать, но зато можно было с большим удобством носить в зубах, чем и занималась сейчас моя собака. Сдувшийся мяч весело мотался в Томкиной пасти, поминутно падая и издавая тот самый неприятный стук-шлепок.

— Олимпийцем тебе не быть. — Покачав головой, я пошла отнимать у собаки новую игрушку.

Однако на заднем дворе Томки уже не было. Я обошла дом и увидела его сидящим под въездными воротами. Глухая двухметровая ограда скрывала от глаз происходящее на улице, но в щелочку под воротами и Томке, и мне были видны мужские ботинки. Я закрыла рот, передумав звать собаку, остановилась и стала наблюдать.

Пес сидел на асфальте, склонив голову набок, насторожив уши и не издавая ни единого звука. За воротами кто-то негромко возился. Ботинки приблизились, потом исчезли, зато сверху на ограде показались руки, невидимые ноги стукнулись о металл, над воротами поднялась голова — и в этот момент навстречу ей со двора с оглушительным «Гау!» взвился партизан Томка! Раскатисто загрохотало прогнувшееся железо, с той стороны раздался вскрик, шум падения, ругательство и удаляющийся топот.

— Молодец, Том, умница! — наскоро похвалив заливающегося лаем пса, я побежала на высокое крыльцо, откуда можно было увидеть дорогу.

— Держи вора!

Эх, опоздала! Оглянувшись на бегу, незванный гость скрылся за угловым домом. Наверное, свернул на тропинку, значит, побжит через поле. Где мой бинокль?

Озираясь, я ворвалась в дом, первым делом распахнула холодильник, потом последовательно заглянула в хлебницу, микроволновку и стиральную машину. Вот жизнь пошла, без бинокля как без рук, хоть носи на веревочке на шее!

Оптический прибор мирно висел на крючке мужду шумовкой и лопаточкой. Поспешно вооружившись, я метнулась к окну, навела окуляры на фигуру в поле, присмотрелась и просто не поверила своим глазам:

— Чтоб я сдохла!

По колено скрытый сухой полынью и зверобоем, через поле быстро шагал Монте Уокер собственной персоной.

Зина мягко ступила на утоптанную глинистую тропу, тихо радуясь тому, что обута в кроссовки, а не в туфли на каблучке. Обувью и подходящей одеждой кузину снабдила я: размер ноги у нас одинаковый, рост и фигура похожие.

Еще одним — более важным — поводом для радости было приятное впечатление, произведенное Доном на потенциальных свекра и свекровь. Маме Зиной, обычно настроенной критично, очень понравились его внешность и приятные манеры, а папа прагматично оценил плюсы союза Зинаиды с американцем, владеющим русским языком.

— Не отставай, милый! — Зина обернулась к Дону, сгибающемуся под тяжестью сумки с продуктами: узнав, что она решила пожить у меня, мама Зиной снабдила ее солидным запасом провизанта. Мою хозяйственность родственники ценили невысоко.

Дон мужественно отказался разделить с Зиной тяжесть груза и теперь отставал. В лесополосу легконогая Зина вошла первой и сильно испугалась, когда из кустов наперерез ей выскочила крупная черно-рыжая собака.

— Томка, фу! — закричал сообразительный Дон, бросая сумку и подбегая к Зине.

— Это вовсе не Томка, — слабым голосом сказала кузина, боясь пошевелиться.

Незнакомая овчарка шумно обнюхивала ее куртку. Не сводя глаз с собаки, Дон потянулся за палкой, но тут овчарка села и протянула Зине лапу.

— Привет, Серый Волк, — с облегчением вздохнув, произнесла кузина. — Я Красная Шапочка, иду от бабушки, несу пирожки, — она оглянулась. — Дон, где сумка? Брось палку и дай собачке пирожок.

Они скормила овчарке три пирожка с мясом, вежливо распрощались и снова тронулись в путь, но собака поднялась и побежала рядом с кузиной. Отогнать ее не удалось, овчарка, как привязанная, держалась слева от Зины.

— Ладно, пусть идет с нами, — решила она. — Томка порадуетя, бедный пес ни одной собачьей морды не видит.

Зина и безымянная собака весело затрусили по тропе, Дон с сумкой снова отстал. Впереди показался пешеход.

— Здравствуйте! — еще издали крикнула ему Зина. — Не подскажите, который час?

Человек, не сбавляя хода, посмотрел на часы и ответил.

— Спасибо, — произнесла Зина уже нормальным голосом: пешеход достаточно приблизился.

— Пожалуйста, — сказал мужчина, и внезапно резко остановился, разглядев в высокой траве собаку. Глаза его заметно округлились, он перевел взгляд на Зину и попятился. Баба с собакой, та самая, он узнал куртку!

Серж закрыл глаза, преодолевая внезапное головокружение. Мысли его разбежались. Если баба с собакой стоят перед ним, то как те же самые баба с собакой минуту назад могли улюлюкать и лаять ему вслед?! Сумасшествие какое-то!

— Что с вами? Вам плохо? — встревоженная Зина шагнула ему навстречу.

Серж отступил с тропы, дернулся в сторону и побежал в поле, путаясь в пожелтевшей траве.

— Не бойтесь, она не кусается! — закричала Зина.

— Что случилось? Кто это? — спросил подошедший Дон.

Зина пожалала плечами и погладила собаку:

— Не знаю, какой-то псих.

К своему дому в Пионерском микрорайоне Серж шел пешком, на ходу тщетно пытаясь привести в порядок разбегающиеся мысли. Кажется, раздвоение личности бывает у шизофреников? А



какой именно личности, обязательно собственной или можно и чужой — например, какой-нибудь бабы с собакой? А если и своей, и чужой, и даже собачьей?

Сержу было жутко думать, что он сошел с ума, но эта версия объясняла загадочные провалы в памяти. Не попросить ли лечащего врача выписать направление к психиатру? Глубоко задумавшись, Серж не сразу заметил рядом со своей дверью капитана Сидорова.

— Здорово, больной! — приветствовал его капитан, отклеиваясь от косяка. Нынче он был в штатском, так что мог позволить себе стойку “вольно”. — Явился — не запылелся! Двигай за мной.

— Куда? — спросил Серж, пытаясь сообразить, что бы это значило.

— На медосмотр.

Серж вздрогнул, поразившись совпадению, и молча повиновался. Они сели в машину и двадцать минут спустя вышли из нее у корпуса психиатрической больницы.

— Сейчас дяденька профессор тебя осмотрит, — сообщил капитан. — Больно не будет, не бойся, он не кусается.

Серж снова вздрогнул и покорно прошел в кабинет. Капитан остался ждать в коридоре. Через некоторое время румяный веселый профессор вышел к нему и произнес, разводя руками:

— Нет, дорогой товарищ, это не наш клиент! Нервишки, конечно, ни к черту, но не наш, нет, не наш!

Через плечо профессора Сидоров заглянул в открытую дверь кабинета: Серж стоял у распахнутого окна, неотрывно глядя в сад.

— Там ваш коллега, — обернувшись, сообщил он капитану. — Не вы ли его пристроили на казенные хлеба?

Сидоров вошел в кабинет, выглянул в окно и увидел на лавочке под деревом полковника Лапокосова в байковой пижаме нежно-голубого цвета. На другом конце скамейки, держа воображаемый руль и однообразно урча, сидел человек в светло-зеленой пижаме. Вдвоем они сильно смахивали на пару волнистых попугайчиков.

— Очень, очень интересный случай, — тоже подойдя к окну, оживленно произнес профессор.

Точно почувствовав, что о нем говорят, Лапокосов неожиданно поднял голову и посмотрел в сторону окна. Глаза его остановились на Серже, полковник побагровел, всплеснул руками, набычил голову и выразительно зашевелил губами. Слов слышно не было, но, судя по выразительной артикуляции, произносимые полковником слова не являлись популярными русскими ругательствами, хотя выражение лица не оставляло сомнений в том, что Лапокосов в ярости.

— Что это он говорит? — вздрогнув, спросил Серж.

— По-аглички матерится, батенька! — с удовольствием ответил профессор. — Очень, очень интересно!

— Профессор, можно вас? — В кабинет заглянул озабоченный амбал в белом халате. — У нас там Наполеон сцепился с Цезарем...

— Простите, я должен идти. — Профессор быстренько выпроводил гостей из своего кабинета, запер дверь и побежал по коридору за амбалом.

Капитан отвез Сержа домой, вместо прощания произнес:

— Ну, извини, — и поехал дальше, сам себе обещая впредь держаться подальше от этих двух ненормальных, Максимова и Лапокосова. Решил же забыть всю эту дуристику, так нет, опять впутался. Значит, и сам дурак...

Лапокосов его узнал, в этом Серж был совершенно уверен, и ругал полковник не кого-нибудь, а явно Сержа. Точнее, агента Шило. В этой ситуации агент видел свою задачу в том, чтобы встретиться с Лапокосовым и освободить его.

Подготовка к операции по вызволению полковника из желтого дома была недолгой и несложной: веревочную лестницу с крючьями на верхней перекладине Серж купил в магазине спортивных товаров, а байковую пижаму подходящей расцветки — в бельевой секции Центрального универсама.

Средь бела дня, ничуть не таясь, Серж подошел к высокой стене, окружающей психиатрическую больницу, и ловко забросил на нее крючья лестницы.

— Надо же, наше место выбрал! — удивилась Ирка.

— Оно же самое удобное, — напомнила я.

Мы вышли из-за угла следом за Сержем, тоже совершенно не прячась: узнать нас было бы трудно и родным мамам. Хоть сейчас на карнавал: на мне был мешковатый свитер и просторный джинсовый комбинезон, в котором мой бывший супруг мыл машину, волосы забраны под кепку-бейсболку, на шее плейер с наушниками, под мышкой роликовая доска. Доску Ирка одолжила у соседского паренька, общий стиль моей экипировки был слизан с него же. Себя Ирка затолкала в трикотажный спортивный костюм, на голову до самых бровей натянула идиотскую вязаную шапочку, глаза скрыла за солнцезащитными очками. Трико облегало ее как гидрокостюм, головной убор выглядел как резиновая шапочка пловца.

— Тебе нужно было взять очки для плавания, — заметила я. — И доску для серфинга, а то я с доской, а ты нет. Между прочим, жутко неудобная штука, так и норовит выскочить из рук.

— Разумеется, она же для ног, — невозмутимо проговорила Ирка.

— Из-под ног тоже выскакивает, — буркнула я.

— Смотри-смотри! — Ирка вскинула руку. Под стеной назревал стриптиз: Серж переодевался в пижаму. — Или нет, не смотри, я ревную!

— Чего я там еще не видела? В мешке он был даже без пижамы! — хмыкнула я. — Гляди-ка, полез на стену!

— У всех на виду? С ума сошел!

Я восхищенно цокнула языком:

— Ты не права, это очень умно! Подумай, кто же станет препятствовать явно сумасшедшему человеку лезть в дурдом? Он гений!

Гений тем временем забрался на стену, втащил лестницу, перевесил ее на другую сторону и спустился вниз, скрывшись с наших глаз.

— Смотри внимательно, — велела Ирка. — Пижаму запомнила? Не пропустить бы, как будет вылезать.

Серж спустился в заросший могучей крапивой глухой закоулок сада, заложил руки за спину, расслабленно улыбнулся и шаркающей походкой пошел на шум голосов. Дорожка привела его к посыпанной песком площадке, окруженной лавочками. Серж присел на крайнюю, не делая резких движений, чтобы не привлекать к себе внимания. Впрочем, внимание присутствующих оттягивал на себя пациент, который кругами бегал по площадке, сжимая в вытянутых вперед руках палку и безостановочно приговаривая “Др-др-др!”

На другой стороне площадки, чуть наискось от Сержа, потупив мрачный взгляд в землю, сидел тот самый человек, ради которого агент Шило проник в психушку.

Серж молча порадовался своей удаче. Он нащупал в кармане заранее приготовленную записку, сложил бумажный лист самолетиком, точным движением отправил его прямо под ноги адресату и, убедившись, что самолетик ткнулся в тапок Лапокосова, поднялся со скамейки и отступил в кусты.

Заметив бумажный самолетик, Лапокосов вздрогнул, огляделся по сторонам — Серж уже ретировался — и поспешно развернул затейливо сложенный листок. При виде букв кириллицы из груди его вырвался вздох разочарования.

— Бип-бип! Уступите дорогу, — протарахтел психованный мотоциклист, останавливаясь рядом с полковником и заглядывая в бумажку. — Есть путевой лист?

На бумажке печатными буквами было написано: “Лестница на стене, бегите. Шило”.

— Шлагбаум поднят, путь открыт! — с подъемом сказал мотоциклист. Зарывав воображаемым мотором, он заложил крутой поворот и по дорожке помчался в глубь сада.

Без спешки и паники отступающий Серж услышал позади себя пронзительное “Бип-бип! Посторонись!”, не сумел сориентироваться и был сбит. Пока невинная жертва ДТП поднималась на ноги, мотоциклист подъехал к стене, проворно вскарабкался по веревочной лестнице и спрыгнул вниз.

— Пижамы! — воскликнула я, толкнув Ирку.

Неожиданное появление объекта застало нас врасплох. Не успев сговориться, что делать дальше, мы испуганными курицами выскочили на дорогу, навстречу человеку в пижаме.

— Назад, это не он! — первой сообразила Ирка.

Мы развернулись и бок о бок помчались в противоположном направлении.

— Бип-бип! — догоняя нас, прокричал сумасшедший на воображаемом мотоцикле. — Садитесь, подвезу!

— Спасибо, не надо, — ускоряя бег, проговорила Ирка. — Ленка, это шизик с байк-шоу! Давай быстрее!

— Не могу, доска мешает! — я остановилась, поправляя неудобную ношу.

— Эх, прокачу! — лихо подскочил ко мне мотоциклист. Голос его прозвучал угрожающе.

— Осторожно, у него палка, — сквозь зубы процедила Ирка, топоча поблизости. — Делай, что он говорит, с сумасшедшим лучше не спорить, вдруг он буйный!

— Послушайте, уважаемый, мы вам очень благодарны за ваше любезное предложение, — рассудительно сказала я. — Но ведь нас двое, а у вас не автомобиль, а всего лишь мотоцикл, не так ли? Нам всем на нем не разместиться.

Ирка показала мне большой палец.

— Одна сядет сзади, другая в коляску, — сверкнув глазами, легко разрешил проблему псих.

Ирка застонала.

— Поехали, др-др-др!

Вечерело, вдоль улицы зажигались желто-розовые огни фонарей. Отбрасывая странную тень, трехголовым горынычем мы прогаллопировали с десяток метров, пока командующий парадом псих не заметил, что пассажирка сзади рискует упасть.

— Держись за меня! — обернувшись, прокричал он мне.

— Руки заняты! — я показала ему доску.

— Брось ее в багажник!

Я на бегу швырнула доску Ирке, передача вышла что надо, не зря я в юности занималась баскетболом.

— Господи, какое сумасшествие! — простонала Ирка.

— А ты чего в коляске стоишь? Сядь! — прикрикнул на нее наш водитель, и дальше подруга побежала на полусогнутых, держа доску, как спеленутого младенца.

По колдобинам и рытвинам мы проскакали метров двести. Слава Богу, пешеходов было мало, узнать нас с Иркой в маскированных одеждах не представлялось возможным, и всё же, клянусь, никогда я еще так не радовалась встрече с инспектором ГИБДД!

Капитана Сидорова оторвал от ужина в кругу семьи телефонный звонок.

— Сидоров слушает, — прочавкал капитан, давась борщевой гущей и отмахиваясь от жены, подсовывающей ему под локоть тарелку с котлетами.

— Александр Петрович, голубчик, это вам звонит профессор Топоркович из знакомого вам заведения! Бога ради, извините за беспокойство, но у нас ЧП: сбежал один наш пациент, вы его видели сегодня...

— Что? — капитан уронил ложку.

— Сбежал, сбежал, а пациент серьезный, вот я вам и звоню с просьбой: не похлопочете ли по своей линии, чтобы его особенно активненько поискали?

— Сделаю, — коротко ответил Сидоров, заканчивая разговор. Не бросая трубку, он набрал номер своего рабочего телефона: — Филимонов! Слушай сюда, лейтенант, из психушки сбежал один веселый товарищ, бей в барабаны, труби в трубы, надо быстренько его найти. Я скоро буду. — Капитан поспешно встал из-за стола.

— Опять побежал! — возмущенно всплеснула руками жена. — Не доел, не допил!

— Молчи, Катька, не мешай делу. — Сидоров походя сгреб с тарелки котлету, на ходу затолкал ее в рот и заторопился в прихожую, чавкая и давась.

Эх, досада, машину уже загнал в гараж, придется на троллейбусе трястись! Перебирая от нетерпения ногами, Сидоров дождался троллейбуса, доехал на нем до улицы Войны и Мира и поспешил к себе в кабинет.

— Нашли его, нашли! — радостно сообщил Филимонов, поднимаясь навстречу капитану. — Гибддешники задержали неподалеку от психушки, сразу поняли, что парень чокнутый.

— Поедем, посмотрим, — скомандовал капитан, разворачиваясь.

— Давай же, скажи ему, что ты с телевидения, — прошипела Ирка в мою сторону, напряженно улыбаясь милиционеру.

— Спятила? Не буду я позориться!

Только что двое гибддешников под белы рученьки увели в сторону психушки сумасшедшего мотогогонщика, нас, спасибо, в желтый дом пока не наладили, но и отпускать на все четыре стороны не спешили. Мы с Иркой нервно переминались у капота патрульной машины ГИБДД под присмотром третьего молодого человека в форме — в погонах и шевронах я не разбираюсь. Ну, в данном случае лучше переоценить, чем недооценить.

— Товарищ генерал, — обратилась я к нашему стражу. — Разрешите позвонить?

— Телефона нет, — скупобронил он.

— У нас есть! Ирка, быстро, давай свой сотовый! Да брось ты эту доску!

Я похлопала подругу по карманам, нашла аппарат, набрала собственный номер и зашептала, отворачиваясь от мента:

— Зина, привет, это я! Чем занимаешься? К черту вареники, вымой руки и найди в моей сумке паспорт и связку ключей с зайчиком.

— С каким зайчиком? — непонятливо спросила кузина.

— С сереньким! Брелок такой, в виде зайчика, прилагается к ключам, нашла, нет?

— Нет, пока только сумку ищу, — сообщила Зина.

— Сумка в ванной, только в большое отделение не лезь, там флакон тонального крема разлился, пошарь в боковом кармашке, где документы, ключи и деньги.

— Денег нет, — сообщила Зина.

— Знаю, их всегда нет. Ключи и паспорт нашла?

— Зачем тебе паспорт, пусть лучше служебное удостоверение возьмет, — зашептала Ирка. — Менты очень уважают прессу, вспомни, как ты отмазала меня от штрафа за превышение скорости!

— В паспорте другая фамилия, — шепнула я в ответ. — На эфире я под девичьей, не хочу марать гордое имя.

— Паспорт и ключи нашла, — отрапортовала кузина. — Что мне с ними делать?

— Ключами открыть Иркины хоромы, найти там ее паспорт. Подожди секунду, Ирка, где искать?.. Ага, Зина, Иркин паспорт в верхнем ящике тумбочки в спальне. Спальню легко найдешь, большая комната на втором этаже, там всё белое, как в морге...

— Сама ты в морге! — обиженно сказала Ирка.

Милиционер посмотрел на нас с подозрением. Я понизила голос:

— Дальше, на той же связке ключи от Иркиной машины, она стоит во дворе. Садись в нее и поезжай к городской психушке.

— К психушке? А что вы натворили? — заинтересовалась Зина.

— Ничего, так, прокатились с ветерком. Помнишь, где психушка?

— И не знала никогда! — возмутилась сестрица.

— Скучно живешь, — заметила я. — Настоящей жизни не знаешь! Психушка у нас на Зеленой, дом номер один. Да, Зинка, машину оставь у психушки и пешком пройди двести метров вверх по улице. Обязательно пешком, а то у тебя тоже будут проблемы с гибдешниками.

— С какими гибдешниками?

— Деревня американская! Это наши гаишники по-новому! Всё поняла? Давай быстрее, ждем с нетерпением. — Я вернула Ирке телефон и улыбнулась парню в форме: — Ну, вот, всё в порядке. Сейчас сестра привезет наши документы.

Подъезжая, Сидоров разглядел в сгустившихся сумерках у капота патрульки парня в форме и две фигуры в штатском, одну поменьше, другую побольше, но ни та, ни другая лапокосовской конфигурации не соответствовали.

— Лейтенант, сбегай, узнай, куда психа дели, — велел капитан Филимонову, присматриваясь к фигурам, в которых угадывалось что-то знакомое. — Да зевак разгони, нечего тут толпиться.

Младший по званию выскочил из машины, подбежал к патрульному, после короткого разговора быстро вернулся.

— Психа вашего увели сдаваться, — сообщил он, забираясь в машину. — Говорят, придурок тот еще! Представьте, вообразил себя мотоциклистом и гнал по улице в полном соответствии с правилами дорожного движения, еще и с патрульными спорил, почему, мол, его остановили! Он же на зеленый ехал!

— Так это был Мотоциклист? — Сидоров хлопнул себя по коленке. — Точно, я же его там видел! А я-то думал...

— А эти две бабы с ним были, вроде пассажиров, — продолжил Филимонов, в запале некультурно показывая пальцем. — Похоже, случайные бабы, физкультурницы, вечернюю пробежку совершали и на психа наткнулись, отцепиться от него не могли. Но документов при себе у них нет, так что надо разобратся. Тем более, что на тротуаре под стеной еще одну пижаму нашли.

— Говоришь, случайные бабы? — задумчиво протянул капитан, опуская стекло, чтобы приглядеться к фигурам у машины.

Одна из женщин в этот момент сняла с головы бейсболку и потрясла головой. Сидоров с трудом удержался от возгласа.

— Куда едем? — спросил лейтенант.

Капитан молчал.

— Куда теперь? — повторил Филимонов.

— К чертовой бабушке, — восторженно ответил Сидоров собственным мыслям. — Всё, пора ставить точку! Катька права, надо увольняться, пока крыша совсем не съехала!

Лейтенант поглядел на него с любопытством, но от расспросов благоразумно воздержался. Капитан странные речи не объяснял, молчал, думая о своем.

Ночью под диктовку жены Сидоров написал прошение об отставке.

— Ну, здравствуйте! — оживленно произнесла Ирка, кивнув продавцу, как старому знакомому. Она хлопнула в ладоши, потерла руки и огляделась по сторонам: — Что тут у вас новенького?

Подумаешь, постоянный клиент! Нужный нам предмет можно было приобрести в любой аптеке, но Ирка желала отовариваться только в интим-салоне. Обслуживание ей, видите ли, понравилось!

— Чем могу? — спросил продавец, кисло улыбаясь: должно быть, вспомнил нас.

— Резина есть? — деловито спросила Ирка.

Продавец неуверенно оглянулся на полки. Разнообразной резины в секс-шопе было не меньше, чем в мастерской автомеханика-вулканизатора.

— Пожалуйста, — продавец указал на прилавок, сплошь заставленный разноцветными коробочками.

Ирка оценила выбор и присвистнула:

— Ничего себе! Ладно, нам нужен самый большой.

— Евростандарт не годится? — спросил продавец.

— Лучше афро, — ответила я. — Какой-нибудь супергигант,

Икс Икс Эль, не знаю, какая у вас нумерация размеров.

— Примерно трехлитровой емкости, — подхватила Ирка.

Продавец захлопал глазами.

— Белый, почти прозрачный, как в той рекламе, где туда помещают рыбку, — сказала я.

— Белый — это хорошо, — согласилась Ирка. — Эстетично. И никаких усиков и ежиков, пожалуйста! Наш клиент не оценит.

Серж поедал собственноручно приготовленный обед, невидяще глядя в тарелку стеклянными глазами. Он усиленно размышлял и почти не чувствовал вкуса еды, нежное куриное филе во фритюре жевал, как манную кашу.

Сержу повезло, он успел перебраться через стену психушки до того, как началась общая суматоха. Оказавшись на воле, он огляделся — по скудно освещенной улице быстро удалялась троица бегунов, — переделся в нормальный костюм, пижаму скомкал и вместе с веревочной лестницей затолкал в водосточную канаву.

Лапокосов возможностью бежать не воспользовался. Почему? Серж не знал, но считал, что сделал для полковника достаточно, в записке всё было сказано русским языком. Не убежал — сам дурак, пусть сидит в дурдоме.

Серж отставил пустую тарелку и придвинул к себе блюдо с россыпью разнокалиберных цветных таблеток, прописанных ему лечащим врачом. Поклевывая пилюли, потянулся за остывшим чаем. Гладкая зеленая таблетка, булькнув, упала в чашку. Серж на секунду замер, потом кивнул собственным мыслям: правильно, нужно уйти на дно, затаиться, выждать. Предпринимать решительные и непродуманные действия было ошибкой.

Чайной ложечкой Серж выловил из чашки полинявшую пилюлю, съел ее и скривился: под сладкой глазурью скрывалась горькая начинка.

Нежно-розовое с белым декором здание музея в той его части, где уже успели поработать реставраторы, напоминало торт со



взбитыми сливками. Мы с Зинкой вялыми мухами ползли по окружающим это кондитерское изделие лесам.

— Осторожнее! Памятник архитектуры, охраняется законом, — тяжело дыша, произнесла я и устроилась поудобнее.

Как это строители здесь работают? Очень неудобно! Снизу конструкция казалась вполне надежной, но сейчас я чувствовала, что доски под нами прогибаются и подозрительно поскрипывают. Хорошо, что Ирка осталась при машине, страшно представить, что было бы, если бы на эти жердочки полезла она!

— Памятник, говоришь? — переспросила Зинка, подбираясь к самому краю и опасливо заглядывая вниз.

Под нами, прямо скажем, была не пропасть — нижний ярус, два с половиной метра до земли, но для наших целей высота подходящая, нам не с парашютом прыгать. Вообще не прыгать, если уж на то пошло.

Зинка снова завозилась, и доски под нами заплясали.

— Упасть хочешь? — Я обернулась.

— Наоборот, — бодро ответила Зинка.

Лежа на животе, она свесила вниз руки, но дотянуться до ведра не могла, хотя Дон поднял его почти над головой. Ведро покачивалось, Дону на макушку капала холодная вода, он морщился, мотал головой, и ведро раскачивалось всё сильнее, непрерывно окропляя Дона.

— Эх, вы, цивилизованные граждане развитого государства! — попеняла я им обоим. — Дон, опусти ведро, поставь его на землю! Зина, убери руки, балда, в ведре десять литров, ты его так не поднимешь, скорее, оно тебя утянет вниз!

— А как надо? — сипло спросила Зинка, всё еще лежа на пузе.

— Знаешь такую штучку — “блок” называется?

— При чем тут волейбол?

— Какой волейбол? Я тебе про подъемное устройство толкую — примитивное такое, соображаешь, нет? Колесико, веревочка. Оглянись, сестрица!

Зинка осторожно встала на четвереньки, со вздохом потеряла поясницу, обернулась, уставилась на веревки и заявила:

— Если ты такая умная, помоги мне, а то я в плетении макраме не сильна!

Объединив усилия, мы разобрались с блоком и втащили на леса ведро с водой, расплескав не больше трети.

— Теперь бутылку, — скомандовала Зинка, снова опуская конец веревки Дону.

Этот груз поднять было легче, но тут требовалась большая осторожность, поэтому тоже пришлось повозиться. Полиэтиленовый пакет с тщательно закупоренной и обернутой в газету пивной бутылкой Дон надежно прикрутил к веревке резиночкой.

— Всё в порядке, дальше мы сами, — Зинка послала Дону воздушный поцелуй и взмахом той же руки погнала его прочь. Попадаться на глаза доктору Пиктусову Дону не следовало.

— Звери на месте? — Зина снова глянула вниз.

Подюжины бродячих кошек в лопухах у тротуара трескали сухой корм. Хруст стоял — куда там лангольерам! Благотворительный “Вискас” раздавался нами на том же месте в тот же час уже несколько дней подряд. Смышленные животные и нынче пришли к музею в урочное время, некоторых кошек я уже узнавала — например, эту белую с рыжим хвостом и эту черную с белым хвостом. Ха, если еще появится рыжая с черным хвостом, надо будет поискать поблизости лабораторию, экспериментирующую с трансплантацией конечностей!

Ладно, шутки в сторону. Сегодня котов было даже больше обычного, потому что я взяла с собой и своего Тоху — пусть поселится, он это заслужил.

— Не отвлекайся. — Зинка дернула меня за штанину, возвращая к реальности.

Я посмотрела на часы: без четверти девять, Пиктусов должен появиться с минуты на минуту. Три дня Ирка с Зинкой ежедневно отслеживали приход доктора на рабочее место, и ни разу он не опоздал, в восемь пятьдесят пять плюс-минус пара минут уже входил в нужное здание. Музей на пути следования доктора, стало быть, он вот-вот покажется.

— Аленка, смотри! — Зинка неожиданно толкнула меня в плечо, едва не сбросив вниз.

Я вытянула шею, всматриваясь: за полквартала от нас у припаркованных на углу белых “Жигулей”, размахивая красным газовым шарфом, пританцовывала Ирка. Можно было подумать, что она не то пляшет “барыню”, не то приветствует первомайскую демонстрацию или участвует в корриде.

— Он уже прошел мимо нее, — поняла я. — Быстро, доставай резинку!

Зинка зубами вскрыла упаковку презерватива, трясущимися руками раскатала резиновое изделие и пальцами с коротко остриженными ногтями осторожно растопырила отверстие. Маникюр мы обе заранее безжалостно истребили, чтобы в ответственный момент не повредить тонкий латекс.

Я рывком подхватила ведро с водой — мамочка, какое тяжело! — наклонила его, стараясь лить воду аккуратной струей, облила себе ноги, намочила доски, но кое-как попала и в горловину резинового сосуда.

— Хватит, не лей больше! — Зинка с величайшей осторожностью опустила тяжело колышавшийся пузырь с водой на доски. — Валерьянку давай!

Вот когда я порадовалась, что заставила себя заранее перелить содержимое дюжины аптечных пузырьков в одну бутылку, презрев бурное негодование своего кота, требовавшего отдать

всю валерьянку ему и в знак протеста даже сделавшего большую лужу посреди кухни! Бутылочное горлышко аккуратно состыковалось с открытым зевом резинового пузыря, прозрачная жидкость замутилась. Я отставила подальше пустую бутылку и помогла Зинке завязать латексный аппендикс аккуратным узлом. Валерьяновая бомба была снаряжена.

— Готовься! — велела я, нервно вздрагивая. Полный пузырь в моих ладонях шевелился, как живой.

Зинка быстро легла на живот. Рискуя упасть, я подала ей трясущийся пузырь и присела рядом на корточках с поднятой рукой.

Благообразный доктор Пиктусов размеренным шагом двигался вдоль фасада музея, приближаясь все ближе к нашей засаде. Сверху нам хорошо видны были солнечные блики в его туфлях и лаковый блеск лысины.

— Пли! — страшным шепотом скомандовала я, давая отмашку.

— За Дона! — рявкнула Зинка, разжимая руки.

Сверкающий на солнце пузырь кувыркнулся вниз и огромной радужной каплей ляпнулся точнехонько на голову доктора. Ай да Зинка, настоящий снайпер!

Раздался сочный чмокающий звук, и три литра водно-спиртового раствора валерьянки водопадом накрыли Пиктусова. В воздухе распространилось характерное амбре.

— Что за... — начал было доктор, но закончить фразу не успел.

— Мау? — с радостным удивлением спросили из лопухов.

— Мау! Мау! Мау! — эхом понеслось по окрестностям.

И началось! Кошки выскакивали из кустов, падали с деревьев и балконов, материализовались из воздуха, и все бросались к доктору, широко раскрыв когтистые объятия. Что там пяток котов, загодя прикормленных нами! Кажется, все кошки квартала сбежались на стихийную пьянку! Лишь однажды до того я наблюдала подобный ажиотаж — среди коллег-журналистов на презентации продукции ликеро-водочного завода!

Облепленный животными Пиктусов придушенно взвыл, замахал руками и сделался похож на одетого в нелепую шубу Робинзона Крузо, призывающего проплывающий мимо острова корабль.

— Какова, интересно, в Екатеринодаре плотность кошек на квадратный метр городской площади? — проговорила любознательная Зина, не отрывая глаз от фантастической сцены под нами.

У ног доктора, смутно угадывающихся в основании меховой кучи, образовался шевелящийся пестрый ковер, сотканный из шкур, одна из которых наверняка принадлежала Тохе. Вспомнив об этом, я ринулась вниз, Зинка шумно посыпалась за мной.

— Выбирай белое! — перекрывая разноголосый мяв, крикнула я кузине. Сама высмотрела наиболее мохнатую белизну и ринулась на нее, как коршун.

— Тоха, это не ты? Нет, не ты. — Я отпустила вырывающегося блондинистого кота, и он тут же бесследно затерялся среди сородичей.

— Вот он, Тоха! — Зинка грамотно, за шкурку, держала на весу моего шиншиллистого зверя. В другой руке у кузины свисала невесть откуда взявшаяся наволочка.

— Ты же сказала, брать белое! — ответил она на мой невысказанный вопрос.

— Молодец, давай его сюда!

Тоха в моих руках трепыхался, опасно размахивая когтистыми лапами. Нет, спасибо, мне коррекция не нужна... Я ловко опустила кота в наволочку, Зинка стянул края — получился аккуратный узел. Натренировались, однако! Мы дружно вздохнули.

— Давай-ка отойдем, — сказала Зинка, осторожно выбираясь из кошачьей толпы и морща нос: все сильнее пахло не только валерьянкой, но и ее ошалевшими потребителями.

— По-мо-ги-те, — простирая к нам исцарапанные ладони, прохрипел Пиктусов.

— Как-нибудь в другой раз, — мстительно сказала кровожадная Зинка, обходя его стороной.

Держа в вытянутой руке мешок с Тохой и поминутно оглядываясь на кошачью тусовку, я следом за кузиной вернулась к Иркиной машине, закрыла своего озверевшего кота в салоне и присоединилась к группе друзей. Вырывая друг у друга мой бинокль, Ирка, Зина и Дон любовались делом наших рук.

— Эх, не туда пошел! — огорчилась Зинка.

Я без объяснений поняла ее разочарование: если бы Пиктусов развернулся и двинулся туда, откуда пришел, он оказался бы вблизи здания краевой Администрации. Надо полагать, охрана губернатора устроила бы ему теплый прием!

Гроздьями стряхивая с себя кошек, пошатающийся доктор Пиктусов слепо пересек улицу, зацепил мимоходом пару припаркованных машин и оказался в сквере. Автосигнализации затянули богатое грузинское многоголосие. Падающие со спины и плеч доктора звери поспешно возвращались к музею, где по-прежнему самозабвенно катались по тротуару и издавали радостные звуки их сородичи.

— Господи Боже! — весело ужаснулась Ирка.

Я вырвала у нее бинокль, ахнула и передала оптический прибор нетерпеливо подпрыгивающему Дону.

На Пиктусова страшно было смотреть: его некогда приличный костюм был изодран в клочья, руки исцарапаны в кровь, с порезанной лысины, вокруг которой в ужасе дыбился клочковатый пегий венчик, на глаза стекала красная струйка. Сквозь алую пелену доктор смутно разглядел фигуру в белом и сделал несколько шагов по направлению к ней.

Незадолго до того пожилая дама в светлом плаще, склонясь над надушенным внуком, с мягким укором произнесла:

— Женечка, не будешь слушаться бабушку, придет страшный дядя и заберет тебя!

— Врача! — прохрипел Пиктусов, приближаясь.

Бабушка обернулась и обомлела. Мальчик Женечка увидел самого страшного в мире дядю, спрятался за скамейку и слезно зарыдал, клятвенно обещая слушаться бабушку всю оставшуюся жизнь. Бомж Петюня, мирно спавший в куче сухих листьев под пение сигнализаций, от женечкиного рева с неудовольствием проснулся, продрал красные глаза, увидел ужасающего Пиктусова и сочувственно спросил, проявляя классовую солидарность:

— Это кто ж тебя, братан, так уделал?

Неблагодарно оттолкнув протянутую Петюней руку помощи, Пиктусов сделал еще пару неверных шагов по направлению к бабушке, загораживающей юбками захлебывающегося рыданиями Женечку. Испуганная женщина замахала руками и срывающимся голосом прокричала: — Вон! Вон!

“Вонь”, — услышал дуреющий от совокупного амбре валерианки и кошачьей струи Пиктусов. Он приблизился к круглому бассейну фонтана, склонился над водой, и тут последний засидевшийся на его плечах дородный полосатый Васька взвыл дурным голосом и сиганул со спины доктора прочь, опрокинув Пиктусова в воду.

— На месте этого фонтана меньше века назад был собор, — зачем-то сообщила я Дону, неотрывно глядящему в бинокль. — Потом, много позже, построили фонтан в мавританском стиле...

— Ну, мавр сделал свое дело, — потеряла руки довольная Зинка. — Мавр может уйти!

Дружная компания ликующих мавров погрузилась в машину. Переполненный автомобиль медленно обогнул сквер, и, уже перестраиваясь во второй ряд, я покосилась на сидящую рядом Ирку. Держа на коленях шевелящуюся наволочку с Тохой, подруга жала на кнопки сотового телефона.

— Нужно же кому-то в милицию позвонить, — пояснила Ирка, поймав мой взгляд. — Экое безобразие!

В сквере напротив здания Администрации края, в бассейне фонтана барахтался грязный и вонючий оборванец, и бомж Петюня, выглядящий рядом с ним английским лордом, зажимая нос, одной рукой пытался стянуть со вспенивающих воду ног поцарапанные лакированные туфли.

— В милицию — это ты правильно придумала, — одобрила я. — И еще я тебе дам пару номеров, когда домой приедем. Где-то есть у меня телефончики соперников кандидата Пиктусова по округу...

Пиктусов пил, не пьянея, но всё более погружаясь в беспросветное уныние. Работающий телевизор не мог полностью перекрыть громкий голос жены, причитающей в ванной над сброшенными доктором одеждами: все вещи распространяли густое

амбре, совершенно неуместное в респектабельном доме. Жена стонала над погубленным костюмом, не зная, на что решиться: сунуть его в стиральную машину, отнести в химчистку или сразу выбросить.

— Я тебя в последний раз спрашиваю: ты где был?! — Обвиняюще держа наманикюренными ногтями густой клок белого пуха, жена возникла в дверях комнаты.

— Отстань, — зверея, сказал доктор. — Лучше йод принеси!

Шипя и тихо ругаясь, Пиктусов густо замазал йодом свежие царапины и приобрел по всему телу, а в особенности на верхних конечностях, ярко выраженный тигровый окрас. Мысль о кошачьих причинила ему страдание, он выматерился и полосатой рукой снова потянулся к рюмке. Несвойственный доктору ранее позыв нецензурно выражаться и нализываться был совершенно непреодолим.

— Где тебя носило, придурок? — снова запрчитала жена. — Подрался, что ли? С бомжами подружился? Что с костюмом-то теперь делать?

— Да выброси его на фиг! — заорал Пиктусов, стукнув кулаком по журнальному столику. Рюмка подпрыгнула, коньяк выплеснулся на полировку, потек на ковер.

Жена открыла было рот, но благоразумно промолчала, ушла и плотно прикрыла за собой дверь.

— Дура, — проворчал Пиктусов, добавляя громкости телевизору.

Черт с ним, с костюмом, что с собственной жизнью дальше делать?

Из фонтана Пиктусова выудили милиционеры, истерзанного, мокрого и вонючего посадили в “бобик” и препроводили в заведение, трогательно именуемое властями “Дом ночного пребывания “Забота”, а в народе известное как “трезвилка”. Холодный душ не отбил крепкого запаха кошачьей струи, и злым дядькам, попавшим в трезвилку чуть раньше Пиктусова, это не понравилось. Сами-то дядьки, избавлявшиеся во сне от алкоголя, дружно благоухали перегаром, а доктор внес в общий букет диссонирующую ноту, и за это его побили — по меркам завсегдаев, слегка, но Пиктусова эти побои потрясли и физически, и морально.

Только утром доктора вызволил из “Заботы” начальник его избирательного штаба, спонсировавший из собственного кармана отправку доктора домой на такси: понятно, не захотел погнить личный автомобиль. Выразительно воротя нос, пиарщик посоветовал Пиктусову как можно скорее снять свою кандидатуру с выборов.

Пиктусов снова выругался. А ведь как удачно всё начиналось!

Как ни странно, ему не сразу пришло в голову рассмотреть кровоточащие порезы на ладонях с профессиональной точки зрения; когда он всё же сделал это, то сначала испугался, а по-

том залпом хлопнул еще рюмку коньяка. Отдадим должное доктору Пиктусову: он не забился в истерике и не подумал о суициде. Доктор лучше других знал, что с судьбой не поспоришь.

— Наташка! Сбегай за водкой! — крикнул он жене и пошел на кухню, чтобы взять вместо рюмки граненый стакан. Такого в доме не оказалось, и Пиктусов, не долго думая, вооружился объемистой чайной чашкой. Выплеснул в нее остатки коньяка, выпил, занюхал рукавом, благо, аромат держался стойко, и рухнул в кресло у телевизора.

Началась рекламная пауза. На телеэкране возникла стиральная машина, с которой на Пиктусова кротко таращились два белых персидских кота.

— А, чтоб вас перевернуло и шлепнуло! — выругался доктор и застучал чашкой по столу, призывая жену с добавкой.

Больше никогда в жизни Пиктусов не брался за скальпель. Репутация доктора была погублена, желающих стать его пациентами не находилось, да и слава Богу: у большинства алкоголиков трясутся руки, и Пиктусов не стал исключением из правила.

— Ирка, у нас с тобой осталось еще одно дело, — глядя в окно, произнесла я.

По двору с истошным лаем носились овчарки, до того похожие, что я могла подумать, будто у меня в глазах двоится.

— Это дело — Монтик? — с надеждой спросила Ирка.

Я обернулась:

— Нет, с Монтиком пока повременим.

Подруга вздохнула, намотала на палец прядь волос, подергала:

— Сколько еще ждать-то? Смотри, я уже седею!

— Вся не поседеешь, — сказала я. — А вот я с этим бродячим цирком точно плешь себе наживу! Две свихнувшиеся собаки — это уже перебор, надо Карменситу вернуть владельцам. Только как бы это сделать поделикатнее?

— Чего уж проще, позвонить по "02"! — пожала плечами Ирка.

— Чтобы нас с тобой кто-нибудь проассоциировал с похищением Сержа из психушки и последующим авторалли? Забыла, как эта псина с нами познакомилась?

Ирка подумала и кивнула:

— Ты права, не стоит рисковать. Собаку надо подбросить!

— Как это? — не поняла я.

— Как мы ее умыкнули, только наоборот: посадить в машину, отвезти к психушке...

— Опять к психушке?! — испугалась я. — Ира, я тебя умоляю, давай обойдемся без налетов на дурдом! Что за привычка у тебя появилась, просто мания какая-то, чуть что — сразу к психушке!

— Тогда подбросить ее на порог ближайшего отделения милиции.

— Вот это уже лучше, — согласилась я. — Только все-таки не ближайшего отделения, лучше отвезем ее к УВД города и посадим рядом с доской объявлений.

Мы с Ирккой загнали Карменситу в машину и поехали в центр.

У здания УВД города было шумно и оживленно, к крыльцу то и дело подъезжали автомобили, туда-сюда сновали люди в форме и штатские. Ирка осталась в машине, а я вывела Карменситу на поводке, притворяясь, будто просто прогуливаю собаку. У доски объявлений я задержалась, привязала поводок к опоре стенда, велела овчарке сидеть и удалилась, откуда пришла.

Умная собака сидела, как ей было сказано. Внимания на нее никто не обращал. Ирка ерзала на водительском сиденье, громко возмущаясь невнимательностью тех, кто призван бдить неусыпно.

— Сделаем по-другому, — устав дожидаться, решила я. — У тебя булавка найдется?

Ирка полезла руками под куртку, покопошилась там и извлекла большую стальную булавку. Положив ее в карман, я замотала голову шарфом и выскочила из машины.

Ах, доблестные милиционеры не видят, что это та самая овчарка, которую они давно ищут? Сейчас увидят!

Словам ноготь, я кое-как содрала со стенда листовку с фотографией Карменситы, разгладила ее и Иркиной булавкой пристегнула к ошейнику собаки. Овчарка сразу стала похожа на тех побирушек, которые вешают себе на шею картонки с кратким перечнем постигших их несчастий.

— Дай лапу, — не удержалась я.

Карменсита послушно протянула лапу, умильно посмотрела на меня, и ее сходство с побирушкой стало полным.

Я вернулась в машину.

Прошло примерно десять минут. Карменсита, устав сидеть, зевнула и легла, я тоже зевнула и вопросительно посмотрела на Ирку. Подруга нервно барабанила пальцами по рулю.

— Наблюдательность — профессиональное качество работника органов правопорядка, — насмешливо произнесла я.

Ирка не выдержала.

— Ты их телефон знаешь? — порывисто хватая сотовый, спросила она.

— Только пресс-службы, — ответила я, начиная поиски записной книжки. Господи, чего только нет в моей сумке! Разве что денег, а так черта в коробочке можно найти! — Вот, пожалуйста.

Ирка стремительно наколотила номер, прилепила трубку к уху и ядовито произнесла:



— Здравствуйте! Вас беспокоит мировая общественность. Мы встревожены, будем вызывать прессу: у вас под окнами рядом с доской объявлений сидит служебная собака, которую давно ищут... Собаку зовут Карменсита, — продолжала Ирка. — Объявление о розыске самой себя она держит в лапах. Скажите, что еще бедная овчарка должна сделать, чтобы вы ее нашли и опознали? Взять под козырек и пройти строевым шагом?

— Засечем время, — предложила я, едва Ирка закончила свой драматический монолог.

Спустя полторы минуты из стеклянных дверей Управления вылетел знакомый мне толстый пресс-секретарь. Даром что не спортивного телосложения, он бы, пожалуй, и в минуту уложился, но впопыхах заблудился в турникете на выходе. Обретение Карменситы состоялось, собаку торжественно провели в Управление, и мы с Иркой облегченно вздохнули.

— Могут ведь быть оперативными, когда хотят, — сказала Ирка, отчаливая со стоянки.

— Могут, когда опираются на активную помощь мировой общественности, — напомнила я.

Прошло несколько дней. Ирка хандрит, не в силах забыть ненаглядного Монте Уокера, и не баловала меня визитами. Я ее тоже не беспокоила, позволяя подруге подумать о смысле жизни, а себе — наверстать упущенное на работе. Трудовые подвиги занимали почти весь световой день, поэтому и кухню с Доном я практически не видела, варила, можно сказать, в собственном соку.

Как выяснилось, у такого режима были большие плюсы: во-первых, я от них от всех отдыхала, во-вторых, не получая новой информации на заданную тему, машинально анализировала имеющуюся. В результате у меня довольно скоро вызрела сумасшедшая догадка — видно, мое подсознание и раньше исправно трудилось, решая задачку со многими неизвестными, пока я разбиралась с текущими проблемами: кого украсть, кого подбросить...

Уяснив, в каком направлении нужно двигаться, я некоторое время собирала информацию, заполняя белые пятна. Посидела в библиотеке, подбила знакомого хакера залезть в архивы Интерпола, и, убедив кое-кого потряхнуть связями, получила подробную информацию о зарубежных вояжах Монте-Сержа Уокера-Максимова. В конце концов я убедилась в своей правоте и составила план действий, а потом просто ждала сигнала. Он пришел из районной поликлиники номер пять в пятницу вечером. Очень кстати, следующий день был выходным.

Рано утром в субботу я постучала в Иркину дверь.

— Открывай, сова!

— Привет, — уныло сказала Ирка, впуская меня в дом.

Я вошла и оторопела: она сделала в прихожей что-то вроде ремонта! Стены были оклеены историческими листовками с Монтиком в апельсинах. Сгодились-таки.

— На! — Не поддаваясь эмоциям, я протянула ей подарок. — С наступающим новым счастьем!

— До Нового года еще далеко! — Ирка зарумянилась и стала похожа на себя прежнюю. — Что это?

— Полагаю, волшебная палочка. Не разворачивай, нарушишь стерильность. Дай-ка мне ключи от машины и собирайся, поедем на полевые испытания.

Мы приехали в Пионерский микрорайон, припарковались у дома номер десять и тут, не выходя из машины, я изложила Ирке свои умозаключения, подкрепляя их фактами. Последней я предъявила выписку из медицинской карты — в подтверждение того, что здоровье Максимова С.П. полностью восстановлено. Клиент созрел!

Ирка думала минут десять.

— Ну, что ты теряешь? — не выдержав, спросила я. — Давай попробуем, если это не сработает — хуже не будет. Получишь хотя бы моральное удовлетворение!

— Сценарий слабоват, — заметила Ирка.

— Слабоват, банален и даже примитивен, — согласилась я. — Но именно поэтому его легко реализовать. А номинироваться на “Оскар” ты не собираешься.

— Уговорила. Буду номинироваться на Монте! — Ирка хмыкнула и решительно взяла мой утренний подарок, аккуратно завернутый в цветную бумагу.

Мы маршевым шагом вошли в знакомый дом, миновав лифт, дружно, в ногу поднялись на третий этаж. На лестничной площадке положили на пыльный подоконник сумки, предварительно вынув из них и надев на себя классические бабьи байковые халаты расцветки “пожар в джунглях”. Потом загримировались: себе я нацепила бабушкины очки с выпуклыми мутно-голубыми стеклами и натянула на голову клоунский рыжий парик с запутанными в него в художественном беспорядке валиками бигуди, а Иркино лицо от подбородка до бровей покрыла толстым слоем косметической маски “Голубая глина”. Вот уж маска так маска: когда я намазываю ее на себя, мой кот падает в обморок! На Ирке раскраска получилась еще более боевая: подруга сразу приобрела разительное сходство с борцом сумо.

Спешно распаковав мой подарок Ирке, мы с подружкой подступили к неприятелю вплотную: подошли к двенадцатой квартире.

— Ты стучишь, я звоню, — я распределила роли.

— Я не смогу нормально стучать, у меня одна рука занята, — напомнила Ирка. — Ты стучи, а я буду звонить.

Без слов понимая, что значит в нашем случае “нормально стучать”, я занесла кулаки над дверью и вопросительно посмотрела на подружку, прижавшуюся к стене под звонком.

— Господи, благослови группу захвата! — пафосным шепотом произнесла Ирка, устремив проникновенный взгляд в потолок.

— Аминь! Раз, два...

Едва досчитав до трех, мы дружно атаковали дверь. Ирка кричала и трезвонила, как аварийная сигнализация, я орала и грохотала, как группа средневековых рыцарей, штурмующая с тараном наперевес ворота вражеского замка. Всего за полминуты мы вдвоем подняли шум, способный привлечь внимание не только всего подъезда, но и целого микрорайона.

— Кто там? — сонным голосом испуганно спросил Монтик-Серж, когда я уже всерьез начала тревожиться, что его нет дома или же он оглох.

— Соседи мы! — обрадовавшись, громче прежнего закричала я. — Со второго этажа! Вы нас топите! Открывайте двери, закрывайте краны!

— Мы соседи! — басом рокотала Ирка. — С первого этажа! Вы и нас топите! Слепли, что ли? Оглохли, что ли? Обалдели, что ли?

Обалдеть было немудрено. Монтик-Сержик распахнул дверь, увидел пару кошмарных фурий и попятился. И тут Ирка засмотрелась на любимого и забыла свою роль.

— Чего встал? Показывай ванную! Где течет? — стервозно завопила я, незаметно толкая подругу.

Она очнулась. Вслед за деморализованным хозяином квартиры мы прошагали в ванную комнату, причем я то и дело спотыкалась, потому что ни черта не видела сквозь чужие очки.

— Вон там течет! — возмущенно воскликнула я, указывая пальцем под раковину. Чтобы ее разглядеть, пришлось спустить очки на нос. — Смотри-смотри!

Это и впрямь оказалось очень легко! Серж опрометчиво повернулся к нам спиной, нагнулся, высматривая под раковинной несуществующую течь, я поспешно дала сигнал, и Ирка одним стремительным движением красиво вывела из-за спины руку со сковородкой. Бам! Серж прилег на кафельный пол, мы с Иркой затаили дыхание.

— Милый? В смысле, дарлинг? — не выдержав неизвестности, вопросительно произнесла Ирка.

Пауза.

— Ват? — Голос Монте чуть дрожал.

— Ура! — завопила Ирка. — Он вернулся!

Забыв обо всем, Ирка кинулась к любимому. Мое присутствие их не смущало, но я всё же повернулась к целующейся паре спиной, подобрала брошенную сковородку, взвесила ее в руке и негромко сказала:

— Знаешь, Ирка, по-моему, тебе стоит попробовать себя в большом теннисе!

— Поехали, поехали, самолет ждать не будет! — нервничала Зина.

— Смотря какой самолет, — не согласилась я. — Помнится, в Ларнаке нас с Ирккой один такой с крыльями очень даже ждал.

— В Ларнаку мы за тобой полетели, — сказала Ирка Монтику, поглядев на него с любовью. Они сцепились взглядами, что не могло способствовать безопасности движения.

— Ирка, смотри на дорогу! — напомнила я.

Подруга вела машину не так аккуратно, как обычно, потому что засматривалась на сидящего рядом Монтика. Я пожалела, что села позади, с Зиной и Доном: думаю, на меня бы Ирка глазеть не стала. Впрочем, тогда она, чего доброго, поворачивалась бы назад. Пожалуй, лучшим решением было бы посадить Монтика на капот, как свадебную куклу!

— Нельзя ли побыстрее? — раздраженно спросила Зина.

— Не бойся, не опоздаем! — Ирка утопила газ, выжала сцепление, Монтик ласково положил ладонь на ее руку, и третью скорость они включили вдвоем.

К самолету мы успели, посадка еще не закончилась.

— Ну, до свидания, — сказала Зина мне, Ирке и Монтику. — Спасибо за помощь, — это уже только мне, с подмигиванием.

— Свои люди, сочтемся, — с нажимом ответила я.

— Вот-вот, — вмешалась прямолинейная Ирка. — Ты там у себя в Америке посматривай по сторонам, может, подвернется кто приличный. Ленка у нас одна осталась безмужняя.

— Кстати, а где мой? — Зина заозиралась.

Монте и Дон, обнявшись, стояли у стеклянной стены.

— Дон, чемодан! — напомнила Зина.

Дон обернулся к нам и кивнул. Клянусь, у него в глазах стояли слезы!

Еще раз стиснув руку Монтика, Дон здоровой рукой подхватил баул и вместе с Зиной прошел за барьер. Монтик выкрикнул длинную фразу на английском, увлекаемый Зиной Дон выдал такой же обстоятельный ответ и скрылся в дверном проеме.

— О чем это они? — обескураженно спросила меня Ирка.

— Я мало что поняла, надо подучить английский, — задумчиво ответила я. — Дон сказал, что теперь он совершенно счастлив, сбылась его мечта, что-то в этом духе.

— А что Монтик?

Я внимательно посмотрела на подругу.

— А Монтика советую расспросить, кто такая Кэти.

Ирка и Монтик расписались две недели спустя. Я и не знала, что теперь желающих вступить в брак не маринуют, как раньше, месячишко-другой, женись хоть с разбегу!

Жених явился в ЗАГС в джинсах, невеста — в полосатом платье веселенькой расцветки "колорадский жук". Из-за этого произошло недоразумение: за невесту приняли единственную среди нас женщину в белом — пятидесятилетнюю редакторшу, мою коллегу. Она, впрочем, не возражала, но бдитель-

ный Монтик своевременно вырвался из лап сотрудницы ЗАГСа, попытавшейся насильно соединить руки лже-брачующихся. Отпихивая друг друга, Ирка и Монтик торопливо заполнили автографами специально отведенные для этого строки, и после сакраментального "А теперь, жених, можете поцеловать невесту!" Ирка полубоком взгромодилась на руки присевшему супругу, и мы втроем, предоставив гостям самим решать транспортную проблему, сошли по парадной лестнице Дворца Бракосочетаний к ожидающему нас Иркиному автомобилю, где чинно сидел Томка. Тщательно причесанный пес в парадном ошейнике с розовым шелковым бантом производил на прохожих совершенно потрясающее впечатление. На глазах у группы зевак, под приветственные крики и оглушительный лай, мы погрузились в машину и отправились в ритуальный автопробег по местам боевой и трудовой славы новобрачных.

Сначала мы — все, кроме Тома, — посетили травматологическое отделение городской больницы, где Ирка и Монтик нанесли пациентам еще одну травму, моральную: ворвавшись в знакомую палату, они раскидали костыли и палки и несколько раз поцеловались, прерываясь лишь затем, чтоб покричать самим себе "Горько!". Монтик кричал с едва уловимым иностранным акцентом: русский давался ему на диво легко. "В моя семья у всех есть языческая способность", — объяснил он мне.

Потом, ритмично колотя по клаксону в такт гремящей в салоне музыки, я повела автомобиль по дороге к психиатрической больнице. Трассу я прокладывала на свое усмотрение, поэтому пару раз мы проскакали на красный свет, один квартал проехали по полосе встречного движения — попутного просто не было, а ближе к финишу на глазах у изумленного постового юзом въехали под "кирпич". Характерно, что страж порядка не сделал попытки нас задержать, и, восстанавливая сцену в памяти задним числом, я поняла, почему: украшенная цветами и лентами гудящая машина с растопыренным пупсом на капоте и высовывающейся из окошка собачьей мордой должна была производить впечатление транспорта, в высшей степени приспособленного для перевозки пациентов психиатрической лечебницы!

Вновь мы ловко расставили стремянку у больничной стены, Ирка и Монтик взобрались наверх и вдвоем посидели минутку на кирпичном гребне.

— На счастье! — сказала Ирка, легкомысленно болтая ногами.

Я подала им наверх пару бокалов и бутылку шампанского, Монтик лихо открыл ее, Ирка весело взвизгнула, нас с Томкой окропило шипучим вином.

— Слезайте, ненормальные! — крикнула я, втайне любуясь счастливой парой. — Не пугайте бедных психов!

— Ладно-ладно, — пробасила Ирка, осторожно спускаясь вниз, в заботливые руки опередившего ее мужа. — Поехали дальше. Следующий пункт — наш дренажный канал. С него все начиналось...

— Слышал? — спросила я пса, торопливо складывая стремянку. — “С него всё начиналось!” Это с нас с тобой все начиналось! Все об этом забыли! Кстати, если я забуду, напомни мне, чтобы я посоветовала Ирке повесить в красном углу сковородку...

— Гау! — согласно рывкнул внимательно слушающий пес.

Громкий собачий лай донесся до слуха Марио Ла Гадо. Неужели сторожевые собаки?

Одетый в полосатую бело-голубую пижаму, Ла Гадо неподвижно стоял в редкой тени облетающего дерева и, выпятив челюсть, пристально смотрел на окружающую сад кирпичную стену. Он планировал побег и был полон решимости осуществить задуманное. Старая стена не казалась трудно преодолимым препятствием, и Марио не сомневался, что из этой тюрьмы он сбежит. Но что делать дальше? На нем была крайне неподходящая одежда и обувь, ни цента в пижамном кармане, ни одной мысли о том, где искать своих. Тот факт, что за несколько дней никто с ним не связался, наводил на мысль о предательстве.

Все возвращается, устало подумал Марио. Когда-то он сам предал Папу Тони, уничтожив человека, которого тот назвал своим преемником. Надо сказать, покойный Монте Уокер долго являлся ему в кошмарах. Да что там, совсем недавно Марио было видение: Монте Уокер с немим укором смотрел на него из окна.

Ла Гадо на секунду закрыл глаза, обуздывая эмоции, а когда открыл их — снова увидел призрак. Прямо перед ним, в двух метрах над землей, на фоне кирпичной стены парил покойный Монте Уокер — совсем как живой, в джинсах, с бокалом в руке и пышнотелой подружкой под боком.

— Уокер в раю? — недоверчиво прошептал Марио.

Позади него затрещал гравий садовой дорожки.

— Слышь, полковник! — появившись из-за поворота, благодушно позвал его Вася Бурундук, похожий на пухлого младенца в своей розовой в горошек пижаме. — Пора обедать!

Слова “завтрак”, “обед”, “ужин” и “бурундук” Марио Ла Гадо уже понимал.

— Ван момент, — раздраженно отозвался он, отгоняя Васю движением руки.

— Ну, товарищ Полковник! — начал было Вася, но запнулся, выкатил глаза, вскинул руку в указующем жесте и закричал: — Серж! Это Серж! Я видел Сержа! Ну, зараза...

Ла Гадо обернулся к стене — видение исчезло. Монте Уокер удалился в лучший из миров...

Марио повернулся и пошел к корпусу, безразлично пройдя мимо заходящегося в крике Бурундука, к которому уже спешили заботливые санитары.

Зима наступила внезапно и, как обычно, застала коммунальные службы врасплох: первый же снегопад полностью парализовал городской электротранспорт. Редкие трамваи ползали, как черепахи, заочевенные пассажиры на остановках брали вагоны штурмом, и уже к десяти утра у ворот Восточного депо столпилось целое стадо трамваев с открытыми переломами дверей. В результате, множество горожан опоздало на работу, и я была в их числе.

Снег валил хлопьями размером с почтовую марку. Облепленная ими, как бандероль, я остановилась под куцым навесом у металлической двери телекомпании, придавила кнопку звонка и отвела в сторону заснеженный зонт, похожий на бледную поганку. Камере, а через нее — охраннику, явилось мое красно-синее лицо с намертво примерзшей улыбкой. Удивительно, но страж меня узнал, дверь с громким щелчком открылась, и я вошла в прихожую, продолжая сражаться с зонтом.

— Здравствуйте, Елена Ивановна! — сердечно приветствовал меня охранник.

— Доброе утро, — выговорила я застывшими губами. — Если оно, конечно, доброе, в чем я лично сомневаюсь! — Губы, впрочем, быстро оттаивали.

— Это свои, вот фамилия в списке, — охранник склонился над столом, за которым с ручкой в руке сидел другой мужчина.

Лица его я не видела, только редеющую макушку, но догадалась, что это новый охранник. Они в телекомпании часто меняются, потому что зарплата средняя, а мороки много, попробуй, постереги двери, в которые ежедневно ломятся по делу и без оного сотни людей! Частное сыскное и охранное агентство "Шерлок", поставляющее нам по договору дневных сторожей, давно отказалось бы сотрудничать с нами, если бы мы не делали ему рекламу. Конечно, присылают в наши рудники обычно шерлоков-новичков.

— Обучаете новенького? Здравствуйте! — Не задерживаясь, я приветливо кивнула и пошла по коридору, заглядывая в открытые двери кабинетов и приветствуя коллег.

Ошеломляющего впечатления, произведенного мной на нового охранника, я не заметила, а он выронил ручку и неотрывно смотрел мне вслед.

— Вот тут надо галочку поставить, — напомнил ему более опытный товарищ.

Сидоров машинально взял ручку, тупо посмотрел в журнал и с великой тщательностью последовательно отметил значками сразу несколько строк, в завершение трудов пририсовав под последней галочкой пару лукавых миндалевидных глаз.

— Ты что делаешь? С ума сошел?! — воскликнул его коллега.

Сидоров посмотрел в табель, снова выронил ручку, закрыл лицо руками и мелко затрясся.

— Да ладно, не расстраивайся, — сжалился над ним наставник. — Чего рыдать-то?

Но Сидоров не рыдал, он хохотал, и отголоски этого хохота доносились до моего кабинета.

— Кому это так весело? — вслух подивилась я, уже приподнимаясь, чтобы выйти из-за стола и разузнать причину смеха.

— Новый охранник резвится, — входя в мой кабинет, ответил мне главный редактор. — Он смеется, потому что еще не знает, как безрадостна наша жизнь.

— А она безрадостна? — насторожилась я.

— Еще как! Вот у тебя, к примеру, сегодня вечером прямой эфир.

— С кем? — я нахмурилась, предвидя сложности: из-за вечернего эфира домой придется добираться поздно, когда общественный транспорт уже норовит забиться в стойло, а тут еще такая погода...

Редактор положил передо мной бумажку:

— С главным врачом психиатрической больницы. Некто Топоркович, профессор.

— Что, в городе наблюдается вспышка инфекционного идиотизма? — уныло пошутила я.

— Похоже на то. — Хмыкнув, редактор удалился.

Я тяжело вздохнула, потянувшись к маленькому радиоприемнику на столе: хорошо бы узнать прогноз погоды. Радио невнятно захрипело, зато сам собой ожил телефон.

— Да, аллэ?

— Ленка, это ты? — возбужденно прокричала в трубку Ирка. — Ну, наконец-то, я уже полчаса тебе названиваю!

— Я только что вошла, погода — жуть, трамваи еле ходят, — оправдываясь, сказала я.

Ирка меня даже не слушала.

— Никуда не уходи, я сейчас к тебе приеду! — еще громче прокричала она. — Тут у нас такое! Ты просто с ума сойдешь!

Я положила телефонную трубку, посмотрела в окно: снежная пелена редела, можно было надеяться, что Ирка доберется ко мне за полчаса, если, конечно, сумеет выехать с заснеженного поселка. Впрочем, о чем это я беспокоюсь, Монтик с лопатой — прекрасная снегоочистительная техника. А пока Ирка едет, не выпить ли чашечку кофе? Кажется, силы мне понадобятся.

Я почувствовала, как мои губы сами собой растягиваются в улыбке. Как она сказала — я сойду с ума?

Радио, наконец, ожило, и сквозь хрипы очень кстати пробила разудалая старинная песня: “Эх, раз, еще раз, да еще много-много раз...”





Иван ЗЮЗЮКИН

# Процесс 1633 года

НЛО и посещающие нашу грешную землю инопланетяне — факт бытия или оптический обман, а то и галлюцинации не вполне здоровых людей? Этот вопрос давно занимает умы и будоражит воображение землян. А ясного ответа на него — нет как нет. Но, представим на минуту, завтра с очевидностью подтвер-

дится, что мы не одиноки во Вселенной, более того, как уверяют некоторые писатели-фантасты, обитатели иных миров имеют недобрые виды на нашу планету. Что же тогда произойдет? Можно без преувеличения сказать: земная цивилизация переживет настоящий переворот! Встречи с небесными пришельцами, во что бы они ни вылились, коренным образом изменят нашу жизнь и сделают нас во многом другими...

Но все это — гипотеза. Между тем переворот, в чем-то схожий с предполагаемым, на Земле уже однажды был. Он совершился, когда геоцентрическая система мироздания, разработанная в незапамятные времена греком Птолемеем, под напором логики и научных фактов была признана несостоятельной и уступила место гелиоцентрической. Конечно, не в одночасье, но со сменой космологических моделей мироздания начало меняться и мироощущение людей. Ведь одно дело, когда Земля представляется чем-то вроде пупа Вселенной, с ней и сам ты куда как важная персона, другое — когда сознаешь, что твоя планета — крохотная песчинка в бескрайнем космосе, а ты — того меньше. Благодаря гелиоцентрической теории, поставившей все на свои места, ученые совершили великие открытия в области астрономии, физики, химии, сформулировали основные законы земной и небесной механики, создали приборы для навигации, философы и художники по-новому осмыслили жизнь и предназначение человека. Словом, в истории земной цивилизации открылась новая глава...

Сегодня трудно и представить, что гелиоцентрическая система когда-то считалась такой же химерой, как ныне — геоцентрическая. (Верно, еще в глубокой древности философы-пифагорейцы высказывали смутные догадки о том, что Земля вращается вокруг Солнца, но их предположения были осмеяны и преданы забвению.) В средние века католическая церковь объявит систему Птолемея священным догматом, сомневаться в незыблемости которого было строжайше запрещено. Приводимое в Библии упоминание о том, что Иисус Навин однажды на некоторое время остановил Солнце, будет признано самым убедительным свидетельством того, что оно вращается вокруг Земли, а не наоборот... Но вот в середине XVI века польский астроном и богослов Николай Коперник напишет небольшой трактат о вращениях небесных тел, в котором поставит в центре мироздания Солнце! Правда, гениальный поляк был богобоязненным, осторожным человеком. Чтобы на всякий случай подстраховаться, он свой труд, эту, если так можно выразиться, интеллектуальную термоядерную бомбу, пошлет на суд папе римскому, предусмотрительно назвав свою теорию всего лишь гипотезой, своего рода игрой ума, не более. Как ни странно, тогдашний папа, человек крутого нрава, отнесется к трактату равнодушно, а его окружение посчитает мысли Коперника простым завихрением разума и не уз-

реет в трактате ничего еретического. Такую снисходительность Ватикана историки объясняют тем, что в ту пору земные дела святым отцам сильно затмят небесные: в Европе набирало силу движение протестантизма, которое, как покажет время, приведет к большому расколу в христианском мире. Примерно через полвека в Ватикане спохватятся — трактат Коперника признают еретическим и подвергнут запрету. Но автора трактата тогда уже не будет в живых. Таким образом, Коперник за свое открытие не удостоится громкой славы при жизни, зато умрет своей смертью, в отличие, к примеру, от Джордано Бруно, тоже посягнувшего на церковные догматы в области космологии и в 1600 году за свое упорство в ереси сожженного на костре.

А через много лет за то же самое, за что в свое время не пострадает Коперник, церковные власти жестоко накажут знаменитого итальянского ученого. Его поставят на колени в буквальном смысле и как провинившегося мальчишку принудят признать свою вину, отречься от учения Коперника как ложного и богопротивного. Речь о Галилео Галилее (1564-1642 гг.) и устроенном над ним в 1633 году судебном процессе, оставившем глубокий след в истории науки и в памяти человечества.

Разумеется, нет уже нужды доказывать научную правоту Галилея и несправедливость вынесенного ему приговора. История на сей счет сказала свое слово: в 1979 году католическая церковь устами папы Иоанна Павла II признала, что ученый был подвергнут необоснованному преследованию.

Казалось бы, раз поставлены точки над всеми “i”, процесс 1633 года навсегда утратил историческую злободневность. Однако это не совсем так, если не сказать, совсем не так. Время от времени в научных кругах, в студенческой среде вспыхивают споры вокруг личности Галилея, причин и последствий суда над ним. В самом деле, что заставит его открыто выступить в защиту теории Коперника — совесть истинного ученого или он, излишне понадеявшись на свой авторитет, решит, что это ему сойдет с рук? Кто были те люди, что затеют суд над ним — замшелые реакционеры или искренне заблуждавшиеся фанатики? Публично отрекаясь от того, во что Галилей не просто верил, а знал наверняка, он поступил малодушно или благоразумно? Попытаемся если не ответить на эти непростые вопросы, то хотя бы предоставить читателю материал для размышлений о драматической судьбе средневекового ученого...

Начнем с того, что рисуемый в некоторых книгах образ Галилея, героя и мученика науки, кабинетного затворника, ради науки отрешившегося от всех радостей жизни, мало соответствует действительности. Наоборот, влюбленный в науку, в особенности, математику, физику и астрономию, он не чуждается

земных удовольствий и, судя по его деловой переписке, весьма настойчив в защите своих материальных интересов. Да, в юности он из-за бедности хлебнет лиха. Так, его за неуплату отчислят из Пизанского университета, в котором он учился на врача. Но благодаря своим исключительным способностям молодой Галилей пробьет-таки себе дорогу в жизни и науке. Отчисленный из университета, он вскоре вернется и начнет преподавать в нем математику. Его, уроженца Тосканы, перетягивают к себе наиболее престижные учебные заведения Италии, предлагая самые выгодные условия работы. По этой причине он однажды покинет Тоскану и будет в течение многих лет преподавать в одном из университетов Венецианской республики, ранее других итальянских государств освободившейся от феодальных пут и зависимости от Ватикана. Там ученого окружает атмосфера благожелательности, никто не мешает ему свободно выражать свои научные взгляды. (Показательный пример: один из завистников, коих во все века хватает, напишет на молодого профессора донос, обвинив его в том, что он живет в незаконном браке с венецианкой и прижил с ней детей. Власти Венеции отнесутся к доносу весьма своеобразно: узнав, что Галилей содержит семью, они в два раза повысят ему оклад.) Но вот в Тосканском герцогстве, долгое время сотрясавшемся от восстаний и смут, к власти вернется семейство Медичи, известное в истории своим покровительственным отношением к искусству и науке, и Галилей, приглашенный работать на родине, покидает Венецианскую республику. Во Флоренции, столице Тосканы, родине таких величайших гениев человечества, как Данте, Боккаччо, Боттичелли, Микеланджело, Галилей становится "первым философом и математиком великого герцога Тосканы". Медичи вручат ему почетную золотую цепь, предоставят в его распоряжение одну из своих загородных вилл. Словом, все устраивается как нельзя лучше.

Но, поменяв Венецианскую республику на феодальную Тоскану (и ради этого даже расставшись с любимой женщиной, не пожелавшей покинуть родину), Галилей, как покажет время, совершит роковую ошибку. Тысячу раз правым окажется один его венецианский друг, предупреждавший, что жизнь при дворе щедрых, но капризных и ненадежных Медичи подобна путешествию по морю с его подводными камнями и кораблекрушениями. Когда Ватикан потребует явки Галилея в суд, великий тосканский герцог поведет себя как мелкий вассал: сдаст ученого инквизиторам Рима...

Но это случится еще не скоро. А пока что Галилей совершает одно за другим блестящие открытия в области естествознания. Сконструировав первый в мире телескоп, он первым из землян заглянет в непостижимые уму, ужасающие душу бездны космоса, первым увидит мертвенный ландшафт Луны, первым откроет кольца Сатурна, первым обнаружит спутники Юпитера (что-

бы потрафить Медичи, он назовет их “Медицейскими звездами”), первым предугадает, что в самом дальнем углу Вселенной должны быть еще две планеты. Можно долго перечислять, что Галилей еще откроет и сделает первым в мире. Но, не уходя далеко от избранной темы, подчеркнем, что путем астрономических наблюдений и математических вычислений, он первым в мире научно докажет, что учение Коперника верно, и уже одним этим обессмертит свое имя...

Как относятся к открытиям Галилея сиятельные Медичи? Они исполнены монаршей гордости за то, что под сенью их дворцов творит величайший сын Италии. (Словно отработывая милости герцогов, Галилей обучает и воспитывает их детей. Своих же дочерей он, загруженный поверх головы делами, вынужден отдать в монастырь.) Но Медичи — светские государи. Им что система Птолемея, что Коперника — все одно. Они не возражают против того, чтобы Галилей в пределах герцогства издал свой “Диалог”, книгу, из-за которой он, скажем, чуть забегая вперед, едва не лишится жизни.

А как воспринимают его прелаты католической церкви? Живые люди, многие из них прекрасно образованные, они относятся к ученому с нескрываемым интересом и уважением. Навещающая знаменитого ученого во Флоренции или принимая его у себя в Ватикане, они только что в очередь не становятся, чтобы поглядеть в телескоп Галилея, побеседовать с ним на философские темы, от него лично услышать, правда ли, как он утверждает, что все тела, камень это или пушинка, падают на землю с одинаковым ускорением, или на основании чего этот ученейший человек полагает, что планет во Вселенной не семь, а больше. Сам же Галилей, беседуя с князьями церкви, с удивлением отмечает, как они разнятся. Взять, к примеру, кардинала Маттео Барберини. С ним можно разговаривать как коллега с коллегой. В каких-то областях знания святой отец так сведущ, что, можно подумать, не религия, а наука является главным делом его жизни. Да, кардинал — убежденный геоцентрист и не признает учения Коперника. Но он готов без гнева и пристрастия выслушать доводы в его пользу. И подумать только, святой отец воспринимает как нечто само собой разумеющееся сообщение Галилея о том, что на солнце есть пятна и даже то, что оно — вращается!.. Верно, среди прелатов ученому встречаются не то чтобы безнадежные тупицы, но люди с как бы окаменелыми мозгами. Один из них, к примеру, выскажет мнение, что если какие-то планеты невидимы невооруженным глазом, то их словно бы и нет, а следовательно, нет и необходимости их открывать. О другом, начальнике папского дворца, Галилей напишет с присущей ему доброй иронией: “Он не признает ни системы Птолемея, ни системы Коперника, довольствуясь собственной, по которой ангелы без всякого затруднения передвигают звезды так, как они в

---

действительности движутся; нам же тут нечего более и рассуждать”.

Великий ученый и в то же время примерный католик, Галилей видит в своих оппонентах людей, нуждающихся в его помощи, пытается склонить их на сторону Коперника, не усматривая в его теории ничего еретического и того, что ослабляло бы людскую веру в Бога. Всякий раз, когда спорящие с ним собеседники из числа прелатов ссылаются на Библию, ученый терпеливо убеждает их, что священное писание не предназначено для решения научных проблем. “Да, Господь способен остановить Солнце, — соглашается он. — Но что это меняет? Вместе с Солнцем на время останавливаются и планеты, а затем все идет своим ходом. И обратите, Ваше преосвященство, внимание: в Библии наша планета называется “повешенной”, “неодержимо тяготеющей”. Это ли не говорит о том, что она вращается вокруг Солнца, тяготеет к нему и благодаря этому не падает в тартарары?..”

В те времена столь дерзко думать и рассуждать мог откровенный еретик или безумец. Но строгие церковники до поры до времени все прощают Галилею, считая его столь же великим ученым, сколь и большим чудаком. И трудно что-либо противопоставить ему — настолько его доводы убедительны и остроумны. Трудно не поддаться обаянию этого смелого, жизнерадостного, страстно увлеченного наукой человека... Однако кое-кто из духовных пастырей считает своим долгом предостеречь ученого: изучайте, сколько хотите, мир земной и небесный, ставьте, какие вам угодно, опыты, но да убережет вас Господь от того, чтобы вторгаться в сферы, заказанные человеческому уму. Вон еретик Бруно утверждал, что в мире бесконечно много вселенных и что мироздание не имеет ни начала, ни конца. Но что с ним стало, синьор Галилей? (Между прочим, имя сожженного философа и поэта Галилею говорило больше, чем его увещателям: одно время он жил в городе, в тюрьме которого томился и ждал своего смертного часа Джордано Бруно.) Словом, занимайтесь, синьор Галилей, своей наукой, а человеческие души и толкование священного писания оставьте нам... Но, надо заметить, даже те, кто осуждал Галилея за его взгляды, разговаривали с ним почтительно, тщательно подбирая слова. Ведь перед ними был не просто прославленный ученый, член “Академии рысьеглазых” (в те времена рысь считалась эталоном зоркости), но и человек, о котором сам папа римский в своем письме тосканскому герцогу отзовется следующим образом: “Мы видим в нем не только великое дарование и любовь к науке, но также и любовь к благочестию. Он более, чем кто-либо, одарен всеми качествами, дающими ему право на папское благоволение”. С таким лестным отзывом духовного владыки христианского мира можно жить и ничего и никого на свете не бояться...

В 1623 году римским папой под именем Урбана VIII станет знакомый нам кардинал Маттео Барберини. Это событие Галилея обрадует и воодушевит. В одном из его писем друзьям встречается фраза, звучащая как боевой девиз: "Теперь или никогда!". Он верит, что пришло время снять запрет на труды Коперника и утвердить его учение в законных правах.

Что ж, его упования на это кажутся не столь уж обоснованными. Как папа Урбан VIII являет собой новый тип прелатов католической церкви. Когда-то мало чем отличавшиеся от воинственных феодалов, державшие в одной руке крест, а в другой меч, римские понтифики в эпоху Возрождения демонстрируют широту взглядов, терпимость и сами ведут образ жизни, свойственный более светским государям, чем духовным пастырям. "То были люди, — пишет английский историк Томас Маколей, — ...которые, вместе с латинским языком века Августа, усвоили атеистический и насмешливый дух того времени. Они смотрели на совершаемые ими же христианские таинства точно так же, как авгур Цицерон и первосвященник Цезарь смотрели на клеветы священников цыплят... Их годы протекали в сладостном сне чувственной и умственной неги. Утонченный стол, превосходные вина, прелестные женщины, собаки, соколы, лошади, вновь открытые рукописи классиков, сонеты и шуточные романы на нежном наречии Тосканы... работы Бенвенуто, планы дворцов, начертанные рукой Микеланджело, фрески Рафаэля, бюсты, мозаика и драгоценные камни, только что вырытые из-под развалин древних храмов и вилл, — вот предметы, составляющие наслаждение и даже серьезное занятие их жизни".

Если к вышеназванным чертам римских пап той эпохи приложить также недюжинную ученость Урбана VIII и его, как сейчас говорят, толерантность, легко понять, почему Галилей, долгие годы работавший над "Диалогом", но опасавшийся его обнародовать, теперь стремится побыстрее издать книгу. С этой целью он едет в Рим и отдает рукопись на суд папских цензоров. Наперед зная, сколь они придирчивы, он напишет свой труд в форме научного спора коперниканцев Сальвиати и Сагрето (это имена его покойных венецианских друзей) со сторонником системы Птолемея неким Симпличио. Внешне Галилей стремится сохранить беспристрастность к мнениям спорящих, но более или менее искушенный читатель вскоре смекает, что доводы Симпличио в пользу системы Птолемея до смешного нелепы и сам он — честный, простодушный, но профан...

Увы, проходит один месяц за другим, рукопись "Диалога" гуляет по столам папской канцелярии, цензоры книгу не отвергают, но и не дают добро на ее издание. Молчит и Урбан VIII. Судя по всему, папе в это время не до книг. В центре Европы идет Тридцатилетняя война между коалициями монархов-католи-

---

ков и монархов-протестантов. Из-под власти Ватикана уходят одна за другой страны. Снова ему земные дела затмили небесные... Но Галилею ждать до бесконечности тягостно. Раздосадованный молчанием Ватикана, он издает свою книгу в одной из тосканских типографий. Чтобы как-то задобрить сильных мира сего, он в предисловии к "Диалогу" напишет лестные для них слова: "Соединив в одно целое мои размышления о системе Коперника, я желаю тем самым убедить читателя, что ... народы обязаны Италии не только догматами, необходимыми для спасения души, но и замечательными открытиями, служащими для наслаждения ума".

Но никакие слова не помогут Галилею. Едва "Диалог" дойдет до Ватикана, под его расписными потолками разразится буря ярости и негодования. С церковных кафедр по всей Италии в адрес ученого посыпятся проклятия и обвинения в ереси. Галилей не на шутку перепугается. Теперь у него надежда лишь на Урбана VIII. Но папа-то что? Удосужившись, наконец, прочитать книгу, он потребует, чтобы дерзкого флорентийца пропустили через горнило инквизиционного суда. А когда Галилей, сказавшись больным, медлит с приездом в Рим, папа слышать ни о чем не хочет и настаивает на его срочной явке в суд. Однако что же стряется с прежде либеральным Маттео Барберини? Ведь это не кто-нибудь, а именно он, став папой, еще совсем недавно в письме тосканскому герцогу расточал слова о дарованиях и благочестии Галилея!.. Говорят, будто читая "Диалог", святой отец в глупом Симпличио узреет себя и поклянется проучить наглого сочинителя.

Правда это или нет, остается гадать. Впрочем, даже если бы у папы и не было личной заинтересованности в наказании Галилея, Ватикан все равно бы не оставил ученого в покое. Эпоха Возрождения была позади, на дворе стоял сумрачный век Контрреформации. После целого ряда ощутимых поражений прелаты (а они, как и свита короля, тоже делают папу) решат, что отступать дальше некуда. В Европе вновь обретет силу инквизиция, под орудиями пыток вновь затрещат косточки инакомыслящих. "С одинаковой строгостью были отыскиваемы и уничтожаемы еретические книги, — пишет об этом времени историк Маколей. — Сочинения, находившиеся дотеле в каждом доме, были столь усердно преследуемы, что теперь нельзя найти ни одного экземпляра их в самих библиотеках". При всем почтительном отношении к Галилею Ватикан теперь, чтобы не пасть в глазах своей паствы, уже не может делать вид, будто книга, написанная в защиту крамольного учения, является всего лишь прихотью великого ученого. Конечно, святые отцы знали, сколь высок в Европе научный и моральный авторитет Галилея. Но, кажется, именно это и укрепит их решимость напомнить всему миру, что католицизм еще в силе и его ничто не остановит в борьбе с ересью.



---

А Галилей? Он, такой зоркий и мудрый, неужели не видит, что часы европейской истории, пусть временно, но повернули вспять? Неужто он надеется, что Маттео Барберини, став папой, останется таким же, каким был — снисходительным к инакомыслящим? Нет, судя по переписке с друзьями и одной из дочерей, в монашестве Марией Челестой, он все видит, ни на что особо не надеется. Но в нем, как во всяком истинном ученом, есть то, что сильнее его самого и даже страха перед смертью: любовь к истине. Галилей не хочет терпеть до конца жизни то, что гениальное прозрение Коперника и его собственные открытия в области космологии невежды в сутанах называют чепухой, а историческое заблуждение Птолемея — священным догматом. Люди, убежден ученый, должны видеть мир таким, какой он есть, а не таким, каким хотели бы его видеть. “Если еще и можно сомневаться, что папа обладает абсолютной властью допускать или запрещать какое-то учение, то не во власти кого-либо делать его истинным или ложным”. Этот отрывок из письма другу лишний раз подтверждает, что, издавая свой “Диалог” в обход папской цензуры, Галилей знал, на что идет, чем рискует...

Но нет, процесс 1633 года, продолжавшийся много месяцев (Галилей все это время находился под домашним арестом или в тюремном заключении), покажет, что ученый все же плохо представлял себе, до какой степени сурово обойдутся с ним инквизиторы Рима. Его допрашивают словно закоренелого преступника, постоянно пытаются поймать на противоречиях в показаниях. От него потребуют безоговорочного признания своей вины перед Богом и церковью: это бы тотчас дало право судьям перевести его из разряда “подозреваемых в ереси” в разряд “неисправимых еретиков” и затем отправить на костер. “Заметив, что ты при ответах не совсем чистосердечно сознаешься в своем греховном намерении, мы сочли необходимым прибегнуть к “строгому испытанию”, на котором ты отвечал как истинный католик”, — говорится в протоколе одного из допросов. Инквизиция, как указывают историки, во все времена старалась не употреблять некоторые слова в их страшном значении, а обходилась эвфемизмами. Так, встречающееся в протоколах выражение “наказание без пролития крови” означало не что иное, как сожжение на костре. “Истинными католиками” допрашиваемые становились, как правило, после “строгого испытания”, иначе говоря, после пытки. Почти не приходится сомневаться, что во время одного из допросов Галилея пытали. Остается лишь гадать — какими орудиями...

Сломить физически человека, которому под семьдесят, не столь уж трудно. Но целью Ватикана и инквизиции было другое: раз и навсегда отбить у Галилея и его единомышленников

---

охоту защищать и проповедовать учение Коперника. Вот отрывок из протокола допроса ученого:

“И ему сказали, что именно из этой книги (“Диалога”) и доказательства, приведенных в пользу утверждения, что Земля движется, а Солнце неподвижно, вытекает, что он сам придерживается мнения Коперника или по крайней мере придерживался его в то время, и поэтому, если он не решится признать истину, то против него будут приняты меры, соответствующие закону и фактам.

Ответ. Я не придерживаюсь и не придерживался этого мнения Коперника с тех пор, как мне было предписано оставить его. Впрочем, я здесь в ваших руках — поступайте, как вам угодно.

И ему было приказано сказать истину, иначе он будет подвергнут пытке.

Ответ. Я здесь нахожусь только, чтобы повиноваться...”

Лишь ценой унижительных признаний Галилею удастся избежать костра. Кстати говоря, его допрашивают в тех же камерах, где тридцать три года назад допрашивался, упорствовал в своих взглядах и был приговорен к “наказанию без пролития крови” несчастный Джордано Бруно...

Вердикт суда зачитывают в одном из римских монастырей в присутствии нескольких князей церкви. Книгу “Диалог” объявят запрещенной. Представления Галилея о мироздании назовут “мнением, которое никоим образом не может быть вероятным”. (Лишь в начале XIX-го века Ватикан признает учение Коперника истинным!) Здесь, под мрачными сводами монастыря, Галилею сообщает о мере наказания: жизнь под строгим надзором инквизиции и покаяние в совершенном против церкви грехе. Но это еще не все. Галилея обяжут публично отречься от учения Коперника. Он произнесет слова, которые не прибавят чести не только и, может, даже не столько ему, сколько тем, кто вынудит его сказать их и выслушает не без торжества, написанного на их лицах:

— ...от чистого сердца и непритворной верою отрекаюсь, проклинаю, объявляю ненавистным вышеназванные заблуждения и ереси...

Исследователи жизни и творчества Галилея назовут процесс 1633 года и вынесенный приговор расправой над великим ученым и одной из самых позорных страниц Ватикана. Но вряд ли с этим можно согласиться. Во всяком случае, безоговорочно. Однозначно то, что церковь при желании могла отправить Галилея на костер — “состав преступления” ученого (без кавычек тут не обойтись) позволял ей сделать это. Похоже, что поначалу такое намерение у инквизиции и было, но возобладало другое мнение: наказать примерно, но без крайностей. Со своей стороны Галилей, что называется, не стал дразнить гусей и

формально признал свою вину. Как бы к этому ни относиться, но между ним и Ватиканом был достигнут негласный компромисс, в результате которого выиграют и судьи, и подсудимый. Церковь преподнесет всем инакомыслящим наглядный урок (и это не просто слова: после процесса 1633 года долгое время никто не осмеливался вслух защищать взгляды Коперника и Галилея), а великий итальянский ученый получит возможность жить неподалеку от Флоренции в сельском уединении и еще в течение девяти лет работать в той мере, в какой ему позволят возраст и болезни.

Бытует легенда, будто вслед за отречением Галилей произнесет фразу, приведшую его судей в замешательство и ставшую крылатым выражением: “А все-таки она вертится!” На самом деле ученый ничего подобного не говорил и не мог сказать — с инквизицией шутки плохи и не для того он столько унижался, чтобы тут же подписать себе смертный приговор. Нет, он поступил иначе. Когда страсти вокруг процесса поулягутся, он вновь возьмется за свое. Впрямую больше не заявляя о своей приверженности гелиоцентрической теории, он посвятит остаток жизни доказательствам того, что движение — и не только Земли — является одним из главных законов мироздания. В оставшиеся девять лет он совершит еще немало важных открытий в области естествознания, напишет несколько зрелых научных трудов, чем окончательно подтвердит статус великого ученого. Даже ослепнув к концу жизни, он продолжает думать над проблемами космологии. “Небо, мир и вселенная, которые я своими удивительными наблюдениями и ясными доказательствами расширил в сотни и тысячи раз по сравнению с тем, какими их видели мудрецы прошлых столетий, — пишет он незадолго до смерти, — стали теперь для меня такими малыми и тесными, как пространство, занятое моим собственным телом”. Такое мог написать только тот, кто весь бескрайний мир воспринимал как свой дом и чувствовал в нем себя своим человеком...

Когда он скончается и встанет вопрос, где его похоронить, памятный Урбан VIII воспротивится тому, чтобы великому покойнику были возданы великие почести. Узнав, что тосканские власти намерены поместить прах ученого во флорентийской церкви Санта Кроче рядом с могилой Микеланджело, папа в беседе с тосканским послом при Ватикане заявит, что торжественные похороны бывшего еретика станут неудачным примером для остальных. Власть Тосканы, вняв словам Урбана VIII, отступает от своего намерения... Однако некоторое время спустя прах Галилея все-таки будет помещен в церкви Санта Кроче и — рядом с могилой Микеланджело. Это событие окончательно подтвердит славу и величие Галилея, а процесс 1633 года выставит как тщетную, заведомо бессмысленную попытку запретить гению быть гением... ■



**Николай ЗУЕВ**

Фото автора

# «Мат» —

# ее любимое СЛОВО

Юные вундеркинды все чаще "делают погоду" в шахматном королевстве. Москвичке Александре Костенюк только 23 апреля исполнится 18 лет, а о ней уже говорят во всем мире. Это она стала настоящей сенсацией чемпионата мира по шахматам, который прошел в конце 2001 года в Кремле. Александра впервые принимала участие в турнире столь высокого ранга и дошла до финала, где "споткнулась" на китайке Чжу Чэнь.

Наш корреспондент беседует с восходящей звездой в мире шахмат.

— *Саша, шахматные звезды появляются в спортивных семьях?*

— В военных! Папа у меня был военным, он и стал моим первым тренером, за что ему по гроб обязана. Он служил лейтенантом и в ночь, когда я родилась, стоял в на-рауле. Родилась я в Перми, а он проходил службу в Москве. Целый год, пока мы не переехали с мамой и нему в столицу, он день и ночь за-





ботился обо мне. На свет я появилась маленькой и слабенькой, и чтобы поправить мое здоровье, папа пачками закупал в московских магазинах дефицитное в то время детское питание и по почте отправлял его в Пермь.

— Ваш папа — дон в шахматах?

— Нет, просто в детстве он жил в военном гарнизоне и однажды посмотрел фильм "Гроссмейстер" по сценарию Леонида Зорина. В нем главного героя — гроссмейстера Хлебникова блестяще сыграл Андрей Мягков. А его секунданта — сам Виктор Львович Корчной. Когда мне уже было пять лет, он показал этот фильм мне и младшей сестре Ксюше, которая, кстати, тоже здорово играет в шахматы. Вот тогда-то, благодаря "видику", мне удалось увидеть таких прославленных гроссмейстеров, как Михаил Таль, Виктор Смыслов, Юрий Авербах, Марн Тайманов.

— С кем-то из них лично знакома?

— В январе 2000 года на турнире в голландском городке Вейн-ан-Зее познакомилась с Виктором

Корчным. Он долго смеялся, узнав, что его кинодебют сыграл немалую роль в выборе моего жизненного пути.

— А правда, что папа оставил армию ради того, чтобы сделать из тебя гроссмейстера?

— В свое время он с красным дипломом окончил Военно-воздушную академию имени Жуковского и остался там работать. Как человек способный, он все время что-то изобретал. У него уйма авторских свидетельств. Затем он преподавал в академии программирование. В то время свои изобретения приходилось "пробивать". Он мне рассказывал, что на работе бился, как рыба об лед, но пробивать то, что нужно стране, он не хотел. Ему пришлось оставить армию и переключиться на меня.

— Тренировки были изнуряющие?

— Каждый день — по четыре часа! Рядом с нашим домом был парк, там любители шахмат резались с утра и до вечера. Папа нашел паренюшку лет десяти, который сначала обыгрывал меня в два счета. Но прошло месяца три и мне стало с ним играть неинтересно — один мат следовал за другим и из-за этого с ним пришлось расстаться.

— В детстве девчонки обожают играть в куклы. Тебе нунол заменили шахматы?

— У меня было нормальное детство — с куклами и со всем остальным. Я росла спортивной девчонкой, любила поиграть в футбол с пацанами, покататься на роликах,



сыграть в бадминтон. Вот только никогда не любила проигрывать. Помню, в детском саду организовали состязания на самолетах, и наша команда заняла второе место, так со мной чуть ли не истерика случилась. Словом, с детства не люблю проигрывать. Особенно в шахматах. И ненавижу ничьи. Уж лучше потерпеть поражение, только в честной борьбе.

— Чем еще тебе запомнилось детство?

— Еще до шахмат папа научил меня плавать. В каком-то журнале ему попала на глаза статья, где автор утверждал, что грудных детей надо обучать плаванию. Папа смастерил шапочку, собственноручно нашёл на нее пенопласт. Не прошло и двух недель, как я уверенно чувствовала себя в ванне, умела задерживать дыхание, плавала под водой, как лягушонок с открытыми глазами. И что самое главное — после этого практически не болела простудой. Заналивание с пеленон — великое дело! За те занятия плаванием до сих пор папе благодарна и до сих пор люблю в свободное время сходить в бассейн.

— У шахматистов развита память, а ты свой первый чемпионат помнишь?

— Это был чемпионат Москвы "Онтябратский турнир". Он проводился в восемь туров и мальчишки играли вместе с девчонками. Тогда выиграла первую партию и последнюю, а шесть проиграла. После такого поражения не расстроилась, ни в чем не винила шахматы, а



только себя. Фигуры ведь ни в чем не виноваты, если сама растеряла их на поле боя. Нан тогда, так и сейчас часто себя ругаю, если сделаю неудачный ход. В следующем, 1990-м году, набрала уже четыре очка из восьми, в 1991 — шесть из восьми. После этого стала знаменитой! Было мне тогда семь лет. Мне тогда вручили медаль, грамоту, а родители за победу купили подарки.

— Шахматисты много выступают в других городах, а в каком из них тебе удалось побывать впервые?

— В Липецке. В этом городе вместе с папой побывала в декабре 1991 года после победы на чемпионате Москвы. Там проводился чемпионат России для детей до десяти лет. Тогда я была всего лишь второразрядницей, а на турнир собрались сильнейшие девчонки со всей страны. У пяти из них был первый разряд. А это уже серьезно. В Липецке выступила неплохо, заняв второе место. Затем играла в Назани. Там за меня, помимо папы, болели мама и Исюша. Психологически они поддержали здорово и я в итоге заняла 1 — 2 место.





— Здорово рассказываешь, все прямо как в сказке, но неужели не было огорчений? А что за случай произошел у тебя в Ярославле, на чемпионате России-94? Это правда, что в гостинице рядом с твоим номером специально разместили музыкантов, чтобы они всю ночь не давали тебе спать? Ведь если шахматист не выспится, он, как правило, проигрывает...

— В Ярославле играла с воодушевлением. В предпоследнем туре мне предстояла важная встреча. Среди ночи меня разбудил жуткий шум в соседнем номере. Папа победил администратора, с ним-то музичком чуть до драки не дошло. В результате шумную компанию все же переселили на другой этаж. На другой день выяснилось, что тот музичок — солист известной группы "Дюна". Думаю, что музыкантов поселили в соседнем номере не специально, но они свое "черное" дело сделали. Я не выспалась, "зевнула"

фигуру и в итоге поделила 1 — 2 места и по коэффициенту осталась второй.

— Вот ты говоришь, что папа хороший тренер, а что он конкретно сделал для роста мастерства дочери?

— Он хороший программист и создал компьютерную программу, которую в честь меня назвал "Александра". Папа начал создавать мою "тезку" десять лет назад, а до этого оттачивала мастерство на допотопном компьютере "Электроника" и на шахматном компьютере "Мефисто". Кстати, программу "Александра" высоко оценил Владимир Крамник. Он считает, что она очень полезна для изучения всех стадий шахматной партии.

— 8 лет назад к тебе пришла большая слава — ты стала чемпионкой Европы в 10 лет — это звучит гордо...

— В 1994 году впервые поехала за границу и побывала сразу в трех странах — Югославии, Румынии и Венгрии. А чемпионкой Европы стала в румынском городке Байле-Геркуляне. Победа далась нелегко. В пятом туре проиграла немке Элизабет Петч. Перед заключительным туром я все же опережала ее на очко и даже в случае поражения заняла бы первое место по дополнительным показателям. Папа об этом знал, но мне ничего не сказал, чтобы не расслаблялась. Я и не расслабилась!

— Папа много помогал тебе, но возникает вопрос — как он доставал деньги для твоих поездок за границу? Если это, конечно, не секрет...

— Затронули больной вопрос. Я уже говорила, что чуть более де-





сяти лет назад папа ушел из армии. Сделал он это ради меня. Мне необходимо было ездить на соревнования за границу, а его по службе не отпускали, у него даже не было загранпаспорта. Тогда он написал рапорт и настали нелегкие времена. Ему приходилось браться за любую работу. Бывший майор и вагоны разгружал на станциях, и технику чинил, и работал сторожем в банке. Но денег хронически не хватало. Однажды мне надо было ехать на турнир, а денег не было. Тогда папа обратился к своему приятелю, югославскому журналисту Ратко Ннежевичу. Тот посоветовал сыграть... в назино по входному билету. Папа взял последние семейные деньги и выиграл 1500 долларов. Как раз столько, сколько было необходимо для поездки.

*— В 12 лет тебя по праву называли шахматным вундеркиндом, ведь только за три месяца тебе удалось выиграть несколько чемпионатов...*

— Во многом 1996 год для меня сложился удачно. В октябре удалось выиграть чемпионат в Менорке, в ноябре — стать чемпионкой мира по быстрым шахматам, в декабре — взять "быстрый" Кубок России среди женщин. Последний из этих турниров был самым трудным, ведь в нем участвовали пять гроссмейстеров и более десяти мастеров. Да и вообще со взрослыми играть гораздо сложнее, чем с ровесницами.

*— В паузах между турнирами чем занимаешься?*

— Увлекаюсь журналистикой. В детстве писала стихи, затем несколько лет ходила в кружок юных журналистов. Года три назад даже стала лауреатом юбилейного пушкинского конкурса. Еще увлекаюсь английским. Для совершенствования даже ездила в Англию, где шесть недель жила в английской семье. Время не пропало даром и сейчас могу говорить без переводчика. Несмотря на загруженность, поступила в Российскую академию физической культуры и спорта. Учусь на третьем курсе факультета шахмат. Так что скучать просто некогда.

*— Ты можешь посмотреть на себя со стороны и сказать о своих "минусах"? Например, в плане шахматного образования они есть?*

— Как и у каждого спортсмена. Просто не все любят об этом говорить. В детстве делала ставку на совершенствование тактики, перешла на уйму самых трудных задач из книжек и по компьютеру. А о стратегии забывала. Вот почему будущим гроссмейстерам советуем разбирать побольше партии классиков, изучать их комментарии. Ведь никакой компьютер весь этот клад знаний заменить не может. Сейчас созданы интересные компьютерные программы. Мне нравится комплант-диск "Творчество Михаила Таля". На нем собраны не только все партии восьмого чемпиона мира с примечаниями, но и предлагаются для решения многие комбинации. Однако ни одна, даже самая умная, программа пока не может заменить книги.



— Говорят, что у тебя феноменальная память...

— Это преувеличение. Я могу долго разбирать какую-нибудь задачу или партию, а через неделю и не вспомню, что смотрела и к каким выводам пришла. Не поверите, но бывает, что собственные партии подчас помню приблизительно, а иногда сразу после поединка могу с трудом воспроизвести его по памяти. Чтобы выучить что-то специфическое, какой-нибудь острый дебютный вариант, постоянно приходится его повторять. Но если что-то твердо запомню — то уже навсегда.

— В детстве помимо шахмат другими видами спорта занималась?

— Ходила на плавание, карате, шейпинг. Сама научилась делать гимнастические трюки.

— Шахматы школе не мешали?

— И такое было. В школе до седьмого класса училась легко. Потом появились проблемы с алгеброй и геометрией. В девятом классе стало совсем тяжело и мне пришлось из школы уйти. Экзамены за 9, 10 и 11 классы сдавала экстерном. К сожалению, у меня не было выпускного вечера и от этого становится немножко грустно. Но я оптимистна и с надеждой смотрю в будущее. Ведь уже в 20 лет я занончу Российскую академию физической культуры и спорта, а многие мои ровесники еще будут в этом возрасте "париться" в душных аудиториях.

— Ты побывала во многих странах?

— Почти в двадцати! У меня дома есть табличка, где веду учет — куда, в какой город ездила и в каком году. Мне очень нравится путешествовать. В детстве даже все время сравнивала, в какой стране и в каком городе самое вкусное мороженое. Собираю монеты разных стран, шахматные значки, этикетки от чая. Еще в детстве начала вести дневник и делаю это до сих пор. В него записываю разные мысли, рассказы и стихи. То, что не могу никому рассказать, пишу в дневник. Все грустное уходит туда, потому что оно должно куда-то уйти.

— Как складываются отношения с Интернетом?

— У меня есть своя страничка в Интернете по адресу [www.kosteniuk.com](http://www.kosteniuk.com). Так что, как говорят, милости прошу. Недавно стала "вердером", то есть готова давать урони всем желающим сыграть партию, провести сеанс. Мне интересно проводить шахматные занятия, могу это делать часами. Сейчас у меня целая армия виртуальных друзей. Некоторые из них присылают мне подарки по обычной почте. Один мальчишка подарил семь плюшевых мишек. Я придумала каждому из них имя и теперь они живут у меня на диване.

— Ты азартный человек?

— Только в шахматах! Мне не нравятся игры, где балом правит его величество случай, как в казино. За победу люблю бороться. В казино же человек ничего не может сделать, как-то повлиять на исход игры. Это не для меня. Так что по жизни я человек не азартный.



Шахматы же — это своего рода сильный наркотик. Я ведь без них с детства и до сих пор не могу обходиться. А мечты в жизни у меня есть — хочу прыгнуть с парашютом или с "тарзанкой" с высокого моста. Вот это адреналин!

— А слабо назвать самые памятные даты в спортивной биографии?

— Не слабо! Во-первых, я стала самым юным международным мастером среди женщин в мире в 13 лет. В 14 лет выполнила последнюю норму гроссмейстера. В этом же возрасте стала самым юным международным гроссмейстером среди женщин в мире, завоевав серебряную медаль на 33-й шахматной Олимпиаде в Элисте в 1998 году. Заняла первое место на международном мужском турнире в Москве в сентябре 1999 года, где в 15 лет выполнила последнюю норму международного мастера среди мужчин.

— Но перед чемпионатом мира, который впервые прошел в Кремле, тебя скорее называли скромной Золушкой, чем королевой, и многим любителям шахмат твой кремлевский дебют запомнится надолго...

— Мне тонке, ведь в Кремле собралась вся шахматная элита мира. По ходу чемпионата мне удалось обыграть таких сильных и опытных соперниц, как россиянка Алиса Галлямова, молдаванка Альмира Лотье-Скрипченко, китайянка Сюй Юйхуа. Жаль, что в финале мне не хватило совсем немного, чтобы переиграть китайянку Чжу Чэнь. Моя характеристика новой чемпионки мира не будет востор-



женной. Я не сторонница мифа о непобедимости китайских шахматистов. Многие просто стали заложниками своего страха и поэтому не могут обыграть китайянок. По ходу матча рухнул еще один миф о железных нервах китайянок. Она часто бегала по залу, постоянно пила воду, а в конце игры намазалась горячо любимой всеми китайянами мазью "звездочка". Словом, в финале против Чжу Чэнь у меня ни разу не возникло ощущения, что соперница творит чудеса, которые я сама совершить не способна. Не могу сказать, что в мировых шахматах наступила эра Чжу Чэнь. Сейчас она первая среди равных, но кто знает, что будет завтра или через два года, когда в Лондоне пройдет очередная чемпионат мира.

— Говорят, что скоро ты можешь стать лицом ФИДЕ и всемирно известной французской парфюмерной фирмы L'Oréal?

— Пока это разговоры. В шахматах не платят таких призовых, как в гольфе и теннисе, футболе и хоккее. Так что предложение, если поступит, будет рассмотрено папой. В этом я ему полностью доверяю. ■

Конечно, можно не помнить имени Александра Зацепина, ведь последние двадцать лет композитор жил во Франции, но уж песни из кинофильмов “Кавказская пленница”, “Бриллиантовая рука”, “Иван Васильевич меняет профессию”, “Земля Санникова”, “Красная налетка” знают все, независимо от возраста. В прошлом году Александр Сергеевич вернулся в Москву. Недавно с большим успехом в столичном концертном зале “Россия” прошел вечер, посвященный его 75-летию.

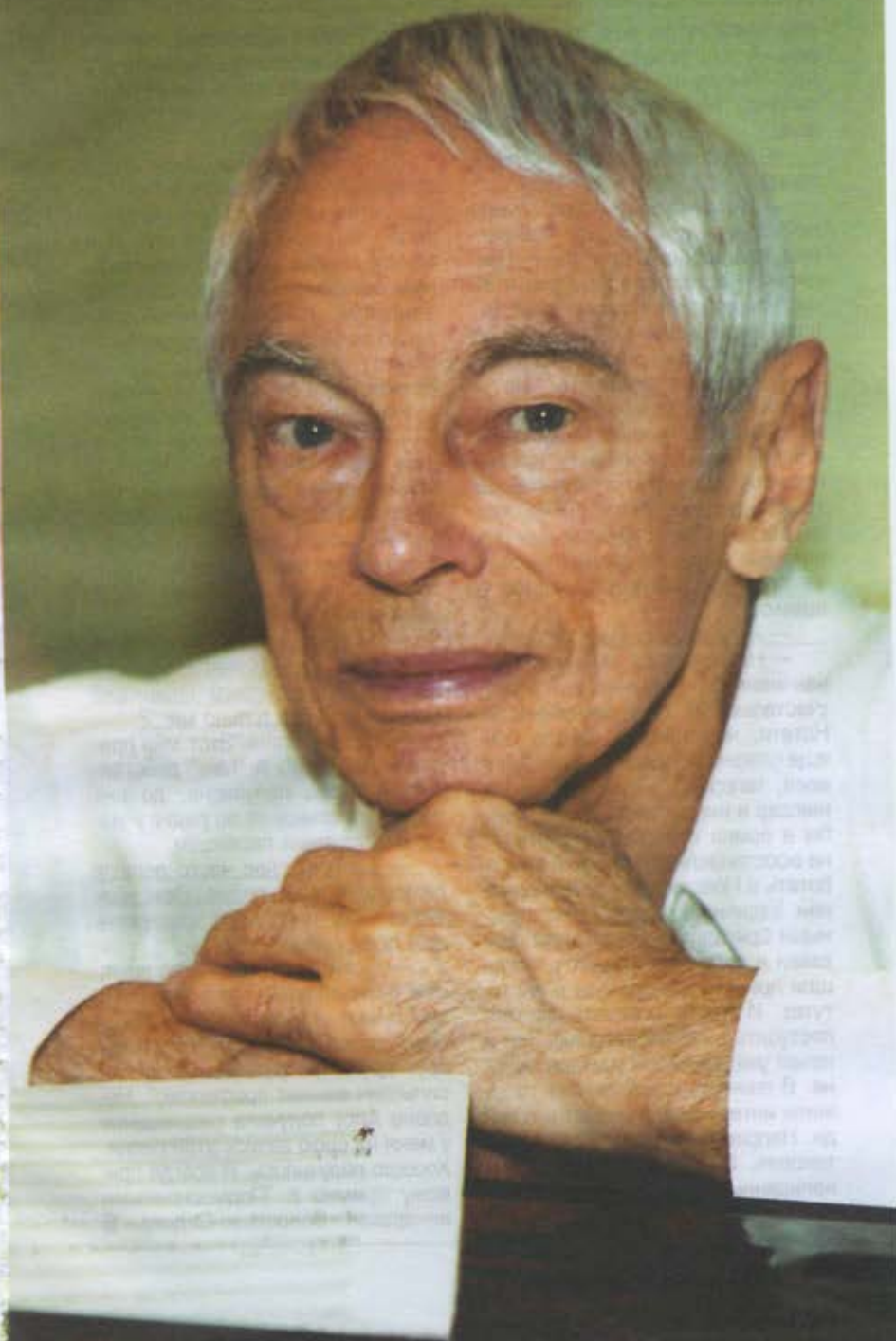
— Что заставило вас уехать во Францию? Разве вы были диссидентом?

— Да нет, все очень просто: женился на француженке (к сожалению, мы вскоре разошлись: все-таки разные менталитеты). Моя жена — художник, мы познакомились благодаря ее брату, который тогда работал в Москве. Поженились, но советские власти не впустили ее ко мне, а меня к ней. В 81-м году что можно было сделать? Наконец сердобольный начальник ОВИРа снахлился и посоветовал подавать документы на постоянное место жительства, так как во временной визе мне всегда будут отказать. Меня выпустили из Союза.

— Чем вы занимались во Франции?

— Тем же, чем и здесь: писал музыку. Мне повезло сразу по дороге в Париж. Мой путь проходил через Финляндию, и там я познакомился с людьми, которые работали над финско-чешским фильмом “Самоубийца” по пьесе Николая Эрдмана. Пьесу когда-то запретил сам Сталин, а Эрдман оказался в ГУЛАГе. Так вот, в Финляндии для меня, советского человека, условия работы оказались, я бы сказал, ошеломляюще непривычными. Вот пример. Продюсер спросил: “Кто будет дирижировать оркестром?” Отвечаю, что я, так как коллектив состоял всего из восьми человек. “Значит,

# Миг между прошлым и будущим



вам полагается еще тысяча марок. А кто играет на фортепиано?" "Я буду играть". "Значит, еще тысяча". Мне это показалось чудом.

— *Расскажите про себя, родителей...*

— Мой отец, хирург, очень любил музыку. Собрал прекрасную коллекцию пластинок: Шаляпин, Нарузо, оперные спектакли. Наверное, поэтому меня отдали в музыкальную школу. Я не сопротивлялся, даже начал какие-то пьески сочинять. Но я многим в детстве увлекся — акробатикой, химией, радиотехникой. После окончания школы поступил в институт инженеров транспорта в Новосибирске, где мы тогда жили. Это были как раз военные годы. На зимней сессии не сдал математику и пошел в армию.

— *И попали на фронт?*

— Нет, не успел, война уже заканчивалась. Я служил в Тюмени, участвовал в самодеятельности. Кстати, командиром взвода был еще совсем молодой Евгений Матвеев, теперь он — известный режиссер и киноартист. После службы в армии я решил в институте не восстанавливаться, а начал работать в Новосибирской филармонии. Ездили по городам с концертными бригадами. И однажды приехали в августе в Алма-Ату, когда шли приемные экзамены в институте. И кто-то посоветовал мне поступить в консерваторию. Так я начал уже серьезно учиться музыке. В эвакуации в Алма-Ате тогда жили интересные и известные люди. Например, Наталия Сац, Шостакович. Он хорошо отзывался о написанных мною Симфонических танцах на индийские темы. Жил

там и Леонид Афанасьев, замечательный композитор. Помните его песню "Гляжу в озера синие" к телесериалу "Тени исчезают в полдень"?

К тому времени, мой отец, арестованный по доносу в 1941-м году, отбывал срок. Мама не работала. Жить было не на что. И я начал подрабатывать музыкальным оформителем на студии "Назахфильм", подбирал соответствующую музыку к киножурналам. К сюжету о тяжелой индустрии — Бетховена, о легкой — что-нибудь веселенькое, вальсы, например. Однажды нужной музыки не нашли и предложили мне написать к одному сюжету собственную. Получилось удачно. А в 56-м году меня пригласили работать в фильме "Наш милый доктор". Первая популярность пришла с песней "Надо мной небо синее".

— *Потом вы написали десятки красивых песен. Какая из них вам самому больше всего нравится? Наверное, "Есть только миг"?*

— Нет, все-таки "Этот мир придуман не нами". А "Миг" действительно очень популярна, до сих пор часто слышу ее по радио и даже в подземных переходах.

— *Сейчас у нас часто делают римейки старых песен. Вам нравится, как исполняют современные певцы ваши мелодии?*

— Я считаю, чем больше поют, чем разнообразнее аранжировки, тем лучше для песни. Нина Бродская давно спела "Теряют люди друг друга" в фильме "Иван Васильевич меняет профессию". Недавно Алсу получила разрешение у меня на свою запись этой песни. Хорошо получилось. Я всегда привожу пример с "Подмосковными вечерами" Соловьева-Седого. В

самом начале ее исполнила певица, имени которой мы уже и не помним. Версия получилась довольно слабой. И еще неизвестно, что с песней было бы, если б не Владимир Трошин. В его исполнении "Вечера" стали настоящим шедевром. А после того, как замечательный дирижер Виктор Юнушевицкий сделал свою оркестровку, получилась музыкальная эмблема России, прозвучавшая по всему миру.

— Ваши новые песни можно будет услышать?

— Знаете, одно время я вообще перестал писать. В Париже у меня не было своего поэта, такого, как в Москве Леонид Дербенев. Все вновь предложенное показалось бессмысленным. А потом опять зазвучали в голове мелодии. И у меня опять есть свой автор — мой друг, поэт и журналист Юрий Рогозин. С ним мы уже написали более двадцати песен и они прозвучали в юбилейном концерте.

— Давайте вспомним Дербенева. Ваша музыка и его стихи необыкновенно гармонировали друг с другом...

— Да, Леня — замечательный поэт, очень тонкий. На его стихи хотелось писать мелодии, строчки сами по себе начинали напеваться. И он был очень хорошим другом, верным, внимательным. Мне повезло в жизни быть рядом с ним.

— Вообще такое впечатление, что во времена советской цензуры ваши песни проходили на "ура" и ни одну из них не зарубили.

— Ошибаетесь. Нам тоже досталось. Из "Двенадцати стульев" вырезали "Полосатую жизнь". Из "Бриллиантовой руки" хотели уб-

рать "Остров невезения". Мне не только песни, контракты ломали. В конце 70-х в Лос-Анджелесе предложили ежегодно писать музыку к двум фильмам и выпускать по две пластинки в год. Разве не заманчиво? Конечно, я подписал контракт, но во Всесоюзном агентстве авторских прав (ВААП) заявили, что я вообще не имею никаких прав что-то подписывать. А в МИДе дали понять, что будут большие проблемы с визой. В США меня просили не уезжать, говорили, что такой контракт не каждому предлагают. Я это и сам понимал, но в Москве оставалась семья. Так ведь не только мне мешали, некоторым и жизнь, и работу ломали.

— Вы много работали с режиссером Леонидом Гайдаем. Столько песен нам осталось от того времени!

— Мы познакомилась с Гайдаем в начале 60-х годов, тогда же и с Леонидом Дербеневым. В работе все трое встретились на "Кавказской пленнице". И тогда я понял, что Чарли Чаплин был прав, когда говорил, что самое грустное занятие на свете — снимать комедии. Гайдай на съемках постоянно пребывал в мрачном настроении. Например, снимается сцена, где знаменитой троице Евгению Моргунову, Георгию Вицину, Юрию Никулину делают уклады. Мы все хохочем до упаду. Гайдай сурово молчит. Так же и с другими сценами: все умирают от смеха, он даже не улыбнется. Песенка о медведях, крутящих земную ось, ему не понравилась: народ ее петь не будет, заявил он. Все в съемочной группе песенку с удовольствием напевали. А Вицин, Никулин, Моргунов в один

фото 200 руб



голос уверяли, что незамысловатое "та-ра-ра-ра-ра-ра-ра-ра" запоминается с первого раза, что очень хочется это петь. Гайдай оставался непреклонен: "Вы не народ, вы артисты". Я разозлился и сказал, что он может пригласить другого композитора, например, Арно Бабаджаняна. Гайдай почти согласился. Песню спасли сценаристы Слободской и Костюковский и художественный руководи-

тель "Мосфильма" Иван Александрович Пырьев. Они общими усилиями убедили режиссера. А народ ее полюбил и напевал еще очень долго.

— Говорят, вы помогли Алле Пугачевой стать признанным композитором?

— Да, это тоже была история. Мы с Аллой к тому времени уже довольно долго сотрудничали. Потом начались съемки фильма



"Женщина, которая поет" Алла написала четыре песни, но дело в том, что она не являлась членом Союза композиторов СССР и не имела права предлагать свои произведения. Так решили чиновники. Тогда она подписала их псевдонимом Борис Горбонос, придумала историю о талантливом 18-летнем юноше, разбитом параличом. Ему отказать постеснялись, и в результате в фильм вошли и мои песни и Аллы Пугачевой.

— Она — идеальная исполнительница?

— Разумеется. После нее мне трудно представить другую певицу, поющую те же песни. Ну вот, очень сложная песня "Бубен шамана". В ней огромный диапазон — до трех октав. Видели бы вы, как Алла работала: записывала, переделывала, добивалась лучшего звучания. Вышло великолепно!

— Нажется, вы работали со всеми знаменитостями нашей эстрады?

— Еще с Валерием Леонтьевым не удалось поработать. Но, надеюсь, удастся. А вообще я считаю, что надо выводить на сцену новые имена.

— Сейчас у нас появилось много новых певцов, но среди них почти не встречаются яркие индивидуальности. Безголосые, пошлые... И что делать?

— Все решают деньги, это известно. Пона будет вестись такая политика, трудно что-то сделать. Мне кажется, слушатели сами должны делать выбор, не слушать, не покупать кассеты.

— В последние годы многие наши композиторы стараются петь свои песни сами...

— Скорее всего, они так поступают из материальных соображе-

ний. Ну, ведь и голос должен быть. По-моему, всякое серьезное дело должен делать профессионал. Слышал песни Давида Тухманова и в его исполнении, и певца Александра Малинина. Конечно, Давид один из первоклассных композиторов, но Малинин поет намного лучше, скажем так.

— Для кино вам не предлагали написать песни?

— Сейчас я работаю с Игорем Угольниковым, его все знают как телевизионного шоу-мена, а теперь он — режиссер фильма, в котором играют Барбара Брыльска, Инна Чурикова, Александр Михайлов, Алексей Петренко. И Игорь уже предложил работать с ним над вторым фильмом — комедией. Он собирается сам играть главную роль.

— Чем еще, кроме музыки, вы занимаетесь?

— Книжки читаю, в основном технические, имеющие отношение к звукорежиссуре, считаю, что звукорежиссер — моя вторая профессия.

— В вашей семье все занимается музыкой?

— Моя первая жена — Светлана — преподавала музыку, с ней мы прожили почти тридцать лет. К сожалению, она умерла. Нынешняя, с которой мы вот уже лет десять вместе, тоже — Светлана, и тоже пианистка. Дочь от первого брака окончила МГИМО, знает несколько языков, работает в международной организации. Музыку любит только слушать. Сын умер еще в двадцатилетнем возрасте. Внуку 18 лет, неплохо играет на рояле, но музыкантом вряд ли будет.

Беседовала **Алла ЛЮДЕН.**

фото **Сергей Миняева**





ПРОИЗВОДСТВО БЫТОВОЙ ТЕХНИКИ

ЛУЧШАЯ БЫТОВАЯ ТЕХНИКА  
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ  
КРУПНЫМ И МЕЛКИМ ОПТОМ



426057, г.Ижевск  
ул.М.Горького,90  
тел.: (3412) 51-02-31  
факс: (3412) 78-58-9

АКСИОН  ТНП

e-mail: [tnp@axiontnp.ru](mailto:tnp@axiontnp.ru)  
[www.axiontnp.ru](http://www.axiontnp.ru)

## 60 лет — верность традициям

ОАО "Красногорский завод им. С.А. Зверева" — крупнейшее в России предприятие по разработке и производству широкого спектра оптико-электронных приборов и систем. Заводская торговая марка "ЗЕНИТ" хорошо известна в России и за ее пределами.

История предприятия началась в прошлом веке с первой в России государственной оптической мастерской. Созданный на ее базе в подмосковном Красногорске оптический завод в феврале 1942 года был преобразован в "Красногорский оптико-механический завод". 60-летний опыт предприятия в области оптического приборостроения, а также наличие в его составе мощного научно-технического центра, многопрофильной технологической службы и специализированных производств, оснащенных точным и высокопроизводительным оборудованием, позволили заводу стать ведущим предприятием оптической отрасли России.

С начала 50-х годов завод начал выпуск первых отечественных фотоаппаратов: "Москва", "Искра", "Зоркий", но всемирную известность заводу принесли фотоаппараты семейства "Зенит". Это название стало торговой маркой завода. Зеркальные фотоаппараты "Зенит 12XP", "Зенит 122", панорамная фотокамера "Горизонт 202" давно завоевали признание любителей фотографии.

### **В числе последних новинок:**

- зеркальный фотоаппарат с автоматическим вводом чувствительности пленки по DX-коду "Зенит 412DX", в 2001 году награжден серебряным дипломом конкурса "Сто лучших товаров России";
- зеркальный фотоаппарат "Зенит-НМ" с ламельным затвором, моторным приводом и двумя режимами экспозиции;
- панорамный фотоаппарат "Горизонт-205pc", предназначенный для профессиональной съемки на неперфорированную среднеформатную фотопленку с размером кадра 55x110 мм.

### **Широко известны выпускаемые заводом сменные широкоугольные и длиннофокусные фотообъективы:**

МС Мир-20М 3,5/20, МС Зенитар-Н, М, Н 2,8/16 ("Рыбий глаз"), МС Вариозенитар-Н 2,8-3,5/25-45, МС АПО Телезенитар-М 2,8/135, МС АПО Телезенитар-Н 4,5/300.

Многочисленные испытания оптических приборов завода, проведенные в странах Западной Европы и Америки, подтвердили высокое качество оптики. На предприятии действует система качества, соответствующая международному стандарту ISO 9001.

Международными наградами отмечены достижения завода в создании образцов новых изделий, развитии производства, международном сотрудничестве: "Золотой Меркурий", "Тран-При", "Коммерческий престиж", "За качество".

### **ЗЕНИТ — марка, проверенная временем!**

*Наш адрес и контактные телефоны:*

Россия, 143400, Московская обл., г. Красногорск, ул. Речная, 8  
Отдел маркетинга тел/факс (095) 562-83-16, 561-89-26  
<http://www.zenit-foto.ru> E-mail: [kmz236@zenit-foto.ru](mailto:kmz236@zenit-foto.ru)

**ПОДПИСКА - ПОДПИСКА - ПОДПИСКА**

**Уважаемые читатели!**

Обращаем ваше внимание на то, что во втором полугодии 2002-го года основная часть тиража "Смены" будет распространяться только по подписке. В связи с этим купить журнал в розницу будет почти невозможно. Если вы не хотите расстаться со своим любимым изданием, советуем продлить подписку.

Оформить подписку на "Смену" можно и непосредственно в редакции. Цена одного номера 42 рубля, такая подписка дешевле, чем в почтовом отделении, поскольку вы будете приезжать за журналом в редакцию.

**Ветеранам войны и труда при подписке в редакции (по предъявлению удостоверения) мы делаем скидку. Для них цена одного номера — 35 рублей.**

Если вы не можете забирать журнал ежемесячно — ничего страшного, — ваша "Смена" будет ждать, сколько понадобится, и вам не придется волноваться, что журнал пропадет из почтового ящика. Кстати, наши постоянные читатели из других областей, стран СНГ и даже дальнего зарубежья, оказываясь в Москве, заходят к нам, чтобы купить журналы. Позвоните, и мы соберем для вас комплект "Смены". А если вы не бываете в столице, мы можем выслать любой номер или комплект журналов после того, как вы оплатите стоимость и доставку. Напишите в редакцию, мы сообщим вам банковские реквизиты.

**Телефоны для справок: 212-15-07, 212-15-17.**

**Наш адрес: Бумажный проезд, 14, Москва, А-15, ГСП-4, 127994.**

**Звоните, пишите, приезжайте — мы всегда рады вам.**

**ПОДПИСКА - ПОДПИСКА - ПОДПИСКА**

**вниманию рекламодателей!**

**Информация  
о размещении рекламы  
в журнале  
"Смена"  
по телефонам**

**257-30-55, 257-31-37.**

**Приглашаем к сотрудничеству  
региональные рекламные  
агентства и менеджеров  
по рекламе.**

## Вниманию подписчиков!

Во втором полугодии 2002-го года цена за один номер журнала — 42 руб., за три — 126 руб., полугодичная подписка — 252 рубля без стоимости доставки (смотрите каталог “Роспечати”, стр. 255).

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи России и стран СНГ с любого месяца.

Министерство связи РФ

**АБОНЕМЕНТ** на журнал

70820

(индекс издания)

**“СМЕНА”**

Количество комплектов

на 2002 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)                      (адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

### ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ

место

ли-  
тер

на журнал

70820

(индекс издания)

**“СМЕНА”**

Стои-  
мость

подписки  
пере-  
адресовки

руб.

руб.

Количество комплектов

на 2002 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

## ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

---

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Роспечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ — МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Роспечати».





## Медосмотр — не формальность

*"Занимаюсь перевозками хлеба и других продуктов для магазинов и торговых точек на собственном автомобиле. Должен ли я получать лицензию на эту работу? Права ли санэпидстанция, требующая проходить медицинские осмотры?"*

**А.В.Федоров, Смоленская обл.**

Чтобы узнать, нужно ли получить лицензию для какой-либо работы, необходимо обратиться к перечню видов деятельности, для осуществления которых требуется специальное разрешение, установленный в ст.17 Федерального закона от 8.08.2001 г. "О лицензировании отдельных видов деятельности".

В соответствии с указанной статьей подлежит лицензированию деятельность по перевозке грузов автомобильным транспортом грузоподъемностью свыше 3,5 тонн. Исключение составляют случаи, когда перевозки осуществляются для обеспечения собственных нужд юридического лица или индивидуального предпринимателя. Таким образом, необходимость получения лицензии в вашем случае зависит от грузоподъемности автомобиля.

А вот проходить медицинские осмотры придется независимо от характеристик автомобиля. В соответствии со ст.21 "Основ законодательства об охране здоровья граждан" от 22.07.93 г. в целях охраны здоровья граждан, предупреждения инфекционных и профессиональных заболеваний работники отдельных профессий, производств, предприятий, учреждений и организаций проходят обязательные предварительные при поступлении на работу и периодические медицинские осмотры. Аналогичные требования содержатся в Федеральном законе от 17.07.99 г. "Об основах охраны труда в Российской Федерации", а также в Федеральном законе от 30.03.99 г. "О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения".

Медицинские осмотры обязательны для граждан, занятых на работах в организациях пищевой промышленности, молочных и раздаточных пунктах, базах и складах продовольственных товаров, где имеется контакт с пищевыми продуктами в процессе их производства, хранения, реализации, в том числе работы по санитарной обработке и ремонту инвентаря, оборудования, а также работы, где имеется контакт с пищевыми продуктами при транспортировке их на всех видах транспорта.

## Купить легко, ввезти сложно

*"Мой знакомый утверждает, что купил оружие за границей и привез его в Россию. Возможно ли это? Разве может гражданин России приобрести оружие за границей и привезти его домой?"*

**П.Черкасов,**

*Калининградская обл.*

Приобретение гражданами РФ и ввоз на территорию России оружия не запрещен специальным законодательством, а именно Федеральным законом от 13.12.96 г. "Об оружии", а также принимаемыми на его основе нормативными актами Правительства РФ, Министерства внутренних дел РФ, Государственного таможенного комитета РФ и других государственных органов.

Ввоз на территорию Российской Федерации оружия, патронов и конструктивно сходных с оружием изделий, в том числе приобретенных, полученных в дар, по наследству или в качестве награды, производится юридическими лицами и гражданами Российской Федерации после проведения сертификации органами по сертификации, аккредитованными Министерством промышленности и торговли РФ по согласованию с Министерством внутренних дел РФ.

Процедура легализации приобретенного за рубежом оружия довольно сложная. После уведомления таможенных органов о ввозе оружия и представления таможенным органам в месте доставки оно помещается на склад временного хранения. Затем оружие помещается под режим таможенного склада и содержится на определенных Государственным таможенным комитетом РФ по согласованию с Министерством внутренних дел РФ таможенных складах. За время нахождения оружия под таможенным контролем соответствующие аккредитованные государством органы проводят экспертизу приобретенного гражданином за границей оружия и выносят решение о выдаче сертификата

та соответствия либо об отказе в выдаче сертификата. Оружие и патроны, находящиеся под таможенным контролем и не прошедшие сертификационных испытаний, подлежат возврату таможенному органу Российской Федерации в двухнедельный срок со дня вынесения решения органом по сертификации.

После положительного решения специального органа ввоз оружия на территорию России допускается при наличии соответствующего разрешения органа Министерства внутренних дел РФ по месту жительства гражданина.

## **А для кого напитки?**

*"Наша семья имеет садовый участок, где выращивает различные плоды и ягоды. Я хотел бы в домашних условиях производить вина и другие спиртовые напитки. Что по этому поводу говорит законодательство?"*

**М.Савчук, Ставропольский край**

В данном случае все зависит от того, для каких целей вы собираетесь производить алкогольные напитки: для продажи либо для личного употребления. Если исключительно для вас, вашей семьи, для угощения близких и т.д., то на вашу деятельность не распространяются правила, установленные Федеральным законом от 22.11.95 г. "О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции", Федеральным законом от 8.07.99 г. "Об административной ответственности юридических лиц (организаций) и индивидуальных предпринимателей за правонарушения в области производства и

оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции" и другими нормативными актами. В соответствии с вышеуказанными законами их деятельность не распространяется на деятельность граждан, производящих не в целях сбыта продукцию, содержащую этиловый спирт. Если же производить спиртные напитки вы собираетесь с целью регулярно реализовывать их другим лицам и получать за это соответствующую прибыль, то вам необходима регистрация в качестве предпринимателя, осуществляющего деятельность без образования юридического лица.

### **Не живет, но имеет право**

*"Решила сдать комнату в своей собственной квартире. В квартире прописан внук, который проживает в другом месте со своими родителями. Мне сказали, что необходимо разрешение органов опеки и попечительства. Так ли это?"*

**Л. Антонченко,**  
Свердловская обл.

Да, такое требование соответствует законодательству, а именно ст. 3 Закона РФ от 4.07.91 г. "О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации". Согласно ч. 2 ст. 3 Закона для совершения сделок в отношении приватизированных жилых помещений, в которых проживают несовершеннолетние, имеющие право пользования данным жилым помещением, требуется предварительное разрешение органов опеки и попечительства. Это правило распространяется также на жилые помещения, в которых несовершеннолетние не проживают, одна-

ко на момент приватизации имели на это жилое помещение равные с собственником права. Поскольку внук зарегистрирован в вашей квартире, он имеет право пользования жилым помещением, и вам придется получить разрешение органов опеки и попечительства.

### **Второе рождение дома**

*"Прошлым летом я возвел пристройку к старому дому в деревне. От меня требуют зарегистрировать ее, так как якобы возведен новый объект. Должен ли я оформлять документы на пристройку?"*

**В. Куликов,** Московская обл.

Государственная регистрация является единственным доказательством существования зарегистрированного права.

При сносе жилого дома, находящегося у гражданина в собственности, и постройке на его месте нового строения либо при возведении пристройки или надстройки к жилому дому объект права собственности гражданина изменяется, приобретая новые размеры, планировку, площадь и т.д. Следовательно, при производстве гражданином перечисленных изменений право на новое строение, являющееся уже самостоятельным объектом собственности, подлежит регистрации в соответствии с Федеральным законом от 21.07.97 г. "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним" и требование о надлежащем оформлении документов на дом правомерно. ■

**Ольга КОРЫТКО,** адвокат,  
консультант "Смены"  
по юридическим вопросам



Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**  
**XI международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр**

**34. В. ЗЕНКОВ**  
*Геленджик*



# 2

**35. И. КАРШАИ**  
*Венгрия*



# 2

**36. В. КОВАЛЕНКО**  
*г. Большой Камень  
 Приморского кр.*



# 2

**37. А. СЫГУРОВ**  
*Самарская обл.*



# 3

**38. В. КОЗЫРЕВ**  
*Эстония*



# 3

**39. В. ИВАНОВ**  
**Н. ШИШКИН**  
*Карелия*



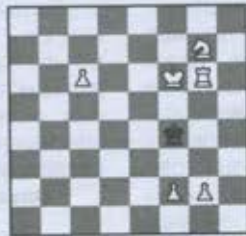
# 3

**40. В. МЕЛЬНИЧЕНКО**  
*Украина*



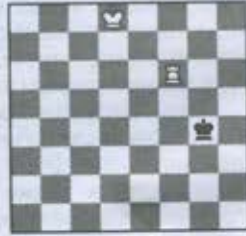
б) Krb5 ↔ n.e5 # 4

**41. Г. КОЗЮРА**  
*Украина*



# 4

**42. А. ЖУРАВЛЕВ**  
*Тула*



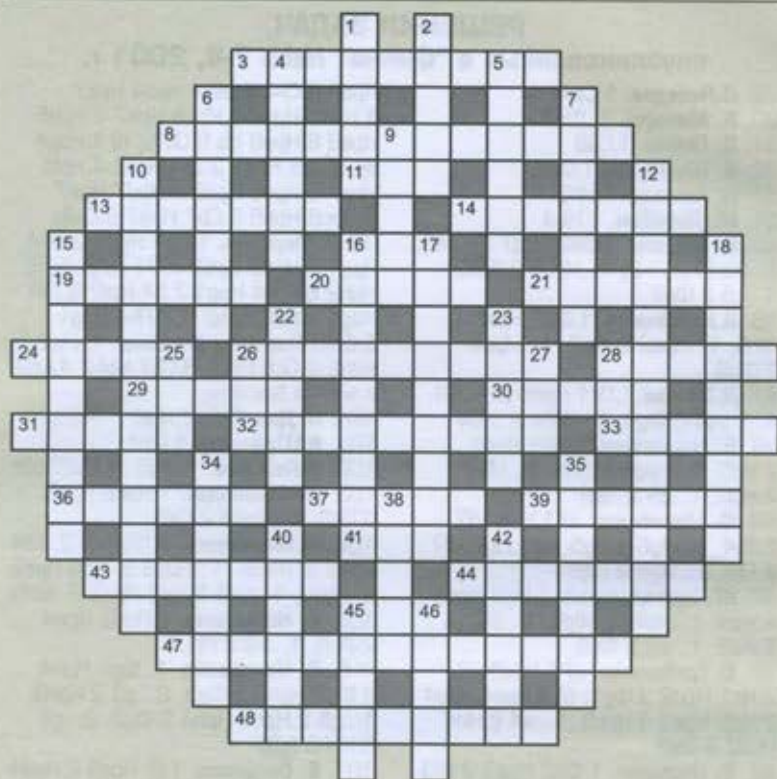
# 10

## РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ,

опубликованных в "Смене" №№ 7-8, 2001 г.

79. **Л. Лебедев.** 1. Ce4  
 80. **В. Матэуш.** 1. Фе2  
 81. **Д. Гижко.** 1. Ca8  
 82. **В. Шумарин.** 1. Cb5  
 83. **Н. Акимов.** 1. Hh6  
 84. **М. Дерябин.** 1. Ha4  
 85. **В. Иванов.** 1. Фе2 Hpd7 2. Фе6, 1...Hpd8 2. Лh8, 1...Hpb7 2. Фb5, 1...c5 2. Фе7  
 86. **В. Коваленко.** 1. Фc1 Hpa5 2. Фc6, 1...Hpa6 2. Фc7, 1...Hpb4 2. Фg5  
 87. **Д. Басаев.** 1. Лc1 Hpd5 2. Hpe3, 1...Hpd4 2. Фg5, 1...Hpf4 2. Лc4  
 88. **В. Костенков.** 1. Фf6 Hpe8 2. Hd5, 1...Hrg8 2. Hh5, 1...h5 2. Hg6, 1...d5 2. He6  
 89. **Ф. Канабадзе.** а) 1. He6 Hf7 2. Лf4, 1...Hg6 2. Лg5; б) 1. Hg2 Hf7 2. Лf4, 1...Hg6 2. Лg5  
 90. **Ю. Подберезский.** 1. Hg3 Hpc3 2. He4, 1...Hpe3 2. Фg5, 1...c3 2. He2, 1...e5 2. Фb6  
 91. **В. Гребешков.** а) 1. Hpe5 c2 2. Hc1 Hpd2 3. Фg1; б) 1. Hrc4 Hpe4 2. Hd2 Hpe3 3. Hrc3, 1...e4 2. Hd4 Hpd2 3. Фе2  
 92. **В. Нозырев.** 1. Фd2 Hpe5 2. Hf3 Hpe4 3. Hrg4, 1...e5 2. Hg2 Hrf3 3. He1  
 93. **М. Матренин.** 1. Фf6 Hpe3 2. Hpd5 Hpd2 3. Фа1  
 94. **Л. Пронин.** 1. Hpd1 Hrc3 2. Фb5 Hpd4 3. Фа5, 1...Hpe3 2. Фf5 (дуаль — 2. Фh4) Hpd4 3. Фа5  
 95. **Е. Богданов.** 1. Ch4 Hpe3 2. Фf2 Hpe4 3. Cg3, 1...f4 2. Фh3 Hpe4 3. Фd3, 1...Hpe4 2. Фg3 f4 3. Фd3; 1. Ce7? f4!  
 96. **В. Метлицкий.** а) 1. O-O Hrg4 2. He4 Hrh5 3. He5 Hrh6 4. Лf7 Hrh5 5. Лh7x; б) 1. Hpe2 Hrf4 2. Hf3 Hrg3 3. Лh2 Hrf4 4. Hrf2 Hrg4 5. Лh4x; в) 1. Лg1 Hrh4 2. Hf2 Hrh5 3. Hf7 Hrh4 4. Лg6 Hrh5 5. Лh6x  
 97. **А. Епифанов.** 1. He8 Hrf4 2. Hf6 c5 3. Hh5 Hpe5 4. Фf6  
 98. **Н. Зиновьев.** а) 1. Cd7 b6 2. Cc8 Hpa7 3. Cf4 Hpa8 4. Hpd4 Hpa7 5. Hpd5 Hpa8 6. Hrc6 Hpa7 7. Hpb5 Hpa8 8. Hpa6 b5 9. Cb7x; б) 1. Hrg4 b6 2. Cc6 Hpa7 3. Cf4 Hpa6 4. Hrf5 Hpa7 5. Hpe6 Hpa6 6. Hpd7 Hpa7 7. Hrc8 Hpa6 8. Cb7 Hpa7 9. Cb8x  
 99. **В. Морозов.** 1. Лc4 Hrh2 2. Лh4 Hrg1 3. Hpd2 Hrf2 4. Лf4 Hrg1 5. h6 Hrh2 6. Л h4 Hrg1 7. h7 Hrf2 8. Лf4 Hrg1 9. h8C Hrh2 10. Лh4 Hrg1 5. Cd4x. Побочное решение: 1. Лc2 Hrh2 2. Cc8 Hrh1 3. Cb7 Hrh2 4. Cg2, и мат на 9-м ходу.  
 100. **М. Дерябин.** 1. He6  
 101. **В. Шумарин.** 1. Фh1  
 102. **Л. Лебедев.** 1. Лd5, 1. Cc2? b3!  
 103. **Ф. Канабадзе.** 1. Hrc6 Hrb8 2. Ce3, 1...Hpd8 2. Ca3  
 104. **М. Марандюк.** 1. Фd6 — 2. Лf4 Hpe3 3. Фd2x, 1...Hpe3 2. Фf4 Hpd3 3. Лd2x, 1...Cd3 2. Hd2 Hpe3 3. Фf4x  
 105. **В. Костенков.** 1. Hpd2 Hpd4 2. Лh5, 1...b3 2. Hrc3  
 106. **В. Коваленко.** 1. Фg1 Hrh4 2. Фg2 Hrh5 3. Фg3, 2...g5 2. Hrh6; 1...g5 2. Hrh6 Hrh4 3. Фg2, 2...g4 3. Hrh5 (g5)  
 107. **Е. Богданов.** 1. f3 Hpe6 2. Hpd4 f5 3. Hc5, 1...d4 2. Фd7 Hrf4 3. Фg4; 1. Фh7? Hrf4 2. Фh5 f5 3. Фg6, 1...f5 2. Фе7 Hrf4 3. Фg7, 1...Hpe6!  
 108. **М. Марандюк.** 1. Ch6? c3 2. Cg5 — 3. Фd3 Hpe1 4. Ch4x, 1...h4!; 1. Фc4? Hpe1!, 1. Фе3? Hrc2!; 1. Фg2! c3 2. Фе4 — 3. Фd3 Hpe1 4. Ch4x, 1...Hpe1 2. Фd2 Hrf1 3. Ce3 — 4. Фf2x

Лучше всех справились с заданиями: **Г. Попов** (Янгутск) и **А. Цалитис** (Латвия). Кроме авторских решений они уназали также обнаруженные в задачах дефекты. Все задания решили: **М. Дерябин** (Малуга), **Ю. Карташов** (Санкт-Петербург), **В. Кожаккин** (Магадан), **А. Мотовичев** (Архангельск) и **А. Роганин** (пос. Строитель Белгородской обл.)



## КРОССВОРД

**По горизонтали.** 3. Заросли колючего ягодного кустарника. 8. Течение в живописи, представляющее как мимолетное виденье, но создаваемое гением красоты. 11. И сало, и перегной, и минеральное удобрение. 13. Мраморный дворец в Версале, на месте которого 17 лет стоял фаянсовый "домин удовольствий". 14. Обычное на Руси собирательное название выходцев из Германии. 16. Нетгутовое соединение по живому. 19. Загадка: поднялись врата, всему миру красота. 20. Наговор лжеца. 21. Очень дорогая ткань в античные времена, поскольку нити для нее добывали в море. 24. ИкрOMETный краснокнижник. 26. Замедленность движений из-за мышечного или нервного заболевания. 28. Американиец, промелькнувший на шахматном небосклоне ярким метеором. 29. Пряный родич тмина. 30. Жатвенная часть зернового комбайна. 31. Любимая сладость Ходжи Насреддина. 32. Тыква, трубки из кото-

рой нурил Шерлок Холмс. 33. Старейший университетский центр Сибири. 36. Звание, которое мы порой сами себе вгорячах присваиваем, правда, по заслугам. 37. Русский "балетмейстер шедевров". 39. "Генеральный" творец пятиэтажек с нухнями, где привольно одним таранам. 41. Пир, праздник на Востоке. 43. Насекомое, вредящее яблоне. 44. Именно с нее на самом деле начинается Родина. 45. Крепость, цитадель в средневековых городах Средней Азии. 47. Женщина с принципом: если красть, то миллион, если любить, то принца. 48. Когда пришел квартальный, "Ноздрев был очень рассержен за то, что потревожили его..." (Н. Гоголь. "Мертвые души").

**По вертикали.** 1. Украшение, за которое студент расплачивается стипендией. 2. Студент дневного отделения. 4. "Малиновая" лексика. 5. Представитель одного из основных древнегреческих племен. 6. Государственный запрет на ввоз или вывоз валюты или товаров. 7. Человек, поклонявшийся болванам. 9. Хозяин гарема, оставшийся верным жене — Натерине Матвеевне. 10. Прилюдный розыгрыш. 12. Зверская учительница в цирке. 15. Каменная мостовая. 16. Нынешнее название воздухоплавателя. 17. Полководец римского императора Юстиниана, подавивший восстание "Нина". 18. Крупные немецкие дворяне-землевладельцы. 22. Заключительная часть музыкального произведения. 23. Страна, "нашкодившая" в автомобилестроении. 25. Говорят, ... ест железо, а лжа — душу. 26. Завершенный этап футбольно-полевых работ. 27. Один из самых новарных притоков Амура. 28. Поэт, которого в числе немногих признавал Л. Толстой. 34. Самоцвет, чье название переводится как "блистающая волна". 35. Тип летописи. 38. Гадина, пляшущая под чужую дудку. 40. Ручка орудия крестьянина, работающего на лугу с размахом. 42. Присловье в простой нарточной игре: козыри ... — дураки на месте. 45. Величавая архитектура. 46. Поэтический учитель С. Есенина, которого ученик пытался унизить. ■

#### ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

**По горизонтали.** 1. Стог. 4. Рожь. 7. Буруз. 9. Моток. 12. Ушат. 13. Шенпан. 16. Торо. 17. Лава. 18. Ерик. 20. Триба. 22. Старт. 23. Втора. 25. Чадо. 27. Сорб. 28. Разбрановка. 29. Бомбометчин. 32. Царь. 33. Азия. 35. Бонне. 36. Диета. 38. Юнкер. 40. Хорс. 42. Орем. 44. Заря. 46. Ватикан. 47. Эрос. 48. Иссоп. 49. Булль. 50. Линь. 51. Арфа.

**По вертикали.** 2. Трут. 3. Груша. 4. Риони. 5. Жмот. 6. Фунт. 7. Барич. 8. Зевс. 9. Март. 10. Короб. 11. Чоха. 14. Натюрморист. 15. Перекресток. 17. Лада. 19. Нвок. 21. Барабан. 24. Травнин. 26. Осимь. 27. Свеча. 30. Орех. 31. Изюм. 32. Цнори. 34. Якорь. 35. Бизе. 36. Драп. 37. Араб. 39. Рысь. 41. ...овоць... 43. Енуфа. 45. Ясли. 47. Эльф.





турецкого султана до 1922 года. 37. Народ, по которому назван одноименный приток Невы. 40. Русское название вещи, человека без пары (по В. Далю). 42. Древнегреческое название Дуная. 43. Немецкий врач, подтвердивший догадку австрийца Свободы, что мужчина, склонный к простуде, может подхватить ее лишь через каждые 23 дня, а женщина — через 28. 44. Про скрягу говорили, что он ставит свечу Богу с ..., а черту с пест. 45. Масляное дерево тропиков. 49. Язык, где первая буква — алеф, а последняя — тав. 50. Эмблема ниевской княжеской власти. 51. Любимое вино Х. Иглесиаса. 52. Шведский живописец, "самый французский" из всех скандинавских художников. 53. Фигура, наной при сотворении мира был римский бог Янус. 54. Нафтан с газырями.

**По вертикали.** 2. Упавшее с воза. 3. Олимпийский вид конного спорта. 4. Агрессивная обезьяна, при нападении и защите швыряющая во врага камни и палки. 5. О бедняке говорят, что он с хлеба на ... перебивается. 6. Создатель людей в шумеро-аккадской мифологии. 7. Древняя римлянка, и нынче распределяющая лотерейные выигрыши. 8. Стиль плавания, распространенный немцами и швейцарскими добытчиками соли. 9. Представитель народа — предка калмыков. 11. Восьмимысячник в Непале, поноренный в 1960 году австрийцем Димбергером. 15. Император "Священной Римской империи", купивший трон на огромную сумму австрийского богача Фуггера — 100 тысяч гульденов. 18. Литературовед, с чьей книгой "Неминуемое" готов был спорить Д. Лихачев. 21. Столица XIX Олимпийских игр. 22. Клондайк бомней. 23. Новозеландский попугай, ходящий за нормом пешком. 24. "Человек, говорящий тогда, когда вы хотели бы, чтобы он слушал" (А. Бирс). 25. Наглевательское отношение к одежде или квартире. 27. Механическая разболтанность. 29. Дьявольски пахнущее вещество. 32. Халиф, собравший все рукописи Мухаммада и оставивший одну нап. Коран (остальные сжег). 36. Остров на Днепре, где возникла первая Запорожская Сечь. 38. Третья, помимо знания и умения, составляющая творчества, по концепции русского инженера Энгельмейера. 39. Нечитаемая часть подлиса. 41. Одна из любимых птиц при дворе царицы Прасковьи, жены Ивана V. 42. Богиня, "разоблаченная" Е. Блаватской. 46. Нарезка для вставки дна в бочке. 47. Вяжущий стройматериал в Средней Азии. 48. Название скалистого острова у берегов Швеции или Финляндии. ■

### ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

**По горизонтали.** 5. Холод. 9. Серебрянка. 10. Улей. 11. Нанна. 12. Вертишейка. 13. Роды. 14. Скотт. 17. Наноз. 22. Резец. 25. Мандолина. 26. Туллул. 27. Вабин. 28. Евтушенко. 29. Фасад. 30. Лидер. 31. Остролист. 32. Ячник. 35. Атрий. 38. Клото. 43. Юбка. 44. Шеелизация. 45. Руина. 46. Перу. 47. Волнуонский. 48. Слава.

**По вертикали.** 1. Резеда. 2. Бертло. 3. Хрюша. 4. Гнейс. 5. Ханас. 6. Ленто. 7. Дуарте. 8. Сердце. 15. Кришнаит. 16. Траволта. 17. Нугафья. 18. Нельсон. 19. Эмпедокл. 20. Институт. 21. Горшнов. 23. Зубодер. 24. Цинорий. 33. Чабрец. 34. "Инарус". 36. Трасса. 37. Иридий. 39. Осина. 40. Ошавв. 41. Желле. 42. Щитон.

## алексей сперанский

Пейзажи Алексей начал писать еще в детстве. Вначале “под присмотром” своего деда, известного пейзажиста Михаила Кузнецова. И позднее, когда учился в Суриковском институте, пейзаж, наряду с другими жанрами, превалировал в его работах.



Особенно он любит писать переходное состояние природы. Вот зима отчаянно сопротивляется дыханию весны, но как бы ни наметала новые сугробы, снег оседает, а влажные почерневшие деревья уже в ожидании пробуждения. Ночь медленно истаивает, незаметно сереет небо, луна превращается в блеклый прозрачный диск — совсем скоро наступит утро. Или вот — летний день, жаркое ясное небо, а где-то возле самого горизонта уже собираются тяжелые грозные тучи. Еще он пишет восходы солнца, пламенеющие закаты, опушки леса, цветущие луга, плавное течение реки, с лениво покачивающимися лодками, береговые утесы.... “На вольном воздухе, на пленэре, — говорит Алексей, —

я более всего ощущаю живой контакт с природой, естественное с ней единение. Из каждой поездки по России привожу множество этюдов и на их основе, уже в Москве, создаю пейзажные полотна. Осмысливаю и обобщаю увиденное, стараясь уйти от конкретности мотива”.

Картины художника то камерно лиричны, то романтически приподняты. В них удивительным образом сочетаются простой, даже обыденный сюжет и поэтическая красота, эмоциональное напряжение и искренность чувств.

Но Алексей пишет не только пейзажи. Интересны его натюрморты. Здесь художник использует зачастую старинные предметы — изысканные раковины, штофы, вазы, антикварные часы, древние книги в тяжелых кожаных переплетах. И получается своеобразный “исторический натюрморт”. В предметах художник видит особую духовную жизнь, и она неотделима от жизни человека с его бытом, привычками, вкусом. Теплый свет и словно горящие изнутри краски создают загадочный мир, пленительную тайну.

Пейзажи и натюрморты выполнены в реалистической манере. Потому особое место в творчестве художника занимают

Встреча.

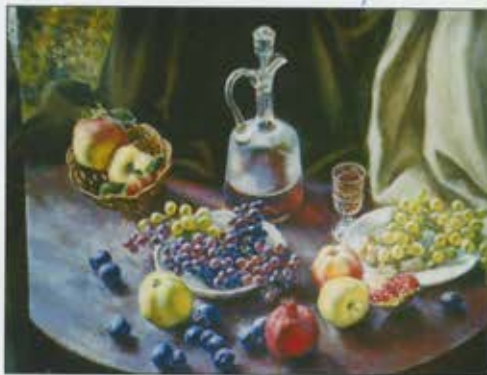


Перед грозой.

его абстракции. Свободные цвета, композиции, экспрессивная хаотичность художественного языка, сложная смысловая гармония — «все это зависит от моего конкретного состояния души, — объясняет Алексей, — и я чувствую, что каждая композиция созвучна неким природным космическим ритмам, на которые настроены кисть, краски...»

История

Творчество Алексея Сперанского необычайно разнообразно. Он художник-постановщик фильмов «Бегущий по льду», «Малые балеты», «Танец дьявола», «Твой шанс». Да еще и сочиняет музыку, «медитативную, умиротворяющую», как сам Алексей ее определяет. Стоит заметить, что на его музыкальные композиции поставлены хореографические миниатюры Камерного балета и Императорского балета Москвы. «Каждый художник, и я не исключение, стремится к той творческой свободе, которая легко и естественно опрокидывает все нормы и правила, всякую ограниченность, провозглашая высшие радости вольной человеческой души».



**Людмила КАНДАЛОВА**



# ЗЕНИТ ZENIT

**марка,  
проверенная  
временем!**



**Зеркальные  
фотоаппараты "ЗЕНИТ"**  
**Панорамные  
фотоаппараты "ГОРИЗОНТ"**  
**Объективы**  
**Фотокомплекты**  
**Фотопринадлежности**



**Верность  
традициям  
качества  
и надежности**

Воронеж (0732) 77-73-14; Екатеринбург (3432) 71-46-61;  
Иркутск (3952) 33-04-39; Красногорск (095) 563-56-07;  
Красноярск (3912) 21-65-40, 23-57-21; Москва (095) 269-24-14,  
933-59-59; Новосибирск (3832) 26-17-68, 66-52-98; Ростов-на-  
Дону (8632) 40-95-91; Санкт-Петербург (812) 247-10-10;  
Уфа (3472) 28-83-76

**ОАО "Красногорский завод им. С. А. Зверева"**

Россия, 143400, г. Красногорск, Московская обл., ул. Речная, 8  
тел. (095) 561-80-84, 561-89-26; факс (095) 563-42-65, 562-83-16

<http://www.zenit-foto.ru>

E-mail: [kmz@zenit-foto.ru](mailto:kmz@zenit-foto.ru) [marketing@zenit.istra.ru](mailto:marketing@zenit.istra.ru)